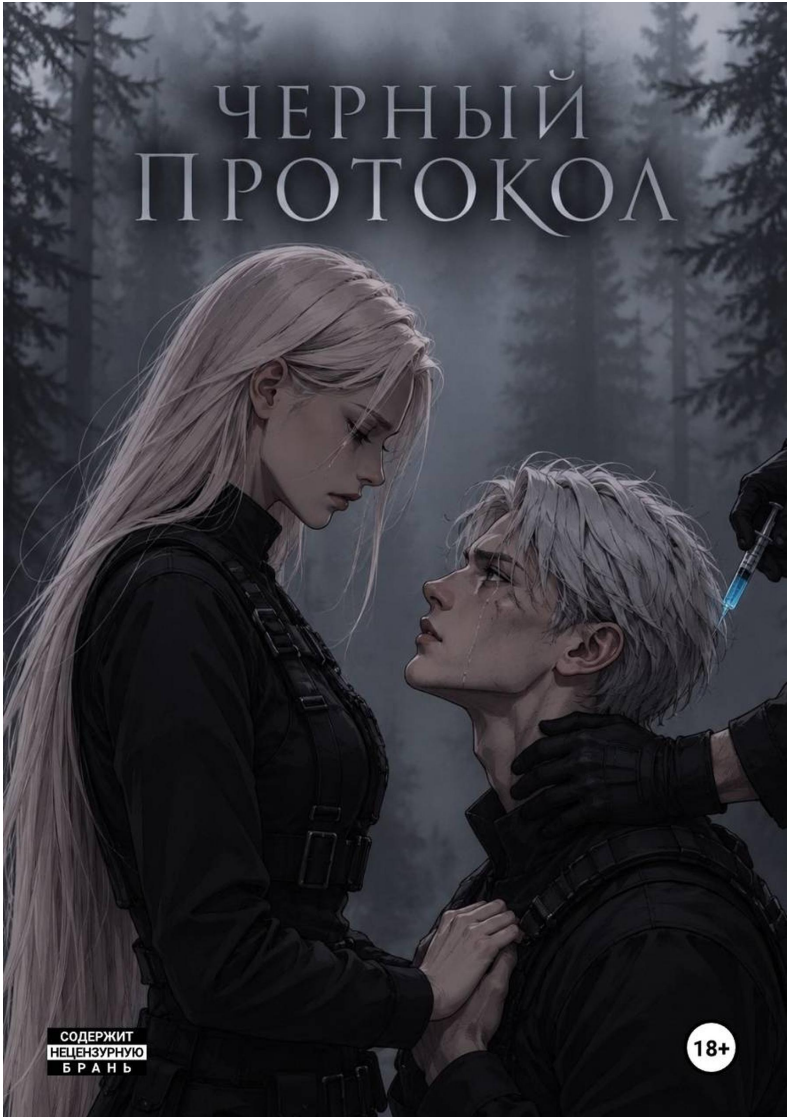
ЧЕРНЫЙ
ПРОТОКОЛ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Э. Морвейн
Черный протокол

https://litres.ru/74714648
SelfPub; 2026

Аннотация

Тёмный роман · Триллер · Постапокалипсис

2039 год изменил мир навсегда.

Биологическая катастрофа унесла миллионы жизней. Города превратились в руины, опасные зоны поглотили целые территории, а военные базы стали последней опорой цивилизации.

Эрика Гейзэл — капитан отряда «Зевс». Жёсткая, вспыльчивая и привыкшая полагаться только на себя, она научилась выживать там, где слабость стоит слишком дорого. Её прошлое — закрытая книга, а собственные чувства — то, что она предпочитает держать под замком.

До тех пор, пока на её пути не появляется он.

Киллиан Кайертон — человек, которого не должно быть среди живых. Бывший боец «Бартона», пропавший вместе со своим подразделением два года назад, он возвращается совершенно другим. За его плечами — провал в памяти, шрамы неизвестного происхождения и воспоминания, которые приходят лишь обрывками. А в его крови скрывается нечто, способное однажды оборвать его жизнь.

Иногда, чтобы спасти любимого человека, приходится пожертвовать всем.

Даже собой.

Содержание

Глава 1 7
Глава 1 8
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О СОДЕРЖАНИИ 8
Глава 2 27
Глава 3 35
Глава 4 42
Глава 5 44
Глава 6 52
Глава 7 63
Глава 8 86
Глава 9 103
Глава 10 115
Глава 11 128
Глава 12 143
Глава 13 166
ГЛАВА 13 167
Глава 14 179
Глава 15 198
Глава 15 199
Глава 16 218
Глава 16 219
Глава 17 234
Глава 18 249

Глава 19 275
Глава 20 287
Глава 21 314
Глава 22 338
Глава 23 350
Глава 24 379
Глава 25 393
Глава 26 410
Глава 27 425
Глава 28 447
Глава 29 470
Глава 30 476
Глава 31 501

Э. Морвейн
Черный протокол

Глава 1

ПЛЕЙЛИСТ

01. suicide (Slowed and Reverb) — moonvampire

02. frozen — Skyfall Beats, bulletrain

03. 2030 — KREIIN

04. THAT DEMONIC WOMAN — NINETRAUMA

05. KILLER — deprezz

06. YVVN (Slowed) — Lxzt

07. addiction (Slowed) — LONOWN, Asenssia

08. Dreamscape (Slowed + Reverb) — 009 Sound System

09. SLAVA FUNK! (Slowed) — MVSTERIOUS, Hxmr, yngastrobeatz.

10. Gentrify — Da Vosk Docta

11. ecstacy (Super Slowed) — SUICIDAL-IDOL

12. DEADLOCK (Ultra Slowed) — cape, DJ ORBITAL

Глава 1

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О СОДЕРЖАНИИ

Данная книга предназначена для взрослой аудитории и содержит сцены, которые могут оказаться эмоционально тяжелыми для некоторых читателей.

В произведении могут присутствовать следующие триггеры:

Подробное физическое и психологическое насилие, пытки, увечья и убийства.

Сексуальное насилие, принуждение, домогательства и нарушение личных границ, со стороны второстепенных персонажей.

Подробные интимные сцены и откровенное сексуальное содержание.

Курение и употребление табачных изделий.

Принудительное употребление наркотических и психоактивных веществ, а также принудительное введение наркотиков и лекарственных препаратов.

ПТСР, панические атаки, тревожные расстройства, травматические воспоминания и психологические последствия пережитого насилия.

Пленение, похищения и жестокое обращение с пленными, в том числе несовершеннолетними.

Незаконные эксперименты над людьми, принудительное заражение и медицинская жестокость.

Инфекции, телесный хоррор, кровь, расчленение и тяжёлые телесные повреждения.

Военные преступления, злоупотребление властью, предательство и морально тяжёлые решения.

Смерть персонажей, потеря близких, горе и чувство вины выжившего.

Самоповреждение и суицидальная тематика.

Психологические манипуляции, газлайтинг, эмоциональное давление и абьюзивные отношения.

Угрозы, запугивание, преследование и психологический террор.

Ненормативная лексика, мрачная атмосфера и психологически напряжённые ситуации.

Некоторые сцены могут быть описаны подробно. Пожалуйста, учитывайте собственные эмоциональные границы при чтении.

ПРОЛОГ

2049 год. Зона «Чёрный квадрат».

— «Сектор», ответьте. Приём.

В динамике раздался треск — сухой, рваный, точно кто-то скреб ногтем по ржавому металлу изнутри эфира, — и я

убрал палец с кнопки рации, инстинктивно поморщившись. Этот звук не был похож на обычные помехи: в нём чудилась ритмичность, будто треск складывался в слова, которые я не мог разобрать. Посмотрел на часы: ответ опаздывает на семь минут. Семь минут в обычных условиях ничего не значили — можно выкурить сигарету, перезарядить магазин, проверить пару раз кнопку на рации. Но здесь, в «Чёрном квадрате», они могли стоить целого отряда или даже больше.

— «Сектор», это «Рэд». Приём.

Тишина. Блять. Какого?

Лес вокруг дышал сыростью и гнилью. Деревья стояли так плотно, что их кроны смыкались над головой в сплошной тёмный свод, сквозь который не пробивался ни один луч — только серый, мутный свет, будто день сюда заглядывал из милости и тут же уходил. Стволы были покрыты лишайником, похожим на засохшие раны, а меж корней стелился туман — низкий, тяжёлый, он не рассеивался, а перетекал с места на место, как живой. Воздух пах железом и чем-то сладковатым, приторным, от чего першило в горле. Где-то далеко, за стеной деревьев, ухала птица — три раза, с одинаковыми паузами, и это было настолько правильно, что казалось механическим.

— Кай, может, у них связь накрылась? — спросил один из бойцов, проверяя магазин автомата. Металл щёлкнул громко, неестественно громко в этой тишине, и звук ушёл в лес, не встретив эха.

— Может, но мы давно должны были их услышать.

— И что будем делать?

Киллиан медленно поднял взгляд. Впереди, между деревьями, тянулась заброшенная дорога — асфальт потрескался, из трещин пробилась трава, местами доходившая до колена. На обочине стоял покосившийся столб с обрывком провода, раскачивавшимся без ветра. Дальше — развалины: бетонная коробка здания без крыши, из окон которой свисали куски арматуры, похожие на сломанные рёбра. «Чёрный квадрат» не зря считался одной из самых опасных зон: заброшенные дороги, разрушенные здания и лес, в котором легко потерять направление даже с навигацией — она здесь работала с перебоями, а компас мог указать не туда. Здесь когда-то пропадали люди, иногда находили тела, а иногда не находили ничего. Сегодня они должны были забрать «Объект 31» и доставить его на «Бартон». Обычная операция, по крайней мере так им сказали.

— Кай, движение на три часа.

Киллиан поднял руку, приказывая всем замереть. Между деревьями мелькнула тень — быстрая, низкая, слишком гладкая для зверя, — а затем ещё одна, чуть левее. Он вскинул оружие.

— Кто там?!

Ответом стал выстрел. Боец рядом с ним рухнул на землю прежде, чем успел нажать на спусковой крючок: пуля вошла ему под ключицу, и он упал лицом в мох, не издав ни звука,

только пальцы ещё секунду скребли землю.

— Контакт! Укрытие! — рявкнул Киллиан.

Лес взорвался стрельбой. Но они не видели противника: только вспышки между стволами — короткие, яркие, как далёкие молнии, — отдельные силуэты, скользившие от дерева к дереву, и пули, срезавшие ветки над головами. Кора лопалась, брызгала щепой, листья сыпались на плечи. Нападавшие знали, где они находятся, и куда отряд попытается отступить, и каждый раз, когда «Рэд» менял позицию, огонь встречал их с новой стороны — со стороны, откуда они не ждали. Это не было случайным нападением. Их ждали. Кто-то заранее нарисовал на карте их маршрут, отметил каждый шаг, каждое укрытие — и теперь вёл их по этому маршруту, как скот по коридору.

Туман между деревьями стал гуще, будто стрельба его поднимала, и в нём начали проступать очертания — не людей, а чего-то большего, неподвижного, наблюдавшего. Киллиан моргнул, и очертания исчезли.

— «Сектор», ответьте, мать вашу! — он снова нажал на рацию, в этот раз повышая голос. — Мы под атакой! Повторяю, мы под атакой!

Вместо ответа раздался короткий сигнал помех, а затем чужой голос. Он прозвучал в наушнике слишком отчётливо, словно говоривший находился очень близко — стоял за спиной, наклонялся к самому уху.

— Кайертон.

Киллиан замер. По спине прошёл холод, не связанный с боем.

— Кто это?

— Ты всегда был хорош в своей работе. Быстрый. Жестокий. Уверенный в том, что контролируешь ситуацию. Не зря тебя зовут лучшим в своём деле.

Киллиан стиснул зубы. Рука на цевье автомата побелела.

— Назови себя, ублюдок.

На другом конце связи тихо рассмеялись — негромко, без злорадства, скорее с любопытством, будто наблюдатель, нашедший в происходящем что-то давно ожидаемое.

— Но посмотрим, насколько хорошо ты справишься, когда правила изменятся.

Связь оборвалась. И в ту же секунду пуля попала Киллиану в плечо: его отбросило назад, оружие выскользнуло из руки, и он рухнул на колено, прижав ладонь к кровоточащей ране. Кровь была горячей и шла быстро, пропитывая ткань.

— Кай!

Он попытался подняться. Из-за деревьев уже выходили вооружённые люди, чьи лица скрывали маски — гладкие, без прорезей, будто слепые. Двигались они спокойно, без суеты, будто исход боя был известен им заранее. Их было много — больше, чем должно было быть в этой части зоны, больше, чем могло здесь находиться. Один из бойцов «Рэда» бросился к ближайшему укрытию, но автоматная очередь остановила его на полпути, и он упал, нелепо взмахнув рукой,

как будто пытался схватиться за воздух. Киллиан потянулся к оружию — и чужой ботинок наступил на его руку. Он вскрикнул.

— Не советую, Киллиан.

Он поднял голову. Человек в чёрной форме присел перед ним. На его перчатке не было ни знаков различия, ни эмблемы подразделения — только маленькая белая метка на металлической детали экипировки: цветок. Пять лепестков, тонкие линии, стёртые по краям, будто метку носили долго. Киллиан успел заметить её лишь на мгновение — а потом туман за спиной незнакомца шевельнулся, и оттуда, из белой мглы, выступил ещё один силуэт, выше остальных, неподвижный. У него не было оружия. Он просто стоял и смотрел.

Киллиан хотел спросить, что это, но не успел: его ударили по голове. Последнее, что он услышал, был чей-то голос:

— Этого оставить.

— Зачем?

Незнакомец помедлил прежде, чем ответить. В этой паузе лес вокруг будто затаил дыхание — стрельба стихла, даже туман остановился.

— У него ещё есть работа.

Темнота сомкнулась над Киллианом. А где-то в глубине «Чёрного квадрата» продолжала молчать рация «Сектора» — и в этой тишине, если очень прислушаться, можно было различить тот же треск, что и в начале: сухой, рваный, скла-

дывающийся в слова, которые никто не должен был слышать.

ГЛАВА 1

2051 год. Рейтаун.

ЭРИКА

Сон не шёл вторые сутки. Веки тяжелели, но стоило закрыть глаза, как сознание услужливо подкидывало обрывки мыслей, образов, тревог — и вот уже тело снова напряжено, а до рассвета ещё целая вечность. Ещё пара таких дней — и я упаду где-нибудь на тренировке. Или, что куда хуже, на задании. Тогда меня ждёт жёсткий выговор за несоблюдение режима — а такой участи я бы не хотела. В этих стенах дисциплина важнее сна.

Моя комната — максимально минималистичное пространство, вычищенное до голой функциональности. Кровать стоит по правую сторону от окна, что по центру стены, сразу под ним — обычный деревянный стол со стулом, вечно заваленный каким-то хламом: бумагами, пустыми гильзами, сломанной зажигалкой и парой потрёпанных книг. Слева высокий шкаф, тоже из дерева, около него серая тумбочка и дверь в ванную. Светильник в углу около входной двери, небольшой коврик на входе. Всё выглядит невзрачно — впрочем, как и вся база. Серая и мрачная. Ну а как иначе?

Поднявшись с кровати и тяжело выдохнув, я направляюсь в ванную. В комнате прохладно после ночи — отчего по коже бегут мурашки, а руки покрываются гусиной кожей. Из окна льётся мягкий лунный свет, рисуя на полу длинные, кривые

тени. Я принимаю холодный душ — вода обжигает, стягивает кожу, но это хотя бы ненадолго вымывает из головы вязкую пустоту. Надеваю чёрную тактическую форму, закрепляю оружие по привычке — ремень, кобура, нож в чехле — и выхожу на улицу.

Солнца ещё не было видно. Да и появлялось оно здесь редко — по крайней мере, достаточно редко, чтобы я успела забыть, как выглядит нормальное утро. Сумерки. Густой туман стелется по территории базы, скрывая тренировочные площадки, бетонные заграждения и дальние вышки наблюдения. В воздухе пахнет мокрым камнем, металлом и гарью — запах, который впитался в одежду и в волосы, и от которого уже не отмыться. Атмосферно. Для настоящего времени — в самый раз.

Покинув помещение, я отхожу недалеко и опускаюсь на холодный бетонный блок. Металл под пальцами ледяной, шершавый от времени. Достаю сигарету, закуриваю. Дым тонкой струйкой уходит в туман, растворяясь в нём без следа. Ненавижу бессонные ночи: они оставляют слишком много времени на мысли — а от них я давно предпочитала держаться подальше. Ненавижу, когда мозг закипает.

— Не спится, капитан? — прозвучал голос, который я узнала до того, как его владелец появился из-за угла.

Дмитрий остановился рядом и прислонился плечом к стене, скрестив руки на груди. На нём была такая же чёрная форма, как и на мне. Его волосы каштановые, стрижка ко-

роткая, виски выбриты, глаза светло-зелёные, всегда спокойные, сдержанные черты лица без резких линий, но их нельзя назвать мягкими,не особо густая щетина, средние широкие губы, и заключает всё высокий рост с особо выделяющейся широкой спиной.

— Что-то вроде того, — ответила я, выпуская дым из лёгких, слегка разомкнув губы. — А ты почему здесь?

— Решил устроить ночную тренировку, в итоге не смог уснуть. Много думаю.

Он тяжело вздохнул и отвёл взгляд в сторону туманного плаца, и я прекрасно знала, о ком он думал. Декс. Его брат был одним из семерых, отправившихся на задание в «Чёрный квадрат»: два года без новостей, без тела, без единого доказательства того, что он мёртв. Два года надежды, которая с каждым днём становилась всё больше похожа на пытку.

— Всё вспоминаешь его? — спросила я, следя за его выражением лица.

Идиотский вопрос. Конечно, вспоминает. Это его брат. Неужели я действительно ожидала услышать что-то другое? Я затянулась, мысленно выругавшись на саму себя. Дура. Сочувствие никогда не было моей сильной стороной, возможно, потому, что мне самой его никто не предлагал. Я выросла в одиночестве, никто никогда не делал мне поблажек, сплошной айсберг внутри. Иногда я думаю, что у меня нет сердца и вовсе. Катастрофа, случившаяся двенадцать лет назад, забрала всю мою семью, хотя назвать их потерей я бы

не смогла, даже если бы захотела. Отец пил больше, чем дышал, мать была обычной швеёй, которая пыталась удержать на плаву то, что давно пошло ко дну, а я росла где-то между отцовскими криками, побоями и материнским молчанием. Она никогда не защищала меня, боялась отца, как огня. Синяки всегда присутствовали на моём теле, но ставились они в местах, закрытых от глаз. Я начала сбегать из дома в возрасте шести лет, лишь бы не слышать скандалы и ругань, и находилась где угодно, только не дома. Когда пошла в школу, уроки со мной никто не

делал, кроме соседки: бабулька часто приглашала к себе и как-то наставляла, готовя к будущей жизни . Мои дни рождения никто не отмечал, подарков я никогда не видела, из-за чего всегда завидовала другим детям. С девочками дружба у меня не складывалась, зато с мальчиками ладила на раздва, с ними было проще в общении, ведь им не свойственна зависть к шмоткам, вражда по пустякам, они относятся к многим вещам куда спокойнее, чаще смотрят на характер, нежели на твоё социальное положение или внешность.

Часто задаюсь вопросом: “почему именно я выжила?” Понятия не имею, по какому принципу выбирала судьба. Меня спас военный, и, наверное, благодаря ему я всё ещё вижу этот свет.

— Знаешь, — Дмитрий нарушил тишину, — иногда я думаю, как бы я жил, если бы никогда сюда не попал.

Я повернула к нему голову.

— И как же?

— Думаю, мы с братом работали бы на обычной работе и жили бы обычной жизнью. — он усмехнулся, но в этой усмешке не было ничего весёлого. — Иногда, мне кажется, я даже не помню, каким был до всего этого и какие мечты имел.

— Ставлю на то, что так бы и было. — проговорила я в ответ, стряхивая пепел с сигареты, которая догорала потихоньку.

— Обнадёживающий ответ. — ответил Дмитрий, переведя взгляд от тумана, на меня. — Ты сам спросил.

— Я не спрашивал.

— Тогда тебе повезло. Обычно я беру монету за советы.

Он тихо рассмеялся.

— А ты помнишь себя, Эри?

Хороший вопрос. Нет, не помню. Какие-то обрывки из детства,что было слишком коротким. Их затмили более свежие воспоминания о другой военной базе, где я была до этой, отряд, который по частям уничтожали у меня на глазах, а потом я в мгновение ока оказалась здесь. Сплошной хлам. Моя психика, наверное, отчасти перекрыла мне доступ к каким-то деталям, чтобы я не сошла с ума.

— Частично, хорошего мало, Дим.

Всего на секунду, но этого оказалось достаточно, чтобы напряжение между нами немного ослабло. Я ценила его как бойца и как друга: два года назад мы стали одной командой,

семьёй, я стала капитаном и получила свой отряд, и никого из них я больше не имела права потерять. Это были мои близкие люди, с которыми мы уже прошли огонь, воду и медные трубы, и я готова отдать жизнь, чтобы спасти их в любой ситуации, и не важно, взаимно ли это. Мы снова замолчали. Где-то за пределами глухо завыл ветер, металлический флагшток скрипнул, и звук разнёсся по пустому плацу. Я затушила сигарету о край бетонного блока и посмотрела на часы: 04:19. Через сорок минут начнётся утренний сбор, ещё через час отряд будет на тренировочной площадке. Обычное утро. Обычная жизнь, в которой люди исчезали, а оставшиеся делали вид, что всё ещё контролируют происходящее. Но нет.

— Ладно, капитан, — Дмитрий оттолкнулся от стены. — Пойду, попробую тогда ещё потренироваться.

— Постарайся не сломать себе ничего от перенагрузки. Мне не хочется искать замену ещё одному идиоту.

— Ты очень заботливая. — улыбнулся он, отойдя в сторону.

— Знаю.

Дима покачал головой и направился к тренировочному корпусу, а я проводила его взглядом, пока туман не скрыл его силуэт, как в каком-то мрачном фильме. Затем я поднялась, поправила ремень на плече и направилась обратно. Мне предстоял ещё один день, и я собиралась прожить его так же, как все предыдущие: выполнять приказы, отдавать собственные и не задавать лишних вопросов, по крайней ме-

ре..так я думала, потому что в тот момент я ещё не знала, что совсем скоро на нашей базе появится человек, которого не должно было существовать в списках живых, и уж точно не подозревала, что одного его появления окажется достаточно, чтобы прошлое, которое я так старательно пыталась забыть, снова вцепилось мне в горло.

— Капитан Гейзэл, вас вызывает генерал.

В дверь моей комнаты постучали, пока я убирала некоторые вещи на столе. Я подняла голову и увидела на пороге майора.

— Через пять минут буду. Спасибо.

Дождавшись, пока дверь закроется, я взяла бронежилет и оставила его на кровати рядом с оружием, поправила форму, собрала волосы в хвост и бросила последний взгляд на часы. Действительно пора выходить. Мне совершенно не хотелось выяснять, что понадобилось генералу Ленэлу Райтонгу в такую рань — всё равно приказы не обсуждают, по крайней мере, если не хочешь провести остаток дня на плацу. Генерала я уважала: за пять лет он многое вложил в меня, и за это я ему очень благодарна. Ему было около пятидесяти, но седина лишь добавляла ему веса — высокий, с прямой спиной и цепким взглядом, от которого не укрывалась ни одна мелочь. Он редко вызывал кого-то без причины, а значит, дело и правда серьёзное.

Выхожу в коридор. Штаб уже просыпался: где-то за стеной гремело оборудование, из тренировочного корпуса до-

носились голоса, а по коридорам проходили солдаты,

торопившиеся на утренний сбор. Всё как обычно, пока моё внимание не привлекло движение за окном. Военная высокая машина, вроде обычного тигра, но чёрная, бронированная, с тонированным стёклами — медленно приближалась к центральному входу, и я невольно замедлила шаг. Гости? Машина по эмблемам наша, но почему через этот въезд? Через эти ворота подобные машины въезжали нечасто: обычно их появление означало одно из трёх — высокопоставленное командование, секретный груз или неприятности, о которых нам предпочли не сообщать заранее. Или вовсе это не наше дело. Иногда всё сразу.

Я подошла ближе к подоконнику. У ворот уже стояли пятеро вооружённых охранников — не обычная смена: слишком собранные, слишком напряжённые. Один из них что-то говорил в рацию, второй проверял крепления на оружии, остальные внимательно следили за машиной. Что за чёрт? Я собиралась продолжить путь, когда задняя дверь бронированного автомобиля открылась, и двое направили автоматы на дверь. И мир на мгновение остановился. Двое военнослужащих вывели высокого, мускулистого мужчину. *Его*. Я узнала бы эту походку даже в полной темноте, лишь по звуку: Киллиан Кайертон, наёмный убийца отряда «Рэд», который пропал два года назад, спонсор моих кошмаров. После него даже *мои* нервы решили послать меня нахуй, далеко и подальше. Имя, которое я не произносила слишком долго,

имя, которое, как я планировала, больше никогда не пересечётся с моей жизнью. Профессиональный головорез, безжалостный истязатель, человек, чья репутация заставляла даже опытных бойцов выбирать слова осторожнее. Красивый подонок, но страшный внутри — по крайней мере, так о нём говорили, но слухи никогда не интересовали меня, ведь имелись собственные воспоминания: он может испортить психику. Его крепкие руки с широкими плечами были скованы наручниками, такие же удерживали его ноги; чёрная одежда: какие-то штаны и футболка — порваны, ткань местами пропитана кровью, на лице с чёткими скулами и острой линией челюсти свежие ссадины и следы побоев, платиновые волосы, достаточно длинные, чтобы упасть на глаза в крови и грязи. Он выглядел так, словно его пытались сломать, и, судя по всему, у них что-то получилось. Даже издалека в нём чувствовалась опасность — не та, которую создают оружие или угрожающая поза, нет, хуже: он выглядел человеком, которому уже нечего терять. Моё сердце пропустило удар, а затем забилось так сильно, что я почувствовала его где-то в горле. *Нет*. Нет, этого не может быть. Его отряд пропал, как и «Сектор», но он стоит сейчас тут. Пусть это будет грёбаным сном. Я смотрела на него, пытаясь убедить себя, что ошиблась, что усталость и бессонные ночи окончательно испортили мне зрение, что передо мной просто какой-то похожий ублюдок, который представляет некую опасность, но затем он поднял голову.. и наши взгляды встретились. Всего на

секунду. И этой секунды оказалось достаточно. Земля словно ушла у меня из-под ног: воздух застрял в лёгких, пальцы похолодели, а всё вокруг превратилось в размытое пятно и зазвучало где-то далеко, отдалённо, неотчетливо. Я слышала собственный пульс, больше ничего — ни голосов охраны, ни шума двигателя, ни скрипа ворот. Только тишину внутри собственной головы. Ту самую тишину, которая наступает перед выстрелом. Взгляд голубых глаз Киллиана смотрел прямо на меня. Это действительно… он.

Киллиан едва заметно приподнял уголок губ. Эта широкая ухмылка. Чёрт бы её побрал. Я помнила *её* слишком хорошо.

— Эра?

Чья-то тяжёлая рука легла мне на плечо, и я вернулась на проклятую землю, предательски вздрогнув. Резко оборачиваюсь, едва не сбросив чужую ладонь. Передо мной стоял Рик, парень высокого роста, волосы черные короткие, однако, в них возможно запустить пальцы, лежат небрежно, глаза ярко-голубые, цепкие. На лицо смазлив,губы всегда алые, чуть пухлые, чёткая линия носа и подбородка, и густые брови. Такие, как он часто привлекают внимание женского пола. Он нахмурился, внимательно разглядывая моё лицо.

— Ты в порядке?

Я открыла рот, но слова так и не появились, и пришлось заставить себя выдавить:

— Да. Всё нормально. — Ложь прозвучала слишком быст-

ро, и Рик явно мне не поверил.

— Ты побледнела. — нахмурился парень, глядя на меня с беспокойством. — Просто не выспалась.

— Ты вообще когда-нибудь спишь?

— Рик. — предупреждающе отозвалась я, показывая, что не собираюсь давать ему отчёт. Одного слова оказалось достаточно, чтобы он замолчал. Обычно мой тон действовал безотказно, но сейчас я сама услышала в нём что-то чужое, нервное, почти испуганное. А я не боялась. Не *его*. Не *теперь*.

— Мне нужно идти, — бросила я и, не дожидаясь ответа, направилась к кабинету генерала.

Я не обернулась. Ни разу. Но даже когда тяжёлая дверь кабинета закрылась за моей спиной, я всё ещё чувствовала на себе взгляд Киллиана Кайертона, будто бы он прямо за моей спиной. И впервые за долгие годы мне стало по-настоящему не по себе — не потому, что он был здесь, а потому, что я до сих пор помнила, каким он был до того, как превратился в человека, которого теперь привезли сюда в наручниках. И этого человека *похоронили два года назад*.

Глава 2

ЭРИКА

Закрываю за собой дверь кабинета и несколько секунд стою неподвижно, пялюсь в одну точку где-то перед собой, пытаясь вернуть дыхание в норму, но в глазах пляшут чуть ли не белые точки. Не помогло. Пальцы дрожали, перед глазами мелькали обрывки воспоминаний, которые я годами старалась не вытаскивать на свет. Я стиснула зубы, прошла к столу и опустилась на стул. Соберись, Гейзэл. Ты капитан «Зевса», тебе подчиняются люди, которые доверяют тебе свои жизни; ты принимала решения под огнём, вытаскивала бойцов из-под завалов и собственными руками принимала решения под огнём, вытаскивала бойцов из-под завалов и собственными руками закрывала глаза тем, кому уже нельзя было помочь. Ты не имеешь права терять самообладание из-за одного человека. Даже если этот человек — Киллиан Кайертон.

— Опять не спишь ночами?

Я подняла взгляд. Генерал стоял возле стола с бутылкой воды в руке и протянул её мне, не задавая лишних вопросов. Взяв её, я сделала несколько глотков: холодная вода помогла немного прийти в себя.

— Да, — выдавила я, потирая переносицу, не желая лгать.

— Твои бойцы за тебя переживают.

— Зря тратят нервы.

— Эрика. — голос Генерала сейчас прозвучал в духе “не начинай”, прямо как та интонация, которую я пыталась выдавить перед Риком.

Я замерла. Генерал редко называл меня по имени: обычно я была для него капитаном Гейзэл — человеком, который выполняет приказы и отвечает за свой отряд, поэтому подобное обращение означало, что разговор перестал быть формальным.

— Ты можешь хотя бы иногда признавать, что тебе тяжело? Я пять лет наблюдаю одно и то же, и ты единственная, кто никогда не обращается за помощью.

— А это что-то изменит? — я усмехнулась, но вышло неубедительно. — Возможно, нет, но молчание тоже не решает всех проблем.

— Тогда, когда найду время для душевных бесед, обязательно к вам обращусь. Генерал тяжело вздохнул: судя по его лицу, моё чувство юмора он сегодня не оценил.

— Ладно. Не хочешь говорить — не буду заставлять, но когда решишь, что больше не обязана справляться со всем в одиночку, я готов тебя выслушать.

— Я в норме, сэр. — я отвела взгляд. Чёрт. Ненавижу, когда люди проявляют доброту в тот момент, когда я меньше всего способна с ней справиться.

— Разумеется. — по его тону было ясно, что он мне не верит. Генерал вернулся к столу, открыл ящик и достал тол-

стую папку, затем положил её передо мной. — Теперь к делу.

Я выпрямилась: наконец-то что-то знакомое. Приказы, задачи, конкретные вещи, которые можно разобрать по пунктам, вместо того чтобы пытаться понять, почему люди должны делиться своим внутренним миром и как это помогает в жизни.

— Что это?

— Материалы по новому назначению. Прочитай внимательно. Некоторые документы засекречены, поэтому за пределами этого кабинета обсуждать их запрещено.

Я открыла папку: внутри лежали отчёты, фотографии, медицинские заключения и несколько листов с грифом особой секретности. На первых страницах были указаны даты, номера подразделений и краткие описания проведённых операций. Я перелистнула несколько страниц, затем остановилась. На фотографии был *он*. Киллиан Кайертон. Только теперь на нём не было наручников: он стоял перед камерой в чёрной форме, напоминающей нашу, с прямой спиной и холодным взглядом человека, которому совершенно не нравилось, что его фотографируют. Под снимком стояла подпись:

КАЙЕРТОН КИЛЛИАН. СТАТУС: ПОГИБШИЙ.

Я перечитала строку один раз, второй, затем медленно подняла глаза на генерала.

— Вы можете объяснить, почему в документах он числится погибшим? — спросила я, давая понять, что уже в курсе о его прибытии сюда.

Генерал не ответил сразу: он обошёл стол, сел напротив и сложил руки перед собой.

— Потому что два года назад Киллиан Кайертон пропал во время специальной операции, которая тоже проходила в том месте, куда был послан наш отряд. Отчёт на десятой странице.

В кабинете стало слишком тихо, и я снова посмотрела на фотографию.

— Семь человек, — произнесла я. — Отряд «Рэд» от базы «Бартон». Точь-в-точь как отряд с нашей стороны, который должен был доставить «Объект 31» им.

— Верно. — кивнул генерал.

— Их дело закрыли, всех объявили пропавшими без вести, а объект, который они должны были доставить, признали утерянным.

— Ты хорошо осведомлена, капитан. — похвалил он.

— Я читаю отчёты, сэр. — это была лишь часть правды, но сейчас не время вспоминать, почему именно это дело я запомнила лучше остальных. Я закрыла папку, стараясь не выдать выражением лица то, что происходило у меня внутри.

— Тогда почему он здесь?

Генерал вновь выдержал короткую паузу.

— Потому что сутки назад его обнаружили на территории заброшенного военного объекта к северу от карантинной зоны. Он был один, без оружия, без документов и без объяснений, которые можно было бы проверить.

— И вы решили доставить его сюда?

— Не я принимал решение о транспортировке.

— Тогда кто? — я прищурилась.

Генерал посмотрел на меня так, словно заранее знал, что мне не понравится следующий ответ.

— Центральное командование «Бартона». Им поступило письмо о том, что их боец обнаружен без сознания и переведён для дальнейшего сотрудничества в Рейтаун. Наши военные встретились и нам передали его.

Я медленно откинулась на спинку стула. Конечно. Кто же ещё.

— И что от меня требуется?

— Кайертон будет временно прикреплён к твоему подразделению. До завершения проверки, ты отвечаешь за его размещение, сопровождение и участие в операциях, если такие будут назначены.

Я молчала.

— Есть ещё кое-что, капитан, — добавил генерал.

— Что именно? — спросила я, взглянув в его глаза.

Он подвинул ко мне отдельный лист, на нём было всего несколько строк, но последняя заставила меня снова почувствовать холод в пальцах.

Приказ о переводе Киллиана Кайертона в подразделение «Зевс» был подписан *за сутки* до его обнаружения.

Я медленно подняла взгляд от бумаги, вновь на его лицо.

— Вы хотите сказать, что кто-то знал, где он находится?

— честно говоря, я была удивлена.

— Я хочу сказать, что мы не знаем, кто подписал приказ. Видимо, мы будем иметь дело с чем-то серьёзным.

— Но подпись есть.

— Подпись есть, разрешение на перевод подтверждено, однако генерал с «Бартона», указанный в качестве инициатора, отрицает, что отдавал такой приказ. Для него тоже сюрприз, что он жив; к слову, в ближайшее время он посетит нас, хочет посмотреть на него и поговорить.

Я снова посмотрела на документ. Кто-то подготовил его перевод заранее. До того, как Киллиана нашли. До того, как его доставили на базу. Возможно, даже до того, как кто-либо вообще узнал, что он жив.

— И вы всё равно собираетесь оставить его здесь? — спросила я.

— Он должен знать кое-что об операции двухлетней давности. Мы надеемся получить ответы. Для двух сторон это важно теперь.

— А если он откажется говорить?

Генерал не отвёл взгляда.

— Тогда тебе придётся выяснить, почему его возвращение было настолько важно для тех, кто подписал этот приказ.

Я закрыла папку. Теперь всё становилось гораздо хуже, чем я предполагала. Киллиан Кайертон был не просто человеком из моего прошлого, он был частью операции, которую кто-то очень старательно пытался забыть и теперь его соби-

рались сделать частью моего отряда.

— Когда он приступает? — спросила я.

— Уже сегодня. Сейчас он находится в медблоке, ему оказывают помощь и берут всевозможные анализы для расследования.

Я медленно выдохнула. Прекрасно. Просто охренительно.

— Есть ещё какие-нибудь сюрпризы, сэр? — спросила я, приподняв одну бровь, уже не представляя, чем можно ещё усугубить ситуацию.

— Надеюсь, что нет, капитан, но вечером зайди ко мне в кабинет.

Я поднялась, взяв папку подмышку и направилась к двери.

— Эрика. — позвал он меня.

Я остановилась, но не обернулась.

— Не позволяй личным обстоятельствам повлиять на твоё решение. Я назначаю его под твою ответственность, потому что доверяю тебе.

На секунду я закрыла глаза. Личные обстоятельства, ну как же. Если бы он только знал.

— Не беспокойтесь, сэр. Я умею отделять работу от личного. — и на этот раз я почти сказала правду.

Я вышла из кабинета, крепко сжимая папку. В коридоре всё было по-прежнему: солдаты спешили по своим делам, где-то хлопнула дверь, издалека донеслась команда сержанта. Только теперь я знала, что Киллиан Кайертон жив и что

совсем скоро мне придётся смотреть ему в глаза не через окно и не из-за спин охраны, а на расстоянии вытянутой руки. Я не знала, что он помнил обо мне, не знала, почему вернулся, и хуже всего — не знала, можно ли считать его возвращение случайностью, но одно я понимала совершенно точно: если Кайертон действительно был мёртв для всего мира, то кто-то только что совершил огромную ошибку, вернув его к жизни. И предстояло выяснить, кто именно.

Глава 3

КИЛЛИАН

Вот *она*. *Маленькая чертовка*. Стоит примерно в нескольких метрах от меня, и я впервые за долгое время чувствую нечто похожее на удовлетворение. Чёрт возьми, я так долго мечтал увидеть её снова, что уже начал сомневаться, существовала ли она вообще или мой больной мозг просто решил поиздеваться надо мной. Но нет, она настоящая: та же безумно знакомая внешность, эти пухлые губы, мягкие черты, большие карие глаза, настолько тёмные, что зрачков почти не видно, длинные до пояса платиновые волосы, обычно убранные в мальвинку на затылке, но сегодня она изменила своим привычкам; брови на несколько тонов темнее волос, рост ниже среднего и аккуратное, пропорциональное телосложение. Выглядит столь изящной и хрупкой, но на деле такой совершенно не является. Однако, сейчас она смотрит на меня так, будто перед ней не человек, а какая-то мерзкая тварь, которую по ошибке выпустили из клетки. Наручники впиваются в запястья, ноги тоже скованы металлическими фиксаторами, каждое движение отдаётся тупой болью, а разбитое лицо напоминает, что встреча с этими ублюдками прошла далеко не так приятно, как мне хотелось бы. Подождите, с какими? Нос всё ещё кровоточит, и солёный привкус крови не даёт забыть об этом ни на секунду. Хотя, если чест-

но, сейчас меня беспокоит совсем не это. *Уроды* накачали меня блокаторами памяти или чем-то ещё, не знаю: в голове сплошная каша, обрывки воспоминаний вспыхивают и тут же исчезают, оставляя после себя только головную боль. Я не могу восстановить даже половину произошедшего. Кто меня поймал? Как я оказался здесь? Что случилось за последнее время, которое будто вырвали из моей жизни? Мы были на задании? Хрен его знает, вроде да, тогда где остальные?

За дверью слышны шаги: охраны, судя по звукам, хватает на небольшой военный отряд — тяжёлые ботинки, приглушённые голоса. Даже если бы мне удалось освободить руки, далеко бы я не ушёл, а самое паршивое — я даже не знаю, где нахожусь. Меня приковали к чёртовому креслу, бросили в незнакомом помещении и не удосужились объяснить, какого хрена от меня хотят. Проходит несколько минут. Замок щёлкает. Дверь открывается, и в кабинет входит *она*. Я невольно выпрямляюсь, насколько позволяют фиксаторы, и взгляд цепляется за каждую мелочь: напряжённые плечи, едва заметный тремор пальцев, настороженность в глазах. Она старается держаться уверенно, но я слишком хорошо умею замечать то, что люди пытаются скрыть. Она боится. И почему-то это бьёт сильнее всего. Она ничего не помнит?

Мысль возникает внезапно, почти болезненно, и я смотрю на неё, пытаясь найти хоть что-нибудь в её лице: признаки того, что она меня узнаёт, злость, ненависть, желание врезать мне по морде, может быть, радость, от того, что та-

кая возможность появилась? Но ничего. Для неё я просто очередной опасный уёбок, которого притащили на базу в наручниках, монстр, которого следовало бы держать подальше от нормального мира. Если она здесь, значит занимает какую-то должность выше обычной военной. Интересно.

Мы долго смотрим друг на друга, и в комнате становится так тихо, что я слышу собственное дыхание. Первым не выдерживаю я: медленно ухмыляюсь, хотя разбитая губа тут же отзывается болью, и опускаю голову. Ну здравствуй, Эрика. Давно не виделись.

— Что с тобой произошло? — спрашивает она.

Голос ровный, почти холодный, и она остаётся возле двери, не делая ни шага в мою сторону, будто даже скованные руки не убеждают её, что я сейчас не собираюсь набрасываться на неё, но, признаться, от такой идеи я бы не отказался.

— Мг… Без понятия, — отвечаю я. — Мне самому интересно.

— Это не ответ. — она чуть хмурится, и я замечаю, как её пальцы сжимаются в кулак. — Два года ты числился погибшим. А теперь сидишь передо мной.

Вот так нихуя себе. Два года? Это розыгрыш? Я медленно и удивлённо поднимаю на неё глаза, пытаясь понять, шутит ли она, но по её лицу не похоже. Значит, для остальных я действительно мёртв. Забавно. В каком-то смысле они даже не ошиблись: от того человека, которым я был раньше, внут-

ри, похоже, осталось не так уж много.

— Без понятия, зайка, — произношу я, стараясь, чтобы голос звучал привычно непринуждённо, пусть я сейчас мягко говоря в шоке. — В моей голове пусто: я не знаю, что произошло, не знаю, где нахожусь, и понятия не имею, какого ответа ты от меня ждёшь.

Она щурится на прозвище, но ничего не говорит. Её взгляд на мгновение опускается к наручникам, затем снова возвращается к моему лицу, и кажется, она хочет сделать шаг вперёд, даже переносит вес на одну ногу, но передумывает и остаётся там же — по другую сторону невидимой границы, которую сама же между нами провела. Чёрт. Я не знаю, что произошло за эти два года, не знаю, что со мной сделали и почему память разваливается на куски, но одно могу сказать точно: видеть её такой я не хотел. Не с этим взглядом, в котором нет ничего, кроме настороженности и чужого недоверия. Хотя если подумать, я действительно внес корректировки в ее нервную систему.

— Ты действительно ничего не помнишь? — наконец спрашивает она. — Если бы помнил, думаешь, сидел бы здесь и строил из себя идиота? — Ты и без этого прекрасно справляешься.

Я почти смеюсь, но её лицо снова становится непроницаемым.

— Я сообщу генералу, что ты не предоставил никакой информации. — Рад был поговорить, зайка.

Она не отвечает. Просто разворачивается и выходит. Вот так. Ни попытки выяснить, что со мной сделали, ни одного слова, которое могло бы дать мне хоть какую-то надежду. Дверь закрывается, я запрокидываю голову и прикрываю глаза.

— Сука… — не знаю, на кого злюсь сильнее — на неё, на себя или на тех ублюдков, которые превратили мою жизнь в чёртов провал памяти. Хотя она имеет право меня ненавидеть: то, что произошло пять лет назад, я ещё помню, но я не тронул её и пальцем, мужики переборщили, но мы исполняли приказ, нарушить который не могли. Однако, единственный придурок, который всё-таки это сделал, был я, но я предложил цену за искупление. Не успеваю толком собраться с мыслями, как замок снова щёлкает. В помещение входят двое здоровенных охранников, следом появляется мужчина в белом халате — медик, судя по всему. В руках у него небольшой металлический лоток, на котором поблёскивают ампулы и шприц. Мне это сразу не нравится.

— И что за херня теперь? — спрашиваю я, переводя взгляд с одного охранника на другого. — Собрались устроить мне медицинский осмотр без моего согласия?

Никто из них не отвечает, а мужчина в халате даже не смотрит мне в глаза: он подходит ближе, проверяет фиксаторы на моих руках и что-то отмечает в планшете.

— Эй. Я с тобой разговариваю, сука.

Но реакции нет. Один из охранников грубо перехватывает

меня за плечо, прижимая к спинке кресла, второй становится сбоку, перекрывая единственный выход. Я дёргаюсь, проверяя прочность креплений: металл болезненно впивается в кожу.

— Последний раз спрашиваю, — рычу я, чувствуя безысходность и долбанную тревогу. — Что вы собираетесь мне вколоть?

Медик наконец поднимает голову: на его лице нет ни злости, ни сочувствия, только равнодушие человека, который выполняет привычную работу.

— Зафиксируйте его.

— Да пошли вы… — я не успеваю договорить: холодная рука касается моей кожи, короткий укол — и я чувствую, как под ней распространяется неприятное жжение.

— Какого…

Я резко дёргаюсь, но охранники удерживают меня на месте. Мужчина убирает шприц и спокойно отходит, будто только что сделал мне обычную прививку, и смотрит изучающим взглядом. Я что, на опытах? Блять, этого не может быть.

— Что ты мне вколол, ублюдок?

Ответа нет. Сначала кажется, что ничего не происходит, и я даже успеваю набрать воздуха, чтобы продолжить орать на этих придурков, а потом стены начинают плыть: свет над головой расплывается белым пятном, звуки становятся глухими, словно меня резко опустили под воду. Я пытаюсь сфо-

кусировать взгляд на лице медика, но оно двоится, распадается на несколько смазанных силуэтов. Чёрт. Что за дрянь? Я напрягаю руки, пытаясь удержаться в сознании, но тело внезапно становится чужим: мысли путаются, слова теряют смысл, а головная боль накрывает с такой силой, что я морщусь, тряхнув головой. Последнее, что успеваю заметить, — мужчина в белом халате что-то говорит охраннику. Слова неразборчивы. Веки тяжелеют. Только *не снова*. Не знаю, что страшнее: потерять ещё один кусок памяти или однажды обнаружить, что от меня самого больше ничего не осталось. Темнота подступает слишком быстро. На мгновение мне кажется, что я уже умер, а затем исчезает и эта мысль. Остаётся только тишина.

Глава 4

ЭРИКА 2046 ГОД

Я думала, что до тридцати точно доживу. Блядь, похоже, ошибалась. Ремень туго затянут на шее, и каждая попытка пошевелиться заставляет его врезаться в кожу. Тело ноет от побоев, губы разбиты, а во рту стоит металлический привкус крови. Сколько мы здесь? Неделю? Две? Я уже не уверена. На сигнал никто не ответил: неужели нас не нашли? Или… про нас просто забыли? Подвал почти не освещён, глаза давно привыкли к темноте, но очертания предметов всё равно расплываются. Из-за двери доносятся крики — истошные, нечеловеческие, будто с кого-то заживо сдирают кожу. Я зажмуриваюсь, но от звуков не спрятаться. Скрипит дверь, в проёме появляется силуэт; лица не разглядеть. Незнакомец проходит внутрь, поворачивает направо и поднимает руку. Раздаётся выстрел. Лиам.

— Нет… Нет, прошу, нет! — я кричу так, как только получается.

А его крик разрывает тишину. Я дёргаюсь, пытаясь подняться, добраться до него, сделать хоть что-нибудь, но тело не слушается: ремень впивается в шею ещё сильнее, перекрывая дыхание.

— Лиам!

Он не отвечает. Тот урод подходит к нему и достаёт нож.

Я отворачиваюсь, но слишком поздно: лезвие касается кожи и медленно скользит по телу, оставляя за собой кровавые линии. Он действует неторопливо, почти аккуратно, словно перед ним не живой человек, а холст, на котором можно рисовать. Чёртов художник. Он наслаждается каждым движением. Слёзы текут по щекам, я пытаюсь снова закричать,

но из горла вырывается только хрип. Ничего не могу сделать. Ничего. Пожалуйста… Хватит. Я закрываю глаза, стараясь заглушить его крики, собственное дыхание и звук шагов, приближающихся ко мне. Кто-то наклоняется к самому моему уху, тёплое дыхание касается кожи.

— Прости, малыш. Так нужно.

Глава 5

ЭРИКА

Полная луна впервые за долгое время чётко различима на тёмном ночном небе среди звёзд, ведь обычно его полностью закрывают мрачные тучи, независимо от времени суток. Я невольно засмотрелась, разглядывая разводы лунных морей, что ели-ели видны с такого огромного расстояния. Внутри поднимается что-то давно забытое — тихое, почти чужеродное в этих декорациях. Напоминает нормальную жизнь, без военных баз, закрытых городов и пыльного спёртого воздуха, который так и душит. Наш старенький военный микроавтобус припаркован в посадке среди деревьев, неподалёку от небольшого города, границу которого нам предстояло сегодня охранять и держать под наблюдением в связи с поступлением информации о предполагаемом визите из-за границы. Не хватало нам дополнительных проблем ко всем имеющимся. Мало ли зачем их сюда могут отправить? По договору обмен сырьём, а на деле может оказаться что угодно, так что, наученным горьким опытом, нам было важно держать позиции и контролировать происходящее. Мы провели здесь сутки и даже представить не могли, что угрозу представят не иностранцы, а долбанная соседняя база. На нас напали, а мы так и не поняли, чего конкретно хотели нападавшие. Произошла перестрелка, информация о ко-

торой уже была отправлена в наше управление. Сообщили, что они свяжутся с той базой для выяснения причин. Забавно, конечно. Рик был ранен, подстрелили в икру левой ноги, мышца перебита, благо пуля вошла так, что перекрыла сосуды и сильного кровотечения не было. Мы сидели с ним в салоне микроавтобуса вдвоём, Том был меньше чем в километре от нас на главном въезде в город и снимал данные с дорожных камер наблюдения, с ним был Ян, а Дмитрий отошёл куда-то. Чёрт бы его побрал сваливать в таких ситуациях. Надо будет устроить выговор. Рик сидел рядом со мной, откинув голову на спинку сиденья, прикрыв глаза. Нога была туго забинтована. В салоне тихо, только его дыхание, с едва уловимой хрипотцой.

— Эй, надеюсь, ты не потерял сознание? — спрашиваю я, взглянув на его закрытые веки. Голос звучит бодрее, чем есть на самом деле, видимо результат нервного напряжения.

— Не-а, Эри, можешь не волноваться, — открыл глаза Рик, устало взглянув на меня этим цепким голубым взглядом, коим он отличался. Я шумно выдохнула, смотря на него ещё некоторое время, и покачала головой.

— Доведёте меня так до нервного срыва, — ворчу я, пусть и понимаю, что он не виноват. Подобные случаи не редкость в нашей работе. Но разве дело только в работе? Только я собираюсь развернуться к окну, выпрямляя спину, как чувствую прикосновение к своей руке. Пальцы у него

тёплые, чуть шершавые, и это тепло простреливает меня до самого позвоночника. Рик потянул меня на себя, и в следующую секунду я оказываюсь прямо перед его лицом, упираясь ладонями в его грудную клетку. Мать честная. Я не ожидала.

— Жить надоело? — спрашиваю я, но как-то без угрозы, подняв брови и вопросительно глядя в его глаза, однако, не чувствуя трепета. Внутри всё тихо. — Наоборот. Разве ты не хочешь немного отвлечься, пока есть возможность? — говоря это, он свободной рукой играл с моим локоном волос, накручивая его на палец — медленно, небрежно, и от этой небрежности у меня по коже бегут мурашки. Секунда. Больше не нужно. Что-то внутри меня решается — просто, без слов, без сомнений. Я ответила на поцелуй, сначала неуверенно, чувствуя и настойчивость, и нежность одновременно — как он придерживает меня обеими руками за спину, будто боится спугнуть, но осмелев, добавляю пикантности и углубляю этот поцелуй, обхватив руками его шею, поворачиваясь к нему корпусом, но не забираясь сверху, всё ещё рядом, но до невозможного близко. Его рука скользит по моей спине, и я чувствую, как он весь подаётся ко мне — даже с раненой ногой, даже через боль. Мы оторвались друг от друга лишь для того, чтобы вдохнуть воздух, и шумно дыша смотрели друг другу в глаза. Нет. Это ничего не значит сейчас и никогда не будет значить. Желание отвлечься в наших реалиях никогда не исчезнет, всегда захочется теп-

ла и разрядки, так почему бы просто не позволить этому случиться? Дверная ручка на переднем сиденье внезапно открывается, и я тут же отпускаю свои руки, отпрянув от Рика, прикусив нижнюю губу — до боли, чтобы вернуть себя в реальность — и поворачиваю голову, чтобы увидеть, кто нас прервал. Дима. Ну конечно.

— Вы чего? — спросил он, глядя на наши лица, которые сейчас явно выглядят подозрительно фальшиво собранными. Я очнулась первой.

— Вы закончили? — интересуюсь я, стараясь не смотреть ни на Диму, ни на Рика. — Да, ребята возвращаются, можем выдвигаться обратно на базу.

Резко открываю глаза. Чёртов сон. Несколько секунд просто сижу, пытаясь прийти в себя: сердце колотится, дыхание сбито. Блять почему мне это приснилось вообще. Я задремала прямо на стуле в своей комнате, даже не удосужившись перебраться на кровать, и почему я вообще уснула. Перевожу взгляд на часы.

9:23.

Чёрт. Меня уже, наверное, ищут. Быстро поднимаюсь, натягиваю экипировку, проверяю оружие и на то, чтобы привести себя в порядок, уходит всего несколько минут. Выхожу в коридор и направляюсь к тренировочному залу. Открываю дверь. Пусто. Останавливаюсь на пороге, оглядывая помещение: ни одного знакомого лица, ни звука голосов, ни привычного грохота тренировочного оружия. Странно. Мой

и ещё два отряда должны быть здесь уже как минимум час. Раздражённо выдыхаю и разворачиваюсь в сторону казарм: если они решили прогулять тренировку, у меня найдётся пара слов для каждого. Делаю шаг — и буквально врезаюсь в чью-то грудь.

— Блять, Эйм! — вскрикиваю я, отступая назад и потирая лоб. — Ты совсем охренел?!

— Прости, командир, — ухмыляется он: русоволосый парень, с голубыми глазами со светлыми ресницами, широкой линией челюсти, аккуратными губами и средним ростом. — Вообще-то я тебя искал.

— Я… задремала, — провожу ладонью по лицу. — Почему вы не на тренировке?

— А вот это хороший вопрос. Нам приказали сидеть в казармах до тринадцати часов, вроде как капитанов поставили в известность минут сорок назад. Ты не пришла, и мы решили сами выяснить у других, в чём дело.

Медленно, раздражённо закрываю глаза.

— Чёрт…

— Эй, спокойно. Мы же не знали, что ты решила поспать вместо того, чтобы спасать мир.

— Эйм.

— Молчу.

— Вот и продолжай в том же духе. Понятия не имею, как меня вырубило. Он усмехается, а потом протягивает мне руку.

— Пошли к нам. Сделаем тебе чай, у нас даже конфеты есть.

— Вы что, украли их в столовой? — подозрительно смотрю на него и хмурюсь.

Эйм смеётся, пожимая плечами, но ничего не отвечает. Вот же… Взрослые мужики, а конфеты воруют. Впрочем, сейчас мне плевать: чай и сахар звучат как единственное разумное решение за последнее время. Непривычная тишина давит на уши; я невольно прислушиваюсь к отдалённым звукам базы. Обычно в это время здесь полно народу: кто-то торопится на занятия, кто-то возвращается с дежурства, кто-то ругается из-за очереди в столовую. Сегодня же кажется, будто все куда-то исчезли, и мне не нравится это ощущение.

Мы заходим в комнату отряда, напоминающую мою собственную, однако кроватей здесь больше, они двухэтажные, четыре штуки, стоят боком ко входу, между ними два небольших окна под потолком, около каждой тумба, сбоку большой серый шкаф: Томас, смазливый паренёк, с каштановыми волосами и карими глазами, такого же роста как и Эйм. Не отличается мышечной массой, однако не слаб и вынослив. Он сидит за столом справа от двери, склонившись над каким-то отчётом, Рик, которому составляет компанию брюнет с короткой взъерошенной стрижкой и тёмными карими глазами, чертами лица, чем-то напоминающими Диму, но более живым взглядом — Ян. Они вдвоём увлечённо о чём-то спорят, а Дмитрий чистит автомат, разложив рядом

на тумбочке детали и ветошь. Обычная картина. Почти успокаивающая.

— Эри, мы тебя потеряли! — Рик поднимает голову и улыбается. — Решила нас бросить?

— Мечтай. Я задремала и, кажется, пропустила что-то важное.

— Не переживай, мы всё узнали для нашего капитана, — отзывается Эйм, устраиваясь рядом.

Я перевожу взгляд на Томаса и выразительно развожу руками. Ну? Выкладывай. Он отрывается от отчёта и вздыхает.

— Сегодня на базу привезли какого-то бойца, из-за него тут половина офицеров на ушах стоит. Нам приказали оставаться в казармах до тринадцати, а тренировку пока отменили. Когда продолжим — неизвестно.

— Наверное, артист, раз все сбежались к нему, — шутит Ян.

Я замираю всего на мгновение. Какого-то бойца. Конечно. Будто я не знаю, о ком речь. Перед глазами вспыхивает знакомая ухмылка, разбитое лицо, голубые глаза, которые смотрели прямо на меня. Киллиан. Я заставляю себя пожать плечами, будто новость меня совершенно не интересует, хотя хочется закрыть лицо руками и застонать от негодования.

— Понятно. — всего одно слово. Спокойное, равнодушное — по крайней мере, я надеюсь, что со стороны оно звучит именно так.

Внутри же всё переворачивается: хочется выругаться,

выйти отсюда и найти ближайшую стену, чтобы приложиться об неё лбом, или просто исчезнуть до конца дня. Или недели. Желательно надолго от всего, но я капитан «Зевса», и мои личные проблемы не должны касаться отряда: у нас куча других проблем и заданий. Поэтому я сажусь рядом с остальными, принимаю протянутую кружку и делаю глоток чая. До обеда мы бездельничаем: играем в карты, слушаем очередные шуточки Эйма и успеваем довести Томаса до такого состояния, что он грозится выставить всех за дверь. На какое-то время я даже забываю о том, что произошло утром. Почти. Затем дверь открывается, и.. разговоры постепенно стихают: кто-то откладывает карты, Дмитрий перестаёт чистить автомат, а Томас поднимает голову от своего отчёта. В дверном проёме появляется сопровождающий офицер, а за ним — *он*. Киллиан. Наши взгляды встречаются, и время будто спотыкается. Я не двигаюсь, он тоже. Вокруг меня продолжают находиться люди, слышится чей-то приглушённый голос, скрипит стул, но всё это мгновенно отдаляется, превращаясь в бессмысленный шум. Я смотрю на человека, которого считала частью своего прошлого, на человека, чьё появление не должно было ничего во мне менять, и понимаю, что всё это время врала самой себе. Он здесь. Снова передо мной. И теперь нам придётся находиться по одну сторону стены.

Глава 6

КИЛЛИАН

Прихожу в себя, чувствуя противное ощущения в руке. Первое, что замечаю, — потолок: белый, стерильный, до тошноты скучный. Всё остальное помещение не сильно от него отличается: стены белые, слева от меня окно, впереди металлический шкаф со стеклянными дверцами, внутри с медикаментами , какими-то банками и склянками, а справа дверь, тоже блин белая, с блестящей серой ручкой. Второе — собственное тело, распластанное на медицинской кушетке: руки привязаны к поручням, а к вене тянется трубка капельницы. Охренительно. Просто охренительно. Поворачиваю голову в сторону окна: там стол, за которым сидят двое медиков, а рядом с ними стоит мужчина в военной форме цвета, подозрительно напоминающий генерала своей выправкой и взглядом. Все трое уставились в компьютер и о чём-то тихо переговариваются, будто меня здесь вообще нет. Решаю прервать их увлекательную беседу коротким кашлем. Помогает. Мужчина в форме оборачивается первым.

— Значит, пришёл в себя. У нас есть несколько вопросов. Сразу предупреждаю: убивать тебя никто не собирается. Пока что. Хотя, судя по твоему состоянию, кто-то уже постарался на славу. — он подходит ближе, в руках у него плотная папка с документами, а двое ангелочков в белых халатах

остаются у стола, продолжая наблюдать за происходящим. Интересно.

— М-м-м… А где я, блять, вообще? — хриплю я. — И какого хрена меня привязали, как собаку? Для полного комплекта ошейник забыли нацепить.

Генерал не реагирует на мой тон, только переводит взгляд на монитор позади меня. Теперь замечаю провода, прикреплённые к моей груди и пальцам. Прекрасно. Ещё и подключили к какой-то хрени. Кажется, детектор.

— Ты помнишь, как тебя зовут? — спрашивает он. — И прежде чем начнёшь возмущаться: сейчас тебе никто ничего не собирается делать.

— Киллиан Кайертон.

Он бросает взгляд за кушетку, затем снова смотрит на меня.

— Что ты делал возле карантинной зоны?

— Где? — какой ещё карантинной зоны? Я пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь, но стоит мысленно потянуться к воспоминаниям, как в голове будто взрывается граната: резкая боль пробивает череп, заставляя меня вздрогнуть и зажмуриться.

— Блядь… — шиплю я от боли.

— Хорошо. Другой вопрос, — спокойно продолжает мужчина. — Что последнее ты помнишь?

Я тяжело дышу, пережидая приступ и хмурюсь.

— Я был военным. Служил в отряде «Рэд». Кажется, мы

получили приказ… отправились на задание. А потом…

Пытаюсь ухватиться за следующий фрагмент, но в голове пустота.

— А потом, сука, я не знаю! Что потом?! — меня выводит из себя это беспамятство, чувствую себя беспомощным. Я изгибаю брови и смотрю на человека перед собой.

Сбоку слышатся шаги: один из медиков подходит ближе, и я чувствую, как что-то тёплое стекает по верхней губе и подбородку. Кровь.

— Чёрт… — выдыхает врач.

Он прижимает салфетку к моему носу, а затем быстро осматривает меня; второй медик что-то проверяет на мониторе, и их спокойствие наконец начинает давать трещину. Отлично. Значит, не только мне здесь не весело.

— На данный момент в твоей крови обнаружены неизвестные препараты, — объясняет генерал. — Предположительно, они воздействовали на память и нервную

систему. Часть воспоминаний может вернуться со временем, но когда именно — неизвестно. Мы продолжим наблюдение.

Я молчу, пытаясь осмыслить услышанное. Неизвестные препараты. Провалы в памяти. Кровь из носа от малейшей попытки вспомнить прошлое. Кто бы ни держал меня всё это время, он явно не ограничивался обычными пытками.

— Теперь о твоём положении, — продолжает генерал. — Ты временно прикреплён к отряду «Зевс» под командовани-

ем капитана Гейзэл. Приказы, задания и установленный распорядок обязательны к исполнению.

Капитан Гейзэл. Фамилия отзывается в голове неприятным эхом, но не получается зацепиться за эту мысль. Не помню. Эрика?

— Тебя поставят на медицинский учёт. Каждый вечер в 21:00 будешь являться на осмотр. Первые три дня проведёшь отдельно от остальных, если состояние не ухудшится и медики не выявят угрозы для окружающих, тебя переведут в общую комнату отряда. — он договаривает и кивает в сторону двери.

— Форму получишь после осмотра. Оружие пока не выдаём. Через час за тобой придут и отведут к новому подразделению.

Я внимательно слушаю, не сводя с него глаз, и пытаюсь уловить хотя бы намёк на ложь, но мужчина держится уверенно: не суетится, не оправдывается, не пытается запугать. Похоже, говорит правду. Что ж. Могло быть хуже. Хотя, если честно, я уже не уверен, что именно в моей жизни считается худшим вариантом.

Обещанный час проходит быстрее, чем хотелось бы. Медики заканчивают осмотр, приводят моё лицо в более-менее человеческий вид и наконец освобождают руки. Ощущение такое, будто мне пихнули пачку ваты через нос и прям до мозга, но хотя бы больше не кажется, что череп вот-вот расколется. Медсестра, появившаяся незадолго до оконча-

ния осмотра, протягивает мне контейнер с таблетками и лист бумаги с назначениями.

— Принимай строго по расписанию. Если усилится головная боль, появится тошнота или снова пойдёт кровь, немедленно сообщи медикам. — добавила она.

— А если мне просто захочется сдохнуть от скуки?

Она смотрит на меня так, словно всерьёз обдумывает, стоит ли добавлять в список ещё один симптом.

— Тогда тоже сообщишь.

Уголок моего рта дёргается. Ладно. Чувство юмора здесь, кажется, не запрещено. Убираю лекарства и лист во внутренний карман формы, застёгиваю ремни и поправляю экипировку. Оружия, разумеется, нет. Без него я чувствую себя непривычно уязвимым, но спорить бесполезно. Ладно, вроде как я и справлялся без него, но с ним покруче. Самооценку мне хоть убавляй. В сопровождении двух бойцов покидаю медицинский блок. К счастью, без наручников. Иду молча, запоминая повороты, двери

и расположение постов, — привычка. Даже если сейчас я не знаю, где нахожусь, это ещё не значит, что так будет всегда. Через несколько минут сопровождающий слева останавливается перед одной из дверей и стучит. Не дожидаясь ответа, открывает её. И вот *она*. Великолепная, мать её, картина. Эрика. Моя маленькая кровавая фея лежит головой на коленях какого-то парня, совершенно спокойно слушая разговор остальных. На секунду я забываю, как дышать. Не из-

за того, что она рядом, — к этому я, кажется, уже успел подготовиться. Нет. Из-за его коленей. Серьёзно? У меня что, конкурент? Да нет, бред полный. Чувствую, как внутри поднимается горячая волна раздражения, адреналин ударяет в кровь, пальцы непроизвольно сжимаются. Спокойно, Кайертон. Ты даже не знаешь, кто этот тип, и уж точно не имеешь права предъявлять кому-либо претензии, ты не в том положении. Да почему вообще у меня есть претензии? Все находящиеся в комнате постепенно замолкают и поворачиваются к нам; их взгляды проходят по мне с нескрываемым любопытством, словно им только что доставили не нового бойца, а мумию фараона. Сопровождающий кашляет.

— Поздравляю с пополнением. Ваш новый боец. Капитан Гейзэл, вся информация по нему будет у генерала.

Боец? Капитан? Я медленно перевожу взгляд на Эрику. Она командует отрядом? Вот это уже интересно, нет, я уже понял, что она тут не просто наёмник, я прекрасно знаю, что женщины могут руководить подразделениями, дело не в этом; просто мысль о том,

что эта невысокая чертовка теперь отдаёт приказы целой группе бойцов, вызывает у меня слишком много вопросов. Как она вообще ходит с ними на задания? Они её не теряют по дороге? Пятеро здоровенных мужиков и их карманная статуэтка. Чёрт. Я едва сдерживаю усмешку. Эрика смотрит на меня с таким выражением лица, будто мысленно уже выбирает, куда именно меня закопать. Узнаю взгляд. Прохожу

к свободной койке, стараясь не задерживать на ней взгляд слишком долго. За спиной слышатся шаги: парень, на коленях которого она только что лежала, поднимается и протягивает мне руку.

— Эймен. Чувствуй себя как дома. — голос прозвучал непринуждённо и дружелюбно. Смотрю на его ладонь, затем пожимаю её.

— Киллиан. Можешь звать Кай. — отзываюсь я.

— Добро пожаловать в «Зевс», Кай. Расскажешь о себе? — он улыбается совершенно искренне: никакой враждебности, никакого подозрения.

— Наёмный киллер, исполнитель. — кратко пробормотал я, не зная, что ещё можно сказать, думаю хватит этого достаточно.

За его плечом Эрика молчит. Парень, который сидел за монитором, вдруг оживился и подошёл ко мне:

— Ну мы тут все не без греха. Я Томас.

Жму руку в ответ. Что ж, вполне себе, могло быть и хуже. Замечаю, как она следит за каждым моим движением, и понимаю: ей совершенно не хочется, чтобы остальные узнали, что мы уже встречались. Мило. Что ж, капитан Гейзэл, твоя тайна в безопасности. Пока что. Чувак, сидящий на кровати, подозрительно долго смотрит на меня, а потом задаёт вопрос:

— Ты в порядке? А то выглядишь так, будто побывал в жуткой резне. — он искренне заинтересован, судя по инто-

нации и взгляду.

Братан, да я, походу, в ней и был, только сам не в курсе, что со мной произошло.

— Ага, просто временное украшение. Скоро пройдёт. — ухмыляюсь, но, судя по его лицу, мой юмор его не впечатляет.

— Откуда ты? Как сюда попал? — спрашивает темноволосый парень, который до этого чистил автомат.

— Служил в «Рэд». А вот дальше без понятия. Я не помню.

Он приподнимает бровь и смотрит на меня так, будто ждёт нормального ответа. Да я, блять, действительно не знаю!

— А так вообще бывает? — подаёт голос боец, сидящий рядом с моим сатанёнком. — Получается, что так.

Гейзэл резко встаёт с койки и выходит вперёд.

— Я Эрика. Это Янис, Дмитрий, Рик. Можете познакомиться поближе. Я скоро вернусь.

С этими словами она выходит, громко хлопнув дверью. Психованная. Но да ладно: нужно бы узнать, что происходит. Сам Рейтаун знаком мне, относительно в памяти он у меня есть, но я тут не был. Наверное. Нет, точно не был. Замечаю, что Дмитрий странно смотрит на меня. Готовиться ли мне к новым побоям?

— Слушай, я, походу, слышал про тебя. Не ты ли тот психопат? Ваш отряд ещё ходил на особо опасные задания.

Так, я знаменит, правда, не в лучшем смысле. Я сам не

уверен, кто я до конца, но это, кажется, помню. Я киваю.

— Наверное. Не думаю, что в ближайшее время смогу ответить на ваши вопросы, однако думаю что да.

Больше никто ничего не спрашивает. Я продолжаю сидеть, уставившись в пол, и вспоминаю о бумажке, которую передала мне милая медсестра.

«3 раза в день по 2 капсулы синих и 4 раза в день по 2 капсулы красных».

Отлично. Мне ещё и на какой-то херне сидеть. Все чем-то заняты, а у меня даже собственных вещей нет, а нет, всё-таки одна осталась — серебряный брелок с кастетами. Для меня он что-то вроде талисмана, но с последними событиями сработал он херово. Немного посидев, я ощущаю, как в голову врезается сумасшедшая идея: Эрика. Что ж, пора встретиться.

Я узнал у Эйма, где здесь туалет, и покинул казарму. Прохожу несколько коридоров, и вот она. Убеждаюсь, что поблизости никого нет, и спокойно подхожу сзади, обхватываю её шею, и маленькая ручка тут же хватается за мою кисть. Наклоняюсь к самому уху и шепчу:

— Я так давно тебя не видел, что уже перестал верить в то, что ты существуешь.

Она прижимается ко мне задницей, и… Блять, только не сейчас. Возбуждение накрывает мгновенно, но почти сразу я чувствую, как ствол пистолета упирается мне в ногу. Серьёзно?

— Отойди, или я выстрелю.

— Как пожелаешь. — отпускаю её и делаю шаг назад; пистолет всё ещё в её руке. — Что ты тут делаешь? Какого чёрта вообще?

— Хм… Кажется, я скучал, — улыбаюсь ей и наклоняю голову набок.

Она зло щурится, и есть ощущение, что прямо сейчас мне прилетит пуля в колено, но я бы не против был. Продолжаем смотреть друг на друга, пока за моей спиной не раздаётся голос:

— Всё в порядке, капитан?

Ну конечно. Как же иначе. Эйм, блять. Его голос отличается от голосов остальных; уверен, куча девушек готовы были бы выжимать трусы только из-за того, как он звучит. Грёбаный кот. И, кажется, он неровно дышит к Гейзэл. Хах. Будет интересно понаблюдать.

— Да, проверяю, сколько пуль осталось. Кажется, пора пополнить запас, — сухо отвечает она. — Покажи ему здесь всё, расскажи, что к чему. Тренировка через час. Я к себе.

Она нервно заканчивает неправдоподобную фразу и быстро уходит, а у меня, кажется, намечается свидание с человеком, который бесит меня с первого взгляда. Конкурентов у меня тут не будет. Что ж, посмотрим, что к чему здесь. Подхожу к нему и улыбаюсь:

— Ну что, я так понимаю, ты мой гид на сегодня. Приступим к экскурсии?

Он проводит рукой по волосам, кивает, и мы направляемся по коридору в сторону тренировочных залов.

— База большая, но основные места отмечены указателями. В специальные блоки обычным военным входить запрещено: заметишь по сканеру пропусков. Только специальный допуск, или разрешение, ну ещё бывает приказ капитана.

Он продолжает жужжать возле уха, показывая руками, а я делаю вид, что мне очень интересно. Надо бы выйти на улицу, надеюсь, это тут разрешено, хотя если смотреть с другой стороны, к моей персоне тут повышенное внимание, но, думаю, в сопровождении этого светловолосого принца можно.

Глава 7

ЭРИКА

Чёрт. Чёрт, блять!

Влетаю в свою комнату и с такой силой пинаю берцем край кровати, что та заметно сдвигается. Мудак, выжал из меня все силы, а самое херовое — продолжает делать вид, будто ничего не знает.

Хах. Как, сука, можно не помнить?

Меня пробивает на нервный смех. Сначала тихий, почти беззвучный, а затем он становится громче, срываясь на какую-то нездоровую истерику.

Покойник из прошлого. В Рейтауне. В моём отряде.

Что за чертовщина?!

Может, сейчас кто-нибудь зайдёт сюда и скажет, что всё это сон? Что я просто задремала после очередного задания, а Киллиан Кайертон — очередная строчка в старом отчёте, не имеющая ко мне никакого отношения. Может, мне просто нужно проснуться? Да хоть бы кто-нибудь сказал, что у нас тренировка, очередное задание или что угодно, лишь бы всё вернулось на свои места.

Но нет. Я здесь. В своей комнате. А он действительно существует.

Руки начинают мелко дрожать. Сначала я не придаю этому значения, но спустя несколько секунд замечаю, что паль-

цы уже не слушаются. В груди появляется неприятная тяжесть, словно положили на неё бетонную плиту. Делаю глубокий вдох, но воздух будто застревает где-то в горле.

Что за хрень?

Комната начинает казаться непривычно тесной. Стены словно медленно приближаются, а привычные очертания мебели расплываются перед глазами.

Я резко опускаюсь на стул, упираясь ладонями в колени.

Спокойно, Эрика. Просто успокойся.

Вдох.

Выдох.

Не получается.

Сердце колотится, а в ушах появляется неприятный гул, дыхание становится коротким и рваным. Пытаюсь расстегнуть ворот своей формы, хотя понимаю, что дело совершенно не в нём.

Мне не хватает воздуха. Господи, да что со мной?!

Прижимаю ладонь к груди, пытаясь заставить себя дышать медленнее. В голове мелькают десятки мыслей, накладываясь одна на другую, и ни за одну из них невозможно ухватиться.

Киллиан.

Его лицо. Голос. Взгляд.

И самое паршивое — прикосновения.

До сих пор чувствую их на своей коже. Словно он за моей спиной, словно его руки по-прежнему удерживают меня, не

позволяя отстраниться.

Медленно поднимаю ладонь и касаюсь шеи там, где совсем недавно находились его пальцы.

На несколько секунд глаза закрываются.

Ты ведь хотела увидеть его, Эрика.

Внутренний голос звучит настолько отчётливо, что хочется заткнуть уши.

Даже после всего, что этот мудак сделал. Даже после того, как его отряд исчез. Признайся хотя бы себе сучка, что ты не была особенно расстроена, когда узнала об этом. А теперь посмотри на себя. Он вернулся, и что теперь?

Нет.

Нет, блять.

Резко распахиваю глаза и встряхиваю головой:

— Заткнись, — вырывается у меня.

В комнате по-прежнему тихо.

Я провожу ладонями по лицу и заставляю себя посмотреть на окружающие предметы. Стол. Комод. Кровать. Окно. Знакомые вещи. Моя комната. Никакой опасности. Я у себя.

Постепенно дыхание становится ровнее, хотя сердце всё ещё неприятно отдаёт в рёбра, пальцы продолжают дрожать, а на лбу выступает холодный пот.

Чёрт возьми.

Ненавижу это состояние. Ненавижу, когда не могу контролировать себя, собственные мысли и даже дыхание. Я привыкла держать всё под контролем, а сейчас не могу справить-

ся даже с собственными нервами.

Мне не нужны дополнительные проблемы. Моя голова и без того достаточно больна.

Нужно что-то делать.

Сидеть здесь сложа руки нельзя. Если я не могу получить ответы от него, придётся искать их самостоятельно.

Вспоминаю о папке с документами, которую передал мне генерал Ленэл. Кажется, я небрежно бросила её на свой захламлённый стол сразу после возвращения.

Творческий беспорядок. Наведу его когда-нибудь потом.

Открываю её и начинаю внимательно изучать содержимое.

Пропавший военнослужащий: Кайертон Киллиан.

Дата исчезновения: 12 мая 2049 года.

Состоял в отряде «Рэд» военной базы «Бартон».

Группа отправилась на получение секретного материала. Через два часа сигнал пропал. Отряд признан погибшим. При осмотре территории улик не обнаружено.

Переворачиваю страницу.

Данные: Киллиан Кайертон.

●

Наёмный киллер.

●

Исполнитель.

●

Профессиональный стрелок.

●

Владеет несколькими видами рукопашного боя.

Характеристики:

Возраст — 27 лет.

Вес — 95 кг.

Рост — 2,05 м.

Глаза — голубые.

Волосы — блондин.

Хронические заболевания — не выявлены.

СТАТУС: ПОГИБШИЙ.

Медленно перечитываю последнюю строчку.

Погибший.

Перевожу взгляд ниже, будто надеюсь обнаружить там какое-нибудь уточнение, способное объяснить весь этот абсурд.

Кайертон Киллиан. Погибший.

Погибший.

Погибший.

Слово словно застревает в голове, отдаваясь неприятным эхом.

Переворачиваю ещё несколько страниц.

Предварительное медицинское заключение. Доступ ограничен.

Заражение токсичными препаратами — не выявлено (?).

Биологический агент — не установлен?

Общее состояние организма оценивается как удовлетво-

рительное.

Отмечается отсутствие реакции на некоторые лекарственные средства либо повышенная чувствительность к ним.

Пострадавший не помнит последние два года жизни. При попытках восстановить отдельные эпизоды прошлого наблюдаются болевые реакции, кровотечения, а также приступы различной интенсивности.

Требуется консультация профессиональных специалистов и дополнительное медицинское обследование.

Кайертон Киллиан поставлен на медицинский учёт.

Замираю, задержав взгляд на последней строчке.

Не помнит два года?

Что с ним сделали?

И почему в документах ни единого нормального объяснения?

Отбрасываю папку на стол и провожу пальцами по переносице. Ничего не понятно, абсолютно ничего.

Достаю лист с назначением в отряд. Тут нет ни единой ошибки. Все данные совпадают, подписи на месте, приложенные документы оформлены правильно. Бартон, официально сообщил, что не имеет никакого отношения к его появлению в Рейтауне. Значит, существует посредник? Кто-то, кто сумел провести его через несколько военных структур, не оставив очевидных следов?

Или за его переводом стоит кто-то из командования?

Тогда где он находился все эти два года? Почему числился погибшим? И каким образом вообще оказался жив?

Его отряд выполнял задание в Чёрном квадрате, как и наш. Что могло произойти на той территории? Почему «Рэд» исчез вместе с «Сектором», а теперь передо мной сидит один из тех, кого давно похоронили в официальных отчётах? И почему именно он?

Несколько минут сижу, уставившись в стену, пытаясь собрать мысли в единую картину. Безуспешно.

Должна быть какая-то зацепка. Маленькая, незначительная деталь, которую кто-то упустил. В подобных делах редко бывает всё настолько безупречно. Всегда остаётся след, нужно лишь знать, где искать.

Придётся поговорить с генералом. Хотя я прекрасно понимаю, что если ему что-то известно, он вряд ли поспешит делиться этим со мной. Ситуация слишком серьёзная, чтобы посвящать в неё каждого желающего, но я не собираюсь оставаться в стороне.

В прошлом Киллиан был профессиональным наёмником. Когда меня перевели в Рейтаун, я потратила немало времени на изучение его прошлого. Пришлось залезть в несколько закрытых систем, воспользоваться сомнительными поисковиками и даже выкупить часть информации у хакеров. Благо военная зарплата позволяет. Всё равно тратить её особо некуда.

Его отряд «Рэд» славился своими бойцами. Настоящие

головорезы, каждый со своей специализацией и внушительным послужным списком. В их составе были люди и похуже него.

Киллиану 27, он старше меня на два года. Точная информация о его детстве практически отсутствует. Известно лишь, что «Бартон» забрал его ещё подростком. Неуправляемый, агрессивный, склонный к насилию — именно так его описывали в нескольких найденных документах.

Видимо, база решила направить всё это в нужное русло, превратив его в профессионального убийцу.

И у них получилось.

Он стал единственным человеком за долгое время, который действительно сумел меня заинтересовать. Хотя, если быть честной, слово «заинтересовать» здесь звучит слишком мягко.

В какой-то степени он был моим кошмаром.

Кошмаром с дьявольски красивым лицом.

Откидываюсь на спинку стула и прикрываю глаза. Перед внутренним взором снова возникает его лицо. Невозмутимое выражение, холодный взгляд и эта чёртова манера говорить так, словно ему плевать на всё происходящее.

Особенно на то, что он когда-то сделал.

Сжимаю челюсть.

Нет. Я не собираюсь позволять ему снова залезть мне под кожу.

Время незаметно подбирается к вечеру. Понимаю, что

ещё немного — и я окончательно застряну в этих бумагах, поэтому решаю отправиться в тренировочный блок к остальным. Сидеть здесь смысла нет, тем более сегодня он будет тренироваться вместе с нами. Посмотрим, на что способен наш воскресший покойник.

Поднимаюсь, достаю из шкафа чёрную футболку и переодеваюсь. Собираю волосы в небрежный пучок, проверяю рацию и бросаю последний взгляд на документы, оставленные на столе.

Пояс с оружием и кобура остаются на кровати, для тренировки они мне не понадобятся.

Нужно спрятать папку в ящик стола, никто видеть не должен это.

Пора. Покидаю своё тёмное логово, направляясь в тренировочный блок.

Захожу в тренировочный зал. Все уже на месте, каждый занят своими делами. Кто-то разминается, кто-то отрабатывает удары на грушах, а кто-то возится с тренировочным оборудованием.

За исключением двух придурков.

Рик и, блять, Киллиан.

Похоже, они уже нашли общие темы и увлечённо точат языками. Судя по выражению лица Рика, разговор явно доставляет ему удовольствие. Ну конечно. Два метра неприятностей и один профессиональный провокатор. Чего ещё ожидать?

Ладно. Раз уж его определили в мой отряд, нужно понять, на что он способен. То, что я помню о нём, может оказаться обманчивым. Я видела, как он обращается с оружием, знаю некоторые особенности его боевой подготовки, но прошло уже пять лет. Люди меняются. Навыки теряются, приобретаются новые, а после всего, что с ним произошло, я вообще не могу быть уверена ни в чём.

Подхожу к скамейке, ставлю бутылку с водой и осматриваю зал, прикидывая, с чего начать тренировку.

И тут над головой словно загорается лампочка.

Спарринг.

Отлично. Именно то, что нужно.

— Ян, Кайертон. На маты.

Несколько человек оборачиваются. Рик прекращает разговор и с интересом переводит взгляд на меня, а Киллиан, кажется, даже не удивлён.

Хочу посмотреть на блестящие навыки нашего мастера. Раз он когда-то славился как один из лучших бойцов «Бартона» и о нём ходили самые разные слухи, пусть продемонстрирует свои способности. Уверена, слабые места у него тоже имеются. Место, куда можно ударить, причинить боль, заставить потерять равновесие. У каждого есть уязвимая точка. Главное — вовремя её обнаружить.

Ян выходит на площадку первым. Кайертон следует за ним, неспешно разминая кисти. Наши взгляды встречаются. На его лице появляется знакомая ухмылка, а затем он под-

мигивает мне. Серьёзно? Делаю вид, что этого не замечаю, даже бровью не веду, хотя внутри уже начинает закипать раздражение.

Подхожу ближе к краю матов, скрещиваю руки на груди.

Несколько секунд мужчины оценивают друг друга. Ян принимает боевую стойку, Киллиан же выглядит так, словно оказался здесь исключительно ради развлечения. Ни малейшего напряжения в плечах, ни лишних движений.

Самоуверенный ублюдок.

Первым атакует Ян.

Резкий выпад, направленный в корпус. Кайертон практически незаметно смещается в сторону, пропуская удар мимо себя. Следующий блокирует предплечьем, от третьей атаки уходит с такой лёгкостью, будто заранее знал, куда именно ударит противник.

А затем всё происходит настолько быстро, что я не сразу успеваю осознать увиденное.

Короткий удар в корпус. Мгновенный разворот, точное движение, и следующий удар приходится в область челюсти.

Ян теряет равновесие и с глухим стуком падает на маты.

Несколько секунд в зале стоит абсолютная тишина.

Киллиан делает ещё один шаг вперёд, словно собирается продолжить, но его останавливает Эйм, выставляя руку между ними.

— Хватит.

Я перевожу взгляд на Яна, затем обратно на Кайертона.

Во мне мгновенно поднимается волна злости. Ян отличный боец. У него поставленная техника, хорошая реакция и немалый опыт. Я не припоминаю, чтобы кто-то укладывал его за пару секунд. А этот придурок даже не успел запыхаться. Что он такое, чёрт возьми? Дмитрий подходит следом. Его взгляд сначала останавливается на Яне, затем перемещается на Киллиана. Судя по выражению лица, он удивлён не меньше остальных.

Он делает шаг вперёд и кладёт ладони Кайертону на плечи.

— Стоп. Ты же не собираешься его добивать? Мы на тренировке. Расслабься.

Ян, всё ещё приходя в себя, выставляет руки перед собой, показывая, что бой окончен, и только тогда Киллиан останавливается окончательно.

На его лице не появляется ни единой эмоции. Голубые глаза остаются пустыми, дыхание ровным, а тело — совершенно расслабленным. Словно только что он не уложил одного из лучших бойцов моего отряда, а просто выполнил рядовое упражнение.

Внимательно наблюдаю за ним, пытаясь уловить хоть какую-нибудь реакцию. Удовлетворение? Азарт? Злость? Ничего. Надеюсь, этот придурок не поймает звезду после одного удачного боя. Его прошлое манит меня всё сильнее. Хочется узнать, что скрывается за этим спокойным лицом, влезть ему в голову, разобрать каждую деталь, понять, что

именно с ним сделали и почему он ничего не помнит.

Я хочу влезть в эту чёрную душу.

Принимаю решение закончить спарринг и перейти к дальнейшим упражнениям. Не собираюсь показывать, насколько меня впечатлило увиденное.

Подлец.

Его скорость, точность и реакция были превосходны. Причём дело даже не в силе удара, а в том, насколько быстро он просчитывал движения противника. Он практически не тратил лишней энергии.

Отдаю дальнейшие команды ровным, чеканным голосом, словно мы только что отработали самый обычный учебный бой, тренировка продолжается в привычном темпе. Свист рассекаемого воздуха, глухие удары, тяжёлое дыхание бойцов — знакомая симфония, к которой я давно привыкла.

Напряжение постепенно спадает, каждый возвращается к своим упражнениям, а я уже мысленно переключаюсь на следующие задачи.

Как вдруг происходит нечто совершенно неожиданное.

Глухой удар о пол заставляет меня резко обернуться.

Киллиан.

Все происходит в замедленном действии, а звуки смешиваются. Он стоит на коленях, согнувшись почти пополам. Одна рука упирается в мат, другая судорожно сжимает голову. Пальцы впиваются в волосы, а плечи начинают мелко подрагивать.

— Кайертон? — произношу я, не сразу понимая, что происходит.

Он не отвечает.

В следующую секунду из его носа начинает течь кровь. Сначала тонкой струйкой, затем значительно сильнее, заливая верхнюю губу и подбородок. Несколько капель падают прямо на маты.

Киллиан издаёт резкий, надрывный крик.

Совсем не похожий на обычный стон от боли.

Он пытается вдохнуть, но не может. Судорожно хватается за виски обеими руками, сжимая голову так, будто пытается удержать черепную коробку на месте. Его тело напрягается, спина выгибается, а из груди вырывается ещё один крик.

На мгновение кажется, что я вижу перед собой совершенно другого человека. Не того самоуверенного ублюдка, который несколько минут назад с лёгкостью уложил Яна. Сейчас передо мной человек, которому настолько больно, что он едва способен осознавать происходящее.

— Чёрт! — вырывается у меня.

Том реагирует быстрее всех. Срывается с места, достаёт аптечку из крепления на стене и практически бегом направляется к Киллиану, на ходу раскрывая замки. Дмитрий приседает рядом, пытаясь привлечь его внимание, но тот словно ничего не слышит. Киллиан продолжает сжимать голову, а его дыхание становится всё более рваным.

— Не трогайте его резко! — выкрикивает Том, опускаясь

рядом с ним.

Я делаю несколько шагов вперёд, чувствуя, как внутри всё неприятно сжимается.

Что с ним происходит?

Ещё несколько минут назад он был совершенно здоров. Ни малейшего признака недомогания, ни одной жалобы.

А теперь...

Кровь.

Судороги.

Невыносимая боль.

В голове вспыхивает неприятное воспоминание, но я тут же отгоняю его. Сейчас не время.

Мой голос звучит жёстко и громко, перекрывая шум в зале:

— Позовите охрану! Его нужно немедленно доставить в медблок!

Рик уже достаёт рацию, связываясь с дежурными. Эйм отодвигает тренировочное оборудование, освобождая пространство, а Том продолжает осматривать Киллиана, Ян подбегает с бутылкой водой, пытаясь что нибудь сделать. От его крови все мажется по одежде и рукам остальных, крик не останавливается.

Не проходит и минуты, как двери распахиваются и в зал заходят двое охранников вместе с медицинским персоналом.

Кайертон уже практически не реагирует на происходящее. Его голова безвольно опускается набок, и в следующую се-

кунду он теряет сознание.

Его осторожно поднимают и уносят из зала. Я провожаю их взглядом, пока двери снова не закрываются.

Эйм берёт несколько полотенец и принимается вытирать пол. Рик стоит неподалёку, держа в руках рацию. Его взгляд то и дело возвращается ко мне, словно он ждёт объяснений.

Но что я должна ему сказать?

Что понятия не имею, что только что произошло?

Что у меня есть подозрения, которые мне совершенно не хочется подтверждать?

Или что я уже видела подобное?

Не позволяю навязчивым мыслям окончательно завладеть головой. Сейчас я командир, а не человек, который собирается стоять посреди зала и гадать о чужих диагнозах.

— Тренировка продолжается!

Мой голос звучит громче, чем я рассчитывала.

Разворачиваюсь и направляюсь к боксёрской груше. Нужно выпустить накопившееся напряжение, иначе я просто взорвусь.

Наношу первый удар.

Затем второй.

Третий.

Последний раз подобный инцидент я видела ещё на своей старой базе.

Тогда у бойца из соседнего отряда внезапно началась сильная головная боль. Сначала он жаловался на давление

в висках, затем появились кровь из носа и судороги. Его состояние ухудшалось буквально на глазах.

Через час он погиб.

В заключении указали кровоизлияние в мозг.

Ужасное зрелище.

После этого ходили слухи, что незадолго до происшествия ему сделали прививку от какой-то группы вирусов. Ничего необычного, обычная практика на военных объектах. Но почему тогда всё закончилось именно так? Что произошло с его телом после смерти, никто не знал. По крайней мере, официально. Думаю, его просто похоронили.

На той базе военные практически не общались друг с другом. Начальство держало всех в строгой дисциплине, никаких лишних разговоров и знакомств. Каждый занимался своим делом, получал приказ и выполнял его. Задания выдавались через главных дежурных. Если возникали вопросы — добро пожаловать в очередь. Не выполнил приказ или решил проявить характер? Двое суток ада обеспечены.

Я никогда не пересекалась с тем бойцом лично. Даже имени его сейчас не вспомню.

Но симптомы...

Чёрт.

Я снова наношу удар по груше, чувствуя, как отзываются разбитые костяшки.

Неужели с Киллианом происходит то же самое?

Или это как-то связано с тем, что он не помнит последние

два года своей жизни?

Слишком много совпадений.

Остаток тренировочного вечера проходит быстрее, чем я рассчитывала. Кайертон так и не возвращается. Жив он или уже подох — тоже неизвестно. Надеюсь, всё-таки первое. Этот человек — настоящая загадка, и, судя по всему, генералу он нужен не меньше, чем мне сейчас необходимы ответы.

Наконец зал пустеет.

Прислоняюсь спиной к стене и медленно сползаю на пол. Ноги гудят, плечи неприятно ноют, а костяшки пальцев разбиты до крови. Зачем я вообще надела кастеты под бинты, до сих пор не понимаю. Наверное, в каком-то плане я мазохистка.

Провожу языком по внутренней стороне щеки и прикрываю глаза.

Тишина.

Только лампы под потолком изредка потрескивают, да где-то в глубине здания слышны приглушённые звуки работающей вентиляции.

Мой мозг предельно напряжён. Слишком много событий для одного вечера. Сначала Киллиан, затем его документы, спарринг, а теперь ещё и этот чёртов приступ.

Нужно уходить отсюда.

Отталкиваясь ладонями от пола, поднимаюсь и направляюсь к скамейке, чтобы собрать оставленные вещи. Бутылка с водой и флиска. Не хочу оставлять здесь ничего, иначе зав-

тра снова придётся возвращаться.

Снимаю бинты и делаю несколько глотков. В этот момент за спиной раздаётся щелчок открывающейся двери. Наверное, дежурный решил проверить, не остался ли кто-нибудь в зале. Но вместо привычного оклика слышу приближающиеся шаги. В нос ударяет знакомый аромат кедра и табака.

Рик.

Его сильная рука мягко скользит по моей спине, а затем обхватывает талию. Он притягивает меня к себе, и я прижимаюсь спиной к его груди.

— Хочешь поиграть? — тихо шепчет он мне на ухо.

Уголок моих губ приподнимается.

— Места получше не нашлось?

— То есть ты не против?

Поворачиваюсь к нему лицом.

На нём только чёрные спортивные штаны. Мой взгляд невольно скользит по его торсу и задерживается на поясе. Рик замечает это и довольно усмехается.

Обвиваю руками его шею, и он наклоняется ко мне. Поцелуй начинается мягко, почти осторожно. Рик нежно прикусывает мою нижнюю губу, а затем подхватывает меня на руки. Я обхватываю ногами его талию, и он опускается на скамейку, притягивая меня ближе.

Медленно двигаюсь у него на коленях, чувствуя, как его ладони скользят по моим бёдрам. Тихий стон срывается с губ прямо в поцелуй.

— Ты играешь не по правилам, капитан. Только сильнее меня дразнишь.

Его пальцы крепче сжимают мои бёдра. Не знаю, зачем продолжаю, но вместо того, чтобы отстраниться, прижимаюсь к нему ещё теснее. Мои руки скользят по его телу, а поцелуй становится всё настойчивее.

— Блядь, я бы тебя трахнул, — хрипло произносит он, отстраняясь всего на пару сантиметров. — От твоих движений я сейчас просто кончу в штаны.

— Отлично. У тебя же есть другая одежда. Переоденешься.

— Сучка.

Улыбаюсь ему в губы и снова целую.

Всё это продолжается ещё несколько минут, пока внезапно не ощущаю чей-то взгляд на своей спине. По телу пробегает неприятный холодок. Что-то не так.

Открываю глаза.

Рик всё ещё целует меня, иногда слегка прикусывая губы, но его взгляд направлен куда-то поверх моего плеча. В глубине его зрачков отражается силуэт человека, стоящего в дверях.

На мгновение замираю.

Затем дверь с грохотом захлопывается.

Резко отстраняюсь, упираясь ладонями в грудь Рика.

— Что за нахрен? Кто это был?

Он переводит взгляд на меня. Судя по выражению его ли-

ца, этот идиот ещё раздумывает, стоит ли говорить правду.

— М-м… Вроде Киллиан? Да, точно.

Блять.

Спускаюсь с его колен. Его рука неохотно отпускает мою талию, а сам он только ухмыляется, опуская взгляд. Я прекрасно понимаю, как всё это могло выглядеть со стороны, но желание продолжать наши игры здесь и сейчас окончательно пропало.

Подбираю свои вещи и бросаю на него раздражённый взгляд.

— Избавь меня от тупых вопросов. Если в твоей голове уже сложилась какая-то картина, нарисуй новую.

Рик усмехается, поднимает руки в примирительном жесте и ничего не отвечает. Быстро покидаю зал и направляюсь к себе.

Почему я вообще ушла?

Я ведь не собираюсь оправдываться. И уж тем более перед Киллианом. Хотя, если честно, я бы не хотела, чтобы кто-нибудь узнал о наших с Риком играх. Мы занимаемся этим исключительно ради отвлечения. Никаких чувств к нему я не испытываю. Думаю, с его стороны всё точно так же. Только взаимное влечение, ничего больше. Но мне стало не по себе от одной мысли, что Киллиан случайно увидел нас.

Чёрт.

Он мне никто. Абсолютно никто. Тогда почему этот придурок вызвал во мне такое странное чувство вины? Словно

я сделала что-то неправильное. Словно должна была перед кем-то оправдаться.

Но за что?

Надо немедленно выбросить это из головы. Я никому ничего не должна. Я принадлежу только себе и имею полное право делать всё, что захочу, с кем захочу и когда захочу. И уж точно не собираюсь менять своё поведение из-за человека, который даже не входит в мою жизнь.

Бросаю свои вещи в комнате и спускаюсь в кабинет дежурных и охраны. Мне нужно узнать о состоянии придурка, который без видимой причины потерял сознание, а мне до сих пор никто ничего не сообщил.

Что с ним всё-таки произошло — тайна века.

Внутри находятся двое. Кажется, Сэм и Джон. Один спокойно читает какой-то журнал, а второй… занимается грёбаным оригами?!

Серьёзно?

— У вас работы нет?

Оба подскакивают со своих стульев и тут же переводят на меня взгляды.

— Ой, капитан, простите, мы…

— Да похеру мне, чем вы тут занимаетесь. Где боец из моего отряда? Киллиан Кайертон.

Они переглядываются. Сэм, кажется, собирается что-то ответить, но первым заговаривает Джон:

— Его недавно отпустили из медблока. Я отводил его в

выделенную ему временную комнату.

Нахмуриваюсь.

— Отпустили? После того, что с ним произошло?

— Да, капитан. Медики сказали, что сейчас его состояние стабильное.

— И это всё, что вы знаете?

Джон неловко переминается с ноги на ногу.

— Больше нам ничего не сообщили.

— В какой комнате он находится?

— В вашем корпусе, второй этаж, комната 12.

Киваю, разворачиваюсь и направляюсь к выходу. Но уже у двери останавливаюсь и бросаю через плечо:

— И на будущее: если боец из моего отряда оказывается в медблоке, я хочу узнавать об этом не случайно и не через допрос дежурных. Ясно?

— Так точно, капитан!

Выхожу, оставляя их наедине с журналом и бумажными журавликами.

Глава 8

ЭРИКА

Рано утром, сразу после завтрака, планирую поговорить с генералом. Есть несколько моментов, которые хотелось бы прояснить, и откладывать этот разговор дальше не вижу смысла.

Киллиан в столовую так и не явился, хотя, насколько помню, Дима и Том вчера объяснили ему, во сколько у нас обычно завтрак. Ладно. Надеюсь, это не своеобразная форма протеста против нового места службы.

Сижу, рассеянно глядя в одну точку и обхватив ладонями кружку с чаем. Аппетита практически нет. Впрочем, остальные, судя по всему, компенсируют отсутствие моего энтузиазма: с удовольствием уплетают рисовую кашу и бутерброды с сыром.

Ужин вчера я также пропустила — кусок в горло не лез.

Ночью снова случился приступ паники. Сон продлился от силы три часа, и моё лицо сейчас служит наглядным подтверждением того, насколько отвратительно я выгляжу после подобных ночей. Под глазами залегли тени, веки тяжёлые, а голова словно набита ватой. Ловлю на себе взгляд Рика. Он развалился на стуле, лениво потягивая кофе. Надеюсь, после вчерашнего у него хватит благоразумия не задавать лишних вопросов. Хотя кого я обманываю? Благоразумие и Рик —

понятия, которые редко встречаются в одном предложении. Остальные о чём-то спорят, перебивая друг друга и периодически смеясь. Их разговор проходит мимо моих ушей, я почти не улавливаю смысла сказанного, потому что мысли заняты совсем другим.

Мне теперь нужно поговорить с человеком, который, кажется, способен испепелить меня одним только взглядом.

— Что же ты хочешь узнать, Рик?

Он приподнимает бровь. На лице появляется знакомая ухмылка. Рик окидывает взглядом столовую, словно проверяет, не прислушивается ли кто-нибудь к нашему разговору, и только после этого отвечает:

— Мефисто, сколько ты уже не спишь? Тебя генерал скоро повесит или заставит врачей напичкать таблетками.

Чёрт. Две новости: хорошая и плохая. Начну с хорошей — Рику, похоже, совершенно плевать на то, что между нами происходило. Хотя какие там отношения? Чистое баловство, взаимное влечение и ничего больше.

Плохая — он, как обычно, прав.

О моих проблемах со сном знают практически все. В среднем я сплю около четырёх часов в сутки, за что уже не раз получала нагоняй. И от медиков, и от Генерала. Мне даже пытались назначать препараты, но заставить себя нормально отдыхать всё равно не получается. Моя голова напоминает огромную, беспорядочную библиотеку, в которой кто-то намеренно перепутал все книги. Ты заходишь туда в надеж-

де найти единственный томик, способный, хотя бы ненадолго успокоить мысли, но вместо этого бесконечно блуждаешь между стеллажами. Одна мысль цепляется за другую, воспоминания перемешиваются с планами, а нерешённые вопросы разрастаются до масштабов катастрофы. Иногда, я просто лежу с закрытыми глазами, или разглядывая свет ночника на потолке, бывает, встаю и заполняю отчёты, пока не начинает клонить в сон. В редких случаях пробираюсь в тренировочный зал или тир, чтобы вымотать себя настолько, чтобы организм наконец потребовал отдыха.

Не всегда помогает.

Одиночество стало привычным, хотя временами его тяжесть ощущается почти физически, наверное, так даже проще. Меньше объяснений, меньше лишних вопросов, меньше людей, которым приходится показывать то, что я всегда предпочитаю держать при себе. Своими мыслями я не хочу нагружать отряд. У каждого хватает собственных проблем, и последнее, что им нужно, — ещё и разбираться с моими.

Но они всё равно замечают.

«Эри, поговори с нами. Тебе же тяжело. Ты не можешь тащить всё на себе. Капитан, ты не одна, доверяй нам».

Сколько раз я слышала эти слова?

И каждый раз отвечала примерно одно и то же. Что всё нормально, что я справляюсь, что им не о чем беспокоиться. Удобная ложь. Особенно, когда повторяешь её достаточно часто, чтобы однажды самой поверить.

— Опять задумалась, дитя демона. Я вообще-то здесь. Может, поделишься со мной? Я всё-таки переживаю за своего капитана.

Возвращаю взгляд к Рику. Он смотрит на меня уже без прежней ухмылки, чуть склонив голову набок.

— Всё нормально, Рик. Вполне как обычно.

— Конечно. Почему я не удивлён этому ответу?

Он делает очередной глоток кофе и качает головой улыбаясь.

— Знаешь, когда-нибудь тебе придётся придумать что-нибудь пооригинальнее. Хотя бы для разнообразия. Я всё вижу, ты мне небезразлична, и ты это знаешь. Мы знакомы уже 5 лет, а ответ у тебя всегда один и тот же.

Опускаю глаза. Рука Рика осторожно находит мою под столом. Он переплетает наши пальцы, мягко поглаживая их, а затем слегка сжимает ладонь. Я не двигаюсь, даже не пытаюсь ответить на его прикосновение. Просто сижу, словно какая-то бесчувственная мумия. Чёртова ледяная глыба.

Несколько лет назад я бы, наверное, без раздумий бросилась в его объятия. Поверила бы каждому ласковому слову, каждому обещанию, позволила бы себе расслабиться и хотя бы на мгновение почувствовать, что кому-то действительно нужна.

Но сейчас всё иначе.

Я будто разучилась испытывать подобные чувства. Не знаю, каково это — быть по-настоящему нужной человеку,

когда тебя любят не за что-то, не ради собственной выгоды, а когда ради тебя готовы на многое, открывают свою душу и не боятся показать слабость. Но мне, знакома совсем другая сторона отношений. Когда тебя используют, обманывают, изменяют и в конце концов предают. Когда слова оказываются пустыми, обещания ничего не стоят, а доверие становится очередной ошибкой, за которую приходится расплачиваться.

Рик хороший человек. Хотя временами, конечно, тот ещё придурок.

Поначалу мы не ладили. Точнее, даже не особо обращали друг на друга внимание. Но несколько совместных заданий, ещё до того, как мы стали одним отрядом, постепенно сблизили нас. Я узнала его лучше, он — меня. Со временем между нами появилась та самая лёгкость, когда можно не подбирать слова, не притворяться кем-то другим и просто быть собой.

Он никогда не требовал от меня взаимности. Не ставил условий, не пытался добиться обещаний и не заставлял чувствовать себя виноватой за то, что я не могу ответить ему тем же. Он просто оставался рядом.

Как друг. Как человек, которому я могу доверять.

Не больше.

Иногда с ним действительно удаётся забыться. На несколько минут отключить голову, перестать прокручивать в мыслях бесконечные проблемы, не вспоминать прошлое

и не думать о будущем. Просто почувствовать хоть что-то, кроме привычной пустоты. Мы оба разделяем одну позицию, и в таком мире нас вполне это устраивает.

Захожу в кабинет генерала на назначенную встречу. Честно говоря, мне очень интересно узнать последние новости. Хотя, зная нашу ситуацию, не исключаю, что вместо ответов получу ещё десяток новых вопросов.

Опускаюсь в кресло напротив стола, беру бутылку воды и смотрю прямо на него. По выражению лица генерала заметно, что он немного напряжён. Взгляд задумчивый, брови слегка сведены, а пальцы постукивают по большому столу. Кажется, сегодня мы с ним в одинаковом положении: оба хотим разобраться в происходящем, но пока не имеем ни малейшего представления, с чего начинать.

— Кайертона вчера увели в медблок. Обратно его так и не привели, — произношу я.

— Мне уже сообщили.

Поворачиваю голову и вопросительно смотрю на него.

Человек не получил ни единого удара, но внезапно рухнул на колени, потеряв сознание, с сильным носовым кровотечением. И что, чёрт возьми, с ним не так? В каких бы сложных отношениях мы ни находились, он всё-таки боец моего отряда. И я имею полное право знать, что происходит с человеком, за которого несу ответственность.

А может, ты просто переживаешь, Эрика? Ты ведь постоянно врёшь самой себе. Может, пора хотя бы раз при-

знать это?

Отгоняю назойливую мысль и возвращаю внимание к генералу.

— Вчера его проверяли на детекторе лжи. Результаты подтвердили, что он действительно ничего не помнит. У него взяли кровь на расширенный комплекс анализов. В организме обнаружены вещества, которые нашей лаборатории пока не удалось идентифицировать. Судя по предварительным результатам, речь идёт о каких-то экспериментальных препаратах. Возможно, это чья-то частная разработка. Кайертон поставлен на медицинский учёт, но с чем именно мы имеем дело, я пока и сам не разобрался.

— Он не помнит вообще ничего или только определённый период своей жизни?

— Он знает, кто он. Помнит, что состоял в отряде и находился в Бартоне. А дальше — пустота. Киллиана обнаружили избитым. На теле сохранились свежие следы инъекций, причём некоторые из них выглядят так, будто препараты вводили неоднократно. Я, честно говоря, не понимаю, как он вообще остался жив и при этом способен нормально передвигаться. В его организме столько неизвестных соединений, что впору проводить отдельное исследование всей этой химической коллекции.

Генерал ненадолго замолкает, откидывается на спинку кресла и сцепляет пальцы в замок.

— Первые три дня он будет находиться отдельно от ва-

шего отряда. Думаю, этого времени хватит, чтобы провести дополнительные обследования и хотя бы приблизительно установить, представляет ли он опасность для окружающих. Комната будет запираться на ключ, за ним закреплена охрана. Подъём, распорядок дня и все перемещения — под контролем. Агрессии с его стороны пока не замечено, поэтому не думаю, что нам стоит беспокоиться раньше времени.

Значит, он теперь находится под строгим надзором. И проблемы у него действительно серьёзные. Блять, похоже, всё гораздо сложнее, чем я предполагала.

Наш разговор затягивается ещё примерно на сорок минут. К концу встречи голова буквально раскалывается от обилия информации. Генерал сообщает немало подробностей, но ответов на главные вопросы по-прежнему нет. Скорее наоборот — с каждой новой деталью ситуация становится всё запутаннее.

После встречи возвращаюсь к себе, прихватив дополнительную папку с документами из медблока. Внутри результаты анализов, данные с детектора лжи, фотографии побоев и подробные медицинские заключения с описанием полученных повреждений.

Позже разберусь. Сейчас читать всё это на горячую голову бессмысленно. Усталость притупляет внимание, а я не могу позволить себе пропустить что-нибудь важное из-за собственной невнимательности.

Бросаю все на тумбочку и падаю на кровать прямо в одеж-

де. Несколько минут просто смотрю в потолок, пытаясь привести мысли в порядок.

Всё происходящее напоминает какой-то бред сумасшедшего. Человек из моего прошлого теперь находится здесь. На одной со мной базе. В моём отряде. Ближе уже некуда. С ним происходят необъяснимые вещи, генерал явно не договаривает каких-то деталей, а вокруг меня скапливаются документы, которые пока дают больше вопросов, чем ответов.

У меня нет сил. Я морально истощена, словно внутри от меня остался только тлеющий пепел. Хочется исчезнуть хотя бы на несколько дней, чтобы никто не трогал, не задавал вопросов и не ждал от меня очередных решений.

Сегодня как раз выходной. Я могу заниматься чем угодно, но единственное желание — провести весь день в этой комнате, желательно не открывая глаз.

Раздаётся тихий стук в дверь.

— Входите.

Слышу неспешные шаги, приближающиеся к кровати. Даже не открывая глаз, чувствую знакомый запах кедра и табака.

Тёплая ладонь осторожно убирает прядь волос с моего лица, а подушечка пальца нежно скользит по щеке. Вдыхаю знакомый аромат, но внутреннее напряжение никуда не исчезает.

— Можешь ничего не говорить. Я просто побуду рядом.

Матрас слегка прогибается, когда он ложится рядом. Рик

устраивает мою голову у себя на плече, обнимает одной рукой и притягивает ближе. Я устраиваюсь удобнее, утыкаясь лицом в его плечо. Его пальцы неторопливо перебирают мои волосы, и по телу пробегает лёгкая дрожь.

— Может, пойдём постреляем в тир? — предлагает он спустя некоторое время. — Или могу украсть тебе конфет из столовой.

Приоткрываю глаза и поднимаю голову.

— Рик, ты что, дурак? Вы до сих пор их таскаете?

Шлёпаю его ладонью по груди. В ответ он только громче смеётся, запрокидывая голову.

Могу поставить всю базу на то, что именно ему принадлежала первоначальная идея. У нас с Риком есть одна общая черта: мы оба способны ввязаться в какую-нибудь сомнительную авантюру, а потом ещё долго смеяться над последствиями.

— Ладно, Мефисто, я шучу. Но предложение насчёт тира остаётся в силе. Можешь, конечно, продолжать лежать здесь, спать или сидеть в одиночестве и плевать в потолок. Вариантов у тебя, как видишь, предостаточно.

— А остальные где?

— Дмитрий и Эйм сейчас проводят разбирательство с мародёрами в камере пыток. Том опять завис за компьютером, а Ян и Киллиан… без понятия. Не видел их сегодня, может в тренажерном зале?

Имя последнего заставляет меня на долю секунды заме-

реть.

Киллиан.

Сердце предательски ускоряет ритм, будто я только что получила какую-то важную новость. Глупо. Я ведь сама не понимаю, почему меня вообще должно волновать, где он находится и чем занимается.

Да? Может потому что ты полная дура, и не можешь признать себе, что он запал тебе в душу?

Стараюсь никак не выдать своей реакции и, словно совершенно случайно вспомнив о Рике, меняю положение.

Переворачиваюсь и забираюсь сверху, упираясь ладонями в его грудь. Он удивлённо приподнимает бровь, а затем его губы растягиваются в довольной ухмылке.

— Вот это уже интереснее, — произносит он.

Его руки ложатся мне на талию, а затем скользят ниже, крепко обхватывая бёдра. Я наклоняюсь к нему, и наши губы встречаются в поцелуе. Сначала он осторожный, но уже через несколько секунд становится настойчивее.

Из моей груди вырывается тихий стон.

На какое-то мгновение всё остальное перестаёт существовать. Никаких документов, неизвестных препаратов, генералов и людей, которые почему-то продолжают занимать мои мысли, даже когда я отчаянно пытаюсь о них не думать.

Но есть одна проблема.

Он опять меня целует, а я ничего не чувствую.

Блять. Совершенно ничего.

Только физическое ощущение его губ, прикосновения рук и тепло тела. Никакого волнения, никакого трепета, никаких тех эмоций, которые, казалось бы, должны сопровождать подобную близость.

Я хочу что-нибудь почувствовать.

Хоть что-нибудь.

Но у меня не получается.

Стук в дверь вырывает нас из реальности.

— Эй, Эри, ты там? Если да, погнали полазим. И Рика заодно найдём!

Узнаю голос Димы. Судя по всему, они закончили своё внеплановое задание.

— Да-да, через пять минут подойде… подойду!

Чёрт.

Шаги постепенно удаляются, а Рик рядом со мной разражается смехом. Дьявол, ему вообще всё смешно. Нас ведь только что едва не застукали!

— Я не могу с тебя, — выдавливает он сквозь смех. — Хотя, кажется, знаю, куда они собираются. На заброшенное здание неподалёку отсюда.

Несколько секунд обдумываю предложение, после чего хлопаю его ладонью по прессу.

Пожалуй, мне действительно нужно проветриться. Освежить голову, сменить обстановку и хоть ненадолго выбраться из четырёх стен, которые сегодня начинают действовать мне на нервы.

— Ладно, пошли.

Рик довольно улыбается, поднимается с кровати и первым направляется к двери.

Ну что ж. Похоже, сегодняшний выходной всё-таки не пройдёт в постели.

Последние двое суток проходят относительно спокойно, если не считать двух новых приступов Киллиана. Оба раза его снова уводят в медблок, правда, спустя какое-то время возвращают обратно. Судя по всему, медики пока не могут добиться стабильного результата.

С остальными он практически не общается. Разве что с Яном и временами с Риком перекидывается парой фраз. От остальных держится в стороне, предпочитая проводить свободное время на улице или в библиотеке. Прямо как паук в углу: один, сам по себе и будто совершенно не заинтересованный в том, чтобы кто-нибудь обратил на него внимание.

Сегодня его должны перевести в общую комнату к нашему отряду. Сам Киллиан ни о чём не спрашивает, да и остальные после первого случая в тренировочном зале особо к нему не лезут. Никто не горит желанием повторно наблюдать подобное зрелище.

Из-за нестабильного состояния его пока не допускают к некоторым заданиям и дежурствам. Ограничения останутся в силе до тех пор, пока медики не добьются улучшения или хотя бы не смогут спрогнозировать вероятность повторных приступов.

Ближе к обеду отправляюсь к генералу. Он обещал выдать нам задание со звёздочкой.

Уже предчувствую, что ничего хорошего в этом нет.

Подобные операции обычно отличаются повышенной сложностью и стратегической важностью. Иногда их выполнение обходится слишком дорого, и потери среди личного состава — далеко не редкость. Но я не допущу, чтобы кто-нибудь из моего отряда погиб. Только не эти люди.

От одной подобной мысли внутри всё неприятно сжимается. Я слишком сильно к ним привязана, даже если сама не всегда понимаю, насколько. Они давно перестали быть для меня просто подчинёнными. Это моя команда, моя ответственность и, пожалуй, единственное, что я действительно не готова потерять.

Но к одному ты действительно привязана сильнее всех, да?

Блять. Только не сейчас.

— С ним?! Вы серьёзно? А если прямо во время задания у него снова случится приступ?

Худшее, что могло произойти, — поставить мне в напарники, блять, Кайертона. Да ещё и на операцию повышенной сложности.

Кровь закипает в венах. Злость стремительно нарастает, затмевая остатки терпения. Я пытаюсь сохранять спокойствие, но решение генерала откровенно выводит меня из себя. Спорить с ним — значит открыто оспаривать приказ, а я

не привыкла ставить под сомнение распоряжения командования без действительно веских оснований.

— Да, капитан. Ему, пока что, подобрали препарат. Вчера и сегодня приступов не наблюдалось. С собой у него будет ингалятор, которым он обязан пользоваться каждые два часа. Так что держи, ознакомься с заданием и остальными материалами. Время на подготовку у вас ещё есть, сегодня тренировок для вашего отряда не будет.

Чёрт. Это полный пиздец.

Беру папку и начинаю изучать содержимое. Перелистываю документы, схемы и фотографии, пытаясь сосредоточиться на поставленных задачах. Но даже после нескольких прочтений до меня не до конца доходит, в какую дерьмовую ситуацию мы умудрились вляпаться.

И особенно — в какую вляпалась я.

Отправить Киллиана вместе с нами, да ещё и назначить его моим напарником. Человека, который в любой момент может потерять сознание прямо посреди операции. И что мне тогда делать? Бросать выполнение задания, организовывать эвакуацию, одновременно прикрывая остальных?

Я в полном ахуе.

Может, это какая-то проверка? Или генерал решил посмотреть, как я справлюсь с подобными обстоятельствами? Да что, чёрт возьми, вообще происходит?

Злость достигает критической отметки. Хочется снести всё, что попадается под руку: стул, компьютер, комод, тумбу

— да хоть саму дверь кабинета. Просто взять и разнести к чертям всё вокруг, чтобы хоть немного выпустить пар.

Делаю глубокий вдох и возвращаю взгляд к документам.

Ладно. Эмоции потом.

Цель задания: прибыть по указанным координатам на заброшенный складской комплекс. По имеющейся информации, объект давно не эксплуатируется. Данных о наличии вооружённой охраны нет, как и подтверждений того, что территория полностью покинута. Необходимо провести осмотр объекта, собрать все обнаруженные материалы и вещественные доказательства, представляющие оперативный интерес, а также зафиксировать обстановку на месте с помощью фотосъёмки. После завершения первичного осмотра группе предписано оставаться на территории до самого утра, если обстановка позволит. При обнаружении посторонних лиц — по возможности задержать их и установить личности. При возникновении угрозы жизни личного состава приоритетом остаётся безопасность отряда.

Перечитываю план ещё раз, мысленно прокручивая возможные сценарии развития событий. Заброшенный склад, неизвестная обстановка, потенциальные нарушители и отсутствие достоверной информации об охране объекта. А также Киллиан с приступом.

Пытаюсь прикинуть, как лучше распределить обязанности, кто будет отвечать за периметр, кому поручить осмотр внутренних помещений и какие меры предосторожности

предусмотреть на случай непредвиденных обстоятельств. Примерный вариант у меня уже нарисован в голове, осталось только успокоится.

Что ж. Пора идти к своим и сообщать радостные новости.

Глава 9

КИЛЛИАН

— Знаешь ли ты, почему ты здесь?

Блять. Рот наполнен кровью, дышать тяжело. Каждый вдох даётся с огромным трудом, будто лёгкие отказываются работать. Я задыхаюсь.

— Нет? Как же так? Знаешь, я ведь мог прикончить тебя прямо на месте. Но ты оказал мне услугу.

Ублюдок продолжает что-то говорить, но его голос постепенно расплывается, превращаясь в невнятный гул. Перед глазами всё плывёт. Я определённо не в себе. Мы здесь не одни: кто-то ещё находится в комнате, но сколько ни пытаюсь, разглядеть его не получается.

— Разрежьте здесь и вставьте трубку.

Сука. Нет. Нет, блять…

Я хочу ответить. Хочу хотя бы спросить, какого чёрта они собираются делать, но не могу выдавить ни звука. Кто-то хватает меня за руки. На запястьях затягивают пластиковые хомуты — сильнее, ещё сильнее. Кажется, они вот-вот прорежут кожу.

А затем я вижу лезвие.

НЕТ. НЕТ, БЛЯТЬ!

Вскакиваю с кровати, судорожно хватаясь за ингалятор.

Что, сука, сейчас произошло?!

Несколько секунд просто сижу, пытаясь отдышаться. Сердце колотится так, словно я только что пробежал несколько километров. В горле пересохло, а перед глазами всё ещё стоят обрывки сна. Осматриваюсь: комната, кровать, стены. Вроде бы я у себя.

На часах половина четвёртого утра.

Дерьмо. Теперь точно не усну.

Откладываю ингалятор и оглядываю комнату в поисках хоть какого-нибудь занятия. В итоге вспоминаю о тетради, которую нашёл в библиотеке. Собственных вещей у меня всё равно нет. Разве что серебряный брелок с кастетами, который каким-то чудом остался при мне. Поэтому за последние дни пришлось обзавестись парой бесполезных безделушек.

Открываю тетрадь на чистой странице и записываю очередной кошмар, не забывая поставить дату. Если память решила играть со мной в свои ебанутые игры, придётся хотя бы фиксировать то, что от неё остаётся.

За грёбаные трое суток здесь я, кажется, раз пять чуть не подох. Если не больше. Кроме медицинского блока, моим состоянием никто особо не интересовался. Впрочем, особого тепла и заботы я и не ждал.

Зато успел узнать, какие отношения связывают мою зайку с ублюдком Риком.

Сука, я готов был убить его. Моё сердце, наверное, разорвалось, когда я вернулся в зал за полотенцем и увидел, как он её целует. Как его грёбаные руки сжимают её талию…

Кажется, я окончательно сошёл с ума из-за этой девушки.

У нас нет отношений. Мы друг другу никто. Но я не собираюсь отказываться от неё. Блять, она будет моей. Я знаю, что её тянет ко мне, просто она всеми силами пытается это скрыть. Моя кровавая фея несколько раз внимательно наблюдала за мной. Наверное, думала, что я не замечаю. Ошибается. А ещё, рядом с ней постоянно трётся придурок Эйм. Чертовка пользуется популярностью. Хотя по её холодным глазам видно, что никто из этих придурков ей нахрен не нужен. Она как разбитый фарфор, все думают что она холодная, бесчувственная, но это не так. Я узнал несколько фактов про нее, малыш испытывает проблемы со сном, часто бродит ночами по всей базе, моментами высокий уровень агрессии, короче полный подарок.

Сегодня меня переводят в общую комнату к остальным. Будет увлекательно послушать их разговоры. Интересно, они вообще когда-нибудь обсуждают её задницу? Да я бы, блять, часами мог говорить только о ней.

Стоит вспомнить об этом, как в штанах становится тесно. Откидываюсь на спинку кровати, провожу ладонью по лицу и тихо усмехаюсь. Вот же влип. Из всех возможных проблем, которые могли свалиться мне на голову, я умудрился зациклиться на одной маленькой, невыносимо красивой капитанше. Рука опускается к паху и сжимает член. На несколько секунд закрываю глаза, позволяя воображению дорисовать то, чего мне сейчас не хватает. Чёртова Эрика. Даже здесь,

посреди раннего утра, она умудряется довести меня до состояния, в котором я сам себе не нравлюсь. Делаю несколько медленных движений вверх-вниз, блять.

Убираю руку и раздражённо выдыхаю.

Не сейчас.

Сегодня предстоит перевод к остальным. Не хотелось бы явиться к ним с таким лицом, будто я всю ночь занимался исключительно мыслями о собственной капитанше. Хотя, если честно, примерно этим я и занимался, не помню сколько раз во сне я трахал ее, и представлял как она стонет, как губы обхватывали бы мой член а ее волосы намотаны на мой кулак. Хах, боже.

Взгляд падает на тетрадь. Смотрю на последнюю строчку, затем закрываю её и кладу на тумбочку. Рядом оставляю брелок с кастетами. Единственная вещь, которая напоминает мне, что до всего этого у меня была какая-то другая жизнь.

Провожу пальцами по серебру, прокручивая брелок в ладони.

Интересно, сколько ещё дерьма мне предстоит вспомнить?

Ответа, разумеется, нет.

— Заебись, — бормочу себе под нос и снова откидываюсь на подушку.

До утра осталось не так много времени. Можно хотя бы попытаться закрыть глаза. Но стоит мне это сделать, как перед внутренним взглядом снова возникает её лицо.

Чёртов маленький демон.

Кажется, с ней у меня проблем будет куда больше, чем со всеми этими кошмарами, и думаю что я совсем не против.

Полдня проходят почти незаметно: из меня снова выкачали кровь, что-то вкололи и отправили обратно к отряду. Спасибо хотя бы за то, что головная боль прошла, а самочувствие вернулось к чему-то, отдалённо напоминающему норму. Было ли со мной это ранее? Хотя если сейчас я буду пытаться вспомнить, у меня опять пойдет кровь, и накроет приступ, нужно придумать другой вариант.

По приказу нашего капитана Гейзэл мы ожидаем принцессу в одном из кабинетов. Здесь несколько столов со стульями, два чёрных дивана и огромная экранная доска, занимающая половину стены. Чёрт, как же смешно: шестеро бугаёв сидят и ждут маленького демона. Блять.

Устраиваюсь в самом конце дивана и поглядываю в окно. Слушать чепуху остальных быстро надоедает, поэтому вытягиваю ноги и мысленно улетаю куда-то подальше от этого места.

К примеру в Бартон.

Минут через двадцать объект моего интереса наконец врывается в кабинет. В руках у неё здоровенная папка, а по лицу сразу понятно, что она не в настроении. Хотя, понаблюдав за Эрикой, могу сказать, что такое выражение для неё вообще не редкость. За всё время моего пребывания здесь я видел, как она улыбается, раза два, не больше. Лицо все-

гда серьёзное, тёмные брови вечно нахмурены, а сама она постоянно словно где-то в своих мыслях.

Гейзэл молча осматривает нас, после чего хватает кусок арматуры и швыряет его куда-то в конец комнаты, прямо над нашими головами.

Пиздец.

Да такими темпами, пока ты будешь спать, она тебе череп проломит, если что-то пойдёт не так.

Встречаюсь с ней взглядом, и тут она одаривает всех нас саркастической, натянутой улыбкой.

Великолепно. У неё определённо не все дома.

— Итак, блять.

Хорошее начало. А то я уже начал переживать, что нас ждёт интеллигентная беседа. Кстати, никто даже не спросил, какого хрена только что над нашими бошками пролетел кусок железа. Эта хуйня вполне могла кому-нибудь разбить голову. Значит они в первой наблюдают ее такое состояние.

— Мы едем на задание, — продолжает она.

Её улыбка сейчас напоминает выражение лица пациента психиатрической клиники, которому только что сообщили, что сегодня можно не принимать таблетки.

— Наша задача — прибыть вот сюда.

Она держит в руках небольшой пульт, нажимает на кнопку, и на экране появляется карта, а следом за ней — подробные фотографии места.

— Осмотреть помещение, забрать все найденные улики и

предметы, которые могут представлять интерес, а затем занять указанную позицию для дежурства, если обстановка это позволит, пока план такой. Остаёмся там до шести утра, всех незваных гостей, если таковые появятся, задерживаем.

Она делает короткую паузу, прежде чем продолжить:

— Мой напарник, который будет участвовать во всей основной заварухе, — Кайертон.

Стоп. Что?

Я? С ней?

Да кто это вообще придумал?!

Выгибаю бровь и смотрю на неё. Так вот почему она бушует. Хах. Очень хорошо.

Краем глаза замечаю, как под столом сжимаются кулаки Эйма. Не переживай, чувак, сама судьба вручила меня ей прямо в руки. Рик же никак не реагирует. Любопытно.

— Да, придурок, именно ты, — бросает Гейзэл, глядя прямо на меня. — И хочу предупредить: если твои приколы повторятся во время обыска, я воткну нож тебе в глотку. Чтобы от тебя не прозвучало ни единого писка.

У меня аж встал.

Нет, ну серьёзно. Она так сильно сжимает эту грёбаную папку, что я невольно представляю, как бы она сжимала мой член.

Блять. Надо прекращать. Я не о том сейчас думаю вообще.

В следующий раз закончу начатое утром.

— Есть пара вопросов, — вмешивается Рик, видимо, ре-

шив спасти собрание от дальнейшего обсуждения моей скоропостижной кончины. — Первый: мы ищем что-то конкретное или собираем всё, что покажется подозрительным? Второй: кто на каких позициях? Судя по последним данным, место довольно рискованное.

Спасибо, Рик. Хотя, если честно, я бы послушал ещё несколько вариантов того, как именно меня собираются убить.

Гейзэл переключает изображение на экране и указывает на отдельные участки территории.

— Собираем всё, что может представлять интерес. Том сканирует местность, проверяет наличие глушилок и работу видеонаблюдения. После этого Эйм и Дима осматривают территорию и занимаются замком. Слева, под бетонной лавкой, занимает позицию Ян. Справа — Рик. Вы двое снайперы, поэтому докладываете нам обо всём, что происходит вокруг.

Она указывает пальцем на фотографию здания.

— Мы с Кайертоном проникаем внутрь. Следом заходит Дмитрий и помогает нам с осмотром. Эйм остаётся на страже.

На экране появляется следующая точка.

— Возвращаемся к машине Тома и отъезжаем сюда. Оттуда просматривается вся территория. Ночью дежурим по очереди, смена каждый час.

Гейзэл обводит нас тяжёлым взглядом.

— Вопросы? — спрашивает Эрика.

Не получив ответа, она сообщает, что на сборы у нас есть два часа.

Решаю потратить их на столовую, поход в медблок и переезд на новую кровать. Последнее волнует меня больше всего. После нескольких дней на отдельном месте чувствую себя заключённым, комната была под замком, под постоянным наблюдением. Спасибо хотя бы за то, что у самой двери никто не дежурил.

Захожу к остальным. Кто-то уже собирается, кто-то проверяет оружие и снаряжение. Мой взгляд падает на кровать. Полный комплект: аккуратно сложенная форма, бронежилет, три единицы оружия, два ножа и всякие мелочи, без которых на задании не обойтись.

И ещё кое-что.

Ингалятор.

Беру его в руки и прокручиваю пузырёк между пальцами. Малыш беспокоится, что я забуду. Хах. Мило. Совсем не в её стиле. Хотя, может, там яд?

Поворачиваюсь к остальным.

— Кто всё это принёс?

— Эрика, — отвечает Ян. — Тебя не было, поэтому она оставила комплект на твоей кровати. Ты же вроде ещё ничего не получал?

— Ага. До этого момента мне просто не полагалось.

Начинаю снимать тактический китель, но внезапно за спи-

ной становится подозрительно тихо.

Блять.

Мне это не нравится.

Что случилось?

Пульс учащается. Спину словно прожигают чужие взгляды. Слышу несколько шагов в свою сторону.

— Кай, всё в порядке? — спрашивает Рик.

До этой секунды было.

— А почему ты спрашиваешь? — интересуюсь я, бросив на него взгляд через плечо.

— Да вот заинтересовала твоя спина. Исполосованная вся. С какого задания ты таким вернулся?

Замираю.

А ведь мне теперь тоже интересно.

Ни один из врачей ничего об этом не говорил. Спина не болит, поэтому я даже не подозревал, что там вообще что-то есть. Значит, шрамы старые. Надо будет посмотреть в зеркало и выяснить, какие именно узоры на мне оставили.

— Я не знаю, что тебе ответить, — наконец произношу я. — Не подумай, это не потому, что я не хочу рассказывать. Я действительно не в курсе.

Рик молчит, продолжая разглядывать меня с таким выражением, будто пытается понять, шучу я или нет.

— Спасибо, что сказал.

Отворачиваюсь и быстро переодеваюсь.

Чувствую себя ненормальным.

Может, так и есть?

Нет. Не может быть.

Я действительно ненормальный.

Меня изъял Бартон в пятнадцать лет. Тогда, одному военному я прокусил руку. Я был совершенно невменяемым. До сих пор помню его крики и то, как потом неделю просидел в камере. Моей едой были вода и кусок хлеба раз в два дня. Меня гоняли как собаку. Изнурительные тренировки длились сутками, задания я получал ещё в раннем возрасте, наравне со взрослыми мужиками. Никого не интересовало, сколько мне лет и способен ли я вообще справиться.

— Давай, Кай, перережь ему горло, иначе этот подонок не заткнётся.

Лезвие скользит по шее. Кровь покрывает мои руки, тело обмякает и падает на пол.

Подношу нож ко рту и провожу языком по лезвию, слизывая красную жидкость.

— Молодец славный малый, вот так правильно, этот придурок был насильником, ему дорога в ад.

Задание выполнено.

Наверное, в этой жизни мне не суждено стать нормальным человеком.

Да я даже ребёнком не видел себя в какой-нибудь адекватной профессии. Меня всегда тянуло на ебанутые вещи. Я лазил по стройкам, не учился в школе, прогуливал уроки, постоянно ввязывался в драки. Мама говорила, что добром

это не закончится, и часто просто махала на меня рукой.

Её интересовала младшая сестра. Она любила её больше.

А я… Я был словно отшельник. Сам по себе, никому особо не нужный.

В какой-то момент я просто перестал ждать, что кто-нибудь обратит на меня внимание.

Зато от девчонок любого возраста отбоя не было. Только вот ни к одной из них я ничего не чувствовал. Разовые встречи, дешёвый секс, чтобы сбросить напряжение, — и не более. Никаких особенных эмоций, никаких «вау», никаких привязанностей. Просто физическое удовольствие, после которого снова возвращалась привычная пустота.

Так продолжалось довольно долго. Меня вполне устраивало подобное существование, пока однажды я не встретил **её**.

И вот тут всё пошло по пизде.

Она каким-то непостижимым образом забралась мне в голову и, похоже, решила там поселиться. Причём без моего разрешения.

Дьявол..

Глава 10

ЭРИКА

Военный микроавтобус тащится по разбитой дороге, и каждый ухаб отзывается в позвоночнике тупой болью. За окнами — темнота. Уже почти двенадцать ночи. Редкие фонари выхватывают из мрака облезлые фасады зданий, мокрый асфальт и покосившиеся заборы. База давно осталась позади, уступив место промзонам: бетонным коробкам складов, ржавым ангарам и пустырям, заросшим высокой сухой травой.

Дорога здесь разбита основательно — ямы, заплатки, глубокие трещины. Микроавтобус бросает из стороны в сторону, а подвеска жалобно скрипит на каждой кочке. Впереди, в свете фар, на мгновение появляется покосившийся указатель с облупившейся краской, название какой-то забытой богом деревни, и за ним снова сплошная темнота. В салоне пахнет бензином и металлом. Обшивка на стенах чёрная, местами пробитая пулями. Рядом с дверью закреплены кронштейны для оружия и несколько металлических аптечек. На полу валяется чей-то термос, который теперь гремит при каждом повороте, скорее всего, Эйма. Том за рулём нервно постукивает пальцами по панели, а я стараюсь лишний раз не смотреть на часы.

Боже, пожалуйста. Пусть всё пройдёт нормально.

Откидываю голову назад, прижимаясь затылком к холодной стенке и на несколько секунд закрываю глаза. Сердце ощущается как туго натянутая пружина, которая с каждой минутой сжимается всё сильнее. Дорога гудит под колёсами, и в повисшей между нами тишине этот звук кажется оглушительным.

И что теперь?

На мою ногу опускается чья-то рука. Тяжёлая, тёплая, даже сквозь ткань штанов чувствую, как пальцы слегка сжимают кожу чуть выше колена.

Я резко выпрямляюсь, распахиваю глаза и поворачиваю голову.

Рик ничего не говорит. Просто смотрит на меня — спокойно, уверенно, — а уголок его губ медленно ползёт вверх. Ободряющая улыбка, мягкая, почти домашняя, будто этого действительно достаточно, чтобы пружина внутри меня хотя бы немного ослабла.

Мило. Правда.

На секунду даже хочется поверить, что всё и в самом деле будет хорошо. Но взгляд уже перемещается дальше — через проход, в тёмный угол напротив.

И там сидит всадник апокалипсиса.

Киллиан.

В полумраке его фигура кажется вырезанной из самой тени: широкие плечи, неподвижная поза, руки сложены на груди. Лицо наполовину скрыто мраком, и только скула изредка

ловит проблески уличного света, проникающего сквозь грязное стекло.

Он выглядит по-настоящему жутко. Так, будто сам является частью этой ночи — её продолжением, её тёмным отражением. Ни единого лишнего движения, ни малейшего проявления эмоций. Просто сидит и смотрит прямо в мои глаза.

И на мгновение мне даже кажется, что цвет его глаз изменился. В темноте они словно вспыхивают чем-то неестественным — холодным, чёрным, пронизывающим мои кости.

Я тут же отбрасываю эту мысль.

Отлично. Теперь моя больная голова ещё и рисует галлюцинации. Совсем некстати.

В этот момент он слабо улыбается, и я поспешно отворачиваюсь, уставившись на собственные колени. Делаю вид, что с огромным интересом изучаю потёртую ткань штанов. Лишь бы ни у кого не возникло лишних вопросов. Лишь бы никто не заметил, как от этой короткой встречи глазами по спине пробежал холодок и неприятно кольнуло где-то в груди.

— Через пятнадцать минут будем на месте, — сообщает Том.

Все начинают проверять снаряжение: застёжки бронежилетов, ремни, подсумки, крепления раций и небольших аптечек. Ян и Рик уточняют свои позиции, проверяют оптику и готовятся к наблюдению, а Том, повторно сверяется с картой

и показаниями навигационного устройства.

Лишь бы не облажаться. Иначе я сама себе пулю в голову пущу.

По моим наблюдениям, у моего странного напарника, не было повторных приступов как в зале, только пару часов назад снова пошла кровь из носа, поэтому на всякий случай я положила ему второй ингалятор. Мало ли — вдруг первый потеряет или забудет. Надеюсь, мозгов хватило взять оба.

Стоит мне об этом подумать, как Кайертон бросает взгляд на часы, достаёт ингалятор и делает несколько вдохов.

Спасибо.

Я стала спокойнее. Процента на два.

— Предварительная проверка завершена, — сообщает Том. — Камеры на объекте не передают сигнал. Активных устройств прослушивания обнаружить не удалось, но это не гарантирует, что территория чиста. До выхода остаётся десять минут.

Хорошо. Как говорится, начало положено.

Когда микроавтобус останавливается, Ян и Рик занимают заранее определённые позиции для наблюдения. Через бронированное стекло я ещё раз проверяю, что с дороги их не видно. Получив подтверждение по рации, Эйм и Дмитрий выходят следом. В темноте их почти не различить, движения осторожные, шаги практически бесшумные.

Кай не сводит с меня взгляда. Ещё немного — и, кажется, у меня поедет крыша.

Щурюсь в ответ, но вместо того, чтобы отвести глаза, он придвигается ближе. Его сильная рука ложится мне на талию.

Блять.

Я не могу пошевелиться, будто меня парализовало. Почему от его прикосновений по телу пробегает ток? Что за чёрт вообще происходит?

В рации раздаётся голос:

— Подход чистый. Замок открыт, — сообщает Эйм. — Можно начинать осмотр.

Натягиваю защитную маску с балаклавой, тщательно поправляю её, чтобы ткань плотно прилегала к лицу. Затем беру оружие и проверяю, не мешает ли снаряжение свободно двигаться. Покидаем вдвоем микроавтобус сразу осматриваясь. На улице темно и тихо, сухая трава и мелкие ветви шуршат под берцами, ветер раскачивает кроны деревьев, вокруг ни единого движения. Только ночной воздух, запах сырой земли и напряжённая тишина.

Делаем несколько шагов, когда чья-то рука цепляется за мой бронежилет и резко разворачивает меня к себе.

— Малыш, может, ты будешь идти позади меня? С твоим ростом я ещё ненароком на тебя наступлю.

— Закрой свой рот, или я, блять, пущу тебе пулю в колено.

Его пальцы сильнее сжимают ткань бронежилета.

Чёрт, да почему я так реагирую?

Меня это бесит. Бесит то, что он вообще позволяет себе такие прикосновения, и ещё больше бесит то, что моё тело почему-то действует на них совершенно не так, как должно. Дёргаюсь, пытаясь высвободиться, и наконец его хватка ослабевает. Я одариваю его самым недовольным взглядом, на который только способна, и, не дожидаясь очередной колкости, разворачиваюсь и иду вперёд.

Заходим в помещение.

Внутри пахнет плесенью, гнилью и чем-то ещё настолько отвратительным, что даже сквозь фильтр защитной маски пробивается едва уловимый неприятный запах. Провожу фонарём по стенам, полу и завалам, стараясь не упустить ни одной детали.

Дерьмовое место.

Дмитрий собирает документы и складывает их в отдельный пакет. Кай просматривает какие-то бумаги, пока его внимание не привлекают несколько пустых ампул. Он подсвечивает их фонарём, внимательно осматривает, а затем аккуратно убирает в контейнер для найденных предметов. Никаких лишних разговоров. Только короткие сообщения по связи и приглушённый звук наших шагов.

Вокруг полно мусора, коробок и грязи. Чёрт знает, для чего вообще используется этот склад. Здесь собран какой-то хлам, назначение которого совершенно непонятно. Может, среди всего этого и есть что-то важное, но пока создаётся впечатление, что здесь просто обитают какие-то отшельники

или грёбаные наркоманы. Под ногами валяется пара использованных шприцев, их тоже забираем на экспертизу. Оно может пригодится, объективно, там какая-то дрянь, и не дай бог что еще хуже ее распространяют.

В следующем помещении вообще пусто. Голые стены, пыль и больше ничего. Судя по всему, отсюда всё вывезли к чёртовой матери ещё давным-давно. Углы покрыты паутиной, куча пыли, есть старые следы от мебели, наверно тут был чей-то кабинет, но для чего тут работали интересный вопрос.

Проходит около получаса. Мы осматриваем ещё три комнаты, но ничего подозрительного на территории не обнаруживаем. Впереди остаётся последняя дверь. Останавливаюсь перед ней и внимательно изучаю пространство вокруг. Никаких очевидных ловушек, подозрительных предметов или следов недавнего вмешательства. Все чисто.

— Проверь замок, — тихо говорю Диме.

Он осторожно осматривает механизм, после чего открывает его. Я берусь за ручку и медленно опускаю вниз.

И тут раздаётся звон колокольчика.

Блять.

Нет.

Глаза у нас троих одновременно расширяются. Сердце начинает колотиться так, словно вот-вот выскочит из груди.

Слишком просто.

Всё это время было слишком просто!

— Немедленно покинуть территорию! — раздаётся голос Тома в наушнике. — Две машины движутся по дороге в сторону склада!

Следом слышится несколько выстрелов.

— Всё, что успели собрать, забираем! — командую я. — Это приказ!

Мы срываемся с места.

Выбегаю наружу первая и замечаю впереди красную точку. Лазерный прицел. Он двигается по моему телу, так плавно, неужели все закончится? Всё происходит настолько быстро, что я даже не успеваю среагировать. Как в замедленном действии, тело отрывается от земли, Кай резко хватает меня и буквально поднимает на руки, он прижимает меня к себе и ладонь опускается закрывая мою голову, в ту же секунду раздаётся выстрел.

Пуля проходит мимо меня, лишь задев руку.

Сука!

Стрелок тут же получает ответный огонь и падает. Я даже не успеваю толком понять, кто именно из наших выстрелил.

— Двигаемся! — кричит Эйм, делая ещё несколько выстрелов в сторону противника.

Бежим к машине, отстреливаясь на ходу. Рик и Ян прикрывают отход, присоединяясь к нам последними.

— Нужно валить, иначе нас тут всех положат! — бросает Том открывая дверь автобуса. — В машинах минимум двенадцать человек!

Блять. Вот тебе и чистая территория. Нас ждали.

Запрыгиваем в микроавтобус, и он резко срывается с места, уходя с основной дороги через небольшую рощу. Спустя секунду, позади раздаётся ещё один выстрел. Пуля с силой ударяет в бронированное стекло.

— Пригнись! — кричит Эйм.

Инстинктивно опускаю голову. Ян и Рик разворачиваются к заднему окну и открывают ответный огонь, после чего снова откидываются на сиденья.

— Двое точно на том свете, — сообщает Дима, проверяя снаряжение. — Рик, выпусти ещё пару пуль! Эйм, что там по бокам? Держи бинокль!

Киллиан тем временем открывает верхний люк и бросает наружу дымовую шашку.

Что?!

Откуда она у него вообще?!

Ладно, вопросы потом. Сейчас дым хотя бы скроет нас из виду и даст возможность оторваться.

Машина вылетает на дорогу, и Том прибавляет скорость. Мы ждём, что за нами последуют новые выстрелы, но постепенно вокруг становится тихо.

Оторвались.

Нужно где-нибудь остановиться. На адреналине совершенно забываю о том, что меня задела пуля. Дерьмо. Обработаю потом. Вроде ничего серьёзного.

— Том, через три километра есть спуск. Нужно будет

остановиться.

— Выполняю.

Грёбаные твари. Нас либо спалили ещё на выезде с территории базы, либо каким-то образом засекли непосредственно на объекте.

Эйм и Киллиан складывают собранные материалы возле сиденья. Ян протягивает им бутылку воды. Пытаюсь немного успокоиться и заодно осматриваю остальных на предмет ранений.

Все целы. Только у Эйма небольшой порез на щеке.

Предплечье ноет и неприятно жжёт, но я стараюсь не подавать виду.

Машина съезжает с дороги вниз, и мы останавливаемся среди деревьев.

— Что это, блять, было?! — вырывается у меня.

— Хороший вопрос, — отвечает Том, не отрывая взгляда от дороги. — Камеры на объекте не передавали сигнал, активных устройств прослушивания мы не обнаружили. Но это не означает, что нас никто не видел. Возможно, у них был другой способ наблюдения.

Том ненадолго замолкает.

— И ещё: я установил временную скрытую камеру, запись передается на ноутбук в нашей комнате, и она должна сохраниться. Нам нужно вернуться на базу это сто процентов. Пока мы не знаем, кто это был и сколько их осталось.

Отлично. Хоть один плюс. Теперь у нас есть шанс рас-

смотреть ублюдков хотя бы на записи и выяснить, что именно им было нужно.

Но сначала необходимо убедиться, что все в порядке.

Кстати, об этом.

Кай снимает балаклаву медленно, словно через силу, и я сразу понимаю: что-то не так.

О нет.

Блять. Только не сейчас.

Кровь стекает из его носа по подбородку. Густая, тёмно-красная, она пачкает ворот формы и снаряжение, оставляя влажные следы на ткани. Он молчит, широко раскрыв глаза и глядя на собственные руки, на которых остаются капли крови. Так, словно сам не понимает, что происходит. Пальцы едва заметно дрожат, и эта дрожь совершенно не от холода.

— Кай? — зову я.

Никакой реакции.

Он словно выпал из этого мира, оставив после себя лишь пустую оболочку. Взгляд стеклянный, устремлённый в одну точку. В машине вдруг становится слишком тихо и слишком душно.

— Кайертон, смотри на меня!

Он не отвечает.

Рик и Ян уже роются в его снаряжении. Их движения резкие, торопливые, пальцы срываются на молниях и застёжках. Ищут контейнер с препаратами и шприц, которые ему могли

выдать в медицинском блоке.

Металлические замки клацают, ткань шуршит. Дыхание Киллиана становится неровным.

Я резко поднимаю руку и только теперь вспоминаю о собственном ранении. Боль простреливает предплечье тупой, запоздалой волной.

Не сейчас.

С моей рукой разберёмся потом.

Хватаю аптечку, достаю стерильную салфетку и прижимаю её к носу Киллиана, осторожно наклоняя его голову вперёд. Салфетка почти мгновенно пропитывается алым, и я чувствую под пальцами горячую влагу.

— Нашёл! — сообщает Ян.

В его руке небольшой металлический контейнер, холодно поблёскивающий под светом салонных ламп. Он открывает его, достаёт шприц и проверяет маркировку на упаковке, прежде чем подготовить препарат.

— Вводи медленно! — командую я.

Ян освобождает плечо Киллиана от одежды и вводит препарат.

Продолжаю прижимать салфетку к его носу, внимательно наблюдая за лицом. Постепенно напряжение в мышцах ослабевает, черты разглаживаются. Кажется, он понемногу возвращается в реальность, хотя взгляд всё ещё остаётся отстранённым, словно Кай смотрит куда-то сквозь нас.

Рик протягивает ему воду. Киллиан медленно отпивает

несколько глотков. Горло дёргается при каждом глотке, рука едва удерживает бутылку.

И снова молчит.

Вообще ничего. Ни слова. Ни единого звука.

— В порядке? — спрашивает Ян.

Киллиан неуверенно кивает, хотя выглядит так, будто сам вопрос его раздражает.

— План такой, — продолжает Том, стараясь вернуть разговор в рабочее русло. — Запись будет скачиваться на флешку до утра. Есть вероятность, что они ещё не вернулись на объект. Выезжаем на базу, передаём всё собранное, объясняем дежурным, что произошло. Остальное обсуждаем уже вместе. До утра.

— Тут что-то не так, блять отвечаю. — говорит Дмитрий и закуривает сигарету

Думаю, это самый логичный вариант. Генералу в любом случае понадобится отчёт о задании. Назвать его полностью выполненным нельзя, но повторения истории с «Чёрным квадратом» не хочет никто. Кто-то работает по черному протоколу.

Автобус трогается, мы возвращаемся обратно.

Глава 11

ЭРИКА

По возвращении на базу я первым делом докладываю дежурным — коротко, по существу, без лишних деталей, но так, чтобы стало понятно, почему мы вернулись раньше срока. Передаю все собранные материалы, объясняю ситуацию, отвечаю на уточняющие вопросы. И только после этого направляюсь вместе с остальными в общую комнату отряда.

Сил идти к себе после всего произошедшего нет совершенно — ни физических, ни моральных. Да и желания, честно говоря, тоже. Мы расстилаем плед прямо на полу, в углу комнаты, и устраиваемся кто как может. Дверь на всякий случай запираем на замок: внезапные визиты посторонних гостей нам сейчас совершенно ни к чему.

Пока я витаю в облаках, пытаясь хоть немного разгрузить голову, мою руку резко хватают. Тело реагирует раньше мысли — я инстинктивно тянусь к ножу, но останавливаюсь на полпути, когда вижу, кто именно решил поиграть в полевого врача.

— Ты ранена, — Киллиан переводит взгляд на мою руку, и в его голосе отчётливо слышится неодобрение. — Почему не сказала?

Погоди-ка. А у нас ты капитан или я? А то что-то я не припомню, чтобы передавала тебе свои полномочия.

— Ерунда. Мне не больно.

Пытаюсь вырвать руку, но хватка у этого шкафа такая, что все мои попытки заканчиваются… ничем. Я дёргаю раз, другой — бесполезно. Такое ощущение, что пытаюсь сдвинуть стену.

— Эри, он прав. Нужно обработать, — подключается Ян, подхватывая ситуацию на лету.

И вот теперь над моей рукой склонились уже двое. Как мило, блять. У меня своих рук, видимо, нет. Смотрю на них обоих с таким выражением, будто ещё секунда — и кому-то из них придётся обрабатывать уже собственные раны.

— Вы закончили? — интересуюсь я, стараясь вложить в голос максимум ледяного спокойствия.

К счастью, заканчивают быстро. Ян настаивает на том, чтобы обработать рану как следует, и накладывает повязку — аккуратно, но без лишних сантиментов. Кайертон наконец отпускает меня, и я возвращаю себе руку вместе с остатками терпения.

Дмитрий заводит разговор о складе. Обсуждаем, что именно мы там нашли, что произошло и почему пришлось отступать настолько срочно. Разговор даётся тяжело, словно ступаем по битому стеклу. До сих пор в ушах стоит собственное дыхание — загнанное, и рваное. Том слушает молча, но с таким выражением лица, будто мы чего-то не договариваем. Взгляд у него тяжёлый, неподвижный. Я и сама не отказалась бы узнать, какого чёрта всё пошло настолько не

по плану — от начала и до самого конца, без пропусков.

Минут через тридцать, разговор постепенно стихает, словно дым в холодном воздухе. Кто-то устраивается поудобнее, подтягивая колени к груди, кто-то молча разглядывает пол. Доски тёмные, местами потёртые, и в этой тишине каждый, кажется, слышит собственные мысли слишком громко.

Усталость накрывает всех разом — плотно, тяжело, как мокрое одеяло. Веки тяжелеют сами собой.

Именно в этот момент Киллиан медленно, без лишних слов, тянется за спину. Движение расслабленное, но точное. Он достаёт оттуда толстую, замызганную тетрадь и бросает её на пол перед нами.

Та падает с глухим хлопком. Обложка приподнимается, и тетрадь раскрывается сама собой, являя первую страницу, исписанную мелким, торопливым почерком.

— Ты что, украл улику? — выгибаю бровь и складываю руки на груди.

— Вообще-то нет. Когда выбегали, я случайно её заметил. Не знаю, что это, но решил, что нам пригодится.

— Да ты чертовски хорош, красава, Килл, — Рик хлопает его по плечу и широко улыбается.

И что, подождите, Килл? Смотрю, уже хорошо сговорились эти двое.

Перевожу взгляд на тетрадь. Не то чтобы меня радовала подобная самодеятельность: это нарушение протокола. Если

кто-нибудь узнает, что мы вынесли со склада незарегистрированный предмет, огребу я, потому что, разумеется, отвечать за действия своего отряда придётся мне.

— Давай сюда, — говорит Ян, забирая тетрадь.

Он осторожно раскрывает её и начинает листать страницы. Я жду. Сначала терпеливо, потом уже не очень.

— Там что, подробное описание комедийного сериала? — не выдерживаю я.

— Хм. Был бы рад, — бормочет Ян. — Только, похоже, это дневник, и, судя по почеркам, общий. Точнее, принадлежит не одному человеку.

Интересно.

Я придвигаюсь ближе, заглядывая ему через плечо.

— Тут даты. Начинаются с 2049 года, — замечает Киллиан.

Сидя сбоку от меня, он наклоняется к тетради. Его рука случайно задевает мой бок, и я едва заметно напрягаюсь. Он будто не замечает моей реакции, продолжая следить за страницами, зато я почему-то чувствую неприятное давление в груди. Да что не так?

— Есть совсем детский почерк, — добавляет он.

Нет. Только не говорите, что…

Сука.

Я замечаю, как лицо Яна медленно бледнеет. Он трёт глаза одной рукой, словно пытается избавиться от увиденного, а другой захлопывает тетрадь. Его жест убеждает меня, что

там что-то серьёзное.

— Дай сюда.

Я выхватываю тетрадь прежде, чем он успевает возразить, и нахожу страницу, на которой он остановился.

25 мая 2049 года.

Сегодня страшный день. Моя подруга Иса громко кричала. Очень долго. Потом перестала.

Её забрали, а вечером она не вернулась. Я очень ждала её.

Дяди в белых халатах забирают нас каждое утро. Я так хочу к маме. Её куда-то увёл дядя. Потом её вещи почему-то сожгли. Наверное, они были уже старые.

Ещё мне сказали, что завтра меня ждёт новый день. Надеюсь, мы встретимся с моей подругой.

Я перечитываю последние строки. Раз. Другой. Словно от этого слова, на странице могут измениться, сложиться в другой смысл, перестать быть тем, чем являются.

Пальцы начинают дрожать. Я даже не замечаю, как по щеке скатывается слеза.

Дети.

Там были дети.

Кто-то вырвал их из привычной жизни, отнял у них родителей, друзей, возможность просто быть детьми. А потом эти дневники начали пополняться подобными записями.

Я крепче сжимаю край страницы, боясь случайно порвать её.

Какие же ебаные ублюдки это сделали?!

— Это какая-то чертовщина, — глухо произносит Ян. — Записки шизофреников. Вы же не хотите сказать, что в этом грёбаном помещении что-то делали с детьми и остальными людьми?

Никто не отвечает сразу, потому что мы все уже подумали об одном и том же.

— Думаю, это не основное место, — наконец говорю я, заставляя себя оторваться от текста. — Возможно, сюда привозили людей для каких-то целей. Но тогда остаётся вопрос: как тетрадь оказалась на складе?

— И кто оставил её там? — добавляет Том.

— Подложили? Не исключено, что шевроны нашей базы уже видели обычные люди. Они знают, на чём специализируется Рейтаун. Но, блять, тогда получается, что этих людей похищали и с нашей территории? — Рик берёт тетрадь в руки и внимательно осматривает её.

Вопросы множатся, как трещины на старом фарфоре, но ответов не становится больше. Они лишь ускользают, оставляя после себя горькое послевкусие недосказанности.

Мы сидим на полу, склонившись над пожелтевшими страницами, и пытаемся сопоставить даты. Пальцы скользят по строчкам, спотыкаясь о незнакомые имена, цифры, обрывки фраз. Кажется, ещё немного — и мозаика сложится, проступит хоть какая-то закономерность, тонкая нить, связывающая всё это воедино.

Но нет.

Ничего.

В итоге мы рассматриваем ещё несколько страниц, и каждая оказывается хуже предыдущей. Плотный, спёртый воздух комнаты словно сгущается с каждым прочитанным абзацем. Имена, даты, обрывки мыслей, торопливые пометки на полях, упоминания людей, которых куда-то забирали, и тех, кто больше не возвращался. Слова расплываются, теряют очертания, превращаясь в вязкую, тягучую массу. В них нет ничего достаточно конкретного, чтобы понять, что именно происходило. Только смутное, липкое ощущение тревоги, которое оседает на коже и забивается под ногти. После прочтения хочется вымыть руки. Тщательно, с мылом, до скрипа, хотя пальцы совершенно чисты.

Дерьмо. Ничего не понятно. Мы открываем одну дверь, чтобы найти ответы, а в итоге обнаруживаем ещё десяток новых вопросов.

В какой-то момент разговоры прекращаются сами собой. Не резко, не по чьей-то воле, а медленно, как вода уходит в песок. Мы всё ещё сидим рядом, но каждый уже наедине с собой, со своими мыслями и этим тяжёлым, тянущим вниз молчанием. Никто не замечает, как веки становятся неподъёмными, как плечи опускаются, а головы склоняются к стенам.

Сон подкрадывается незаметно — тяжёлый, беспокойный. Все постепенно отключаются прямо на полу, среди раз-

бросанных записей, так и не найдя ответов. Только я не могу уснуть.

Я благодарна, что сейчас нахожусь со всеми. Одной переносить всё это было бы гораздо тяжелее. Хотя и так голова забита до отказа. Хочется сорваться, сделать хоть что-нибудь, лишь бы перестать прокручивать в мыслях всё увиденное.

Мои пальцы невольно скользят по рукояти ножа.

Может, сделать это, пока никто не видит?

Нет.

Нельзя, сука. Нет.

Чья-то ладонь резко хватает меня за запястье.

Я поворачиваюсь, и голубые глаза пронизывают меня насквозь. Киллиан крепко сжимает руку, которая уже покоится на кобуре.

— Не смей, малыш, — тихо шепчет он.

Я не нахожу подходящих слов, чтобы ответить. Да и не уверена, что способна что-то сказать.

Но какая-то маленькая часть меня почему-то подчиняется. Пальцы постепенно разжимаются, а хватка ослабевает. Я отворачиваюсь от него и, прижавшись боком к стене, поджимаю колени к груди. Усталость наконец берёт верх, глаза медленно закрываются, а тело расслабляется.

Писк будильника пробивается сквозь сон. Шесть утра. Сегодня у нас нет тренировок, поэтому можно было бы поспать подольше, но организм, кажется, решил, что ему и этого достаточно. Шелестит плед, кто-то недовольно кряхтит, чув-

ствуя, как затекли конечности от неудобной позы, в которой он заснул, а затем поднимается, спотыкаясь о чью-то ногу. Следом раздаётся тихое ругательство.

Я нехотя открываю глаза. И тут же замираю.

Моя голова лежит на руке Кайертона.

На его, мать его, руке!

Несколько секунд я просто смотрю на неё, пытаясь понять, в какой момент моя жизнь свернула не туда. Да чтоб тебя.

Резко отстраняюсь и выпрямляюсь, стараясь не задеть его, принимаю максимально невозмутимый вид. Будто спать на руке человека, который вчера едва не довёл меня до нервного срыва, — совершенно обычное дело. Ничего не произошло. Никто ничего не видел. Особенно он.

Наверное.

Том, к счастью, занят ноутбуком: быстро что-то набирает, проверяет файлы. Интересно, он вообще спал? Синяков под глазами вроде нет, хотя, возможно, свет монитора просто скрывает их.

В этот момент он поворачивается к нам.

— Запись готова.

Его слова сразу привлекают всеобщее внимание. Сон как рукой снимает с остальных. Дима подскакивает первым, следом за ним Эйм. Мы молча стягиваемся к ноутбуку, затаив дыхание и готовясь к тому, что нам предстоит увидеть на экране.

— Давайте что там уже? —сонным голосом говорит Рик.

Начинается просмотр нашего увлекательного фильма ужасов.

Поначалу всё выглядит вполне обыденно: мы заходим на склад, осматриваем помещение, собираем материалы. Ничего подозрительного. Минуты тянутся, изображение практически не меняется. Затем начинается перестрелка. Наше поспешное отступление. Несколько идиотов, решивших, что самое время устроить за нами погоню. А после — снова тишина.

Я начинаю подозревать, что камера зависла, когда на экране появляется машина.

Возвращается только одна. Вторая так и не показывается.

Куда она пропала?

Из автомобиля выходят четверо и направляются внутрь склада. Ещё трое остаются снаружи: курят, переговариваются, время от времени оглядываясь по сторонам.

Я подаюсь вперёд и указываю пальцем на экран.

— Перемотай немного, — прошу Тома.

Он перекидывает запись на несколько секунд, а затем продолжает воспроизведение.

И тогда происходит то, чего никто из нас не ожидал.

К складу подъезжает небольшой автобус. Из здания начинают выводить людей. Сначала одного, затем второго, а за ними появляются остальные.

Это пленники...

Они едва держатся на ногах. Двигаются так, словно каждое движение даётся им с огромным трудом. Одежда грязная, рваная, местами подозрительно тёмная. На шеях — цепи, руки стянуты пластиковыми стяжками.

У меня перехватывает дыхание.

Что за… Блять. Что мы сейчас смотрим?!

— Какого хрена?! —Ян подскакивает сзади меня и подходит ближе к экрану.

Какого чёрта мы их не заметили? Где они находились всё это время? И сколько ещё людей может быть там, пока мы спокойно ходили по складу, собирали бумаги и радовались, что нашли хоть какие-то зацепки? В этом месте были пленники, их накачали дурью или они больны? Блядство, я сейчас разобью этот монитор, они были у нас под носом.

Один из пленников спотыкается и падает на землю. Мужчина рядом даже не пытается ему помочь. Вместо этого с силой бьёт лежащего ногой по лицу, хватает за цепь и тащит дальше, как мешок с мусором.

У меня поднимается холодная, почти осязаемая ярость.

Остальные пленники не сопротивляются. Не кричат, не пытаются бежать. Просто покорно тащатся следом, едва переставляя ноги. Судя по их состоянию, они точно находятся под воздействием каких-то препаратов. Их погружают в грёбаный фургон. Двери захлопываются, машины трогаются с места и вскоре исчезают за пределами кадра.

Том останавливает запись.

В комнате становится тихо.

Никто не шутит, никто не пытается разрядить обстановку. Даже Рик и Киллиан молчат, не отрывая взгляда от застывшего кадра.

Я перевожу глаза с экрана на остальных.

Мы приехали туда за уликами. Сначала думали, что столкнулись с обычной вооружённой группировкой, использующей заброшенный склад для своих дел. А на самом деле прямо у нас под носом находились люди. Живые люди, которых держали в цепях и теперь увезли в неизвестном направлении, возможно это опасная организация.

И мы ничего не знали.

Медленно выдыхаю, нужно собраться. Сейчас не время для паники и уж точно не время искать виноватых. Сначала нужно выяснить, куда увезли пленников и кто стоит за всем этим. Но вариант что мы их больше никогда не увидим, тоже присутствует. Судя по всему, с этими людьми что-то делали непосредственно на складе, или привозили их туда на определённое время для каких-то целей. Но для каких именно? И почему мы ничего не обнаружили во время осмотра?

— Какие варианты, Мефисто? Может… — Рик делает задумчивое лицо, а затем щёлкает пальцами, будто только что придумал нечто гениальное.

— Нет. Пока рано.

— Да ты даже не захотела послушать.

— Рик, мы не будем пока работать по Чёрным протоко-

лам. И, блять, у нас слишком мало информации, чтобы принимать такие решения.

— Теряешь хватку, дитя демона. Становишься скучной.

Я поднимаю бровь и отвешиваю ему подзатыльник. Рик издаёт возмущённый звук, тут же вскидывая руки вверх.

Идиот.

Ещё не время. Нужно проследить за происходящим и собрать больше доказательств. К тому же мы до сих пор не знаем, что происходит с Киллианом. Почему он не помнит последние два года? И есть ли ещё выжившие после Чёрного квадрата? Спрашивать об этом сейчас — неподходящий момент. В документах было чётко указано, что любая попытка вспомнить определённые события может спровоцировать приступ. Странно. Очень странно.

И всё же меня не покидает ощущение, что где-то я уже видела подобное.

— Эй, Эрика, ты не помнишь, что вчера было на тренировке?

— Стив, у нас вчера не было тренировки. Ты что-то путаешь. Тебя, вроде как, вообще отстранили на время, помнишь?

— Да? Чёрт, наверное, не спал. В голове какая-то каша.

— Стив… у тебя…

Из его носа начинает течь кровь. Я смотрю ему в глаза и замечаю, что от прежней голубизны почти ничего не осталось. Зрачки неестественно расширены, лицо стремитель-

но бледнеет. Я бросаюсь к двери, чтобы позвать дежурных. Распахиваю её, но коридор пуст. Ни единой души.

Медленно поворачиваю голову обратно.

Стив всё ещё стоит на том же месте. Неподвижно. Кровь продолжает стекать по губам, шеи, а он даже не пытается её вытереть.

— Стив?..

Боже, нет. Это, вероятнее всего, вообще никак не связано с происходящим. Нам сказали, что Стив заболел, а позже, кажется, оформили его перевод на другую базу из-за нехватки сотрудников. Но мы даже не попрощались с ним. Мне всегда было интересно, что в итоге случилось, всё-таки мы были относительно хорошими союзниками.

— Ладно, мы посмотрели эту… хуйню. Но сидеть сложа руки тоже не будем. А дневник пленников… может, это их? — произносит Киллиан и направляется к своей кровати.

Я перевожу взгляд на тетрадь.

Её точно нельзя никому показывать. Нужно забрать и спрятать, а когда появится свободное время, внимательно изучить самостоятельно. Вдруг там есть ещё какая-нибудь информация? Не исключено, что именно в ней найдётся то, чего так не хватает.

— Нам нужно сходить к генералу и поговорить с ним. Но есть ещё один момент: рассказывать всё не будем. Только часть.

— Вот! Вот это я понимаю! Преемник дьявола ожил, а я

уже думал, что сегодня будет скучно. Прекрасный план!

— Ты невыносим, Рик.

Я тяжело вздыхаю и случайно встречаюсь взглядом с Киллианом.

Он сидит на своей кровати, откинув голову к стене, руки сложены на груди, на губах играет едва заметная ухмылка, а взгляд почему-то задерживается на дольше. Голубые глаза скользят по мне, а в конце он подмигивает.

Чёрт.

— Собирайтесь. Выходим докладывать об этом грёбаном цирке.

Глава 12

ЭРИКА

Приходим в кабинет генерала. Атмосфера тяжёлая. Лица у всех такие, словно нам только что сообщили, что через час планета исчезнет, а мы все неминуемо умрём.

Я была бы рада, разгребать эту проблему, то еще занятие.

Запись пересмотрели уже раз пять. Правда, Том частично вырезал её, из-за того что в кадре, Киллиан прячет сука улику под форму, но ясности это совершенно не прибавило. В голове царил такой бардак, и Дмитрий, казалось, мысленно уже не раз сиганул в окно, а Эйм последние десять минут сверлил взглядом одну точку, явно пытаясь прожечь в стене дыру силой мысли.

Доложив обо всём, кроме тетради, которую стащил Киллиан, мы наконец покинули кабинет.

Ответов нам конечно не дали никаких.

Выглядели все, мягко говоря, паршиво. Почти каждый встречный провожал нас взглядом. Немудрено: мы больше походили на людей, переживших конец света, чем на сотрудников, вернувшихся с задания. Форма грязная, щека Эйма до сих пор не обработана, я вся в пыли, да ещё и с кровью на рукаве. Повезло, что генерал ничего не сказал, он просто уже привык, особенно к моим ненормальным выходкам, но по шее я все равно отхвачу.

Всем нам срочно не помешало бы принять душ и переодеться.

— Знаете, меня один момент, блять, интересует, — внезапно произносит Рик.

— Даже два.

Мы останавливаемся и оборачиваемся к нему.

— Мы сколько раз пересмотрели запись? Так вот, на ней выстрелы видны не с нашей стороны. Точнее, кто-то стрелял по нападавшим вместо нас. И ещё: вторая машина так и не вернулась. Куда она пропала?

Я хмурюсь. О каких выстрелах он говорит?

— Когда на Эри навели прицел, стрелка убили раньше, чем я успел выстрелить, — поясняет Рик.

Что?

Подождите. Территория была заранее проверена. Мы довольно долго ждали, пока Том закончит со своими камерами, и за всё это время не услышали ни единого подозрительного звука. Никакого движения, никаких признаков посторонних. А теперь выясняется, что всё это время кто-то находился поблизости и прикрывал нас?

Или вовсе не нас?

— Ты уверен? Может, отсвет? — спрашиваю я.

— Он прав. Я тоже видел. Там действительно было несколько выстрелов, даже после того, как Рик и Ян покинули позиции, — перебивает Киллиан и поворачивается к нам. — Даже когда мы прыгнули обратно в автобус, несколь-

ко пуль пролетело явно не в нашу сторону.

Я медленно перевожу взгляд с одного на другого.

— Вы бредите?

Оба поднимают руки смотря друг на друга.

Значит, на территории присутствовал кто-то ещё. Вероятно, они находились в укрытии, оставаясь незамеченными даже после предварительной проверки. Но кто это был? И главное — на чьей стороне они выступали?

Вопросов становилось всё больше, а ответов по-прежнему не было.

— Обсудим позже, — обрываю я разговор. — Сейчас всем в душевые. И никаких лишних обсуждений в коридорах.

Только этого нам сейчас не хватало: чтобы наши сырые предположения и догадки разлетелись по базе раньше, чем мы сами успеем хоть немного разобраться в том хаосе, который происходит.

Стою под душем. Тёплая вода мягко стекает по телу, смывая грязь и усталость. Закрываю глаза, подставляю лицо под упругие струи, и изо всех сил пытаюсь выбросить из головы всё, что произошло за эти бесконечные последние сутки. Хочется верить, что вода смоет не только пыль, но и тяжёлый осадок, оставшийся на душе. Но всё это бесполезно. Стоит лишь на секунду расслабиться, как перед глазами снова и снова всплывает его лицо. Оно преследует меня, даже здесь. Слишком пронзительный взгляд, эта улыбка, которая раздражает меня до дрожи в коленях.

И его голос — низкий, с хрипотцой, от которого всё внутри неприятно сжимается в тугой узел.

Чёрт.

Трясу головой, пытаясь сбросить наваждение. Нельзя об этом думать. Нельзя позволять ему занимать мои мысли сейчас, он не рядом со мной. Сейчас главное — сосредоточиться на задаче. А для этого нужно держаться от него подальше. Как можно дальше.

Несмотря на то, что он заставляет меня что-то чувствовать.

Блять, почему он, а не кто-то другой?!

— Режь его, хаха! Смотри, как дёргается. И о чём они только думали?

Я резко открываю глаза.

— А может, ту сучку трахнем?

Чёрт возьми. Нет. Нет.

Отрывки. Просто тупые обрывки, всплывающие в голове без предупреждения. Я даже не уверена, действительно ли слышала эти слова в прошлом, может, больной мозг решил подкинуть мне очередную порцию дерьма?

— Нет. Тронешь её — я твои мозги по стенке разнесу.

Замираю, на несколько секунд переставая даже замечать воду. Кому он угрожал?

С силой провожу ладонями по лицу.

Блять, как это забыть? Я ведь уже прожила всё это, да? Почему оно до сих пор возвращается?

Нужно собраться и уйти отсюда, я не могу находится одна, или я сойду с ума.

Спускаясь к остальным в зал, я снова возвращаюсь мыслями к словам Рика:

«Стрелка убили раньше, чем я успел выстрелить».

С базы мы выезжали одни, хвоста не было — по крайней мере, никто его не заметил. Значит, либо кто-то следил за нами ещё до выезда, либо на складе находились люди, о которых мы даже не подозревали.

Но почему Рик заметил несоответствие, а генерал — нет? Или заметил, но решил промолчать?

Последняя мысль мне не нравится. Он же не может что-то скрывать?

На свободной тренировке стараемся ничего не обсуждать. Последние два с половиной часа, общаемся исключительно по делу. В зале полно новичков, а я не собираюсь разбрасываться информацией там, где её могут случайно услышать чужие уши. Тут можно сказать одно, а на другом конце базы перевернут в другую сторону. Конченных хватает везде.

После отработки ударов по груше сажусь на скамейку, чтобы перевести дыхание. Беру в руки бутылку воды и краем глаза замечаю движение сбоку.

— Эй, малышка, не хочешь вместе потренироваться?

Медленно поворачиваю голову.

Передо мной стоит какой-то придурок. Самодовольно ухмыляется и явно считает себя невероятно обаятельным.

Двое его дружков за спиной уже давятся смехом. Я лишь выгибаю бровь.

— Ты сейчас серьёзно?

— А что? Не кусаюсь.

Недовольно выдыхаю, бросая взгляд в сторону. Только из моего рта хочет вырваться пару ласковых, взгляд переключается, Киллиан и Рик направляются в нашу сторону.

О нет. Только не это.

Следом за ними появляется Ян. Великолепно. Сейчас к двум идиотам добавится ещё один, и день окончательно перестанет быть скучным. Мы же не любим такое, нам нужно представление.

— Скажи мне, клоун, — Киллиан подходит вплотную к парню, — ты вообще знаешь, что такое элементарные правила приличия? Или тебе их нужно объяснить?

Он хватает придурка за шею и улыбается.

Вот это мне не нравится.

Улыбка Кайертона становится шире, но глаза остаются совершенно холодными. Парень, ещё секунду назад изображавший из себя героя, мгновенно теряет всю свою уверенность.

Остальная часть моего отряда тоже начинает подтягиваться к нам.

Нужно остановить это. Потасовка на базе может выйти нам боком, и наряд вне очереди получим мы, а не они. Готова поставить что угодно: у этих двоих наверняка был спор

на эту тему, подойдет ли их дружок ко мне, или испугается. Я уже не раз через подобное проходила.

— Б-блин, мужики, это шутка! — хрипит парень, пытаясь ослабить хватку на своей шее. — Мы ничего плохого не хотели!

Судя по выражению лица Кая, подобные объяснения только подливают масла в огонь. Нужно заканчивать прямо сейчас, потому что Рик уже схватил второго, и они оба разорвут этих придурков в тряпки.

— Киллиан, Рик, отпустите их.

Киллиан поворачивает голову в мою сторону и несколько секунд смотрит на меня, будто решает, стоит ли вообще прислушиваться. А затем резко отбрасывает парня. Тот отлетает в сторону и ударяется о стену напротив, хрипло кашлянув.

Замечательно. Просто лучше и быть не могло.

Он ещё и бровь ему рассёк.

Человека проверяли на опасность для окружающих, а теперь он устраивает подобное прямо посреди тренировочного зала, где полно людей. По правилам я должна сообщить генералу. Кайертон находится под наблюдением, и любое проявление агрессии сейчас имеет значение. Особенно такое.

Сука. Нахуя, ты это сделал?

Бросаю на Кая предупреждающий взгляд, но он, кажется, совершенно не впечатлён. Разумеется. Я другого не ожидала. В Бартоне, видимо, каждый день был как судный, но в Рейтауне подобное не прокатит. За дисциплину нас строго

предупреждают и наказывают. Не совру, я сама нарушала её не раз, но большинство выходок мне сходило с рук. Всё-таки я хорошо выполняю свою работу.

К счастью, на этом эксцессы на сегодня заканчиваются. Оставшийся час проходит в относительной тишине — больше никто не пытается знакомиться с нами при помощи собственной шеи.

Постепенно все расходятся, и мой отряд покидает зал.

Почти весь.

Кайертон остаётся. Замечаю это не сразу, но, когда его отсутствие среди уходящих привлекает моё внимание, почему-то сама не тороплюсь покидать зал. Что-то он не спешит.

И тут в моей больной голове рождается идея: спарринг с Киллианом Кайертоном.

Зачем? Понятия не имею. Видимо, я окончательно потеряла инстинкт самосохранения.

Наша разница в габаритах просто колоссальная. Я, полтора метра ростом, и он, два. Его рука, способна размазать меня по этому полу за секунду.

И всё-таки…

— Пройди на ринг.

Он поворачивается ко мне. Видели бы вы его лицо. Даже он на мгновение усомнился в моём психическом здоровье.

— Ха. Что, блять? — усмехается он, приподняв брови.

— Я сказала: пройди на ринг.

Господи, Эрика, что ты творишь?

Адреналин уже пульсирует в крови. Хочется стереть с его самодовольной рожи эту вечную улыбку. К тому же под моими кистевыми бинтами спрятаны кастеты. Надеюсь, он не заметит. Это не против правил.

Хотя кого я обманываю? Если заметит, мне конец.

— Ты шутишь? — Он окидывает меня взглядом с головы до ног. — У меня обхват ноги, наверное, как твоё тело. Чем ты собираешься меня бить? Своими ручками?

Он смеётся, и его действительно забавляет происходящее. И, конечно же, именно поэтому я не собираюсь отступать.

— Испугался? — стараюсь сохранять серьёзность.

Улыбка на его лице становится ещё шире.

— Ну давай, малыш. Удиви меня.

Заходим на ринг. Стараюсь не смотреть на разницу в наших габаритах. Бесполезно: он возвышается надо мной так, словно я случайно забрела на тренировку взрослых.

Прикидываю, куда можно ударить, как сократить дистанцию и обойти его защиту.

Чёрт. Он закроет практически любую мою атаку. Что я вообще делаю?

Кай внимательно следит за каждым моим движением. Его взгляд скользит по плечам, рукам, стойке. Он не просто смотрит на меня — пытается прочитать, что я собираюсь сделать, ещё до того, как я сама это решу.

Профессионал.

Поэтому, я не собираюсь играть по правилам, которые он

уже успел просчитать.

Делаю обманное движение, резко меняю направление и выбрасываю руку ему в скулу.

Почти.

Он перехватывает атаку и одним движением сбивает меня с равновесия. В следующий момент я лежу на спине, а он нависает надо мной, удерживая так, что вырваться практически невозможно.

Сука.

Я не успела понять, в какой момент проиграла.

Кай опускает взгляд на мою руку, затем медленно переводит глаза на лицо и улыбается.

— Малыш, ты свистнула мои кастеты с брелока для себя? Они для меня ценны.

Блять, что?

Пытаюсь высвободиться, но безуспешно. Надо же было додуматься до такой гениальной идеи.

— Знаешь, — произносит он с ехидной интонацией, чуть наклоняясь ко мне, — ты могла бы придумать что-нибудь покреативнее, чтобы оказаться подо мной. Или просто сказать, чтобы я тебя трахнул.

Его колено упирается в мат между моими бёдрами, а ладонь ложится мне на шею.

У него что, фетиш?

Прикосновение неожиданно мягкое. Настолько, что на мгновение я забываю, что вообще-то собиралась его ударить.

Из горла вырывается предательский звук, и я мысленно готова придушить себя собственными руками.

Соберись, идиотка!

Высвобождаю руку и бью его в бок. Кажется, ему абсолютно плевать.

Ну конечно. Чего ещё я ожидала?

Кай наконец отпускает меня и отступает на несколько шагов. Поднимаюсь, поправляю бинты и смотрю на него исподлобья. Он даже не пытается скрыть усмешку, будто решил великодушно предоставить мне ещё один шанс.

Что ж. Сам напросился.

Следующие несколько приёмов проходят быстрее. Я атакую, он уклоняется или блокирует удары. Пытаюсь поймать момент, когда его защита ослабевает, но каждый раз натыкаюсь на очередное препятствие.

И всё же в момент, мне наконец-то удаётся сократить дистанцию. Вкладываю в следующий удар всё, что накопилось за последние дни.

Мой кулак, усиленный кастетом, прилетает ему прямо в лицо.

Звук удара получается неприятным.

Моя горячка испаряется мгновенно.

Кай отступает на шаг, и на его губе появляется кровь.

Застываю, глядя на ахуенный результат собственной гениальности. Кастет рассёк ему губу, но он не ругается и даже не смотрит на меня с той злостью, которой я уже успела себя

напугать.

Он просто проводит пальцами по ране, смотрит на кровь, а затем снова переводит взгляд на меня.

И улыбается.

Не так широко, как раньше. Иначе.

Я не могу понять, что именно изменилось в его лице, но от такого выражения у меня все сжимается.

— Молодец, — произносит он каким-то снисходительным тоном и хмыкает.

Затем берёт полотенце, вытирает рот и направляется к выходу.

Ни слова. Ни угрозы. Ни даже привычного издевательского комментария.

Он просто уходит, оставляя меня одну посреди ринга.

Следующие два дня не приносят нам никаких заданий — только приказы усиленно тренироваться. И что ещё лучше, тренировки почему-то решают проводить в лесу. Из минусов — возвращаемся мы оттуда грязные как черти, у Эйма вообще отлетела подошва, а Дима едва не лишился жизни из-за своих шуток. Но, если честно, было смешно. Уличные тренировки — они такие.

После нашего спарринга с Киллианом он больше не появлялся в столовой. По словам Рика, на отбой тот возвращается, когда все остальные уже спят. Возьму на заметку. Пожалуй, стоит узнать у генерала о нём что-нибудь ещё. Слишком

уж подозрительно всё это выглядит.

С момента, как мы приехали после задания со склада, Том практически не отходит от мониторов: сидит, изучает записи и ничего не объясняет. Ну заебись. А можно я, как капитан отряда, тоже буду в курсе происходящего? Или меня уже перестали посвящать хоть в какие-то дела? Надо будет разобраться и с этим. И ещё я даже не понимаю, какую из проблем ставить сейчас в приоритет. Самостоятельно расследовать происходящее, мне тоже никто не разрешал. Но кто мы такие, чтобы слушаться?

— Капитан!

Я останавливаюсь возле дерева, услышав оклик дежурного.

— Вам просили передать.

Он протягивает мне папку, по виду ничем не отличающуюся от десятков других, которые ежедневно проходят через руки дежурных. На обложке стоит печать военного командования, а в верхнем углу виднеется подпись генерала. Я принимаю документы, благодарю кивком и раскрываю папку прямо на месте, бегло пробегая глазами по строчкам. Белые листы быстро покрываются сероватыми отпечатками моих пальцев, испачканных после тренировки, но сейчас меня волнует совсем другое.

Приказ о назначении отряда «Зевс» на выезд.

Что?

Я удивлённо приподнимаю брови и перечитываю заголо-

вок, надеясь, что мне показалось. Нет. Всё верно. Ниже указаны место назначения, сроки и перечень задач, которые предстоит выполнить.

Отряд «Зевс» назначается на выезд в Карфаген в связи с повышенной активностью аномалии.

Задачи: проверка двух складских объектов, сбор материалов, опрос местного населения.

Срок выполнения: с 10 по 13 октября.

Трое суток.

Блять. Без комментариев.

Мечта любого военного — отправиться в неизвестность, где за последнее время участились проявления аномалии, и провести там несколько суток, располагая лишь приблизительной информацией о происходящем. И, разумеется, выезд назначен на ночь. Потому что зачем позволять людям нормально поспать перед заданием, если можно отправить их в очередную сомнительную передрягу практически сразу?

Ладно, это ещё ничего. Можно пережить, и не такое проходили.

Захлопываю папку и поднимаю взгляд на дежурного, который, кажется, уже собирается вернуться к своим делам.

— И ещё, — добавляет он, словно вспомнив о чём-то важном. — Через час вам нужно лично явиться к генералу. И… Кайертону тоже.

Я медленно поднимаю на него глаза.

О как.

А вот это уже ничего хорошего не предвещает.

Неужели генералу всё-таки доложили об инциденте в тренировочном зале? Чёрт. Надо было самой сообщить о случившемся, а не надеяться, что всё как-нибудь рассосётся. Теперь придётся объяснять, почему я решила промолчать о проявлении агрессии человека, за которым и без того наблюдают. Причём промолчать после того, как собственными глазами увидела, насколько непредсказуемым он может быть. Да он ещё и травму тому придурку оставил. Боже.

Ты просто лучшая, Эрика. Десять баллов из десяти.

— Я поняла.

Разворачиваюсь и направляюсь обратно к отряду. По дороге пытаюсь привести мысли в порядок, но чем ближе подхожу к своим, тем сильнее хочется отложить разговор о предстоящем задании хотя бы на несколько минут. К сожалению, выбора нет. Приказы не ждут, а времени на подготовку у нас и без того немного.

— Что такое, Мефисто? У тебя лицо прямо праздничное.

— Ебать, смешно, Рик. Сейчас оно будет праздничное у тебя. Готовься запускать фейерверк.

Я сообщаю о выезде, перечисляю основные задачи и напоминаю, что необходимо проверить снаряжение. Новость встречают без особого энтузиазма: кто-то недовольно вздыхает, кто-то тихо ругается себе под нос, но никто не спорит. Все прекрасно знают, что приказы не обсуждаются, особен-

но если они подписаны человеком, который способен превратить любое возражение в дополнительную неделю изнурительных тренировок. Или наряд вне очереди.

— Да уж, я запишу в свой список, что от тебя хорошего можно не ждать.

— Кажется, Рик, ты проведёшь все ночные дежурства в Карфагене, — замечает Дима, доставая сигарету и прикуривая.

Из хорошего — чувство юмора мы не потеряли. Как всегда. Думаю, именно на этом мы и сошлись.

Вскоре все расходятся по душевым. Я тоже отправляюсь привести себя в порядок: смываю с кожи пот и пыль, переодеваюсь в чистую форму и собираю длинные волосы в небрежный пучок. Несколько минут стою перед зеркалом, рассматривая собственное отражение: усталые глаза, напряжённая линия губ, упрямо сжатая челюсть. Выгляжу так, будто уже успела вернуться с задания, хотя оно ещё даже не началось. Поправляю воротник и выхожу из комнаты.

Теперь осталось найти Кайертона. Надеюсь, сегодня моя голова останется на плечах. В буквальном смысле.

Обычно генерал не вызывает капитана вместе с одним из бойцов без веской причины. А если учесть состояние Киллиана, его последние приступы и то, что произошло в тренировочном зале, причин для беспокойства становится более чем достаточно.

Нахожу его в библиотеке. Он сидит совершенно один, чи-

тая какую-то книгу. Расслабленно откинулся на спинку стула, одной рукой подпирает щёку, и его совершенно не интересует, кто нарушил покой.

— Нас вызывают к генералу. Оторви свою задницу от стула и пошли.

На его лице появляется ухмылка, но от книги он даже не отрывается.

— Что предложишь взамен?

Вот значит как.

Подхожу ближе, вырываю книгу из его рук, но вместо ожидаемой реакции, Киллиан резко перехватывает меня за талию и одним движением усаживает к себе на колени. От неожиданности я упираюсь ладонями ему в плечи. Ноги оказываются по обе стороны от его бёдер, а сильные руки крепче обхватывают мою талию.

Блять.

Отвешиваю ему пощёчину, но он лишь шире улыбается.

— Будешь кричать — я заткну тебе рот.

— Я сейчас пущу тебе пулю в ко...

Договорить не успеваю. Ладонь ложится мне на горло, заставляя замолчать. Я вздрагиваю, а из груди вырывается короткий, совершенно непроизвольный стон.

— Ты мне должна, малыш. Знаешь, обычно я не люблю, когда мне разбивают лицо, но ты почему-то стала исключением.

Чёрт. Я совершенно отчётливо чувствую его возбуждение

под свой задницей. Блять, я действительно на нем сижу? Вторая рука сжимает моё бедро, а по телу постепенно разливается жар. Внизу живота возникает предательское тепло, и я замечаю, как в его глазах появляется знакомый блеск.

— Сейчас я тебя отпущу, и мы спокойно пойдём к генералу. А тебе, зайка, пока есть над чем подумать. Придумай, что предложишь мне взамен за разбитые губы.

Он наклоняется к моему уху, произнося последние слова почти шёпотом, а затем оставляет лёгкий укус на шее.

Сука. Гребаный дьявол. Он мне ещё и приказы раздаёт. В следующий раз, я разобью ему нос.

Киллиан наконец ослабляет хватку, позволяя мне подняться. Мы оба встаём, и я тут же отвешиваю ему вторую пощёчину.

— Ты неисправима, — усмехается он.

После чего спокойно проходит вперёд, словно ничего особенного только что не произошло.

Заходим в кабинет. В помещении пахнет бумагой, старым деревом и крепким кофе. На столе генерала лежат стопки документов, рядом стоит наполовину опустевшая кружка, а на стене висит карта территории с отмеченными красными маркерами участками. Несколько отметок находятся в районе Карфагена. Я задерживаю на них взгляд, но тут же возвращаю внимание к генералу.

Мы садимся напротив него. Я складываю руки на коленях, стараясь сохранять спокойствие, хотя пальцы предательски

подрагивают. Незаметно сжимаю их сильнее.

А ну соберись, Эрика.

Генерал заканчивает писать что-то в документах, откладывает ручку и поднимает на нас взгляд. Несколько секунд молчит, обдумывая, с чего начать разговор, а затем переводит внимание на меня.

— Приказ о назначении прочитала, Гейзэл?

— Да, сэр.

— Выезд сегодня, в два часа ночи. Основная подготовка уже организована. Вам необходимо собрать личные вещи и получить оружие, которое может понадобиться в ходе задания. Подробный перечень снаряжения передадут вашему отряду отдельно.

Я киваю, запоминая информацию.

— Поняла.

— И ещё кое-что.

Генерал переводит взгляд на Киллиана. Теперь его лицо становится заметно серьёзнее. Он смотрит на него внимательно, и пытается найти ответ на вопрос, который пока не может сформулировать.

— Меня интересует твоё состояние, Кайертон. Я мог бы оставить тебя в медицинском блоке до выяснения обстоятельств, но это военная база, а не санаторий. Пока никто не выяснил, что именно с тобой происходит, и мне важно понимать, насколько безопасно отправлять тебя на задание, где вы проведёте вместе трое суток.

Ага. Вот мы и добрались до главного.

Значит, ему всё-таки сообщили о том, что произошло в тренировочном зале.

Жар медленно поднимается к лицу. Чёрт. Я должна была доложить сама. Теперь моё молчание выглядит ещё хуже, особенно учитывая, что я являюсь командиром отряда и отвечаю не только за собственную безопасность, но и за безопасность остальных.

— Всё в порядке, — спокойно отвечает Кай.

Я едва заметно поворачиваю голову в его сторону.

Вот же упрямый идиот.

Генерал чуть прищуривается.

— Это ты так считаешь или у тебя есть основания утверждать, что всё в порядке?

Кайертон не торопится с ответом. Он сидит расслабленно, откинувшись на спинку стула, и выглядит так, точно разговор касается кого-то другого. Я украдкой наблюдаю за ним, пытаясь понять, собирается ли он вообще что-нибудь объяснять, но по его лицу невозможно прочитать ни единой мысли.

— Я способен выполнять приказы, — наконец произносит он.

— Это не совсем то, о чём я спросил.

В кабинете повисает тишина.

Генерал снова смотрит на меня. Теперь он пытается понять, насколько можно доверять словам этого всадника Апо-

калипсиса и что я сама думаю о его состоянии. Я стараюсь не выдавать беспокойства, хотя какое, к чёрту, беспокойство? Меня просто раздражает, что мне снова приходится разбираться с последствиями чужих решений.

Хотя, если быть честной, дело не только в раздражении.

Я до сих пор помню выражение лица Киллиана в тренировочном зале, его движения, в которых не осталось ничего от привычной насмешливой лености, и то, как быстро обычная перепалка едва не закончилась серьёзными последствиями. И самое неприятное — я не уверена, что он сам понимает, что с ним происходит.

— Хорошо, — наконец говорит генерал. — Тогда поступим так. Кайертон, отправляйся в медицинский блок. Врачи должны провести осмотр перед выездом и определить, можно ли допустить тебя к заданию.

Он делает короткую паузу и переводит взгляд на меня.

— Гейзэл, заберёшь его, когда тебе сообщат о завершении осмотра. После этого можете заниматься подготовкой к заданию.

Я медленно поворачиваю голову к Киллиану.

А он что, сам без ног?

Какого хрена вообще? Я в няньки к двухметровому шкафу не записывалась. У меня, между прочим, целый отряд, предстоящая операция и два неизвестных объекта, над которыми предстоит подумать, как их обследовать. И теперь я ещё должна бегать за этим невыносимым дураком?

Он поднимается, бросает на меня короткий взгляд и покидает кабинет, даже не попрощавшись.

Разумеется.

Я провожаю его глазами, мысленно обещая себе однажды привязать его к стулу исключительно ради собственного душевного спокойствия, а затем снова поворачиваюсь к генералу. На этом разговор не закончен.

— Теперь перейдём к деталям операции, — произносит он, раскрывая лежащую перед ним папку. — У вас будет ограниченное время на разведку. Не предпринимайте никаких действий, пока не получите достаточно информации. Если обнаружите признаки непосредственной угрозы, докладывайте немедленно.

Я выпрямляюсь и сосредотачиваюсь на его словах.

Следующие полчаса проходят за обсуждением маршрутов, порядка взаимодействия с местными и условий, при которых мы имеем право прекратить операцию. Генерал уточняет, какие материалы необходимо собрать, напоминает о необходимости соблюдать осторожность и отдельно подчёркивает, что повышенная активность аномальных явлений делает территорию непредсказуемой. Я внимательно слушаю, задаю вопросы, уточняю сроки и порядок действий, стараясь не упустить ни одной детали.

На карте Карфагена отмечены два складских объекта, несколько жилых кварталов и дороги, по которым, судя по имеющимся данным, регулярно перемещаются местные жи-

тели.

Чем дольше я рассматриваю схему, тем сильнее мне не нравится предстоящее задание.

Слишком мало информации и много неизвестных. И теперь ещё Кайертон, чьё состояние может измениться в любую секунду.

Когда разговор наконец заканчивается, я поднимаюсь, отдаю честь и покидаю кабинет.

В коридоре заметно холоднее, чем в помещении генерала. На секунду прислоняюсь спиной к стене и прикрываю глаза.

Дерьмо.

Ничем хорошим это не закончится. Карфаген — опасное место. Обычные отряды туда не отправляют, только подразделения со специальной подготовкой. У этого региона и без того дурная слава, но за последнее время ситуация вполне могла стать ещё хуже.

До выезда остаётся совсем немного времени, а у меня такое чувство, как я уже, прожила три отдельных кошмара.

Ну что, добро пожаловать в Карфаген…

Глава 13

Уважаемые читатели!

Впереди несколько глав, содержание которых может оказаться эмоционально тяжёлым, психологически напряжённым или вызвать неприятные чувства.

Некоторые описываемые события и сцены могут быть особенно болезненными для восприятия, затрагивать чувствительные темы и оставлять после себя тяжёлое впечатление.

Пожалуйста, отнеситесь к этому предупреждению серьёзно. Если во время чтения вы почувствуете дискомфорт, тревогу или эмоциональное напряжение, не заставляйте себя продолжать. Вы всегда можете сделать паузу, отложить книгу или вовсе пропустить эти главы.

Никакая история не стоит вашего душевного равновесия.

Мы искренне ценим каждого, кто решил отправиться в это путешествие вместе с нами, и хотим напомнить: ваше эмоциональное благополучие гораздо важнее любой главы, сюжетного поворота или желания узнать, что произойдёт дальше.

Берегите себя.

ГЛАВА 13

КИЛЛИАН

— Как дела, Кай? Ты что-нибудь помнишь?

Голос звучит совсем рядом, но я не могу понять, кому он принадлежит. Он доносится издалека, пробивается сквозь невидимую преграду, искажается, становится глухим и неприятно тянется по нервам.

Блядь, где я?

Во рту что-то мешает. Тонкая трубка. Кажется, ещё одна уходит в шею. Пытаюсь пошевелиться, но тело не слушается. Внутри поднимается паника — густая, липкая, захлёстывающая с головой, однако сделать полноценный вдох не получается.

Что за хрень? Что они со мной делают? Почему я здесь? Кто меня сюда привёл?

— Молчишь? — Голос становится отчётливее. — Вчера ты был поживее. Наверное, придётся поменять состав. Сдыхать тебе пока рано, ты ещё не выполнил свой долг.

Почему я не вижу его лица?

Почему я вообще ничего не вижу?

Я всё же пытаюсь открыть глаза, но передо мной остаётся только темнота. Не привычная темнота закрытых век, а бескрайняя, плотная пустота. Она поглощает всё вокруг, не оставляя ни единого ориентира. Кажется, я заперт

внутри пространства, из которого нет выхода.

Где-то раздаётся крик.

Кто-то кричит громко, надрывно, срывая голос. Я пытаюсь разобрать слова, но они сливаются в сплошной шум. Звуки наслаиваются друг на друга, превращаясь в невыносимый гул. Звенит металл, скрипит оборудование, кто-то быстро отдаёт приказы.

Нужно сфокусироваться, но ничего не выходит.

Тело окончательно перестаёт слушаться. Я больше не чувствую собственных пальцев, не чувствую ног, не могу даже определить, лежу я или сижу. Возникает странное ощущение, что меня медленно вытаскивают из самого себя, оставляя где-то далеко позади пустую оболочку, которая ещё недавно принадлежала мне.

Я хочу закричать, но не могу.

Темнота.

— Не годится! Передайте дефибриллятор! Эта тварь не уйдёт на тот свет! И вкалывай обратно тот препарат. Не пробуй сдохнуть, Киллиан. Я всё равно верну тебя с того света.

Снова.

НЕТ.

НЕТ, БЛЯТЬ! СУКА, ОСТАНОВИТЕСЬ!

Резко распахиваю глаза и пытаюсь приподняться, но тело налито свинцом. На несколько секунд мир распадается на набор разрозненных пятен: белый потолок, ослепительный

свет ламп, размытые силуэты людей, мелькающие над головой.

Где я?

Судорожно втягиваю воздух.

Грудь болезненно вздымается и опускается. Сердце колотится с такой силой, что, вот-вот, ещё немного — и оно действительно вырвется наружу. Я не сразу понимаю, где нахожусь и почему не могу нормально вдохнуть. Затем замечаю знакомые медицинские приборы, провода, подключённые к датчикам, и металлическую стойку рядом с кроватью.

Медицинский блок Рейтауна.

Чёрт. Опять кошмар.

Рядом стоят врачи. Один из них держит использованный шприц, другой внимательно следит за показаниями монитора, а медсестра осторожно вытирает кровь с моего лица. На небольшом столике лежат вскрытые упаковки, несколько ампул и металлический лоток с инструментами. Ещё один врач готовит очередную инъекцию.

— Лежите спокойно, Кайертон.

Я хочу ответить, но вместо этого сильнее сжимаю челюсть. Голова раскалывается, в висках пульсирует боль, а по коже пробегает неприятная дрожь. Организм до сих пор не определился, жив я или уже пора заказывать гроб. Судя по состоянию, я, похоже, только что вернулся из Ада. Нужно свалить отсюда.

Врач замечает мою попытку подняться и придерживает за

плечо.

— Не двигайтесь. Вам нужно восстановиться.

Восстановиться после чего, мать вашу?

Пытаюсь вспомнить, как оказался здесь, но в голове вспыхивают лишь отдельные обрывки. Мы были у генерала, мне сказали прийти сюда. Да, наверное. Гейзэл. Где Гейзэл? Мы же были вместе? Или я всё-таки был один?

Блять. Где гребаная Эр?

В предплечье неприятно покалывает. Чувствую короткий укол, после чего врач убирает шприц, а медсестра поправляет трубку возле моей руки. Поначалу ничего не происходит, но постепенно боль начинает отступать. Медленно выдыхаю. Становится легче, словно кто-то наконец убавил громкость в моей голове.

Откидываюсь на подушку и закрываю глаза, стараясь выровнять дыхание. Не знаю, сколько времени провёл здесь: час? Несколько часов? Может, опять провалился в какую-то чёртову дыру, из которой невозможно выбраться?

Когда я снова открываю глаза, врач уже что-то записывает в карте, а его коллега изучает результаты обследования на экране. Они переговариваются вполголоса, время от времени бросая в мою сторону быстрые взгляды.

Никто не задаёт вопросов.

Я хочу знать, что со мной происходит. Почему приступы возвращаются? Почему в голове возникают обрывки воспоминаний, от которых хочется вырвать себе память вместе с

мозгами? Что за люди разговаривают со мной во время этих провалов? И почему каждый раз, когда мне кажется, что я начинаю что-то понимать, всё снова исчезает?

Но вместо ответов я получаю новые уколы и молчание.

Ладно. Нужно хотя бы запомнить этот кошмар, пока он окончательно не стёрся из памяти. Позже запишу всё в блокнот: каждую фразу, каждое ощущение, даже самые незначительные подробности. Может, однажды из этих обрывков получится собрать хоть что-то похожее на правду. Если, конечно, моя голова окончательно не превратится в лужу раньше.

Лежу, наблюдая за тем, как свет отражается от металлических поверхностей, и стараюсь не провалиться обратно в темноту. Каждый раз, когда веки начинают тяжелеть, заставляю себя проснуться. Мне не нравится терять контроль. Особенно над собственным телом.

Наконец медсестра заканчивает осмотр и снимает перчатки.

— На данный момент состояние стабилизировалось, но мы не можем гарантировать, что приступы не повторятся.

Я усмехаюсь.

— А если я опять потеряю сознание?

— Киллиан, — она кладёт руку мне на пресс, — на задание мы выдадим вам специальные металлические контейнеры с препаратами. Их запаса хватит на трое суток. Они должны помочь, если приступ повторится. Вашему командиру я доложу о ситуации.

Она явно пытается со мной флиртовать, но этот поезд давно ушёл.

Раньше, я пожалуй, не отказался бы от возможности затащить её в кровать и трахнуть. Сейчас же, меня перестали интересовать какие-либо девушки и женщины с того самого момента, как в моей жизни появилась чокнутая Гейзэл.

Понятия не имею, что она там кому нашептала и какими способами умудрилась залезть мне под кожу, но я, похоже, окончательно сошёл с ума из-за этой девушки.

Мягко убираю ее руку с моего тела в сторону, конечно же она удивилась, но по глазам видно что отступать она не хочет. Упертая.

Она смотрит на меня ещё несколько секунд, после чего берёт в руки медицинскую карту. Разговор окончен. По крайней мере, для меня.

Отворачиваюсь к окну, за которым виднеется чёрное небо, и пытаюсь успокоиться. Последний укол. Короткий разговор врачей. Щелчок металлического контейнера. Шорох упаковок.

Её рука вновь касается меня, только на этот раз медсестра берёт меня за ладонь.

И тут открывается дверь.

На пороге появляется Гейзэл.

Преемник дьявола собственной персоной.

Тёмные карие глаза тут же останавливаются на медсестре и её руке, всё ещё сжимающей мою ладонь. Бровь Эрики

медленно изгибается, и над ее голове моментально возникает табличка: «Что это за хуйня?»

Забавно.

Медсестра поспешно отстраняется и возвращается к своему столу, попутно поправляя халат. Недовольный памятник продолжает пристально следить за каждым её движением.

Чёрт, это так смешно. Она же ненормальная. Что она себе уже успела надумать?

А ещё эта чертовка даже не сообщила генералу, как я чуть не свернул шею тому придурку. Хотя кровь красиво хлестала из рассечённой брови. И ведь остановился я не только из-за неё. Просто не видел смысла продолжать: парень уже понял, что его язык работает быстрее мозгов. Но, если честно, его лицо вполне можно было украсить ещё парочкой синяков.

И всё-таки доложить стоило. Она капитан, а не какая-то девчонка, которая может закрывать глаза на происходящее только потому, что ей так хочется. Если генерал узнает об инциденте от кого-то другого, неприятности будут у обоих.

Хотя, честно, меня раздражает совсем не это.

Я помню, как она стояла передо мной на ринге: маленькая, упрямая, с таким выражением лица, с каким обычно идут на собственную казнь. И ведь всерьёз рассчитывала уложить меня на лопатки. Более того, умудрилась разбить мне губу.

Но, по честному, я сам позволил ей это сделать.

Почему?

Да я не знаю. Я просто конченый.

До сих пор смешно.

Наблюдаю за ней, пока медсестра передаёт ей три металлических контейнера и что-то объясняет. Гейзэл внимательно слушает, буквально пожирая девушку взглядом, задаёт пару вопросов, затем кивает. Ей выдают препараты, которые понадобятся для купирования моих приступов во время задания.

Отлично.

Теперь моя кровавая фея будет лечить меня лично.

Хотя, учитывая, насколько у неё поехавшая крыша, я бы на её месте держался от этих контейнеров подальше. Ещё заколет меня шприцами до смерти, а потом заявит генералу, что пациент сам неудачно дёрнулся. Впрочем, если бы она действительно захотела меня прикончить, вариантов у неё предостаточно. А если решит сожрать моё сердце — пожалуйста. Я ей помогу его достать.

Провожаю её взглядом, пока она убирает контейнеры в сумку и проверяет застёжку. Странная девушка. Слишком много вопросов, слишком мало ответов. И именно она умудряется занимать мои мысли чаще, чем всё остальное дерьмо, происходящее вокруг.

— Осмотр окончен? — спрашивает она, оборачиваясь к врачу.

— На данный момент да, но ему необходим контроль состояния. По возможности записывайте все изменения. На экстренный случай препарат с соответствующей маркиров-

кой. На этом...

— Хорошо.

Гейзэл резко перебивает её, и медсестра вздрагивает.

Блять, это комедия.

— Вставай. Нам нужно готовиться к выезду.

Медленно сажусь, пережидая короткий приступ головокружения. Мир на секунду теряет устойчивость, но быстро возвращается на место. Гейзэл замечает моё движение и хмурится.

— Что опять?

— Ничего.

— Кайертон.

— Эрика.

Мы несколько секунд смотрим друг на друга.

— Если тебе станет плохо, я не собираюсь тащить тебя на себе, — наконец произносит она.

— Какая жалость... А я уже надеялся на романтическое путешествие.

— Я могу устроить тебе путешествие. В окно. Головой вперёд. А теперь вставай с кровати и пошли.

Поднимаюсь и направляюсь к ней. Эрика закатывает глаза, а из её рта вырывается:

— Всё-таки хуёвый вкус у тебя, Кайертон.

Она окидывает медсестру взглядом с головы до ног. Та мгновенно краснеет.

После этого Гейзэл разворачивается и выходит из палаты.

Без комментариев.

Натянуто улыбаюсь и покидаю кабинет следом за ней.

Но буду лжецом, если скажу, что меня это не возбудило

До выезда остаётся около тридцати минут. Капитан решила собрать всех в общей комнате, чтобы ещё раз уточнить детали и распределить обязанности. Её визиты сюда в последнее время участились настолько, что я уже начинаю подозревать: либо она потеряла собственное помещение, либо намеренно испытывает моё терпение.

Я выбираю второй вариант.

И всеми силами стараюсь её не трогать. В буквальном смысле тоже. Надеюсь, она хотя бы не забыла, как недавно уснула у меня на руке.

Хах.

А вот я, блядь, прекрасно помню.

Она спала совершенно спокойно, а я лежал как последний придурок, боясь даже пошевелиться. Не то что уснуть — лишний раз дышать опасался, чтобы случайно её не разбудить. Рука затекла настолько, что потом я едва мог нормально ею двигать, но всё равно продолжал лежать, словно меня к этой чёртовой кровати приколотили.

До сих пор не понимаю, какого хрена вообще позволил этому случиться.

Впрочем, сама виновата. Нечего было устраиваться так, словно моя рука — её личная подушка.

Наша комната просто гудит. Кто-то обсуждает маршрут,

кто-то проверяет магазины оружия, а кто-то уже успел пожаловаться на отсутствие нормального сна.

К слову о сне. По словам одного из бойцов, Гейзэл почти не спит.

И давайте угадаем, кто поделился со мной этой бесценной информацией?

Именно он. Эйм.

Этот парень вообще не даёт мне расслабиться: то крутится возле неё, то спрашивает, всё ли в порядке, то смотрит на неё с такой преданностью, что, готов броситься под пулю, лишь бы увидеть её улыбку.

Приходится за ним следить.

Не потому, что мне есть до него дело. Просто он слишком часто оказывается рядом с ней. И я на сто процентов уверен, что между ними ничего не было. По крайней мере, пока. Она ему чертовски нравится, это видно даже слепому, а Гейзэл всеми силами старается держать его на расстоянии.

Рик тоже хорош.

Я решил разобраться, что за сцена между ними тогда происходила. Ответ: они просто играются друг с другом.

Пиздец.

В тот момент мне хотелось разбить ему лицо и переломать обе руки. Но он совершенно спокойно объяснил, что между ними нет никаких романтических чувств, только сильная дружеская привязанность.

Прекрасно.

Интересно, неужели у неё никогда не было парней?

Мысль заставляет меня усмехнуться. Хотя, зная её характер, я бы не удивился, если бы однажды она отправила очередного ухажёра в медицинский блок за неудачную шутку.

Но всё же любопытно.

Надо будет выяснить. Как именно — пока не решил. Рик иногда снабжает меня полезной информацией, а иногда я смотрю на него и узнаю самого себя. Такой же идиот, склонный к совершенно непонятным выходкам. Собираем оставшиеся вещи, покидаем комнату и направляемся к бронированной машине. Дима и Ян загружают снаряжение внутрь, Том подключается к оборудованию, остальные занимают свои места.

Я задерживаюсь на несколько секунд, оглядывая территорию базы. Впереди очередное задание, неизвестный маршрут и куча потенциальных неприятностей.

А ещё Гейзэл, которая, судя по всему, собирается провести ближайшие несколько дней рядом со мной.

Чёрт. Кажется, это будет интересная поездка.

Встречай, Карфаген. Мы уже в пути.

Глава 14

ЭРИКА

Глубокая ночь окутывает дорогу плотной темнотой. Свет фар, выхватывает из неё узкую полосу асфальта, по краям которой, мелькают голые деревья, разбитые дорожные знаки и островки машин, давно брошенных посреди пустынного шоссе. Временами колёса попадают в выбоины, и бронированный мини-автобус неприятно трясёт, заставляя крепче сжимать ремень безопасности. Том ведёт машину, сосредоточенно следя за дорогой, а остальные воспользовались редкой возможностью поспать. Кто-то устроился на заднем сиденье, подложив под голову рюкзак, кто-то прикрыл лицо капюшоном. Даже Дмитрий, обычно не упускающий возможности обсудить любую мелочь, затих и дремлет, скрестив руки на груди.

Все, кроме всадника Апокалипсиса.

Он сидит напротив меня, откинувшись на спинку кресла, и смотрит в окно с таким расслабленным выражением лица, что можно подумать, мы направляемся на обычную прогулку, а не в район с повышенной активностью аномалии, где опасность подстерегает на каждом шагу.

Что у него в голове? О чём он думает?

После медицинского осмотра он почти не разговаривал. Лишь изредка отпускал язвительные замечания и де-

монстрировал полное безразличие к происходящему. Врачи предупредили меня о необходимости следить за его состоянием, однако добиться от самого пациента хоть какой-нибудь внятной информации оказалось практически невозможно.

Он упрямый и себе на уме. Послал же Бог напарника. Да ещё и такого.

Мой взгляд медленно опускается к его бедру, где на ремне болтается брелок с двумя маленькими серебряными кастетами.

«Малыш, ты что, свистнула мои кастеты с брелока для себя?»

Воспоминание всплывает настолько отчётливо, что я на мгновение теряюсь.

Чёрт. Он действительно считает, что у меня настолько маленькая рука? Идиот. Когда ему понадобится укол, я вгоню иглу по самое не хочу. Будет знать, как языком чесать.

Чувствую на себе пристальный взгляд и случайно сталкиваюсь с тёмно-голубыми глазами. Киллиан уже несколько секунд изучает меня, прекрасно понимая, о чём я думаю. Я щурюсь, ожидая очередную колкость, но он лишь шире улыбается и снова отворачивается к окну.

Вот же зараза.

Нужно бы спросить, как он себя чувствует. Врач отдельно просила поинтересоваться его самочувствием во время поездки, особенно после инъекции, которую ему сделали пе-

ред выездом. А еще гребаная вертихвостка строила ему там глазки, трогала его руки, заебись. Если начинать разговор с ним — всё равно что добровольно лезть в клетку к голодному зверю. Хотя, так подумать, я и сама не подарок.

— Тебе не плохо? — спрашиваю я, стараясь говорить как можно спокойнее.

Он медленно поворачивает голову. В полумраке салона его глаза кажутся почти чёрными.

— А что? Ты захотела поиграть в медсестру?

Блядь. У тебя уже одна оказывается появилась.

Его голос действует на меня странным образом, и щёки начинают гореть. Я тут же отворачиваюсь к окну, делая вид, что меня внезапно заинтересовал расколотый дорожный знак, мелькнувший за стеклом.

Не реагируй на него так. Это просто Кайертон. Самовлюблённый, невыносимый придурок, который считает, своей жизненной миссией, выводить меня из себя.

— Забудь, что я спросила.

— С удовольствием, малыш.

И зачем я вообще поинтересовалась? Мне делать нехуй?

Но теперь в моём ледяном сердце появилась маленькая трещина. Мне обидно? Или это стыд? О нет, такого не может быть. Я давно забыла, что это такое. У тебя просто очередная горячка, угомонись, Эрика.

Но придушить его я всё ещё готова.

Не получив от меня ответа, Киллиан откидывается на

спинку сиденья с довольной улыбкой и больше не смотрит в мою сторону. Я скрещиваю руки на груди мысленно обещая себе, что сразу после возвращения, отправлю его на самые грязные и неприятные тренировки из всех существующих.

Настроение почему-то окончательно портится. Неожиданный лёгкий толчок по берцам возвращает меня к действительности. Киллиан снова смотрит на меня и тихо произносит:

— Знаешь, что такое Эйфелева башня, малыш?

Что? Как это вообще относится к происходящему?

— Э-э, нет?

Он широко улыбается. Кажется, от одного вида этой улыбки сейчас треснет что-нибудь в салоне.

— Действительно не знаешь или шутишь?

— Блять, я не знаю, что это. Ответишь или мне самой гадать?

Он отворачивается, полностью меня игнорируя.

Молодец. Спасибо за ответ дитя кукурузы.

В действительности я не знаю, что это такое, и понятия не имею, как она выглядит. Моё детство было бедным, поэтому я никогда не путешествовала по другим странам, как некоторые дети. Из-за катастрофы мне многое так и не удалось увидеть, многое испытать и почувствовать. Зато плохих воспоминаний в моей жизни хватило бы на несколько чужих судеб. По ночам часто задумываюсь о том, какой могла бы быть моя жизнь. Где бы я сейчас находилась? Чем занима-

лась? В каком месте жила? Какие города успела бы увидеть, если бы мир не решил однажды рухнуть у меня на глазах? Но вместо чёткой картинки передо мной возникает пустота. Я не могу представить себя в той, другой жизни. Не вижу ни собственного лица, ни дома, ни дороги, по которой могла бы идти. Только тень. Бродячий фантом, которому так и не нашлось места в мире.

Неужели я всегда буду такой разбитой?

Сломанная каруселька, которая больше не способна двигаться и играть музыку. Осталась лишь облупившаяся краска, расписные лошадки и жалкое подобие прежнего великолепия. Снаружи ещё можно разглядеть красоту, но внутри давно ничего не звучит.

Время пролетает незаметно, и вскоре мы прибываем в назначенную точку. Том сбрасывает скорость, сворачивает с основной дороги и осторожно ведёт машину по узкому просёлку. Впереди постепенно вырисовывается небольшой лесок, окружённый высокими деревьями, остатками старого ограждения и густыми кустами. Убедившись, что место подходит, Том глушит двигатель и оборачивается к нам.

— Здесь безопасно. Можем поспать до восьми утра, а потом выдвинуться к поселению. К этому времени местные уже начнут просыпаться, так что сможем кого-нибудь опросить.

— Разумно, — отзывается Дима, потирая лицо ладонями. — Сначала узнаем, что здесь происходит, и только потом полезем на склады.

— Кто куда, а я курить. У меня спина затекла.

Рик вскакивает с сиденья, по дороге присвистывая, открывает дверь и закуривает.

Без этого клоуна хотя бы станет немного тише. Хотя он вполне способен сейчас разбудить Яна и Эйма, а затем устроить вместе с Киллианом какой-нибудь импровизированный праздник. У этого идиота, кажется, на каждый день припасено по выдуманному поводу для веселья.

Понимая, что всё равно не усну, я тоже выбираюсь наружу и выхватываю сигарету из его губ двумя пальцами. Рик приподнимает бровь, но возражать не спешит.

— Вы оба, не дразнитесь и уйдите подальше, а то сейчас все проснёмся и тоже пойдём курить, — напоследок бросает Дима, закрывая дверь машины.

Мы отходим метров на десять от автобуса и останавливаемся за деревьями. Теперь друг друга почти не видно, только крошечный огонёк сигареты изредка прорезает темноту.

Молчим.

В голове в это время происходит полноценный цирк с обезьянкой, которая безостановочно бьёт в тарелки. Мысли путаются, перескакивают с одного на другое, не желая складываться во что-нибудь внятное. Рик внимательно наблюдает за мной, но не торопится нарушать тишину.

Делаю ещё пару затяжек и роняю окурок на землю.

— Мне тут не нравится.

— О прости принцесса, тебе не хватает сахарной ваты? К

сожалению в Карфагене ее не купишь, терпи.

— Смешно, дитя сатаны, у самой наверно такие же мысли.

Он прав. Липкое ощущение неприятностей меня накрыло еще при въезде сюда, и все же, я планирую дожить до утра.

Рик нежно щёлкает меня пальцем по носу.

— Нам нужно вернуться, иначе кто-нибудь поднимет панику. Подумают, нас сожрали.

— Ой, не неси чушь. Тобой только подавятся.

Он усмехается, и мы возвращаемся к машине. Внутри все уже спят. Киллиан устроился у окна, прислонившись к стеклу, и тихо сопит. На дежурстве сейчас Рик, после него смену примет Дима. Забираюсь на своё место, кладу ноги на соседнее сиденье и накрываюсь пледом. Нужно бы поспать, а не продолжать бесконечные рассуждения в собственной голове.

Карфаген давно перестал быть городом в привычном понимании этого слова. После катастрофы местные жители постепенно восстановили его своими силами, возвращая к жизни разрушенные улицы и заброшенные здания. Теперь это небольшое поселение с жилыми домами, кое-где отремонтированными дорогами, маленькой школой, несколькими рынками и магазинами. В общем, всем необходимым для выживания в условиях, когда рассчитывать приходится прежде всего на себя.

По крайней мере, именно так утверждают отчёты.

Но отчётам я доверяю не больше, чем человеку, который улыбается мне в лицо, одновременно пряча нож за спиной.

— Перед выходом переодеваемся во что-нибудь менее приметное, — напоминаю я, обращаясь ко всем. — Не нужно пугать местных своим видом. Оружие держим под одеждой, без необходимости не демонстрируем. Мы здесь для сбора информации, а не для того, чтобы устроить парад вооружённых идиотов.

— А если нас всё-таки примут за вооружённых идиотов? — сонно интересуется Ян.

— Тогда постарайтесь хотя бы не подтверждать это в первые пять минут.

Эйм тихо смеётся. Напряжение каплю спадает, и я позволяю себе на несколько секунд откинуться на сиденье, закрыв глаза. Мне нужно поспать. Хотя бы немного.

Чувствую, как кто-то настойчиво трясёт меня за плечо.

Что происходит?

— Спящая принцесса, подъём.

С трудом разлепляю глаза. Передо мной Киллиан, а на его лице красуется настолько довольная ухмылка, что мне сразу хочется закрыть глаза и притвориться мёртвой.

— У нас подъём, — сообщает он. — И, кажется, ты должна мне лекарства. Я жду.

Медленно сажусь, тяжело вздыхая, и пытаюсь понять, сколько времени прошло. За окном уже светлеет, хотя солнце всё ещё скрывается за серой полосой облаков. Остальные тоже постепенно встают: Том проверяет машину, Дмитрий изучает карту с Эймом, а Ян с Риком обсуждают, куда лучше

направиться в первую очередь.

Достаю из медицинской сумки металлический контейнер со шприцем и приготовленным препаратом, проверяю маркировку, после чего пересаживаюсь к Киллиану.

— Руку.

Он закатывает рукав и протягивает её с видом, что оказывает мне величайшую услугу.

— Только не проколи меня насквозь.

— Только дёрнись, и я воткну это тебе в глаз, — шиплю я.

— О, я предполагал, что ты это скажешь, фея.

Закатываю глаза до такой степени, что готова увидеть собственный мозг, обрабатываю место инъекции и делаю укол, стараясь не обращать внимания на его довольную физиономию. Закончив, убираю использованные материалы в предназначенный для этого контейнер и проверяю, не появилось ли у него головокружения.

— Как самочувствие?

— Прекрасное. Особенно когда ты рядом.

— Ещё слово, и следующая инъекция будет без предупреждения.

— Ты сама забота.

Молча отворачиваюсь. Какой же он язва. Просто слов не подобрать. Бесит. Я ещё даже проснуться толком не успела, а уже готова всё здесь взорвать.

— Итак, какой аутфит нас ждёт? Сегодня наш стилист — Мефисто.

— Она сейчас тебя вырубит, и твоим аутфитом будет юбка, — шутит Том, начиная перебирать одежду.

Наградили же меня отрядом. Хотя минусов я не вижу. С ними хотя бы никогда не бывает скучно. Благодаря этим придуркам я до сих пор живу на этом свете.

Объясняю, какую одежду выбираем, и, переодевшись, мы снова выдвигаемся в путь. Закрепляю кобуру под тактической ветровкой, проверяю оружие и ещё раз просматриваю содержимое рюкзака. Очень хочется обойтись без его применения в ближайшие три дня, но подобные желания обычно не сбываются.

Микроавтобус останавливается недалеко от старой заправки. Вокруг, стоят несколько заброшенных автомобилей, а сквозь потрескавшийся асфальт пробивается жёсткая желтая трава. На противоположной стороне дороги виднеются первые дома Карфагена: низкие, местами перекошенные строения с заколоченными окнами и самодельными пристройками.

Из плюсов — всё на виду. Бродить и искать нужные улицы нам не придётся.

Покидаем салон и собираемся вместе, чтобы обсудить дальнейшие действия.

— Делимся на три группы, — говорю я, раскрывая карту. — Ян и Рик проверяют северную часть поселения. Дима, Том и Эйм направляетесь к магазинам и рынку. Я и Киллиан идём к школе и церкви. Попробуйте выяснить, кто здесь

за что отвечает, и поговорите с теми, кто готов отвечать на вопросы.

Перевожу взгляд на своего напарника.

Первая задача — не убить друг друга.

Киллиан, тоже не в восторге от перспективы провести со мной несколько часов, но его улыбка становится только шире.

— А это можно назвать свиданием? — спрашивает он, когда мы отходим от остальных.

Поднимаю голову и выгибаю бровь.

— Нет. А что такого? Там же тоже вроде как гуляют.

— Ты идиот? С тобой? Никогда.

— А, так тебе цветы нужны? Прости, ошибочка вышла.

Он неожиданно сворачивает к небольшой клумбе возле одного из домов, срывает цветок гелениума и протягивает его мне с таким торжественным видом, что я едва сдерживаю смешок. Кажется, он только что совершил самый романтичный поступок в своей жизни.

Смотрю сначала на цветок, потом на него.

— Нет, ты хуже идиота. Тебе тут и целого фургона цветов не хватит.

Забираю цветок, демонстративно бросаю его на землю и ухожу вперёд, оставляя Киллиана позади. За спиной раздаётся тихий смех. Он догоняет меня быстрым шагом, толкает пальцем в плечо, и я, резко развернувшись, шлёпаю его по руке.

Блять, это добром не закончится.

Проходим по узкой улице, на которой дома стоят так близко друг к другу, что их крыши почти соприкасаются. Между строениями натянуты верёвки с бельём, у некоторых дверей стоят вёдра с водой, а на окнах висят плотные занавески.

Поселение выглядит удивительно обыденным для места, которое пережило настолько масштабные разрушения. По слухам, именно здесь произошли первые вспышки аномалии. Кроме того, неподалёку взорвалась лаборатория, территория вокруг которой до сих пор находится на карантине. Сейчас там всё перекрыто, а периметр ограждён электрическими проводами.

Мы не спешим задавать вопросы первому встречному. Сначала осматриваемся, запоминаем расположение улиц и отмечаем места, где можно укрыться в случае опасности. К сожалению, таких мест немного. Выходим за поворот, убеждаемся, что за нами никто явно не наблюдает, и начинаем разговоры с местными.

В церкви нас встречает пожилой мужчина, который представляется помощником пастора. Он вежливо отвечает на общие вопросы, но, когда разговор заходит о пропавших людях, заметно замыкается. В итоге сообщает, что сам пастор отсутствует и вернётся только послезавтра.

Я не настаиваю.

В школе всё оказывается немного сложнее. Здание выглядит ухоженным: окна целые, на стенах висят детские рисун-

ки, а возле входа стоят аккуратно расставленные ботинки. Внутри пахнет мелом, пылью и чем-то сладким, напоминающим дешёвую выпечку. Директор встречает нас настороженно, но после нескольких формальных вопросов всё-таки соглашается поговорить. Он заметно нервничает, несколько раз поглядывает на дверь и отвечает заученными фразами, значит, заранее подготовился к нашему появлению.

Здесь я впервые слышу о ежемесячном сборе крови у детей. Мои глаза готовы полезть на лоб.

Пока эта информация кажется слишком странной, чтобы делать какие-либо выводы, но я запоминаю каждую подробность и позже заношу её в блокнот. Поведение директора тоже не выходит у меня из головы. Здесь определённо что-то не так.

РИК

— Итак, мой дорогой друг, проверим вот этот домик. И ещё, Ян, не выпячивай свой фирменный взгляд. Добавь немного лёгкости.

— Ты заебал меня уже. У тебя когда-нибудь бывает лимит разговоров?

— Не нуди.

Подходим к какому-то деду. На вид странноватый, но, думаю, разговорить его можно. Одежда старомодная, хотя не всем же быть моделями. Я, например, совершенно не против.

Главное — начать разговор с оптимизмом.

— Уважаемый, простите, что отвлекаем. Мы сегодня сюда переехали, квартиру сняли, и теперь ищем улицу Вест-Честнат. Не подскажете, в какую сторону идти?

Дед поднимает голову, осматривает нас с ног до головы и, прокашлявшись, отвечает:

— Зря переехали. Вам тут не место.

О, вот это уже интересно. Давай, дедуль, продолжай. Именно за такими историями мы и пришли.

— Тут люди пропадают. За последние полгода две девушки и двое мужчин исчезли.

Значит, всё не так гладко. Надо запомнить эти сведения.

Ян стоит в паре шагов от меня и с откровенно недовольным выражением лица разглядывает прохожих. Ещё немного — и он спалит нам всю операцию одним своим присутствием.

Перекидываемся с местным ещё парой фраз, после чего тот прощается и скрывается в собственном доме.

Отлично. Теперь нужно осмотреться. Доверия здесь не вызывает абсолютно ничего.

— Он или накуренный, или больной, — замечает Ян.

— Речь странная у тебя. Может, он у бога три дня занял специально ради нас.

Ян закатывает глаза, машет рукой и уходит вперёд. Нужно осмотреться.

ЭРИКА

Спустя два часа мы связываемся с остальными и догова-

риваемся встретиться в полуразрушенной беседке на окраине жилого переулка. За это время мой мозг хотел разорваться раза четыре. Этот попугай вынес мне все нервы.

— Что узнали? Какие новости? — спрашивает Дмитрий, когда мы подходим.

Он сидит на краю деревянной скамьи и курит сигарету, прикрывая огонёк ладонью от ветра. Лицо у него не очень.

Присаживаюсь напротив, достаю блокнот и открываю страницу с записями. Рик и Ян устраиваются рядом и первыми начинают делиться информацией.

— За последние полгода пропали четверо местных: две девушки и двое мужчин. По словам жителей, в поселении действует комендантский час, который начинается в семь вечера. Одна девушка работала на рынке, другая была няней. Обе ушли из дома и не вернулись. Ни тел, ни каких-либо следов. С мужчинами та же история. Несколько человек упомянули, что после наступления темноты на улицах почти никого нет. Но никто не смог объяснить почему. Некоторые утверждают, что так было всегда, другие говорят, что комендантский час ввели относительно недавно.

Дмитрий хмурится и затягивается сигаретой.

— Почти то же самое, — отзывается Том. — Ещё один мужик с рынка рассказал, что каждый местный обязан ходить в госпиталь и сдавать кровь. Для чего — непонятно. Отказываешься — плати огромную сумму, которой здесь ни у кого нет. И ещё: спорить с администрацией госпиталя бес-

полезно.

— Он сам сдавал кровь? — спрашиваю я.

— Да. Говорит, это обязательная процедура для всех, кто хочет сохранить право жить в поселении.

Медленно поднимаю взгляд.

— Право жить?

— Именно так он выразился.

Машинально сжимаю ручку блокнота. В голове постепенно складываются отдельные детали, но пока они не образуют единой картины.

— А у вас что? — спрашивает Том, поворачиваясь к нам с Кайертоном.

— Пастора сегодня нет, — отвечаю я. — Он появится только послезавтра, так что с церковью пока всё. А вот в школе выяснилась интересная тема : все дети тоже раз в месяц сдают кровь, причём в один и тот же день. Потом приезжает машина и забирает её. Детей одних гулять не отпускают, особенно по вечерам. Два месяца назад восьмилетний ребёнок ушёл в магазин и не вернулся. Тело нашли только через неделю. По официальной версии, его разорвали собаки.

Эйм перестаёт перебирать ремень на своём рюкзаке и поднимает голову.

— Собаки?

— Именно.

— А в этом районе вообще водятся стаи? Мы ни одной

псины втроём не заметили, — спрашивает Эйм.

— Не знаю. Никто из тех, с кем мы говорили, не смог ответить на этот вопрос.

Дмитрий медленно тушит сигарету о край металлической урны, стоящей возле беседки.

— Ночевать здесь мы точно не останемся. Нужно отъехать на приличное расстояние.

— Согласна. Если пропавшие действительно связаны с госпиталем или складами, нам незачем рисковать раньше времени.

— И ещё кое-что, — добавляет Дмитрий. — Несколько раз в неделю к двум складам, которые нам, кстати, предстоит проверить, приезжают по два человека. Большими группами они не ездят, чтобы не привлекать внимания. Находятся там недолго, около часа-двух, а потом уезжают.

— Кто-нибудь видел, что они привозят? — спрашивает Киллиан.

— Нет. Никто ничего толком не знает. Но один продавец утверждает, что однажды видел, как из машины выгружали несколько тяжёлых контейнеров.

— И когда это было?

— Три дня назад.

Кай задумчиво проводит большим пальцем по костяшкам другой руки.

— Значит, склады используются регулярно. Вопрос только в том, что там хранится и почему туда ездят столь малы-

ми группами.

— Нихуя хорошего там не хранится. Давайте вспомним, как выводили людей со склада и в каком состоянии они находились, — перебиваю я.

Всё происходящее, напоминает фильм ужасов. На фестиваль ярмарок и хорошего настроения я сюда не ехала, но и умирать здесь тоже не собиралась.

Наше положение, всё больше осложняется. За нами могут наблюдать, местные вполне способны сдать нас за вознаграждение, а любые попытки задавать слишком много вопросов, рискуют привлечь ненужное внимание. По дороге сюда, я заметила несколько лиц в окнах. Люди смотрели нам вслед, и выражения их лиц мне совершенно не понравились. Они были напуганы.

— Больше не светимся, — решает Дмитрий. — Возвращаемся к машине. До вечера остаёмся на безопасном расстоянии от поселения, а ночью подходим к первому складу. Если обстановка изменится, пересматриваем план, Эрика.

Никто не возражает.

Возвращаемся к бронированному мини-автобусу разными улицами, стараясь не привлекать внимания. По дороге я ещё несколько раз замечаю людей, которые слишком долго смотрят нам вслед, но не могу понять, действительно ли они заинтересованы в незнакомцах или это всего лишь моя паранойя. Впрочем, на подобных заданиях паранойя нередко оказывается единственным, что помогает сохранить голову

на плечах.

Народ здесь странный. Готова поставить весь Рейтаун на то, что местные до ужаса запуганы. Вопрос только в том, кем именно?

День пролетает быстро. Кто-то спит, Том заполняет отчёт, Дмитрий ещё раз изучает карту, а Киллиан получает очередную порцию лекарств и вскоре засыпает, устроившись на заднем сиденье. Я доедаю свой ИРП, запиваю его водой и составляю план предстоящей операции.

Нам нужно проникнуть на два чёртовых склада любой ценой.

Вот только проблема: они наверняка охраняются. И если туда приезжают всего по два человека, это ещё не означает, что внутри никого нет. Чем дольше я об этом думаю, тем сильнее убеждаюсь: за обычными на первый взгляд стенами скрывается нечто гораздо более опасное, чем контрабанда или незаконное хранение препаратов.

Глава 15

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О СОДЕРЖАНИИ

В последующих главах затрагиваются темы психологической травмы, самоповреждающего поведения, эмоциональных кризисов и тяжёлых последствий пережитых событий.

Некоторые эпизоды могут оказаться эмоционально сложными для восприятия.

Автор не романтизирует и не оправдывает причинение вреда себе. Данная тема раскрывается исключительно в рамках художественного повествования и служит для раскрытия психологического состояния персонажей.

Пожалуйста, учитывайте собственное эмоциональное состояние при чтении. Ваше благополучие важнее любой истории.

Глава 15

ЭРИКА

Ближе к ночи, мы подъезжаем к лесу неподалёку от нужной точки. Том осторожно ведёт машину по просёлочной дороге, пока деревья не смыкаются над ней плотной тёмной стеной. Вскоре, впереди появляется небольшой участок, где можно спрятать транспорт от посторонних глаз, оставшись незамеченными.

Глушим двигатель, проверяем связь и повторно сверяем координаты. Ян и Рик уходят на разведку, а мы с Киллианом отдаляемся от автобуса и занимаем позицию, откуда можно наблюдать за местностью. Отсюда хорошо виден дальний край леса и часть дороги, ведущей к складу. Само здание скрывается за деревьями, но время от времени между стволами мелькает его тёмный силуэт.

Ветер шелестит сухими листьями. Где-то далеко раздаётся короткий металлический скрип — вероятно, раскачивается плохо закреплённая дверь. Я поправляю наушник, проверяю рацию и снова смотрю на часы.

Никаких движений и сигналов от остальных. Напряжение нарастает с каждой минутой. Я начинаю сомневаться, правильно ли мы выбрали позицию, и мысленно перебираю возможные варианты развития событий. От хороших до суперплохих. Если Том и Эйм обнаружат охрану, нам придётся

отойти и пересмотреть план. Не дай бог, склад окажется пустым, это уже будет означать ловушкой для нас.

А может, за нами уже наблюдают…?

Обрываю собственную мысль. Не время.

Мой напарничек сидит рядом подозрительно тихо. Похоже, вколотое лекарство наконец завязало ему язык. А у меня он, наоборот, так и чешется.

Отключаю гарнитуру для передачи информации, поворачиваю голову к нему:

— Почему ты здесь? — спрашиваю шёпотом.

Конечно. Ведь других вопросов у меня не было.

Он медленно переводит на меня взгляд, не сразу понимая, о чём я спрашиваю.

— Понятия не имею, что ты хочешь услышать. Наверное, как капитан, ты знаешь больше.

Подозрительно смотрю на него, пытаясь уловить хоть малейший признак лжи. Но Киллиан не улыбается, и не пытается перевести разговор в привычную перепалку. Его голос звучит непривычно устало.

— Моё последнее воспоминание — выход на задание, — продолжает он после короткой паузы. — Мы должны были что-то получить? Или кого-то найти?

Я молчу, позволяя ему говорить дальше.

— А потом я приезжаю сюда. Мне никто ничего не говорит, спрашивать бесполезно. Я, похоже, считаюсь больным преступником, которому не положено знать никакой инфор-

мации. И почему я тут, а не в Бартоне?

Хороший вопрос. Объективно, он оказался здесь не просто так. Генерал Бартона, не стал забирать Киллиана обратно, а доверил Рейтауну его жизнь. В ходе переговоров, условием было докладывать всю информацию о нём и его состоянии, а также предложили выделить специальную помощь. Этот человек поднял на уши всех, а ответов по-прежнему никаких.

Киллиан откидывает голову на дерево и смотрит в темноту. Из-за балаклавы невозможно понять, улыбается он или нет.

— Ты и так больной преступник.

— Ха. Я другого и не ожидал услышать, — произносит он, поворачиваясь ко мне и заглядывая в глаза. — Малыш.

Нет. Нет. Нет.

Боль пронзает голову, и я оказываюсь совсем в другом месте. Другая комната, другое время. Всё пропитано страхом, а чужой голос звучит близко. Я вижу кровь, много крови, быстрые картинки в глазах скачут и исчезают.

«Прости, малыш. Так нужно».

Я сжимаю пальцы, и щипаю себя, чтобы почувствовать, что я не там, я больше не в том месте.

«Прости, малыш. Так нужно».

Нет. Пожалуйста. Не сейчас.

Я больше не слышу леса. Не чувствую холодного воздуха, не замечаю, как ветер касается лица. Перед глазами прыга-

ют обрывки прошлого, от которых невозможно отгородиться, сколько бы я ни старалась. Воздух застревает глубоко в горле. Грудную клетку сдавливает, лёгкие отказываются нормально работать. Сердце колотится с такой силой, что становится больно. Я опять пытаюсь вдохнуть глубже, но каждый вдох выходит коротким и рваным.

Нет воздуха.

Чёрт, почему так тесно?

Пальцы дрожат, в ушах появляется неприятный звон. Я пытаюсь сосредоточиться на чём-нибудь перед собой, но картинка расплывается. Лес исчезает, вместо него проступают стены того подвала.

Паническая атака.

Только не сейчас. Прошу. Я больше не там…

«Прости, малыш. Так нужно».

Сознание отключается от происходящего. Я больше не контролирую собственные движения. Всё происходит слишком быстро, и только спустя мгновение до меня доходит, что я снова причинила себе вред.

Киллиан распахивает голубые глаза, хмурится и мгновенно хватает меня за руку. Одним движением выбивает опасный предмет, второй рукой перехватывает предплечье, и прижимает меня к дереву, не позволяя повторить попытку.

— Не смей! — Он напрягается, цедит слова шепотом сквозь зубы. — Не смей, сука, этого делать! Никогда, ты слышала?! Никогда! Врежь мне, но, блядь, никогда не смей при-

касаться им к себе!

Ладонь прижимается к моей ране на ладони, останавливая кровь. Форма пачкается, но его сейчас не интересует ничего, кроме меня.

— Я выполнял приказ, блядь! У меня не было выбора, пойми, сука, не было! Я сделал всё, что было в моих силах!

Слёзы продолжают литься по моим щекам. Мне больно. Я не могу с этим смириться.

— Ты, перерезал мой бывший отряд на моих глазах! Ты пытал их часами! Блядь, что ты такое?!

— Я и пальцем не тронул тебя тогда, ни разу слышишь?! Я бы застрелил себя на месте сразу, блять пойми!

Изо всех сил стараюсь не закричать, чтобы не привлечь внимания остальных. В моей голове его голос звучит оглушительно. Я пытаюсь вырваться, жалобно кряхтя, однако сил больше не осталось. В груди также тесно, а дыхание как у пристреленного. О каком еще приказе он говорит? Не хочу решать это сейчас. Потом.

Я не контролирую себя. У меня истерика.

Чёрт. Я не хочу казаться слабой. Я не заслуживаю этого.

Киллиан постепенно ослабляет хватку, убедившись, что я больше не пытаюсь дотянуться до ножа. Затем осторожно усаживает меня к себе на колени, достаёт из мини-аптечки на своём поясе бинт и начинает перевязывать ладонь.

Его движения нежные и аккуратные. Он не задаёт вопросов, не пытается заставить меня объясняться и не произно-

сит ни одной из своих привычных колкостей или шуток.

Я смотрю куда-то вдаль, не в силах сфокусировать взгляд. Просто сижу, пытаясь прийти в себя и подавить душевную боль. Постепенно дыхание становится ровнее, звон в ушах стихает, а окружающий мир возвращается на своё место.

— Не смей так больше делать.

И его рука укладывает мою голову к себе на плечо. Я не отвечаю. Он тоже не настаивает. Вытирает мои слёзы под балаклавой, и поправляет форму. Салфеткой пытается убрать красные пятна, чтобы они не так бросались в глаза. Наблюдать такое за ним очень странно. С виду этот человек не способен на какую-либо заботу.

Пару минут мы сидим молча, слушая ночные звуки леса. Пытаюсь навязать себе, что всё уже закончилось. Что это был лишь очередной приступ воспоминаний, который больше не повторится. Но где-то глубоко внутри понимаю, что наёбываю саму себя в очередной раз. Когда-нибудь я перестану это делать, в ближайшее время точно нет. Мне необходимо создавать хотя бы маленькую иллюзию благополучия, чтобы окончательно не поехать крышей.

Вдруг сильная рука касается моей спины, и начинает медленно гладить её. Прикрываю глаза. Приятное чувство расползается по телу, как змея. Потерянное много лет назад ощущение безопасности, неожиданно возвращается из-за одного прикосновения палача, который сейчас так бережно обхватывает меня руками.

Смешно.

Мне не нужно этого испытывать. Я опять обожгусь, а потом буду собирать себя по осколкам.

Мысли прерывает блеск в темноте. Короткий, быстрый отблеск между деревьями.

Резко выпрямляюсь, забывая обо всём остальном, и хватаюсь за рацию.

— На девять часов.

Тишина.

Жду ответа от Тома, не сводя взгляда с указанного направления.

— Никого, — наконец доносится из наушника.

Что? Этого не может быть. Я видела движение совершенно отчётливо. Это был не случайный блик от ветки и не отражение света от наших приборов. Что-то находилось там, между деревьями, и на мгновение отразило свет.

— Повторяю: на девять часов. Проверьте направление.

— Принято, — отвечает Том после короткой паузы.

Перевожу взгляд на Киллиана. Он уже не выглядит расслабленным. Прищурившись, вглядывается в указанную сторону, стараясь различить хоть что-нибудь между стволами, но затем медленно качает головой.

Ничего.

Он жестом спрашивает, уверена ли я. Киваю.

Никто из нас не имеет права идти туда наугад: это вполне может оказаться ловушкой. Если там действительно кто-то

есть, любое необдуманное движение выдаст нашу позицию. Если же я ошиблась, мы рискуем нарушить весь план из-за случайного отблеска.

Остаёмся на месте.

— На данном направлении пусто, — сообщает Том.

Дерьмо. Какой-то бред.

Осторожно поправляю перчатку, стараясь не задеть свежую повязку, и снова смотрю на склад. Время тянется мучительно медленно. Я до сих пор не могу оторвать глаз от места, где заметила странный блик.

Пытаюсь поудобнее устроиться, и заставляю себя следить за окружающей обстановкой, но моё сознание постепенно становится вязким.

Кажется, меня всё-таки вырубает.

Какой я, нахуй, капитан, если уснула в засаде? Убейте меня прямо здесь.

Внезапно в наушнике раздаётся голос Яна:

— На складе никого, движений не замечено. Есть возможность пройти внутрь. Минут двадцать у вас точно есть.

Мгновенно оживляюсь. Беру рацию в руки и отвечаю:

— Выдвигаемся, — стараюсь говорить бодро, чтобы никто не догадался, что последние несколько минут я почти благополучно спала.

Встаю, и до меня доходит, я всё это время сидела на коленях Киллиана. Более того, моя голова касалась его плеча, а сильные руки гладили меня по спине и рукам.

Чёрт.

Поворачиваюсь и отвешиваю ему пощёчину.

За что? Да за всё.

Киллиан удивлённо выгибает бровь, медленно поворачивает голову обратно и смотрит на меня.

— Блядь, — произносит он, накрывая лицо ладонью. Тяжело вздыхая и улыбаясь.

— Выдвигаемся, — повторяю я уже серьёзнее, проверяя оружие.

— У меня, между прочим, после возвращения с того света лицо ещё не восстановилось. А по нему от тебя я уже получил достаточно. И ещё кое-что: ты мне должна. Не забывай.

Закатываю глаза и приставляю пистолет к его голове.

— Могу помочь ускорить процесс.

Мы направляемся к складу короткими перебежками, держась в тени деревьев. Эйм и Дима встречают нас у боковой стены и показывают на узкую дверь, которая, судя по всему, используется для технического обслуживания. Замок выглядит старым, а на металлической поверхности видны свежие царапины.

— Внутри тихо, — шепчет Эйм. — Я проверил окна и задний проход. Никого не заметил.

— А камеры?

— Том снаружи не обнаружил. Внутри отсутствуют.

Я киваю.

— Работаем быстро. Если услышите что-то подозритель-

ное, сразу докладывайте. Никаких самовольных действий.

Дима осторожно приоткрывает дверь, и мы один за другим проникаем внутрь.

В помещении пахнет пылью, сыростью и чем-то химическим, резким, неприятно щекочущим нос. Свет фонарей скользит по бетонному полу, выхватывая из темноты ряды металлических стеллажей, штабеля коробок и большие пластиковые контейнеры, сложенные вдоль стены.

Склад кажется заброшенным лишь на первый взгляд. На некоторых коробках нет ни пыли, ни следов влаги, а на полу возле дальнего прохода, видны свежие отпечатки обуви.

Киллиан движется вдоль стеллажей, проверяя содержимое ящиков. Я достаю фотоаппарат и начинаю фотографировать маркировки, номера партий и любые документы, которые могут пригодиться для дальнейшего расследования. На коробках стоят одинаковые обозначения, часть которых совпадает с кодами из медицинских отчётов, полученных перед выездом. Записываю номера, стараясь не пропустить ни одной детали.

— Здесь что-то есть, — негромко произносит Киллиан.

Я подхожу к нему. На металлическом столе лежат документы, несколько упаковок с ампулами и пластиковые пакеты с порошкообразным содержимым. Рядом стоят небольшие контейнеры, на которых указаны даты и странные обозначения. Некоторые упаковки запечатаны, другие вскрыты и снова заклеены. Похоже, кто-то торопился вернуть их на

место.

— Снимай всё, — говорю я. — Особенно маркировки.

Он собирает документы и складывает их в отдельный пакет, предварительно сфотографировав каждую страницу. Я тем временем осматриваю препараты и фиксирую их внешний вид. Мы отбираем небольшое количество образцов в отдельные герметичные пакеты, соблюдая меры предосторожности, чтобы не повредить упаковку и не смешать содержимое.

Всё здесь выглядит слишком организованно для обычного склада и подозрительно для места, которое, по словам местных, используется лишь несколько раз в неделю.

Направляю фонарик на дальнюю стену. Там стоит металлический шкаф, дверца которого приоткрыта. Внутри видны пустые лотки, несколько папок и небольшой прибор с отсоединённым кабелем.

Подхожу ближе, стараясь не задевать предметы вокруг. На одной из папок стоит дата, совпадающая с днём исчезновения одного из местных жителей.

Я замираю.

Медленно открываю папку и просматриваю первые страницы. Большая часть записей состоит из кодов, дат и числовых обозначений. Некоторые строки зачёркнуты, другие отмечены красными пометками. Имена отсутствуют, вместо них используются короткие буквенно-цифровые комбинации.

— Эйм, посмотри на это.

Он подходит, наклоняется над документами и быстро пробегает глазами по страницам.

— Похоже на учётную ведомость.

— Или список.

— Список чего?

— Кажется, я не очень хочу это произносить.

Повторяю фотографирование каждой страницы и возвращаю папку на место. Нам нужно сохранить всё, что может помочь установить связь между складами, госпиталем и пропавшими людьми.

В этот момент луч фонаря скользит по полу возле стеллажа. Я замечаю тёмное пятно. Сначала принимаю его за обычную грязь, принесённую на обуви. Но, присмотревшись, вижу характерные разводы и тонкую полосу, уходящую к боковой двери.

Кровь.

Медленно приседаю, стараясь не наступать на следы. На бетоне видны несколько тёмных пятен и длинные смазанные полосы. По ним становится понятно, что кого-то тащили по полу в сторону выхода. Следы частично скрыты пылью, но некоторые участки выглядят свежими.

По спине пробегает холодок.

— Киллиан, сюда.

Он оказывается рядом. Мы молча смотрим на следы, после чего Кай переводит взгляд на боковую дверь.

— Это не старое, — тихо произносит он.

— Знаю.

Делаю несколько снимков, стараясь зафиксировать направление следов, расположение пятен и расстояние до двери. Затем отмечаю координаты помещения и время обнаружения в блокноте.

В голове вспыхивает воспоминание о восьмилетнем ребёнке, которого, по словам местных, разорвали собаки.

Смотрю на кровь. Потом на закрытую дверь.

Что-то совершенно не сходится.

И почему никто из местных не упомянул, что здесь могли происходить подобные инциденты?

Заставляю себя не делать поспешных выводов. Пока у нас есть только предположения, документы и образцы, происхождение которых ещё предстоит установить. Но одно становится ясно уже сейчас: склады не просто используются для хранения неизвестных препаратов. Здесь происходило нечто, что кто-то очень старательно пытался скрыть. И, судя по количеству свежих следов, возможно, происходит до сих пор.

— Открой дверь.

— Ты уверена?

— Да.

Киллиан медленно опускает ручку и открывает дверь.

Я стою за его спиной и замечаю, как он внезапно замирает. Его дыхание обрывается. Плечи напрягаются, а рука с

фонарём на мгновение опускается.

Что там, блядь, такое?

Резко отодвигаю его, хватаю фонарь и направляю луч внутрь.

На металлической кушетке лежит истерзанное тело девушки. В помещении стоит тошнотворный запах крови и разлагающейся плоти. На полу валяются медицинские приборы, использованные салфетки и шприцы.

Мои глаза расширяются до размера луны. Кажется, ещё немного — и я готова вытащить их из орбит.

Делаю пару шагов вперёд. Свет фонаря полностью освещает тело.

Грудная клетка вскрыта. Внутри отсутствуют лёгкие и сердце.

Перестаю дышать.

Ледяными пальцами поднимаю фотоаппарат делая несколько снимков. Не могу отвести взгляд от увиденного.

Какие грёбаные ублюдки этим занимаются?!

Чья-то рука хватает меня за предплечье и отводит назад. Я сопротивляюсь лишь взглядом, продолжая смотреть на кушетку.

— Малыш, нам пора, — шепчет Киллиан мне на ухо.

Перевожу на него взгляд с открытым ртом. Он смотрит на меня, крепко удерживая за руку. В его глазах только шок. Только напряжение и настойчивое желание как можно скорее убраться отсюда.

Медленно закрываю дверь.

Нужно сваливать нахрен отсюда. Времени осталось мало. Мы не знаем, кто может вернуться сюда в ближайшие минуты, и я не собираюсь рисковать отрядом ради попытки найти ответы, которые пока не в состоянии получить.

— Уходим, — приказываю я.

Кай молча убирает документы в пакет, проверяя всё ли мы забрали. Эйм и Дима направляются к выходу, а я в последний раз обвожу склад лучом фонаря, стараясь запомнить расположение стеллажей и ту самую дверь, за которой находится настоящий кошмар.

Здесь мы уже достаточно увидели.

И дальше будет только хуже.

Приезжаем недалеко от жилых домов. Останавливаемся за заброшенным зданием, в густых елях. Я чертовски вымотана морально и хочу только одного — уснуть, а не обсуждать увиденное и собранные материалы. Разговоры откладываем до утра. Сейчас, мне нужно хотя бы несколько часов покоя.

Дай бог, чтобы всё это не явилось мне во сне. А ещё лучше — чтобы снов вообще не было. Выдуманные сериалы в моей голове я сегодня смотреть не собираюсь.

Накрываюсь пледом с головой и вырубаюсь.

Дежурить никто не будет. Том настроил какую-то программу, которая начнёт пищать на часах, если посторонние приблизятся к машине. Он просто гений.

Кто-то трясёт меня за плечо.

Который час?

Открываю глаза. Передо мной Рик, приложивший палец к губам. Что, блядь, ему надо? Выгибаю бровь, и он указывает на дверь, предлагая выйти. Тихо скидываю плед и выбираюсь наружу.

— Если ничего важного, я разобью твоё смазливое личико.

— Тш-ш, Мефисто. У меня есть идея.

О, это значит, что ничего хорошего не будет.

— Продолжай.

— Сейчас два часа ночи. Есть вариант сходить вдвоём к жилым домам и посмотреть, что там происходит. Так, чисто разведать обстановку.

— Ты что, бестолочь?

Встаю на носки и хватаю его за воротник тактического кителя.

— Конечно, идём.

Он широко улыбается, и мы тихо отходим от машины.

Да, в этом вся я. Все конченые идеи не только поддерживаю, но и умудряюсь придумать что-нибудь ещё хуже. Если генерал узнает, нам будет очень плохо.

Пошататься вдвоём по округе посреди ночи, когда остальные спят, — самоубийство. Но что поделать, если мы любопытные?

Сзади раздаётся треск сломанной ветки. Мы оба замира-

ем, руки одновременно тянутся к оружию. Поворачиваю голову.

Киллиан.

Рик с улыбкой разводит руками. Он явно этого и добивался.

— Вопрос: куда вы намылились?

— Килл, брат, у нас есть ахуенный план.

Рик пересказывает ему нашу задумку, и тот **без уговоров соглашается**.

Конечно, я другого и не ожидала. Ещё один клоун в наши ряды. Теперь нас трое идиотов, которые по собственной инициативе прутся навстречу неприятностям.

На улице тихо. Переговариваемся шёпотом, виляем от здания к зданию, стараясь не шуметь. Вот же нам заняться нечем. Вместо сна выбираем приключения на собственную задницу.

Предчувствие нехорошее. Адреналин уже начинает действовать, но у нас всё ещё есть шанс уйти обратно. Но делать этого, мы, конечно, не будем.

— А что конкретно мы хотим увидеть? — спрашивает Киллиан.

— Без понятия. Что-нибудь. Здесь странный народ. Тебе не приходило в голову, что не все соблюдают комендантский час?

— Лучше бы нам в голову приходили адекватные решения, — отвечаю я.

Втроём заходим за угол дома.

На вид здание нежилое и непонятно, есть ли в нём вообще люди. Может хозяин уехал.

Ага, интересно, куда?

Рик и Киллиан пригибаются, следуя вдоль невысокого забора, стараясь спрятаться, я же спокойно идусследом. Не мне же нагибаться, я — не колокольня ростом. Проходимеще чуть дальше, и Киллиан резко оборачивается, жестомпоказывая, чтобы мы замолчали и не двигались.

Вот оно. Сейчас начнётся. Мы ведь за этим сюда и пришли.

Слышатся тихие голоса, но разобрать слова почти невозможно. В заборе есть небольшая широкая щель. Мы, три великих детектива, по очереди приникаем к ней, стараясь рассмотреть происходящее.

От увиденного я, кажется, умираю второй раз от шока.

Рик закрывает рот ладонью. Похоже, его сейчас вырвет. Мне и Киллиану не настолько плохо физически, но зрелище перед нами по-настоящему адское.

Трое человек в странной форме, вооружённые оружием, насаживают головы двух местных жителей на колья.

Молча наблюдаем. Пристрелить этих троих ублюдков не можем. К сожалению. Думаю, они здесь не одни, и любое необдуманное движение, может выйти нам ситуацией хуже.

Жестом показываю, что пора уходить.

Бесшумно отступаем в другую сторону, а через несколько

метров ныряем в кусты, чтобы выбраться на дорогу, по которой пришли сюда.

Нужно убираться отсюда. Причём как можно скорее.

А ещё лучше — перегнать нашу машину подальше от этого места.

Глава 16

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О СОДЕРЖАНИИ

В последующих главах затрагиваются темы психологической травмы, самоповреждающего поведения, эмоциональных кризисов и тяжёлых последствий пережитых событий.

Некоторые эпизоды могут оказаться эмоционально сложными для восприятия.

Автор не романтизирует и не оправдывает причинение вреда себе. Данная тема раскрывается исключительно в рамках художественного повествования и служит для раскрытия психологического состояния персонажей.

Пожалуйста, учитывайте собственное эмоциональное состояние при чтении. Ваше благополучие важнее любой истории.

Глава 16

КИЛЛИАН

— Знаешь, Киллиан, насколько тебе повезло? Одно твоё решение — и ты остался жив.

Что несёт этот ублюдок? Чёрт, почему я не чувствую рук? О каком везении говорит этот конченый?

— Переверните его на живот. Эта дрянь вздумала меня игнорировать.

Блядь. Спина горит от удара. Что они делают?!

Подонок хватает меня за волосы. Не могу различить черты его лица.

Почему я, сука, его не вижу?!

— Вот в чём дело, Киллиан. Иногда сами художники должны наблюдать за процессом, который используют в другие моменты.

Нет.

Очередной удар.

Блядь, моё тело разрывается на части. Что имеет в виду эта дрянь?

— Занесите того ублюдка сюда. У нас намечается шоу.

Крик.

Слышу звон цепи. Кого-то волокут сюда.

Кто, нахуй, там?!

БЛЯДЬ. НЕТ. ПРОШУ.

Резко дёргаюсь и поворачиваю голову.

Надо мной склонились Рик и Дмитрий. Оба удерживают меня, пока Гейзэл что-то вкалывает в руку. Её испуганный взгляд прикован ко мне, а Эйм тем временем вытирает кровь с моего лица.

Опять кошмар.

Откуда он взялся? Почему я ничего не помню?

Нужно будет отойти куда-нибудь и записать всё в блокнот.

За окном ещё темно. Видимо, мы уснули совсем недавно, после того как вернулись с чёртовой гулянки.

Меня наконец отпускают. Том протягивает бутылку воды и помогает приподняться. Чувствую себя инвалидом. Ещё и такой приступ на глазах у всех. Позорище.

— Ты что-то видишь во время приступов? — спрашивает Ян.

Можно ли им доверять? А вдруг, именно они появляются в моих снах?

Хотя вряд ли. Голоса совсем не похожи. Да и если бы это были они, среди них была бы Гейзэл, её слышно сразу.

— Да. Но, наверное, больше слышу, чем вижу. Лишь изредка мелькают какие-то вспышки света.

— Давно это у тебя? Или был какой-то травмирующий момент? — интересуется Том.

— Раньше такого не было. По крайней мере, я не помню никаких событий, которые могли бы объяснить то, что слышу во сне.

Гейзэл смотрит на меня так хмуро, будто пытается просканировать рентгеновским аппаратом.

И почему в этих кошмарах я ни разу не слышал её голоса? Значит, её там не было? А может, она просто наблюдала со стороны? Но тогда зачем задавать мне столько вопросов?

Нужно выйти на улицу и проветрить голову.

Спокойно сообщаю что я отойду на пару минут, и выхожу с автобуса.

Воздух свежий. Из-за густых елей вокруг кажется ещё темнее, чем есть на самом деле. Не слышно даже ветра. Царит полное безмолвие.

Отхожу еще на небольшое расстояние, сажусь на землю, достаю блокнот и начинаю записывать всё, что помню.

Подонок во сне говорил о каком-то решении. Что он имел в виду? Или мой мозг просто самостоятельно дорисовывает эту картину?

Несколько раз прокручиваю воспоминания, пытаясь зацепиться за какую-нибудь деталь.

Ничего.

Всё равно мало. Нужно ещё.

Опускаю голову и замечаю след.

Кто-то здесь был.

Отпечаток отличается от следов наших берцев. К тому же он свежий.

Медленно осматриваю территорию, вглядываясь в темноту. Задерживаю дыхание и рука ложится на пистолет.

Главное, чтобы это не были те головорезы, которых мы видели.

Никого.

Надо будет проверить это.

Малыш, сидевшая в лесу в засаде, тоже что-то заметила, но пока ни слова об этом не сказала. Какую цель она преследует? Хотя кто я для неё такой, чтобы она делилась со мной подобными вещами? Она мне не то чтобы доверяет.

Может, Рик уже в курсе?

Ладно, пора возвращаться, а то фея решит, что я помер, и устроит банкет в мою честь. Она вполне способна на такое.

Все спят.

Устраиваюсь напротив Эр окидывая её взглядом.

Чёрт, сколько я о ней думал, а теперь она находится на расстоянии вытянутой руки. Думала ли она обо мне? Конечно. Только вряд ли в том направлении, в котором хотелось бы мне.

Просто я грёбаный подонок.

И всё же, где я был последние два года? Была ли она рядом? Знает ли что-нибудь? И если да, сказала бы мне?

Мой взгляд опускается на её пораненную руку.

Блядь, она не должна была этого делать.

Надеюсь, после того как прописала мне по лицу, она успокоилась. Зайка уже который раз оставляет на мне следы своих кулаков. Хах. Интересно, как далеко она готова зайти?

Кстати, о ней. Несколько дней назад, у нас с Риком состо-

ялся один разговор.

КИЛЛИАН. НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ НАЗАД.

— Киллиан, брат, не хочешь на перекур?

Рик отвлекает меня от книги, предлагая прогуляться. Что ж, воспользуюсь возможностью и попробую разузнать кое-что.

Выходим с базы и садимся на бетонный блок. Он протягивает мне сигарету, после чего я решаю перейти к делу:

— Что с Эрикой? Панические атаки?

— Нуу, там всё сложно. Она, в общем, не особо делилась со мной подробностями, но проблемы с головой у неё есть.

Да уж, это и так заметно.

— Вроде как детство у неё было тяжёлое. Плюс трагические события. Она занимается, скажем так, не самыми хорошими вещами. Пару раз Эри сажали на успокоительные, вроде помогло. Иногда у неё может сорвать крышу буквально на ровном месте. Она не в курсе, что я сейчас тебе расскажу, так что ты тоже молчи.

Рик замолкает, лезет во внутренний карман и достаёт небольшой металлический футляр. Открывает его. Внутри лежит шприц с ампулой, наполненной розоватой жидкостью.

— Это лекарство на случай, если ей станет совсем плохо.

— Насколько всё серьёзно?

— Достаточно, чтобы я не оставлял её одну, когда понимаю, что ей действительно плохо. В медблоке предусмотрели экстренную помощь, а меня обучили, как действовать в

таких ситуациях. Ещё в её часах настроена кнопка вызова экстренного случая. За всё время, что мы её знаем, она воспользовалась ею всего дважды. Оба раза посреди ночи.

— Вот как.

— Ага. В первое время после нашего знакомства мы только с этим и сталкивались. Мне приходилось дежурить возле её кровати: сидишь на полу и просто следишь за ней. Она и без того мало спит, а уложить её — отдельная проблема. После сильного выброса стресса, иногда её может резко потянуть в сон. Есть даже вероятность, что она отключится прямо в засаде. Поэтому рядом с ней всегда кто-нибудь есть.

Значит они оба привязаны к друг другу. Ян как-то обмолвился что они лучшие друзья. Не думал, что еще и в таком эмоциональном плане.

Ничего хорошего получается. У неё и без того хватало проблем, а я, оказывается, ещё и добавил ей новых. Более того, похоже, даже усугубил ситуацию.

Пять лет назад, когда она была без сознания, я видел шрамы на её руках. Уже тогда понял, что за ними стоит нечто большее, чем просто тяжёлое прошлое. Теперь выясняется, что в Рейтауне об этом уже знают. Более того, ей оказывают помощь.

— А почему она не спит?

— Без понятия. Её сон составляет от трёх до четырёх часов максимум. Может вообще двое суток не спать. Иногда мы думаем, что она вампир: бродит по ночной базе, как при-

видение. То в тир отправится, то в тренировочный зал. Главное, чтобы за пределы базы не вышла. У охраны даже есть приказ следить за этим. Генерал поначалу был недоволен, но потом сделал поблажку, решив, что таким образом она пытается успокоиться.

— Отличный капитан.

— Объективно — лучший. Она умна, у неё превосходная логика. И за всё время, что мы числимся одним отрядом, не было ни одного проваленного задания. Она готова прыгнуть под пули, чтобы прикрыть тебя. Может орать, ругаться, а иногда и врезать, но если ты окажешься в беде, она за тебя любого на части разорвёт.

КИЛЛИАН. НАСТОЯЩЕЕ.

Вспоминая наш разговор, продолжаю наблюдать за ней. Лицо Эр нахмурено даже во сне. Чем она там недовольна? Что ей снится? Увидеть её улыбку — всё равно что стать свидетелем чуда света. Она красива, но далеко не всегда доступна. Если я протяну руку и дотронусь до её ладони, она пристрелит меня от испуга? Не буду проверять. Иначе мы не уложим её спать обратно, а она ещё вдобавок и придумает что-нибудь совершенно безумное.

В конце концов, сон окончательно одолевает меня.

Просыпаюсь от движения автобуса. Мы куда-то едем. Наверное, Том решил опять сменить место стоянки.

Гейзэл напротив нет.

Где она, блять?!

Хм.

Замечаю её впереди. Она что-то показывает Эйму.

Ну да. А на что я, собственно, рассчитывал?

Он опять рядом.

Будь её воля, готов поспорить, именно он стал бы её напарником, а не я. Хотя нет, Эр скорее побежит к Рику. Они ещё то комбо. Ночью я в этом убедился. Свалили вдвоём в зону, где можно наткнуться на что угодно. Ну и, собственно, это и произошло.

Я пошёл с ними, потому что у меня тоже есть эта долбаная привычка лезть в подобные передряги. В детстве, мать постоянно ругала меня за то, что я попадал в неприятности. Но было весело. Уверен, Рик точно такой же.

Только есть одна деталь: такая тварь, как я, нужна лишь для определённых целей. Не более того.

Но это не значит, что я собираюсь уступать её кому-либо. Я найду дверцу в её чёрном сердце. Залечу все её проблемы. Если понадобится, буду гореть вместе с ней. *Заживо.*

Останавливаемся возле густой лесополосы. Рядом стоит заброшенное пятиэтажное здание, заросшее мхом. Наверное, когда-то здесь был театр или музей, а может, здание администрации. Никаких вывесок — грёбаные мародёры растащили всё, что можно было продать или обменять на деньги.

— Что по итогу? — интересуется Дмитрий, разглядывая улицу.

Мне бы тоже не помешало это знать. Я слишком глубоко ушёл в себя и почти ничего не слушал.

Эр оборачивается и произносит:

— План такой. Позади нас находится второй склад, который мы должны осмотреть. Отсюда он практически у нас перед носом. Бинокли и прочее оборудование есть. Том сказал, что с такого расстояния сможет подключиться к камерам, если они там имеются. Сегодня ночуем здесь. На дежурстве меняемся каждый час и следим за происходящим. Завтра последний день: проводим обыск и сразу покидаем Карфаген. И ещё. В километре отсюда есть пара жилых домов. Мы с Киллианом сходим туда, узнаем, что известно местным, и вернёмся. Остальные остаются здесь и поддерживают связь.

Прекрасный план, считаю. С феей у нас намечается второе свидание, хотя, подозреваю, она ему не очень рада. Сама на такое решение ни за что бы не согласилась.

Переодеваемся, берём оружие и выходим.

Начинать разговор первым не хочется. Тут ещё и думать приходится, какие слова подобрать, чтобы она не снесла тебе голову. Потому что ей не нравится всё. Обращаешься мягко — кривит лицо. Скажешь что-нибудь грубо — и вот у твоего виска уже пистолет со снятым предохранителем.

Сумасшедшая.

То, что она ростом полтора метра, ничего не значит. Рука у неё тяжёлая, да и сама она напичкана пистолетами, кастетом и ножом. А ещё самое удивительное — у Эр имеет-

ся оружие, надеваемое на кисть, с острыми когтями. Для каких целей она их использует, знать не хочу. В характеристике не значилось, что она исполнитель приговоров, как Эйм или Дима, но эту информацию вполне могли скрыть.

— Ты же тоже вчера видел?

Она нарушает тишину.

— Что именно?

Что она имеет в виду?

— Прости?

— Блеск в лесу. Он ведь был. Мне не могло показаться.

Ага, вот мы и перешли к этой теме. Рассказать ей теперь о следе? Может, это проверка? Думаю, пока стоит промолчать.

— Я думаю, этому есть объяснение. Обычно, когда кто-то находится рядом, ты заранее слышишь шелест или что-нибудь ещё. Если, конечно, это не какой-нибудь суперпрофессионал.

Она резко останавливается и поворачивается ко мне.

— Слушай, ты…

Эрика достаёт нож и направляет его на меня.

Горячая девушка. Значит, будем играть.

— Ты считаешь, у меня галлюцинации? Или, может, я больна?

— Так ты и без того больна, разве нет?

Она толкает меня к дереву и прижимает свою зубочистку к моей шее. Смотрю на неё сверху вниз. Возбуждает. В брюках становится тесно, а на лице появляется довольная улыб-

ка.

— Слушай, зайка, ты что сейчас хочешь сделать?

Выбиваю нож из её руки, хватаю её за бёдра и прижимаю к дереву, закрыв ей рот ладонью.

— Мне вот интересно, как ты вообще стала капитаном. Я держу тебя одной рукой и даже твоего веса не чувствую. Ты противников чем обычно устраняешь? М-м?

Провожу носом по её шее, чувствуя, как бешено колотится пульс.

Сука. Будь моя воля, я бы прямо сейчас, в такой позе, её и трахнул.

— А теперь я тебя отпускаю, и мы спокойно доходим до тех домов. Без поножовщины. Либо я использую этот нож для других целей. Уверен, с твоей больной головой тебе понравится…

Нежно прикусываю мочку её уха.

— Твои фантазии, возможно, тоже извращённые, малыш.

Эр хмурится, сверля меня взглядом. Я медленно прижимаюсь к ней сильнее. Клянусь, она чувствует, как сильно у меня стоит член, и слабо поддаётся. Черт, держу себя в руках из последних сил, чтобы не сорвать с неё штаны и не войти в неё прямо сейчас.

О боже, моё сознание горит.

Вторая рука опускается на её бёдра, сжимая упругую задницу.

Блять.

И тут по моему лицу прилетает ладонь.

Очередная пощёчина. Это какой раз? Уже и не знаю.

Усмехаюсь и отпускаю её.

— Подонок.

Конечно. Куда без этого?

Именно так, малыш. А ты — сучка, из-за которой мне теперь несколько минут придётся идти со стояком, как последнему идиоту.

Только начинаем отходить, как краем глаза замечаю силуэт слева.

Покойник висит на ветке дерева.

Надо же. Как вовремя.

Медленно беру Гейзэл за руку и тихо произношу:

— Зайка, не кричи. Кажется, у нас гости. На девять часов.

Она медленно поворачивает голову, а её рука тянется к пистолету в кобуре на бедре.

Дерьмовая ситуация.

— Надо сообщить Тому. Пока осмотрим.

Беру рацию и передаю всю информацию. Тем временем Гейзэл начала рассматривать кожаный мешок, подвешенный на верёвке, а я прикидываю дальнейшие варианты развития событий.

— Это пастор. Мы должны были завтра заехать в церковь и опросить его. Сука, — произносит она.

Эр задумывается. Пистолет, кстати, так и не убрала. Наверное, думает, что труп сейчас оживёт и бросится ей в объ-

ятия.

— Есть два варианта. Первый: пастор сам хотел нас найти. Церковь наверняка передала ему, что мы о нём спрашивали. Второй: он что-то знал, и его устранили. Сам он этого точно не делал. У него три пулевых и два ножевых ранения, может, больше. А повесили его, как дверной колокольчик, — для привлечения внимания.

И да, я мог бы сейчас напугать её, заявив, что нас уже раскрыли и за нами тщательно следят. Но если она не глупая, то и сама давно об этом догадалась.

Мой взгляд падает на след за деревом. Такой же, как я заметил рано утром.

Не привлекая внимания, осторожно осматриваю собственную подошву, а затем обувь Гейзэл. Нет. У нас одинаковая обувь, но след не похож ни на один из наших.

Что-то не так.

По нашим следам явно идут. Более того, преследователи, похоже, знают о наших передвижениях заранее. Значит, эти люди в курсе нашей прогулки и того, что мы увидели за забором.

Кстати, об этом. Мы ещё не обсуждали произошедшее с остальными. Эр сказала, что объяснит позже. Какие там пазлы в её голове складываются на стол — понятия не имею. Вероятно, пытается собрать общую картину.

За спиной раздаются шаги. Ян и Рик подходят к нам, с интересом рассматривая этот великолепный вид.

— Пастора забрал сам Бог?

— Ага, Рик. Его сразу отправили к нему без приглашения, — отвечает Эр.

— Вы уже трогали тело? — спрашивает Ян, доставая перчатки и протягивая их нам.

— Нет. Ждали вас.

Рик срезает верёвку, и тело опускается на землю. Зайка принимается за осмотр. Достаю фотоаппарат — пара снимков не помешает.

Эрика тщательно осматривает пастора.

Заебись. То есть даже со мной, её руки не гуляли так активно последние пару минут, как сейчас с этим бездыханным телом. Может, она некрофилка?

Хотя нет. Не хочу об этом думать. Я идиот.

— Тут бумажка в кармане, — сообщает она.

Осторожно достаёт записку. Сначала пробегает глазами сама и только потом начинает читать вслух:

— «Они знают, что вы тут. Вы не одни. Не смейте ходить в дом пастора — там ловушка. У вас есть время закончить свои дела, и сразу уезжайте отсюда».

Отлично, блядь. Нет слов. А можно конкретнее? С какими тайными поклонниками мы тут находимся?

Рик, который всё это время молча осматривал тело, наконец оживляется:

— Тут какая-то хуйня творится. То жителей на колья сажают, то теперь пастора повесили. Причём недавно, скорее

всего, за несколько минут до нашего приезда. Кровь на верёвке ещё свежая. Ян, ты взял образцы?

— Жителей, блять, что делают?!

Ах ты, грёбаная мышь, Рик!

Ян стоит в полном ахуе. Мы тоже. Заставь дурака Богу молиться — он и лоб расшибёт. Это про него.

— Ой.

— Какое нахрен «ой»?! Вы где были?!

— Блять, Ян, давай потом. Я обязательно расскажу. Мне нужно было понять, как это донести.

Он вздыхает и хватается руками за голову. Это просто театр, уверяю. Данную картину надо видеть.

Рик выхватывает у него всё необходимое для сбора образцов и передаёт Эр.

— Хватит на несколько анализов. Забираем и в холодильник в автобусе. Что-то в морозилку. Доставить ещё успеем. Думаю, нам теперь нужно всем вернуться. Кто бы это ни был, тело здесь оставили не просто так. Нам остался последний день. Нужно вернуться живыми.

Глава 17

ВНИМАНИЕ!

Содержит сцены пыток, жестокого обращения с пленными, психологического насилия, травматических воспоминаний и панических атак

ЭРИКА

Глубокая ночь.

После находки в лесу я до сих пор пребываю в каком-то странном состоянии. Найденная записка не даёт мне покоя. Достаю её и в который раз перечитываю.

ВЫ НЕ ОДНИ.

Блядь.

Смотрю на стену перед собой. В голове пустота. Единственное, что нам теперь известно, — за нами следят. И это чертовски хреново. Вариантов развития дальнейшего слишком много, и ни один из них не сулит ничего хорошего.

Нас могут накрыть прямо на складе и перебить. Могут заблокировать выезд из Карфагена и взять в плен. А могут просто подорвать где-нибудь через несколько километров. В любом случае, мы в полном дерьме.

Я попросила Тома подать сигнал в Рейтаун на случай экстренной помощи.

Пока наш план прост: рассредоточиться по всему зданию, чтобы не собираться в одном месте. Том дежурит на первом

этаже с аппаратурой. Эйм и Дмитрий — на втором. Мы с Каем расположились на третьем, а на четвёртом находятся Ян и Рик со снайперскими винтовками.

Тишина.

Склад, который мы должны проверить завтра, находится прямо перед нами. По связи Том сообщил, что в последнее время там никто не появлялся. Работает всего одна камера. Ему удалось перехватить запись с экрана, и теперь он копирует её на флешку.

Сегодня мы точно никуда не выдвигаемся. Шанс того, что туда ещё кто-нибудь приедет, достаточно высока. Светиться раньше времени нельзя. Наши глаза и без того увидели слишком много.

Устало поворачиваю голову. Мой взгляд сначала падает на Киллиана, а затем медленно перемещается к его рукам.

В памяти всплывает момент, когда он прижал меня к дереву, удерживая за бёдра, а мои ноги обхватывали его талию. Я до сих пор помню его возбуждение, собственную реакцию и то, как сама подалась к нему навстречу.

Блядь. У него просто нереальный размер.

— Я знаю, куда ты смотришь, малыш. И слышу, как тяжело вздыхаешь.

Он сидит с прикрытыми глазами, откинув голову на стену. Уголок его губ слегка приподнят. Кажется, происходящее его забавляет. Ещё бы.

— Заткнись, — тихо огрызаюсь, стараясь, чтобы нас ни-

кто не услышал.

— А если нет?

Он поднимается и подходит ко мне. Медленно разводит мои колени ногой, оказываясь вплотную.

— И что тогда будет, Эр, если я не заткнусь?

Его рука скользит по моим волосам, затем опускается к шее, едва касаясь кожи. В следующую секунду движение становится резким: пальцы грубо смыкаются на моём горле.

— Знаешь, ты бы так замечательно смотрелась с моим членом во рту…

Большим пальцем другой руки он проводит по моим губам.

Сука.

Дыхание перехватывает, а в его глазах пляшет безумный блеск. Этого ублюдка забавляет моя реакция. Тяжело сглатываю, невольно опуская взгляд к его ширинке.

Блядь. Он просто огромный.

— Этот ремень отлично смотрелся бы на твоей шее. Я бы держал тебя за него и трахал твоё горло, маленькая сучка. А знаешь, что потом?

Его пальцы сжимаются сильнее. Дыхание сбивается окончательно. На моей шее останутся следы.

— Я бы усадил тебя сверху и смотрел, как закатываются твои глаза.

Он наклоняется к моим губам, опускаясь на колени. От этого внизу живота разливается тепло. Почему меня так воз-

буждает эта поза?

Пытаюсь свести ноги, но он грубо хватает меня за лодыжку, не позволяя этого сделать. Тело превращается в камень. Я больше не могу пошевелиться.

Его горячее дыхание касается кожи. Киллиан слегка прикусывает мою нижнюю губу, слабо оттягивая её. Он дурманит меня. Я теряю способность здраво мыслить, и окружающий мир постепенно отступает на второй план.

Ты же хотела что-то почувствовать? Как тебе ощущения, Эрика? Достаточно приятно?

Голос в голове что-то говорит, но мне всё равно.

Я больше его не слышу.

На землю меня возвращает шум снизу.

Киллиан мгновенно отпускает меня, и мы одновременно хватаемся за автоматы. Я жадно втягиваю воздух. Горло саднит и горит после его хватки. Только не сейчас. Если кто-то проник в здание, нас услышат.

Адреналин стремительно поднимается в крови. Делаем несколько бесшумных шагов в сторону лестницы, но в этот момент к нам заходит Эйм.

Идиот.

— Там Том зовёт.

— Блядь, я тебя сейчас вырублю! — шиплю я. — Какого хрена вы творите?!

— У Димона рюкзак упал и разломал стол. Сори.

— Боже, я сейчас вас переломаю.

Он извиняется ещё раз, а Киллиан отвешивает ему щелбан. Я тем временем пытаюсь привести в порядок нервную систему. Уже который раз оказываюсь на грани.

— Что-то серьёзное? Если нет, я вас обоих отсюда выкину.

— Сказал, покажет.

Осторожно спускаемся на первый этаж. Повсюду валяются доски, обломки мебели и толстый слой пыли. Уверена, когда-то здесь было очень красиво. Даже сейчас, несмотря на разрушенные стены и разбитый декор, это заметно. Расписная плитка расколота, а узоры на мраморе теряются среди трещин. На стенах остались гвозди, на которых когда-то висели картины, а на полу разбросаны обломки каких-то старинных фресок.

Ненадолго останавливаюсь, задумавшись.

Будет ли когда-нибудь нормальная жизнь? Смогу ли я её дождаться? Почему всё так произошло? Я бы хотела хотя бы раз побывать в красивом месте. Всего на несколько минут. Почувствовать атмосферу спокойной жизни, в которой нет постоянной угрозы, оружия и необходимости оглядываться по сторонам.

Эйм оборачивается и, заметив, что я отстала, возвращается.

— Всё в порядке?

— Да, да. Просто паутина в волосы попала.

Ничего лучше придумать не смогла. Браво, Эрика. Какая

нахрен паутина? Ты что, дура?

Он выгибает бровь, но ничего не говорит. Думаю, уже привык к тому, что я ничем не делюсь. Раз в столетие такая возможность выпадает разве что Рику. Не знаю почему, но именно он занял в моей жизни место одного человека. Разница лишь в том, что Рик чаще оказывался рядом и в некоторые по-настоящему страшные моменты спасал меня.

Мы сворачиваем за угол. Том сидит перед ноутбуком с таким серьёзным выражением лица, что сразу становится понятно: он что-то нашёл или заметил.

— К складу подъехала машина. Всего три человека. Двое зашли внутрь, третий остался на улице. Лица разобрать не могу — почти не поворачивается. Они там уже около двадцати минут.

— Яну и Рику сказал?

— Как раз они и передали. Ян заметил их первым. Судя по направлению движения, приехали отсюда.

Том указывает на карте местоположение первого склада, который мы уже осмотрели.

Мы продолжаем наблюдение. Картинка не меняется, но в следующую секунду мир замирает.

— Ян, Рик, уберите прицел! — тихо, но резко произносит Киллиан в рацию.

— Мы не целимся, — тут же отвечает Рик.

Мы вчетвером переглядываемся.

А затем человек, стоявший возле двери склада, падает на

землю.

— Что за хуйня?!

На шум выбегают двое оставшихся. Не успевают они даже оглядеться, как обоих тоже сражают пули.

Нет. Нет. Нет!

— Отойдите от окон и любых мест, откуда вас могут заметить! Это приказ! — передаю по рации.

Мы падаем на пол, стараясь держаться подальше от окон. На улице не слышно ни звука. Ни шагов, ни шелеста. Только гнетущая тишина.

Ситуация накаляется. Кто-то совсем рядом убил троих людей, и теперь неизвестно, не ведёт ли он охоту уже на нас. Между нами и складом всего километр.

Чертовски близко.

Пульс бешено колотится. В глазах начинает мутнеть.

Только не сейчас.

Блядь, прошу, только не сейчас!

Темнота…

— Как думаешь, Киллиан, если порезать ему мышцы и заставить танцевать, будет весело?

Ублюдок смеётся. В его руке нож, с которого капает кровь. Ему нравится происходящее.

— Эй, котёнок, чего такая хмурая? Смотри-ка.

НЕТ. НЕТ, БЛЯДЬ!

Киллиан медленно проводит ножом по плоти Уильяма. Его дикий крик разрезает пространство, а тварь смотрит

на него блестящими глазами.

Блядь, прошу, хватит!

Я начинаю кричать. Руки связаны, и всё, что мне остаётся, — умолять их остановиться.

Третий подонок подходит сзади и хватает меня за волосы.

— Тш-ш, ты чего?

Сука. Он проводит тупой стороной ножа по моей шее, оставляя влажный кровавый след.

— Посмотри, какой цвет.

Затем подносит нож к губам и слизывает кровь.

Помогите! Прошу, помогите! Нет, не-е-ет, блядь! БЛЯДЬ, Я УМОЛЯЮ, ПОМОГИТЕ! ПРОШУ, ПОЖАЛУЙСТА!

Истерика окончательно накрывает меня. Я задыхаюсь, не могу вдохнуть, не могу пошевелиться. Перед глазами всё плывёт.

— Эри! Эри, приди в себя!

Кто-то кричит в рацию:

— Рик, срочно на первый этаж! Срочно, блядь, сюда!

Меня трясут, пытаясь привести в чувство. Глаза распахиваются.

И я вижу перед собой его лицо.

Киллиан.

Безжалостная тварь.

У меня срывает крышу. Бросаюсь вперёд и бью его бер-

цем сбоку колена. Он падает, а я тут же наваливаюсь сверху, приставляя нож к его шее.

— Я убью тебя, тварь, — шепчу я. — Я тебя нахрен прикончу!

Под лезвием выступает тонкая полоска крови, но на его лице появляется лишь ухмылка.

Рик влетает к нам и мгновенно выбивает нож из моей руки. Тот с грохотом падает на пол. Резко подхватывает меня на руки, крепко прижимает к себе, что-то говоря, пытаясь удержать.

Я смотрю перед собой безумными глазами. Слёзы текут по щекам, дыхание нарушается, а всё тело содрогается от паники.

Что-то острое касается моего плеча.

Укол?

Что это?

— Эра, тише. Ты устала. Приди в себя, здесь все свои. Том, подай воды.

Постепенно тело расслабляется, зрение возвращается в норму. Голова наполняется туманом. Понимаю, что Рик вколол мне лекарство. Не думала, что он носит его с собой. Сейчас вовремя как никогда.

Киллиан сидит на полу и смотрит на меня в ответ.

Что я сделала?

Он поднимается, не совершая резких движений, и молча уходит.

Я смотрю ему вслед.

Я больна. Он разрушил меня.

Закрываю лицо руками, больше не желая ни с кем разговаривать. Отворачиваюсь и утыкаюсь носом в плечо Рика. Он гладит меня по голове, а я пытаюсь успокоить свою раздробленную душу, которая всё ещё кровоточит.

Ян и Дмитрий спускаются к нам. Мы устраиваемся в углу, подальше от окон. Некоторое время никто не произносит ни слова. Тишина давит на мозг, но нарушать её не хочется никому.

Запись с камеры всё ещё продолжается.

Ничего не изменилось. Тела убитых по-прежнему лежат на земле. Те, кто их застрелил, так и не появились в кадре. Лица погибших скрыты черными масками, поэтому объективу видны лишь широко раскрытые от ужаса глаза.

Увидели ли они что-то перед самой смертью?

— Есть варианты дальнейшего плана? — наконец спрашивает Ян.

— Без понятия. Кто-то из нас может выйти на разведку, но вероятность не вернуться слишком велика. Мы даже не знаем, кто это сделал. Мы в заднице.

Я указываю на экран и тяжело вздыхаю.

— К тому же к утру тела могут забрать. А может, всё это вообще приманка.

— Из живых людей? — Том приподнимает бровь.

Справедливо. Но за последние дни мы уже ничему не уди-

вимся.

Пока такой вариант исключать нельзя. Но тогда кто? И кому предназначалась записка? Может, это вообще было послание для тех, кого убили?

Если так, то мы в ещё большей опасности, чем предполагали.

Дмитрий начинает вполголоса обсуждать с Томом запись, а я снова проваливаюсь в собственные мысли. Пытаюсь сложить всё воедино, но детали никак не стыкуются. Кто-то следит за нами, кто-то убивает людей буквально у нас на глазах, а мы даже не можем определить направление выстрелов.

Резкий вопрос Рика возвращает меня к действительности:

— А где Киллиан?

— Не знаю. Вроде бы обратно ушёл. Около часа назад, — отвечает Эйм.

Блядь.

Если этот идиот решил сбежать, у нас будут серьёзные проблемы. И у него самого, и у всех остальных. Он опасен для общества.

Ты бы ещё на себя посмотрела.

Блять. Не сейчас.

Дмитрий несколько секунд молчит, а затем поднимается.

— Я схожу посмотрю.

Я только собираюсь что-то сказать, как вдруг оживает рация.

— У нас проблема! Тащите аптечку, живо! Он без созна-

ния!

Да что нахуй такое?! Только не это. Я умоляю!

Ян и Рик одновременно бросаются к вещам, а я срываюсь с места и бегу наверх так быстро, как только позволяют ноги.

Что могло пойти не так?!

Все препараты, все уколы — всё делалось строго по расписанию. Я лично следила за этим. Ни одного пропуска, ни одной ошибки!

Что, сука, произошло?!

Влетаю на наш с ним этаж.

Киллиан сидит, привалившись спиной к стене. Голова запрокинута, лицо мертвенно-бледное. Кровь стекает из носа, размазывается по губам и подбородку, пачкая воротник чёрной формы. На полу возле него кровавые отпечатки ладоней.

Он знал. Знал, что ему становится хуже, и ничего нам не сообщил.

Какого же грёбаного идиота я терплю?!

Дмитрий пытается привести его в чувство, но безуспешно.

— Очень слабый пульс! — я опускаюсь рядом с ним.

Пальцы становятся липкими от крови, когда я проверяю его состояние.

— Киллиан, ты меня слышишь?!

Никакой реакции.

— Блять, Кайертон, прошу, ответь!

Я достаю из его кармана ингалятор и пытаюсь помочь ему воспользоваться им, но он даже не реагирует на мои слова.

— Сука, да открой же ты рот!

Бесполезно.

Я хватаюсь за шприц и ввожу препарат, который ему назначили. Несколько секунд напряжённо наблюдаю за его лицом, ожидая хоть какой-то реакции.

Ничего.

Ебаный пиздец. Почему он не действует?!

В комнату вбегают остальные.

— Наденьте ему кислородную маску с баллоном! — кричит Рик.

Дима пытается остановить кровь из носа, а я снова проверяю пульс. Слишком слабый. С каждой секундой мне кажется, что он становится ещё тише.

— Эрика, ему не помогает! — голос Рика перекрывает шум вокруг. — Что ещё давали в контейнере? Он может умереть?!

Я не отвечаю. Не могу.

Перед глазами мелькают ампулы, шприцы, записи с назначениями. Я лихорадочно перебираю препараты, пытаясь вспомнить всё, что читала в документах. Руки трясутся, и одна из ампул едва не выскальзывает из пальцев.

Нет. Нет, нет, нет…

Наконец замечаю знакомую маркировку.

QWE33.

Внутри — фиолетовая жидкость.

В документах рядом с названием стояла короткая помет-

ка: *«Экстренный препарат»*.

Сука. Вот он, экстренный случай. Хуже уже некуда.

— Снимите с него бронежилет. Быстро!

Мы осторожно освобождаем Киллиана от экипировки. Я закатываю рукав его формы, нахожу вену и ещё раз сверяюсь с маркировкой.

Я не знаю, что именно делает это лекарство. Не знаю, почему его выделили в отдельный контейнер и почему до сих пор ни разу не использовали. Но если сейчас ничего не предпринять, он может не пережить эту ночь.

— Эра, ты уверена? — спрашивает Дмитрий.

Нет.

Я ни в чём не уверена.

Но выбора у нас почти не осталось.

— Держите его.

Стараясь контролировать дрожь в пальцах, я ввожу препарат в вену. На несколько мгновений всё вокруг замирает. Я смотрю на его лицо, не смея даже вдохнуть.

— Давай, Киллиан… Только не вздумай сдохнуть, слышишь меня? — шепчу я. — Я тебе этого не разрешала!

Дмитрий резко поднимает голову.

— Кровь останавливается.

Я тут же проверяю пульс. Он всё ещё слабый, но уже не такой нитевидный, как несколько секунд назад.

— Дыхание немного выравнивается, — сообщает Рик, внимательно следя за Киллианом.

Я опускаю взгляд на его лицо, затем на кровь, оставшуюся на моих руках, и на ампулу возле колена.

Он жив.

Пока жив.

Теперь я понимаю: мы только что столкнулись с чем-то, о чём не имеем ни малейшего представления. И если обычные препараты перестали действовать, значит, дело не просто в его приступах.

Что-то меняется.

И гораздо быстрее, чем можно предполагать.

Глава 18

ЭРИКА

Просыпаюсь, и первым делом осознаю, что моя голова покоится на чьих-то ногах.

Блядь. На чьих?!

Резко поднимаюсь, чувствуя, как от неожиданного движения неприятно пульсирует в висках, и тут же поворачиваюсь.

Киллиан.

Кажется, он спит. Дышит ровно, кровь больше не идёт, но одежда и пол вокруг него испачканы. Рядом валяются использованные шприцы, упаковки от лекарств, кислородный баллон с маской и целая гора окровавленных салфеток.

Ну и нервы же он нам помотал.

Ещё немного — и я бы уже мысленно стояла в кабинете генерала, доказывая, что это не мы его убили.

По возвращении нужно будет обратиться в медблок и узнать последние сведения о его состоянии. Есть вероятность, что мне ничего не расскажут, но попытаться стоит. Мы использовали препарат с особой маркировкой. Такие лекарства очень ценны, а их применение строго отслеживается, поэтому ампулу придётся вернуть.

Проверяю время.

Семь утра.

Нужно выйти на улицу и немного подышать свежим воз-

духом. От пыли и плесени внутри помещения уже першит в горле, к тому же начинается кашель.

Тихо спускаюсь по грязной в мусоре лестницы, стараясь никого не разбудить. Кажется, сейчас дежурит Ян. Уверена, у него не возникнет лишних вопросов, если я немного постою на улице.

Открываю полуразвалившуюся дверь. Дрянь тихонько скрипит, но Том даже не просыпается.

В лицо ударяет прохладный ветер. Густой туман стелется между деревьями, и я вдыхаю полной грудью запах сырой земли и хвои. Становится немного легче. Голова постепенно проясняется, а напряжение в плечах ослабевает.

И тут мне в голову приходит конченная идея.

Сходить туда, где мы нашли пастора.

На что я надеюсь? Без понятия.

У нас не было времени как следует осмотреть место преступления из-за опасений, что за нами наблюдают. Поэтому мы взяли несколько пробирок с образцами, а тело оставили там же.

Проверяю оружие: оба пистолета заряжены, патронов достаточно. Главное, чтобы они мне не понадобились.

Меня прибьют в Рейтауне за такое самоуправство, но я считаю, что это важно для расследования.

Двигаюсь осторожно, прислушиваясь к каждому звуку и старательно отгоняя мысли о том, что за мной кто-то наблюдает. Хотя, уже не уверена, что это просто паранойя.

Даже если кто-то действительно следит за мной, пусть это будет Ян. Он мне ничего не сделает. Может, только спросит, почему я не позвала остальных.

Подхожу к дереву, возле которого мы нашли пастора.

И…

Блядь.

Ничего.

Точнее, никого.

Тело исчезло.

Кто-то забрал его прямо у нас из-под носа.

Пока мы сидели в заброшенном здании, кто-то успел вернуться сюда, забрать труп и исчезнуть, не оставив ничего, что сразу бросалось бы в глаза.

Дерьмо.

Сожалею о своём решении прийти сюда. Кажется, я влипла.

Значит, это не случайность. Кто-то тщательно заметает следы. Вопрос только в том, кто здесь охотник, а кто — добыча.

Осматриваю землю, разгребаю берцем листву в поисках какой-нибудь зацепки. Пусто. Ни свежих следов, ни обрывков ткани, ни капель крови. Только влажная трава, грязь, листья и обломанные ветки.

Если тело забрали, то и постарались убрать за собой всё остальное.

Достаю маленький фотоаппарат и делаю несколько сним-

ков места, где оно лежало, а также территории вокруг. Все найденные улики и собранные материалы мы передадим на экспертизу. Том, к тому же, решил сохранить копии видеозаписи и фотографий, чтобы мы могли внимательно изучить их по возвращении с отрядом.

Если, конечно, нам вообще удастся вернуться.

Нужно перекурить.

Я такая молодец: стою на месте, откуда утащили улику, и поджигаю сигарету вместо того, чтобы бежать сверкая пятками. Все будут в ахуе от моего решения. Даже Рик скажет, что я превзошла саму себя.

Прикрываю глаза и глубоко вдыхаю, пытаясь успокоиться.

Но теперь, точно что-то не так. Я чувствую это – чей-то взгляд, будто мне в спину упирается ствол пистолета. Рука медленно тянется к оружию, и оборачиваюсь.

Никого.

Кажется, уже начинаются галлюцинации.

Нет, идея отправиться сюда одной была далеко не самой удачной. Если рядом действительно кто-то есть, убить меня для него будет проще простого. Как щёлкнуть пальцами.

Если сообщу по рации, могу только выдать своё местоположение преследователям. Нужно возвращаться тихо. Не вернусь — остальные начнут меня искать, а я всё ещё шляюсь по месту преступления, будто у меня бессмертие в кармане в комплекте с капитанскими погонами.

Бросаю окурок направляясь обратно, но ощущение чужо-

го присутствия не исчезает – наоборот, становится сильнее.

Сжимаю пистолет, снимаю его с предохранителя и начинаю осматриваться.

Проклятый туман!

Видимость отвратительная. Деревья проступают из серой пелены размытыми силуэтами, и любой из них может оказаться человеком.

Отхожу за ближайшее дерево, стараясь контролировать дыхание.

Боже. Нахуя я вообще сюда попёрлась?!

Справа раздаётся шорох.

Резко приседаю, смещаюсь чуть левее и направляю оружие на источник звука.

— Эр?

Голос доносится сзади.

И он знакомый. Кажется, Киллиан.

Поворачиваюсь, и он спрашивает:

— Что ты тут делаешь?

Я не отвечаю. Медленно поднимаюсь и направляюсь к нему. Между нами около десяти метров.

Он щурясь смотрит на меня, и пытается понять, что происходит.

— Малыш…

Почему он так смотрит? Что происходит?

В следующую секунду Киллиан срывается с места и бежит ко мне. Раздается оглушительный выстрел автомата. Он об-

хватывает меня обеими руками и резко разворачивается, закрывая меня собственным телом.

Всё происходит как в замедленной съёмке.

Блядь!

Мы оба падаем на землю. По руке обжигающей полосой проходит боль.

Что за…

Меня ранили?

Чёрт. Меня действительно ранили!

Не успеваю осознать происходящее, как тело само переходит в режим выживания.

Достаю рацию.

— Рик, срочно покидаем здание! За нами следят! Рик, это приказ!

Киллиан хватает меня за руку, и мы одновременно поднимаемся на ноги. Бежим, не оглядываясь.

Грохот выстрелов разрывает воздух.

Откуда стреляют, ни черта не видно. Всё вокруг утопает в тумане. Стрелять в ответ практически бесполезно: я даже не могу определить, где находится противник.

— Сука!

Киллиан дёргается и теряет равновесие.

Его задело.

Ебаный в рот.

Ситуация — полное дерьмо.

Ещё несколько выстрелов. Пули пролетают мимо, врезa-

ясь в стволы деревьев. Кора разлетается щепками, одна из которых больно царапает щёку.

Остаётся всего пара метров, и наконец показывается наш бронеавтобус. Двигатель уже работает, машина начинает сдавать назад.

Дмитрий распахивает дверь и кричит:

— Быстрее! Сюда!

Мы запрыгиваем в салон практически на ходу. Дверь захлопывается, и Том давит на газ.

— Что произошло?! Блядь, вы ранены?! Эйм, аптечки! Живо!

Машину резко бросает вперёд. Я хватаюсь здоровой рукой за ближайшую опору, но тут же шиплю от боли. Ощущение что руку насквозь прошили раскалённым ножом.

Сука…

Опускаю взгляд. Кровь уже пропитала рукав и стекает по пальцам. Рядом Киллиан прижимает ладонь к плечу. Чёрная ткань формы быстро темнеет вокруг раны.

Полный пиздец.

— Рик, посмотри его! — кричит Ян, доставая аптечку.

Он опускается рядом с Киллианом и осторожно убирает его руку от плеча.

— Не дёргайся. Нужно понять, насколько всё серьёзно.

— Да неужели?! — выдавливает Киллиан сквозь зубы.

Даже сейчас умудряется огрызаться.

Рик разрезает ткань вокруг раны. Кровь продолжает со-

читься, а сам Киллиан заметно бледнеет. Рик внимательно осматривает повреждение, стараясь определить, насколько оно глубокое.

— Пуля могла остаться внутри. Сейчас не лезем туда вслепую. Остановим кровь, наложим повязку и будем следить за состоянием.

— Просто делай уже что-нибудь, — кричит Киллиан.

Рик прижимает к ране стерильную салфетку. Тот резко втягивает воздух и стискивает зубы. Его пальцы судорожно сжимают край сиденья.

Я пытаюсь отвести взгляд, но перед глазами всё равно стоит кровь на его плече.

— Эрика, теперь ты, — говорит Ян.

— Быстрее!

— Не дёргайся, иначе сделаем только хуже.

Ян разрезает мой рукав и осматривает руку. Боль усиливается, стоит ему коснуться ткани возле раны. Он накладывает стерильную салфетку и прижимает её, останавливая кровотечение. Я зажимаю край кофты зубами что есть силы.

И начинается ад.

Боль пронзает руку, отдаваясь до самого плеча. Я стискиваю ткань так сильно, что челюсть начинает сводить. Перед глазами мелькают белые пятна, а каждый удар колёс о неровности дороги отзывается в ране новой вспышкой боли.

Блядь!

Из горла вырывается крик. Я уже даже не пытаюсь его

сдерживать — кажется, ещё немного, и оно просто разорвётся.

— Держись, Эрика, — слышу голос Эйма, который помогает Рику с Киллианом. — Том, сообщи Рейтауну ситуацию! У нас ещё сутки на задание осталось!

Я поднимаю голову.

И встречаюсь взглядом с Киллианом.

Он смотрит прямо на меня.

Он сжимает зубами куртку, пытаясь заглушить собственные стоны. По виску стекает пот, лицо перекошено от боли. Но в глазах…

В его глазах стоят слёзы.

Он не отводит взгляда, даже когда Рик сильнее прижимает повязку к плечу. Губы дрожат от напряжения, дыхание срывается. Слёзы блестят на ресницах, и я впервые вижу его таким.

Не опасным ублюдком. Не безжалостным палачом. Не человеком, который одним взглядом способен заставить других замолчать.

А мужчиной, которому больно.

— Кровотечение контролируем, — сообщает Ян, проверив повязку. — Но обе раны должен осмотреть врач. До Рейтауна далеко, поэтому пока следим за кровопотерей и не даём им нагружать раненые руки.

— Сколько до базы, Том? — спрашивает Рик.

— Почти триста километров, — отвечает он с водитель-

ского места. — Если дорога не преподнесёт нам ещё несколько сюрпризов, часа три. Но с такими дорогами, я бы не рассчитывал на точное время. Нам нужно изменить маршрут.

— Прекрасно, — выдыхаю я. — Просто пиздец.

Дима бросает на нас взгляд через зеркало заднего вида.

— Только что пришёл приказ из Рейтауна. Возвращаемся немедленно. Никаких дополнительных суток в Карфагене.

Отлично. Главное теперь — вернуться живыми и не умереть по дороге.

Я снова смотрю на Киллиана.

Он молчит, тяжело дыша. Его лицо бледнее обычного, а взгляд временами теряет фокус. После того, что случилось ночью, это беспокоит сильнее самой раны. Он пережил сильный приступ и потерял кровь, а теперь ещё и получил пулевое ранение. Его организм и без того находится под огромной нагрузкой, и я боюсь, что всё может повториться.

— Килл? — тихо зову я.

Он медленно поворачивает голову.

— Если ты сейчас сдохнешь, я лично вытащу тебя из ада и убью ещё раз.

Уголок его губ едва заметно дёргается.

— Я отправлюсь в ад только с тобой, малыш.

Через несколько километров Том находит место, где можно ненадолго остановиться под прикрытием деревьев. Продолжать путь по разбитой дороге, пока Ян и Рик следят за нашими ранами, становится слишком рискованно: каждая

кочка отзывается новой вспышкой боли, а повязку на плече Киллиана уже приходится проверять повторно.

Мы не можем позволить себе долгую остановку. Но и продолжать путь, не убедившись, что кровотечение под контролем, нельзя.

Рик снова осматривает мою руку.

— Похоже, пуля прошла неглубоко. Серьёзного кровотечения нет, чувствительность пальцев сохранена. Но нужно точно знать, что не задеты сухожилия и сосуды.

— И что это значит?

— Значит, что я не собираюсь вытаскивать её наугад в салоне бронеавтобуса.

— Рик…

— Эрика, послушай. Если пуля лежит поверхностно и её можно безопасно достать, это одно. Если она ушла глубже, попытка вытащить её может закончиться повреждением тканей или кровотечением. Я не буду рисковать твоей рукой только потому, что тебе хочется поскорее избавиться от этой дряни.

Несколько секунд смотрю на него, обдумывая сказанное.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Осмотр при нормальном освещении. Проверим рану, оценим, насколько глубоко вошла пуля. Если она действительно близко к поверхности и не затронула важные структуры, попробуем удалить её в подходящих условиях. Если нет — оставим до медблока.

Мне не нравится ни один вариант.

— Осматривай сейчас же.

Он тяжело вздыхает и помогает мне устроиться так, чтобы раненая рука оставалась неподвижной. Рик прекрасно понимает, что спорить со мной бесполезно. Если я что-то решила, переубедить меня практически невозможно.

Ян готовит всё необходимое для осмотра, а Дмитрий прикрывает нас снаружи, пока Эйм и Том выбирают короткий путь. Нужно вернуться как можно быстрее. Из нас двоих в более тяжёлом состоянии Киллиан, и ему срочно нужна помощь.

Через несколько минут Рик заканчивает проверку.

— Похоже, повреждение поверхностное. Пуля находится неглубоко, но я не стану обещать, что всё пройдёт без осложнений. Если начнётся сильное кровотечение или появится онемение, немедленно сообщишь.

— Я капитан, а не хрустальная ваза.

— А я не собираюсь объяснять генералу, почему ты решила доказать это ценой собственной руки.

— Ты сегодня особенно разговорчивый. Это твой недельный лимит?

— Блядь, Мефисто, ты сведёшь меня в могилу…

Подготовка занимает ещё немного времени. Рик работает сосредоточенно, не позволяя мне отвлекаться и постоянно проверяя моё состояние.

Пару раз от боли мне кажется, что я теряю сознание. Она

просто адская.

Во время всей процедуры я не свожу глаз с Киллиана. Мои глаза наполнены слезами, его кулак сжат до побелевших костяшек, во взгляде застыла злость. Лицо бледное, на висках выступил пот. Если бы я не пошла туда одна, мы бы сейчас не сидели здесь раненые, не заливали салон кровью и не тратили драгоценное время на остановки.

Когда всё заканчивается, Рик откладывает использованные инструменты и накладывает свежую повязку.

Я судорожно выдыхаю.

— Всё?

— Пулю удалось достать. Но это не значит, что проблема решена. Рану нужно обработать, а в медблоке проверить, не осталось ли повреждений. И следить за признаками инфекции.

Он показывает мне пулю, которую убирает в отдельный контейнер для последующей экспертизы.

Хотя бы одна проблема стала немного меньше.

— А Киллиан? — спрашиваю я.

Выражение лица Рика меняется.

— У него всё сложнее. Пуля ушла глубже, и я не могу определить её точное положение без оборудования. В районе плеча проходят крупные сосуды и нервы. Если начну искать её вслепую, могу сделать только хуже.

— Значит, оставляем её внутри?

— Пока да. Остановили кровотечение, наложили повязку.

Дальше — наблюдение и как можно быстрее в Рейтаун.

— Он выдержит триста километров?

Рик не отвечает сразу. Мне не нравится эта херня.

— Рик, блядь, он выдержит или нет?!

— Я сделаю всё, что смогу, — наконец произносит он. — Но после его ночного приступа я не могу обещать, что дорога пройдёт спокойно. Следим за дыханием, сознанием и тем, как меняется его состояние.

Внутри всё стягивается в тугой узел.

Снова неизвестность. Снова ожидание. Снова страх.

Грёбаный Карфаген, гори он синим пламенем!

Мы ехали туда, как на убой. Нашего отряда слишком мало для полноценного исследования. Это поселение намного опаснее, чем кажется. Возможно, раньше здесь было спокойнее, но сейчас это место, где тебя могут растерзать заживо. Мы до сих пор не знаем, чему подвергаются местные жители, но одно понятно: людей похищают для каких-то целей. А если они не выполняют определённые требования, их убивают. Как тех, кого мы нашли за забором.

Пересаживаюсь к Киллиану. Он сидит, прислонившись к стенке салона, и смотрит на меня из-под полуприкрытых век.

— Ну что, кровавая фея? — хрипло спрашивает он. — Тебя починили?

— У меня всё отлично.

— Ага. Поэтому у тебя теперь новая повязка и выражение лица, с которым ты готова перебить половину Карфагена.

— Только половину?

Он тихо усмехается, но тут же морщится от боли.

— Не двигай плечом.

— Есть, капитан.

— И не смей отключаться.

— А если очень захочется?

— Я тебя привяжу к сиденью. Если ты сдохнешь, то только от моих рук.

— Звучит почти романтично.

Я осторожно устраиваюсь ближе, стараясь не задеть его раненое плечо. Том заводит двигатель, и мы снова трогаемся с места.

Впереди почти триста километров пути. Остаётся надеяться, что дорога обойдётся без новых сюрпризов. Ловить дополнительные пули мы не горим желанием, а рядом со мной человек, чьё состояние становится всё более непредсказуемым.

Смотрю на его бледное лицо и сжимаю здоровую руку в кулак.

Только продержись, Кайертон.

До «Рейтауна».

Открываю глаза и первым делом проверяю руку.

Повязка на месте. Кровь почти не просачивается сквозь бинты, но рука ноет так, что хочется оторвать её к чёртовой матери.

Отлично. Значит, пока не отвалилась.

Перевожу взгляд на плечо Киллиана. Кровь снова проступила сквозь повязку. Чёрная ткань вокруг неё потемнела, а кожа приобрела нездоровый сероватый оттенок. Он сидит, прислонившись затылком к стенке, глаза закрыты, дыхание поверхностное, губы почти бесцветные.

Блядство.

— Рик! — зову я. — У него опять кровь.

Рик оказывается рядом. Проверяет повязку, осторожно ощупывает кожу вокруг неё, затем наклоняется к лицу Киллиана.

— Кай, слышишь меня?

Никакой реакции.

— Кайертон, открой глаза, — требую я, наклоняясь к нему. — Это приказ!

Он даже не шевелится.

— Не трогай повязку, Эри, — предупреждает Рик. — Нам нельзя терять время. Нужно проверить, насколько сильно возобновилось кровотечение.

Он прижимает к ране дополнительную стерильную салфетку, стараясь не смещать уже наложенную повязку. Затем проверяет пульс на шее Киллиана и смотрит на часы.

По его лицу я понимаю всё раньше, чем он успевает что-то сказать.

— Что с ним?!

— Пульс слабый. Он мог потерять больше крови, чем мы думали.

Блядь.

— Тогда сделай что-нибудь ещё!

Мой голос срывается. Рик на секунду встречается со мной взглядом, но спорить не начинает. Он снова громко зовёт его по имени, пытаясь добиться хоть какой-то реакции.

К нам бросаются Ян и Эйм с дополнительными аптечками. Я хватаю Киллиана за здоровую руку.

Холодная.

Нет. Нет, не может быть. Наверное, мне просто кажется. Я сжимаю его пальцы, пытаясь согреть своими, и замечаю, как сильно дрожат мои руки.

Почему он не открывает глаза?!

Рик протягивает мне бутылку воды.

— Пей понемногу. И постарайся не напрягать руку.

Я делаю несколько глотков. Вода кажется безвкусной, а во рту всё равно остаётся металлический привкус страха.

— Том! — кричит Рик. — Сколько до базы?

— Пятьдесят километров! — доносится спереди. — Еду настолько быстро, насколько позволяет дорога. Держитесь!

Пятьдесят километров.

Эти километры могут оказаться слишком длинными. Мы не можем его потерять. Я тогда окончательно сойду с ума. Он какого-то хрена побежал меня спасать и словил пулю. Блять я до конца жизни себе не прощу.

— Ему дали препарат? — спрашиваю я Рика. — Тот, который он должен принимать по расписанию.

— Да, дозу не пропускали. Но сейчас нельзя списывать происходящее только на его обычные симптомы. Ранение, кровопотеря, то, что случилось с ним ночью… Мы не знаем, как всё это влияет друг на друга.

— Обезболивающее?

— Сейчас я не стану давать ему ничего наугад. Сначала нужно оценить дыхание, давление и общее состояние. Некоторые препараты могут ухудшить ситуацию, если давление уже падает.

Мне хочется заорать. Вместо этого отворачиваюсь к окну. Лес мелькает за стеклом тёмными полосами. Весь мир превратился в бесконечную дорогу, по которой мы несёмся неизвестно куда, пытаясь успеть туда, где кто-нибудь наконец сможет его спасти.

Второй раз.

Это уже второй раз, когда он спасает меня. Если бы не он, меня могли бы прикончить прямо там, в лесу. И это ещё лучший вариант. Я прекрасно знаю, что бывает с людьми, которые попадают не в те руки. Знаю слишком хорошо. А он снова оказался между мной и пулей. И что я сделала в ответ? Вела себя как последняя тварь. Отталкивала его, огрызалась, делала вид, что мне плевать на происходящее с ним. Хотя отчасти он заслужил мою ненависть.

Чувствую прикосновение к руке, которое выдергивает меня из себя. Поворачиваю голову и вижу, как Киллиан осторожно проводит пальцами по моей коже. Глаза приоткрыты,

но взгляд мутный. Ему явно стоит огромных усилий оставаться в сознании.

Он выглядит хуже, чем когда-либо прежде. Намного хуже. Передо мной почти живой труп.

— Эр… — хрипло произносит он. — Как ты себя чувствуешь?

Я смотрю на него, не веря, что он спрашивает об этом именно сейчас.

— Нормально.

Уголок его губ чуть приподнимается.

— Красиво врёшь, знаешь об этом, зайка?

Я не отвечаю. Смотрю в его голубые, затуманенные слезами глаза. На белках заметны лопнувшие сосуды. Вид у него паршивый, но даже сейчас ему важно знать, как я себя чувствую.

Я чувствую себя перебитой насквозь. И изо всех сил стараюсь не сойти с ума и не сделать себе ещё хуже.

— Скажи правду, Эр.

Опускаю голову осторожно высвобождая руку. Не потому, что не хочу его касаться. Наоборот. Потому что не могу позволить себе остаться в этом моменте. Я ненавижу, когда меня спрашивают о чувствах. Ненавижу, когда пытаются заглянуть туда, куда я сама не решаюсь смотреть. Я не слабая. Не имею права быть слабой.

— Тебе дать воды? — спрашиваю я, меняя тему.

Он слабо кивает, и я подношу бутылку к его губам, при-

держивая её здоровой рукой. Он делает один небольшой глоток, второй…

И вдруг, его пальцы разжимаются. Голова бессильно падает набок, а бутылка выскальзывает из моей руки с грохотом падая на пол. Вода растекается по салону, заливая все что на полу.

— Килл? Килл, посмотри на меня!

Ничего.

Рик тут же бросается к нам. Я трясу Киллиана за здоровое плечо, забывая обо всех предупреждениях.

— Кайертон!

Его глаза остаются закрытыми.

— Нет. Нет, нет, нет…

Прижимаю пальцы к его шее, не понимая, что именно пытаюсь почувствовать. Сердце колотится так сильно, что оно готово уже меня покинуть.

— Рик!

Он отодвигает меня, проверяет реакцию Киллиана, дыхание и пульс. Его лицо становится жёстким и сосредоточенным.

— Ян, помоги уложить его. Осторожно, плечо не трогай.

— Что с ним?! — кричу я.

— Эрика, отойди немного!

— Я спросила, что с ним?!

— У него резко ухудшается состояние. Дай нам работать!

Я отступаю всего на полшага. Больше не могу.

Рик снова проверяет дыхание Киллиана и пульс, затем громко обращается к Тому:

— Сколько осталось?!

— Около двадцати минут!

— Дави на газ! Свяжись с Рейтауном! Передай, что у нас критическое ухудшение состояния раненого. Нужна бригада на встречу и готовность к немедленной реанимации!

— Рейтаун, приём! Срочно требуется бригада реанимационной помощи на встречу! Повторяю: срочный вызов медицинской бригады!

Я слышу только собственное дыхание.

Слишком быстрое.

Слишком громкое.

— Киллиан, — шепчу я, опускаясь рядом с ним. — Ты меня слышишь? Пожалуйста…

Рик продолжает проверять его состояние. Эйм достаёт кислородный баллон и маску, помогает поддерживать дыхание Киллиана. Тот не приходит в себя. Ян рядом с Риком следит за пульсом.

— Давай же, блядь, — вырывается у меня. — Ты не можешь так просто взять и отключиться. Не после всего, что мы пережили. Ты слышишь меня, идиот?!

Я сжимаю его руку.

— Ты мне ещё должен. Слышишь?! Ты должен мне столько всего, что я даже не успела составить список!

Ничего.

— Ты обещал…

Я не знаю, что сказать человеку, который может умереть прямо у меня на глазах. Не знаю, как попросить его остаться, если всю жизнь училась никого ни о чём не просить. Мне больно. Сердце разрывается на части при виде того, как он лежит без сознания. Руки дрожат, глаза застилают слёзы. Паника накрывает с головой, но я изо всех сил пытаюсь держать себя в руках.

— Пожалуйста, Киллиан, приди в себя!

Впереди появляется машина экстренной медицинской помощи. Она останавливается у обочины с включёнными проблесковыми маячками. Из неё выбегает бригада с носилками и оборудованием.

— Они впереди! — кричит Том.

Бронеавтобус резко останавливается. Двери распахиваются, и к нам сразу вбегают несколько медиков. Один из них задаёт вопросы Рику, второй уже оценивает состояние Киллиана.

— Мужчина, огнестрельное ранение плеча, выраженная слабость, нарушение сознания, подозрение на значительную кровопотерю, — быстро докладывает Рик. — Пуля осталась внутри. До этого были эпизоды кровотечения из носа и рта, нарушения дыхания и потери сознания. Причина неизвестна. Получает назначенный препарат, сегодняшнюю дозу принял. Состояние ухудшилось в пути.

— Понял. Когда он последний раз отвечал на вопросы?

— Несколько минут назад. Потом перестал реагировать.

Медики перекладывают Киллиана на носилки, стараясь не двигать раненым плечом. Один продолжает контролировать дыхание и пульс, другой закрепляет повязку и проверяет, не возобновилось ли кровотечение.

— Давление низкое, — сообщает медик, подключая монитор. — Пульс частый, слабого наполнения. Готовим кислород и венозный доступ. Предупредите приёмное отделение: тяжёлый раненый, нестабильная гемодинамика.

Я пытаюсь подняться следом, но ноги едва держат меня.

— Я с ним.

— Вы тоже ранены, капитан? — спрашивает другой медик, заметив повязку на моей руке.

— Да блядь. Я еду с ним.

— Хорошо, — сухо отвечает он, быстро осматривая мою повязку. — Вас тоже нужно доставить в медблок. Сможете идти самостоятельно?

— Да.

Это ложь, но сейчас мне плевать.

Я забираюсь в машину вслед за носилками. Ян и Рик возвращаются в бронеавтобус к остальным.

Внутри скорой, слишком яркий свет. Он режет глаза, подчёркивает бледность лица Киллиана и превращает каждую каплю крови в нечто невыносимо отчётливое.

Медики действуют быстро. На его грудь устанавливают электроды, на палец — датчик, следя за показателями на мо-

ниторе. Один проверяет дыхание и реакцию, другой готовит оборудование и повторно оценивает рану.

— Киллиан, вы меня слышите? — громко спрашивает врач. — Если слышите, попробуйте открыть глаза.

Он не отвечает.

Я сажусь у стенки, но не могу отвести от него взгляд.

— Состояние нестабильно. Мы поддерживаем дыхание и контролируем кровообращение.

Врач смотрит на меня всего секунду, затем снова поворачивается к Киллиану. Трое медиков работают над ним, пытаясь удержать его жизнь, которая, кажется, висит на последней нитке. Монитор издаёт короткие сигналы. Медик называет цифры, врач отдаёт распоряжения. Я не понимаю всех слов, но понимаю выражения их лиц.

Ситуация становится хуже.

— Давление продолжает снижаться, — говорит один из медиков.

Врач быстро проверяет пульс Киллиана, обращаясь к коллеге:

— Подготовьте всё для реанимации. Немедленно.

Мир сужается до одной точки.

— Килл? — Я поднимаюсь, забывая о собственной ране. — Киллиан, слышишь меня?!

Никакой реакции.

Врач снова проверяет его состояние. Несколько секунд кажутся бесконечными. Затем раздаётся протяжный сигнал

монитора…

— Пульс не определяется!

— Начинаем сердечно-лёгочную реанимацию! Проверьте сердечный ритм!

Меня оттесняют в сторону.

— Нет… — выдыхаю я.

Медики начинают реанимационные мероприятия. Один работает у груди Киллиана, другой следит за монитором и готовит необходимое оборудование. Врач быстро оценивает ритм и отдаёт следующие команды.

— Продолжаем!

Не могу дышать. Не могу пошевелиться. Перед глазами всё расплывается. Я с трудом различаю движения рук медиков, цифры на мониторе, лицо врача. Слышу команды, сигналы приборов, короткие фразы, смысл которых уплывает от меня.

Кто-то что-то говорит. Наверное, просит сесть или отойти подальше. Я не слышу, мой взгляд прикован к нему, к его бледному лицу, губам, которые ещё несколько минут назад пытались улыбаться.

К руке, которую я больше не держу.

— Пожалуйста… — шепчу я. — Пожалуйста, блядь…

Я ведь даже не сказала ему спасибо.

Не сказала, что он спас меня.

Не сказала ничего из того, что действительно имело значение.

Я всегда думала, что у меня будет время. Что смогу решить потом, когда всё закончится. Когда он перестанет раздражать меня своими ухмылками, когда перестанет лезть туда, куда я его не звала, когда я наконец разберусь в том, что чувствую.

Но никакого «потом» может не быть.

— Нет, — выдыхаю я, качая головой. — Нет, нет, нет…

Сигналы продолжают звучать.

Медики не останавливаются.

А я смотрю на Киллиана и чувствую, как что-то внутри меня ломается — тихо, беззвучно, окончательно и так больно.

Врач обращается к команде, но его слова тонут в гуле крови у меня в ушах. Картинка расплывается, свет становится невыносимо ярким.

И вдруг, всё перекрывает очередной один протяжный сигнал, который сообщает что сердце остановилось…

Глава 19

КИЛЛИАН — НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ НАЗАД

Звон в ушах, заставляет меня очнуться. Несколько секунд просто смотрю перед собой, пытаясь сфокусировать зрение, а затем осматриваю помещение, в котором мы находились. Я один. Эрики рядом нет, как и остальных.

На полу грязь, кровь, разбросанные салфетки и ватные тампоны. Неподалёку стоит кислородный баллон, а рядом валяются использованные шприцы с лекарством. Судя по всему, меня откачивали после сильного приступа. Хотя, возможно, я вообще успел умереть.

Как это произошло?

Помню, как Гейзэл бросилась на меня с ножом. Помню её взгляд — пустой, дикий, словно перед ней стоял не я, а кто-то совершенно другой. Рик, оттаскивающий её от меня, лекарство, которое ей ввели. Включённый ноутбук с записью убийства людей. Нет, стоп. Сначала был ноутбук, а уже потом, эта маленькая дикуха решила устроить мне незабываемое знакомство ножа с шеей. И в конце концов я ушёл от остальных.

А дальше?

Ничего. Даже грёбаного видения не было. И я не слышал, чтобы кто-то снова произносил те странные фразы, как в прошлые разы. Интересно.

Шея затекла, ноги ватные, голова тяжёлая и кружится. По ощущениям, кто-то использовал её вместо боксёрской груши. Не очень приятно. Да и к тому, мне бы зеркало, чтобы посмотреть, как я выгляжу. Всё вокруг, включая собственную одежду, производит впечатление места, в котором были пытки.

Нужно переодеться и сходить за водой в автобус, заодно умыться.

Проверяю время. На часах — 7:10. Ещё рановато, для того, чтобы чувствовать себя настолько паршиво. Вроде бы сегодня у нас последний день здесь. Значит, если Эрики нет рядом, она уже не спит. Да она вообще, кажется, не спит. Ходячий фантом. Как её организм до сих пор функционирует при таком режиме?

Ладно, теперь не об этом.

Вчерашнее поведение этой сущей сатаны, никак не выходит из головы. Получается, при таком раскладе она гораздо опаснее, чем я думал. Причём не только для для себя, но и окружающих.

Впрочем, я и сам хорош.

Ну попробуй объяснить ей, что она нуждается в помощи, то скорее перегрызёт тебе горло, чем признает это. Как упоминал Рик, обратиться за помощью она может только к нему.

Подонок.

Но, спасибо ему за то, что присматривал за ней. Я и виноват в случившемся, поэтому исправлю всё, что в моих силах.

Даже если цена окажется слишком высокой и за её нормальное состояние придётся заплатить собственной жизнью.

Встаю, отряхиваю чёрные штаны от пыли и грязи и направляюсь к окну.

Так-так-так. Что это у нас?

Мой взгляд цепляется за Эр, которая спокойно направляется в сторону леса. Малыш, вероятно, решила прогуляться. Вполне в её характере: в одиночку, без разрешения и желательно туда, куда нормальный человек даже смотреть не станет.

Раннее утро. Туман. Лес. Недавно найденное тело пастора, предупреждение о том, что мы здесь не одни, и неизвестные, которые, судя по всему, знают о нашем расследовании гораздо больше, чем должны.

Да. Самое подходящее время для прогулки.

Почему бы, блять, и нет.

Обхожу колонну и выхожу на противоположную сторону этажа, откуда открывается лучший обзор на лес и старую тропу. Туман стелется между деревьями, скрывая большую часть местности, однако кое-что разглядеть всё-таки можно.

Снова нахожу её. Моя маленькая катастрофа идёт неподалёку от деревьев, почти растворяясь в серой дымке.

На свидание к пастору пошла?

Ухмыляюсь, доставая бинокль. Сначала осматриваю участок вокруг неё, затем линию деревьев и дорогу, ведущую вглубь леса.

Ничего очевидного. Но всё равно что-то не так. Есть небольшой нюанс: Эр не выглядит человеком, который просто вышел подышать свежим воздухом. Она тщательно осматривается, слишком внимательно для обычной прогулки.

Что ты там увидела, зайка?

Может, решила проверить место, где нашли тело? Если так, то инстинкт самосохранения у неё окончательно отсутствует.

Хотя…

Не то чтобы я мог читать ей лекции о благоразумии. Но ради приличия могла бы позвать за компанию. Теперь я расстроен, и моё сердце разбито.

Продолжаю наблюдать.

Проходит минута. Потом ещё одна.

Туман становится подозрительно гуще, силуэт Эрики временами исчезает за деревьями. Может я теряю сознание? Да ну нет. Меняю угол обзора, проверяя пространство справа от неё. Дерьмо, видимость отвратительная, изображение частично искажается.

И тут раздаётся звук. Тихий, едва различимый даже отсюда.

Металлический щелчок.

Кто-то снял оружие с предохранителя.

Звук доносится со стороны леса. Расстояние определить сложно, но источник явно находится не рядом со мной.

Чёрт.

Снова поднимаю бинокль. Эрика стоит неподвижно, словно статуя. Она что-то слышит? Или заметила кого-то?

Мой взгляд скользит по краю деревьев. На секунду кажется, что между стволами мелькает тёмная фигура, но туман тут же скрывает её. Это может быть ветка, куст или что угодно ещё.

Одного человека я не вижу. Двух — тоже.

По ощущениям, у нас начинается огненная вечеринка. Если я прав, наша самоубийца стоит на открытом участке, а неизвестный держит её на прицеле. Я сейчас нахожусь слишком далеко, чтобы что-то предпринять, если он решит нажать на спуск.

— Только попробуй, ублюдок, — тихо произношу я.

Оставляю бинокль на обшарпанном подоконнике и срываюсь с места. Ступеньки преодолеваю почти бегом, а на повороте едва не врезаюсь в стену. Сбавлять темп даже не собираюсь.

Гениальная идея, Кайертон. Побежать в лес, в странный туман, одному, прямо как Эрика, после всего произошедшего.

Позвать остальных ведь нельзя.

Гейзэл, ты когда-нибудь перестанешь проверять моё терпение?

Вылетаю наружу и направляюсь к месту, где видел её в последний раз. Влажный воздух ударяет в лицо, под ногами

хрустит мелкий гравий, смешанный с землёй.

Делаю несколько шагов и замечаю следы. Приседаю, внимательно осматривая землю. Это снова не наша обувь. Рисунок подошвы, теперь совершенно другой, эти отпечатки отличаются от тех, что мы обнаружили вчера. Несколько пар, минимум две-три. Часть следов почти стёрта влагой, но выглядят они свежими.

Значит, здесь проходили совсем недавно.

Наклоняюсь ниже и замечаю между листьями металлический блеск.

Патрон.

Поднимаю его двумя пальцами поворачивая на свет. На металле виден небольшой рисунок, нанесённый прямо на поверхность. Странная маркировка. Нужно забрать находку с собой и разобраться, возможно, она принадлежит тем, кто сейчас собирается нас здесь прикончить.

Рассматривать времени нет, нужно двигаться дальше. У меня другая проблема.

И зовут её Эрика Гейзэл.

Продолжаю идти между деревьями, внимательно следя за землёй и пространством впереди. В тумане расстояния обманчивы: то, что кажется близким, может находиться в нескольких десятках метров, а фигура возле ближайшего дерева, вполне окажется всего лишь тёмным пятном на коре.

Но кое-что, я всё-таки замечаю.

Быстрое движение слева. Между стволами мелькает чело-

веческий силуэт. Это точно человек. Пока один, но не исключено, что остальных скрывает туман.

Блядство.

Мы не просто оказались не в том месте. Нас здесь ждали.

Вопрос, откуда они узнали, где искать нас и когда именно мы окажемся в лесу?

И почему решили начать с Эрики?

Продолжаю движение, стараясь не выдать своего присутствия раньше времени. Плавно захожу за дерево, осторожно ступая, чтобы не хрустнуть ветками под ногами.

Впереди появляется знакомый силуэт.

Гейзэл.

Она стоит чуть в стороне от тропы. Голова повёрнута к деревьям, плечи напряжены. Смотрит вдаль, наверно думает, действительно ли там кто-то находится или туман просто искажает картину.

Нужно забрать её отсюда и свалить в закат всем отрядом. На нас открыта охота.

— Эр? — зову я.

Она поворачивается.

Во взгляде тревога и настороженность. Эрика пытается понять, откуда я появился и что успел заметить.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю, приближаясь.

Она не отвечает. Только смотрит теперь куда-то мимо меня.

Кажется, за мою спину.

Чёрт.

— Малыш…

На её груди появляется едва различимая красная точка. Такая маленькая, но одновременно пугающе яркая. Лазерный прицел медленно скользит по ключице и опускается ниже.

Нет.

Блять, нет.

Я не могу её потерять. Ни в этот раз, ни в какой другой.

Время словно спотыкается. Я не думаю, не успеваю оценить расстояние, направление, возможные укрытия. Не строю план и не просчитываю варианты.

Просто вижу эту смертельную точку на её одежде и понимаю одно:

Только не её…

— ЭР!

Срываюсь с места. Успеваю схватить её обеими руками и резко толкнуть вниз, когда раздаётся выстрел. Мы падаем на землю. Я закрываю её собой и почти сразу слышу второй хлопок.

— Блядь!

Эрика хватается за руку. На чёрной ткани расплывается тёмное пятно крови, которая стекает по пальцам.

Попали.

Сука, попали в неё!

Осматривать повреждение времени нет. Очередной вы-

стрел ударяет по дереву над нами. Щепки разлетаются в стороны, одна из них больно задевает мне щёку.

Нужно убираться отсюда, иначе нас превратят в решето.

Поднимаемся, хватаю её за здоровую руку, и мы срываемся с места. Выстрелы следуют один за другим. Слишком быстро, блять. Несколько человек, точно трое, пытаются прикончить нас прямо здесь. Это не случайные стрелки, решившие испытать удачу. Они знают, куда целиться. И, судя по тому, как пули ударяют по деревьям вокруг нас, совершенно не собираются позволять нам уйти.

Эр хватает рацию и кричит:

— Рик, срочно покидаем здание! За нами следят! Рик, это приказ!

Её голос звучит удивительно ровно для человека, у которого только что появилась новая дырка в руке. Даже раненая умудряется сохранять командирскую выдержку.

Не удивлён.

Прикрываю её, уводя за стволы деревьев, но следующий выстрел заставляет меня резко развернуться. Боль вспыхивает в плече. На мгновение даже не понимаю, что произошло. Затем чувствую тепло, быстро распространяющееся под одеждой.

Кровь стекает по коже.

Твою мать…

Пуля вошла в плечо.

— Сука!

Эрика хочет что-то ответить, но новый залп заставляет нас пригнуться. Пули ударяют по стволам, земля разлетается из-под ног. Они работают с разных направлений, отсекая путь назад и вынуждая двигаться к дороге.

Значит, они заранее выбрали позиции. Знали, где мы окажемся, куда направимся и, возможно, даже каким маршрутом пойдёт она.

Они следили за нами гораздо дольше, чем мы предполагали. Изучали наши пути, передвижения, привычки. Мы были у них на ладони.

Впереди показывается бронеавтобус.

Наконец-то.

Дверь распахивается, и Дмитрий высовывается наружу.

— Быстрее! Сюда!

Эрика почти влетает внутрь. Я следую за ней, чувствуя, как плечо начинает пульсировать в такт сердцу. Едва оказываемся в салоне, дверь захлопывается, а Том давит на газ. Ещё один выстрел ударяет по металлу снаружи.

— Что произошло?! Блядь, вы ранены?! Эйм, аптечки! Живо!

Прислоняюсь спиной к стенке и наконец позволяю себе посмотреть на плечо. Автобус бросает из стороны в сторону, раскидывая всех по салону. Кровь быстро пропитывает ткань.

Не лучший день.

Эрика сидит напротив, зажимая рану на руке. Лицо по-

бледнело, но взгляд всё ещё цепкий. Она смотрит на меня, её глаза бегают по моему телу, оценивая, насколько сильно я пострадал.

— Рик, посмотри его! — кричит Ян, доставая дополнительную аптечку и двигаясь в мою сторону.

Я не могу оторвать от неё взгляда.

Она ничего не говорит.

Блять, Эр, только не отключайся. Прошу…

— Не дёргайся. Нужно понять, насколько всё серьёзно, — произносит Рик, принимаясь за мою рану.

— Да неужели?!

Снова откидываю голову к стенке, пока Рик занимается плечом. Боль пульсирует всё сильнее, а в голове постепенно нарастает знакомая тяжесть. Моргаю, пытаясь прогнать туман перед глазами.

Пока рано вырубаться.

Очень, сука, рано.

Пальцы нащупывают в кармане холодный металл. Патрон с рисунком. Сжимаю его в ладони, и что-то подсказывает, что это не случайная находка.

Сегодняшняя засада — лишь начало куда более серьёзной проблемы.

Но разберусь потом.

Сейчас я смотрю на Эрику. Она жива, и этого достаточно. Больше мне ничего не нужно.

Уверен, она уже успела себя обвинить: в том, что пошла

одна, в том, что мы оба ранены, и в том, что из-за неё всё произошло. Хотя, кажется, именно она в итоге спасла нас всех.

Если бы мы остались там, нас бы просто перебили. У них был план, а с таким планом не отправляются в лес небольшой группой. Они знали, кого ищут, где нас найти и как действовать.

Их было больше.

Глава 20

ЭРИКА

Протяжный писк мониторов отзывается в ушах. Тело кажется очень тяжёлым, а в голове — пустота. Что со мной?

Белый потолок, стены, запах спирта и медикаментов. Медблок. Значит, я в Рейтауне.

Не поднимаясь, поворачиваю голову и замечаю соседнюю койку. На ней лежит Киллиан. К его руке подсоединена капельница, к груди прикреплены электроды, провода от которых тянутся к монитору. Плечо перебинтовано, порезы на лице обработаны.

Живой.

Задерживаю на нём взгляд. По щеке медленно скатывается слеза, оставляя влажный след на подушке.

Блять, я чуть не убила его. Он оказался там из-за меня.

Пальцы сжимают край простыни, ногти впиваются в кожу. Нужно успокоиться, уже все нормально. Внутри всё болезненно сжимается, и эта боль куда сильнее той, что я чувствую в раненой руке.

Я думала, что потеряла его…

За дверью раздаются шаги. В палату входит врач с папкой документов. Вероятно, результаты анализов и заключение. Пытаюсь приподняться, но рука тут же отзывается резкой болью, а перед глазами начинает неприятно темнеть.

— Не торопитесь, капитан.

Врач быстро подходит к моей койке, придерживает меня за плечо и поправляет подушку, помогая устроиться удобнее.

— Как себя чувствуете?

— Прекрасно. Лучше, чем, наверное, выгляжу.

— По вашему виду этого не скажешь.

Ещё бы. После всего пережитого удивительно, что я вообще проснулась. Но сейчас меня мало волнует собственное состояние. Мне нужно знать, что с Киллианом.

— А… он? — спрашиваю, кивнув в сторону соседней койки. — Что с ним?

— Его состояние удалось стабилизировать. Но он потерял много крови. С учётом еще и предыдущих эпизодов, мы оставим его под наблюдением.

Значит, приступы сыграли немалую роль. А ведь я уже мысленно хоронила его. Мёртвый взгляд, бледно-серое лицо, кровь повсюду, покрасневшие глаза… Всё это снова мелькает перед глазами.

Сущий кошмар.

— Он уже приходил в сознание?

— Нет. Вы оба не приходили в себя двое суток. За вами наблюдали врачи. Ещё, кажется, боец Рик Миллеан провёл здесь больше времени, чем кто-либо из медицинского персонала. Пару раз его даже выгоняли, потому что он засыпал на диване.

Идиот. Какое позорище. Хотя, зная его, ничего удивительного.

Стоп. Двое суток?

Неплохо. Теперь точно неделю спать не буду. Спасибо.

— Генерал приказал ввести вам лекарства и успокоительное. Он опасался, что после пробуждения у вас начнётся паника или истерика. Было распоряжение стабилизировать ваше состояние. Надеюсь, сейчас вам лучше.

Блять. Слов нет.

Меня попросту усыпили на двое суток, чтобы я не начала бушевать. Хотя, возможно, оно и к лучшему. Судя по последним обрывкам воспоминаний, я явно была не в себе. И чем мог закончиться очередной сбой организма, неизвестно.

Врач перелистывает записи на планшете, а затем, вспомнив о чём-то, поднимает на меня глаза.

— Есть ещё один момент. Нам потребуется повторно взять анализы крови. И у вас, и у Кайертона.

Я медленно поворачиваюсь к нему.

— Зачем?

Он слегка заминается. Всего на мгновение, но я замечаю.

— Нужно проверить некоторые показатели после произошедшего и убедиться, что состояние обоих пациентов не ухудшается. Тем более вы только что пришли в себя.

— Какие именно показатели?

— Пока не хочу делать преждевременных выводов. Результаты предыдущих анализов и нынешнее состояние Кай-

ертона требуют дополнительной проверки. Когда лаборатория обработает новые образцы, мы сможем сказать больше. А у вас ситуация несколько иная, капитан. Думаю, вы понимаете, о чём речь.

Осторожный ответ.

Рик, вероятно, уже доложил, что использовал лекарство во время моей выходки.

Выгибаю бровь.

— То есть вы пока не знаете, что с ним происходит?

— Мы знаем, что его состояние нестабильно и необходимо установить причину. Но я не стану утверждать то, чего пока не подтверждают анализы.

— Ладно. Можете брать кровь сейчас.

— Лучше завтра утром. Вам сейчас нужно отдохнуть.

Он бросает взгляд на показатели моего монитора.

— Если к восьми ваше состояние позволит, подойдите на повторный осмотр.

Киваю.

— И ещё, капитан. Генерал просил вас зайти к нему, когда вы придёте в себя. Ваш отряд тоже ждёт, когда вы проснётесь. Думаю все настолько переживали, что в первые же часы, чуть не вынесли весь медицинский корпус.

О боже, дикари.

— Давно?

— Несколько часов назад.

Врач заканчивает осмотр и направляется к двери. Перед

выходом ещё раз напоминает, что мне нельзя перенапрягаться, и оставляет наедине с собственными мыслями.

И с Кайертоном.

Аппарат тихо попискивает, а я всё это время не отрываю от него глаз.

Ну и вляпались же мы.

Бывало, конечно, и страшнее, но на этот раз мы пережили настоящий ад. И пережили его все вместе. В болезни и в здравии, как говорится.

Господи, только окончательно не поехать крышей. Надеюсь, Киллиан придёт в себя до утра. Мне нужно поговорить с ним. Извиниться тоже. Он ведь побежал за мной, да ещё и закрывал собой от пуль при любой возможности.

Чёрт.

Надо спустится к генералу. Уже представляю, как мне влетит, но, если честно, сейчас это заботит очень мало. Трепать себе нервы больше нет сил. Да и самих нервов, кажется, уже не осталось.

Особенно после Карфагена.

Перестрелка, преследование, трупы, убийство… Киллиан.

Последнее воспоминание отзывается особенно болезненно.

Осторожно откидываю одеяло, глаза замечают на небольшом столике свою одежду. Осторожно поднимаюсь с койки, стараясь не делать резких движений, и направляюсь в от-

дельную комнатку. Нужно переодеться а не бродить в больничном наряде.

Натягиваю чёрный тактический комбинезон. Волосы собираю в небрежный пучок. Настроения наводить марафет нет, сойдёт так. Умываюсь холодной водой, и наблюдаю в зеркало.

Впрочем, мой внешний вид всё равно оставляет желать лучшего.

Кожа бледновата, лицо выглядит так, словно меня переехали, а каждое движение напоминает, что я всё-таки не железная. Хотя, если судить по количеству раз, когда мне приходилось собирать себя по кускам, мне уже давно можно было выдать соответствующий сертификат. Чувствую себя лет на сто.

Пора выходить получать люлей. Генерал, должно быть, уже заждался.

На часах 20:23. Что ж, не густо. Скоро все снова разойдутся по комнатам, а мне придётся думать, чем себя занять. Честно говоря, пара вариантов уже имеется, но ни один не предполагает выхода на улицу. С меня пока хватит путешествий.

Прекрасная поездка. Десять из десяти. Обязательно повторить. Только в следующий раз, пожалуй, без пуль и реанимации. Я не резиновая, мой отряд тоже.

Спускаюсь по лестнице, прохожу несколько коридоров, цепляя на себе пронзительные взгляды. Нет, а что вы хоте-

ли? Что я вернусь из Карфагена целой и невредимой? Да хер там. Никому и не снилось, что там происходит.

Останавливаюсь перед дверью кабинета, выдыхаю и стучу.

Ну что, пора.

— Войдите.

Захожу и сразу направляюсь к креслу. Сил изображать бодрость нет, поэтому просто опускаюсь на сиденье и откидываюсь на спинку.

Генерал внимательно смотрит на меня, подбирая слова. Да, понимаю. Если бы я сама увидела себя в таком состоянии, тоже задумалась бы, не проще ли отправить меня обратно в койку. Или вообще в психиатрический стационар.

Он молча наливает воду в стакан и протягивает мне. Принимаю его с благодарностью. Во рту пересохло до невозможности.

— Как самочувствие? — спрашивает он.

— Прекрасное.

Он слегка приподнимает бровь.

— Идентичный ответ я слышал от тебя и раньше. По твоему виду, капитан, этого не скажешь.

— Значит, я последовательна.

— Эрика.

Да закрой же ты рот, дура.

В его голосе появляются предупреждающие нотки. Тяжело вздыхаю и делаю ещё один глоток. Клянусь, готова про-

валиться сквозь пол под его острым взглядом.

— Я поняла.

— Нет, не уверен, что поняла. Я уже говорил тебе: ты можешь высказаться, можешь сообщить о том, что тебя беспокоит. Ты человек, а не компьютер, который обязан выполнять приказы, не испытывая никаких эмоций.

Ой, давайте без вот этого всего. Я не желаю обсуждать свои эмоции. Особенно с человеком, который способен одним взглядом заставить меня почувствовать себя провинившейся школьницей. Мне это совершенно ни к чему. Когда-нибудь, может, потом.

— Я услышала вас, сэр.

Генерал несколько секунд смотрит на меня, но затем решает не продолжать.

— Хорошо. Перейдём к делу. Твои бойцы передали всё найденное в ходе расследования. Я ещё не изучил материалы лично, займусь этим завтра. Если твоё состояние позволяет говорить, расскажи, что произошло и какие сведения вам удалось получить. «Зевс» рассказал мне некоторую часть, но я хочу услышать всё лично от капитана отряда.

Молчу.

Блять, что они успели рассказать? Про ночную прогулку точно говорить не нужно. Только усугублю своё положение, а оно у меня и без того хуже некуда.

Пялюсь на стену за его спиной, пытаясь собрать события в одну последовательную картину. Голова всё ещё тяжёлая,

мысли путаются, но откладывать разговор не хочется.

— Люди в Карфагене что-то скрывают или недоговаривают. Пока не могу сказать, кто именно и насколько глубоко они в этом замешаны. В первый день мы не успели поговорить с пастором. Нам сообщили, что он вернётся послезавтра.

— Кто сообщил?

— Монахи в церкви. На следующий день пастора нашли мёртвым.

Генерал больше не перебивает.

— В его кармане была записка. Мы не знаем, кому она предназначалась. В ней говорилось, что мы не одни, что кто-то знает о нашем присутствии и что нам следует закончить дела и немедленно покинуть поселение. Отдельно предупреждали не входить в дом пастора — якобы там ловушка.

— Вы проверили дом?

— Нет. После предупреждения решили не рисковать, пока не выясним, кто его оставил и чего от нас добивается. Ситуация без того была напряжённой.

Генерал коротко кивает, давая понять, что я могу продолжать.

— Потом мы вернулись в заброшенное здание. Том перехватил запись с камеры второго склада, который нам ещё предстояло проверить. На записи трое неизвестных прибывают туда, а спустя некоторое время всех троих расстреливают. Стрелка камера не зафиксировала.

— Вы уверены, что их убили именно там?

— На записи видно, как они падают после выстрелов. Но откуда стреляли и кто это сделал, мы не знаем. Никто из моего отряда огонь не открывал.

— Продолжай.

Сглатываю. Вот сейчас начнётся самое интересное. И, возможно, меня всё-таки ждёт выговор. Причём вполне заслуженный.

— Утром я вернулась к месту, где мы нашли тело пастора.

Блять.

Видели бы вы его лицо. Господи. Он медленно откидывается на спинку кресла, а глаза становятся размером с луну. А я даже, сука, не краснею!

— Одна? — уточняет он.

— Да.

— Без прикрытия?

— Да.

— Без согласования со мной или командованием?

— Да, сэр.

Может, хватит задавать вопросы, ответы на которые и так очевидны?

— Продолжай, капитан.

— Тела уже не было. Место выглядело так, что его специально очистили. Я осмотрела территорию и сделала фотографии. В лесу кто-то находился. Я не успела установить, сколько их было и как долго они за мной наблюдали.

— И ты решила, что можешь справиться с этим самостоятельно?

— Я решила проверить, не осталось ли следов.

— В одиночку?

— Да.

— В тумане. На территории, где уже нашли убитого человека и получили прямое предупреждение об опасности?

Сжимаю челюсть.

— Да, сэр.

— И в результате?

— В результате Кайертон заметил угрозу и успел оттолкнуть меня до выстрела. Потом нас обстреляли. Мне попали в руку, ему — в плечо. Мы добрались до бронеавтобуса и сообщили сюда.

Генерал несколько секунд смотрит на меня, после чего тяжело выдыхает.

— Ты превзошла саму себя. Я знаю, что у тебя свои приколы в голове, но, прошу прощения за выражение, я в ахуе, Гейзэл.

В кабинете повисает тишина.

Я почти физически чувствую, как генерал сдерживается, чтобы не высказать всё остальное, что думает о моём решении. Честно говоря, на его месте я бы уже давно начала.

— Я мог бы сейчас назначить тебе наказание за самодеятельность, — наконец произносит он. — И, поверь, у меня есть основания. Ты поставила под угрозу не только себя, но и

бойца, который был вынужден вмешаться, чтобы вытащить тебя из-под огня. И который, помимо всего прочего, страдает от приступов.

— Я понимаю.

— Не думаю. Но, возможно, если бы ты не вышла туда, всё могло сложиться иначе. Мы не знаем, следили ли за тобой или ждали кого-то из вас. Не знаем, была ли твоя прогулка случайным совпадением или именно этого и добивались неизвестные.

Он делает паузу.

— Я не стану наказывать тебя только ради того, чтобы показать, кто здесь командует. Но не путай это с одобрением. У меня ранены два бойца, один из них находится под наблюдением врачей после критического ухудшения состояния, а второй — капитан. Я хочу понимать, ради чего мы заплатили такую цену. Надеюсь, ваша поездка не оказалась пустой тратой времени.

Опускаю взгляд.

Вот оно. Не злость и не желание унизить меня за ошибку. Он действительно беспокоится за людей. Именно за такие качества я его и уважаю. Он справедлив, честен и неравнодушен. Такие люди ценны, и они должны быть на каждой военной базе.

— Мы нашли достаточно, чтобы продолжить расследование, — отвечаю я. — Записи, образцы и фотографии уже переданы вам. Но нам не удалось проверить второй склад,

и мы до сих пор не знаем, кто убил людей на записи, кто убрал тело пастора и кто устроил засаду. Зато фотографии с первого осмотра вас шокируют, поверьте. Пока у нас больше вопросов, чем ответов.

Он слегка сужает глаза, но расспрашивать не спешит. Намёка, видимо, достаточно.

— Тогда будем искать ответы, — спокойно говорит он. — Но в следующий раз, ты не отправишься на потенциально опасную территорию в одиночку. Это не просьба, капитан.

— Принято.

Некоторое время он молчит, а затем я вспоминаю о том, что действительно не даёт мне покоя.

— У Кайертона был приступ перед тем, как мы отправились в лес. Сильное кровотечение из носа и рта, нарушение дыхания, потеря сознания. Обычный препарат не помог. Я использовала QWE33 с пометкой «Экстренный препарат».

Взгляд генерала становится внимательнее.

— Ты уверена, что использовала именно его?

— Да. На упаковке была соответствующая маркировка.

— И после введения его состояние улучшилось?

— Кровотечение остановилось, дыхание стало ровнее. Но позже он снова потерял сознание, уже после ранения.

Генерал на несколько секунд замолкает. В его голове явно прокручиваются какие-то мысли. Кажется, он что-то знает. Спрашивать не буду. Уверена, эта информация мне всё равно будет недоступна.

— Я передам эту информацию медицинскому персоналу. Важно, чтобы врачи учли её при обследовании. Если у тебя осталась упаковка или ты помнишь номер партии, передай всё, что есть.

— Да, я сохранила ампулу. Я помню правила обращения с такими препаратами и знаю, как они отслеживаются.

Он сцепляет пальцы на столе.

— Ты и твой отряд получаете ещё двое суток отдыха. Никаких тренировок, выездов и самостоятельных расследований…

О, а вот за последнее не обещаю.

— Восстанавливайтесь. Кайертон останется в медблоке, пока врачи не разрешат его выписать. Когда появятся результаты анализов и заключение, я сообщу тебе.

— Двое суток?

— Тебе мало?

— Нет, сэр.

— Тогда свободна. И, Эрика…

Останавливаюсь у двери и оборачиваюсь.

— В следующий раз, когда решишь рискнуть собой, подумай хотя бы о том, что командованию потом придётся объяснять твоему отряду, почему их капитан решила сыграть в героя. Особенно Рику и, как я понимаю, Киллиану.

Замечательный ответ. Он нас объединил в одну группировку, причём явно не с самой лестной характеристикой.

— Я не играла в героя.

— Я предупредил. Мне бунт здесь не нужен.

Не нахожу, что ответить. Коротко прощаюсь и выхожу из кабинета.

Двое суток отдыха.

Звучит почти как издевательство. Я не умею отдыхать, когда в голове крутятся десятки вопросов, а один из людей, способных помочь найти ответы хотя бы на малую их часть, лежит за дверью палаты и неизвестно когда окончательно придёт в себя.

Но приказ есть приказ. Пока что я ничего делать не буду.

Направляюсь к комнате, где должны находиться остальные. Нужно поговорить с отрядом, узнать, что удалось выяснить после моего отключения, и собрать детали, которые могли ускользнуть от меня в лесу.

И ещё мне нужно увидеть Киллиана. Просто убедиться, что он всё ещё там, на кушетке, живой и дышит. Что всё произошедшее мне не приснилось.

Блядство.

Кажется, этот дурак опьянил мне голову.

Открываю дверь. Вот они — вся моя жизнь.

Рик замечает меня первым. Поднимается с места и подходит, медленно осматривая с головы до ног. Наверное, ожидает обнаружить ещё пару пулевых отверстий, о которых я забыла сообщить врачам.

Он осторожно касается ладонью моего затылка и притягивает к себе. Его руки проходят по спине, спокойно погла-

живая, и я невольно расслабляюсь.

Да, Рик, я тоже скучала.

— Я в порядке, — произношу прежде, чем он успевает открыть рот.

— Это мы уже слышали. Дай посмотрю.

— Рик, если ты сейчас начнёшь ощупывать меня посреди комнаты, я за себя не ручаюсь.

— Значит, точно жива. Мефисто, ты, конечно, панику нам тоже нагнала. Мы гнались за скорой, и когда они вынесли вас обоих на носилках, мы с Димоном чуть их тарантайку не протаранили.

— Да вы потому что идиоты, — замечает Том, подходя ко мне и осторожно обнимая за плечи, стараясь не задеть раненую руку.

Мне не хватало этой атмосферы. Когда мы все вместе, когда кто-то шутит, смеётся... Всё это очень дорого моей душе. Мой отряд — единственные люди, которые мне по-настоящему ценны, кроме них у меня больше никого нет. И спасибо судьбе за это.

Прохожу к кровати и сажусь рядом с Дмитрием и Яном. Оба раскрывают руки, приглашая обняться. От такого напора нежностей, у меня начинает заканчиваться лимит тактильности. Один раз позволить можно.

Опираюсь головой о стену и замечаю, что немного устала. Наверное, лекарство, которое мне вкололи для успокоения организма, всё ещё действует. Что ж, сегодня сон всё-таки

состоится, но точно не сейчас.

Эйм подходит с кружкой чая, а Рик передаёт небольшой батончик гематогена.

Перевожу взгляд с угощения на него.

Потом обратно.

— Так, а я чего-то не поняла. Откуда это?

— Что именно?

— Гематоген, Рик. Не притворяйся идиотом, у тебя плохо получается.

— Нашёл.

— Где?

— Там, где он мне попался.

Блядь.

Эти батончики лежат в кабинете врача. ЛЕЖАЛИ. Этот дурак, похоже, выкрал его, пока сидел с нами, когда мы с Киллианом находились без сознания.

Боже, они стащат всё, что плохо лежит, лишь бы порадовать меня.

— Ладно, — вздыхаю я, принимая чай и гематоген. — Но если нас однажды арестуют за кражу, я вас всех сдам.

— Вот и отлично, — отзывается Ян. — Главное, чтобы к тому моменту ты уже могла нормально держать ручку.

— Я и сейчас могу. Вы как вандалы, о господь. Но для меня всегда лучшие вандалы.

Дмитрий тихо усмехается.

В комнате становится почти по-домашнему спокойно. Ни-

кто не требует докладов, не задаёт лишних вопросов. Просто сидим рядом, согревая руки о кружки и делая вид, что два дня назад нас не пытались всех прикончить.

Эйм подходит ближе и протягивает мне плед. Принимаю и укутываюсь, стараясь не задеть раненую руку. Очень кстати. Сейчас хочется спрятаться во что-нибудь мягкое и тёплое.

— Вы вдвоём как?

— Киллиан пока стабилен. Но ближайшие два-три дня еще его точно не выпустят. Если врачи не передумают и не решат оставить его там на вечность.

— С его характером он сам сбежит, — замечает Том.

— Попробует — я лично пристегну его к кровати.

— Ой, Мефисто, ты такая же. Вроде как сама недавно проснулась, а уже сидишь тут, — говорит Рик.

Закатываю глаза.

— У меня к вам вопрос. Пока мы с Кайертоном были без сознания, вы пересматривали копии фотографий и видеозаписей?

Том кивает.

— Да. Но после всего произошедшего у нас у всех голова забита спутанными мыслями. Мы могли пропустить какие-то детали.

— Отлично. Значит, будем смотреть ещё раз.

— Кстати, твои вещи лежат на кровати Килла, потому что в твою комнату запретили входить без твоего согласия, — добавляет Дима.

Я замираю с кружкой в руках.

На его кровати, значит. Конечно. Вход в комнату капитана запрещён без него, а у меня там хранится много конфиденциальной информации, которую никто не должен видеть. Других вариантов, куда сложить мои вещи, похоже, не было.

— Спасибо, — отвечаю, стараясь не придать голосу никакого значения.

И тут я вспоминаю.

Фотографии.

Я снимала территорию за несколько минут до обстрела. Не только место, где нашли тело пастора, но и деревья, дорогу, участок леса вокруг себя. Если повезёт, на снимках может оказаться что-то полезное.

— Я кое-что вспомнила. Секунду.

Подхожу к вещам, лежащим на кровати, и нахожу бронежилет. Ремни всё ещё испачканы землёй и кровью, а на ткани остались следы от щепок. От одного взгляда на него, память подкидывает звук выстрела и момент, когда Киллиан налетел на меня, сбивая с ног.

Не сейчас. Всё уже закончилось. Мы живы.

Расстёгиваю карман и достаю фотоаппарат.

— За несколько минут до начала огня я фотографировала территорию. Там должно быть достаточно снимков. Давайте посмотрим.

Том сразу оживляется, освобождает место на столе, забирает камеру и подключает её к компьютеру.

Отлично, извини, генерал, но саморасследованию быть.

Несколько щелчков мыши — и фотографии появляются на большом экране. Мы придвигаемся ближе.

Первый снимок — участок леса у дороги. Второй — деревья справа. Третий — дальняя часть леса, частично скрытая туманом.

Ничего необычного. Пока что.

Том перелистывает следующие кадры. Оказывается, их довольно много. Не помню, чтобы сделала столько снимков. Видимо, адреналин заставлял беспрерывно нажимать на кнопку.

— Подожди, — произносит Эйм.

Том останавливает изображение.

— Что?

Эйм указывает на левую часть снимка.

— Вон там. За деревом.

Прищуриваюсь и подхожу ближе.

На фотографии почти ничего не видно: тёмный ствол, спутанные ветви и размытые очертания чего-то, что легко принять за кусок дерева или тень.

Но если присмотреться...

— Увеличь, — прошу я.

Том приближает изображение. Картинка становится зернистой, детали теряют чёткость, однако за деревом всё-таки проступает характерный силуэт.

Длинный ствол. Оптический прицел. Положение челове-

ка, который старается оставаться незамеченным.

— Это снайперская винтовка? — спрашивает Дима.

— Похоже на неё, — отвечает Ян. — Но качество снимка не позволяет определить модель или даже уверенно сказать, что это именно оружие.

— Зато теперь я знаю, что мне не показалось, — тихо говорю я.

В комнате становится тише.

На фотографии действительно видно, что кто-то там был. Человек, которого я не заметила в тумане. Человек, который мог наблюдать за мной ещё до появления Кайертона. Возможно, он стрелял. Но доказательств пока недостаточно. В любом случае, когда Киллиан проснётся, нужно будет выяснить, как он вышел ко мне и каким образом меня нашёл.

— Откуда шёл огонь? — спрашивает Дмитрий.

Я пытаюсь восстановить происходившее по памяти.

— Первый выстрел... Кажется, слева сбоку. Но я не уверена. Всё случилось быстро. Киллиан побежал ко мне со стороны здания, значит, он что-то увидел раньше меня. А в него, насколько я помню, стреляли почти спереди.

— Значит, стрелков могло быть больше трёх, — заключает Рик. — Разные позиции, перекрёстный огонь. Они могли заранее распределить сектора.

Он замолкает, продолжая изучать снимок.

— Но меня больше интересует другое. Когда они успели туда проникнуть?

— Именно, — подхватывает Ян. — Мы с Риком дежурили всю ночь. Ни движения, ни подозрительных звуков. Никого не заметили.

— А утром туман был такой, что в нескольких десятках метров уже ничего толком не разглядеть, — напоминаю я. — Это могло им помочь.

— Ты думаешь, они использовали дымовую завесу? — спрашивает Том.

— Не знаю. Возможно, это был обычный туман. Возможно, они воспользовались погодой, чтобы подобраться незамеченными. А может, находились там ещё до того, как мы заняли позицию.

— Но тогда они должны были знать, где именно мы будем, — замечает Эйм.

— Или следили за нами раньше. Не исключаю варианта, что они наблюдали за нами с самого начала, ещё когда мы въехали на территорию Карфагена. Если у жителей там странное поведение, значит, в этом месте находится большое количество не тех людей, — отвечает Дмитрий.

— Тогда у этих людей должно быть место, откуда они работают. Я уверена, что это точно не обычный населённый участок.

Эта мысль мне не нравится, но логика подсказывает, что у них есть некий объект, откуда ведётся вся деятельность. Неизвестным доложили о нашем проникновении, после чего они вышли на нас.

Они могли знать о нашем расположении, маршрутах и распорядке.

Тогда вопрос уже не в том, как они оказались в лесу, а в том, откуда получили информацию.

Несколько деталей не сходятся.

Снова смотрю на увеличенный снимок.

Тёмный силуэт за деревом почти сливается с окружающей местностью. Лицо разглядеть невозможно. Нельзя определить ни возраст, ни пол, ни принадлежность к какому-либо подразделению.

Но человек там был.

И он был вооружён.

— Нужно сохранить оригиналы, — говорю я. — Не только эти кадры, а все фотографии с камеры. Сделайте несколько резервных копий, ещё и отметьте время съёмки. Пусть специалисты проверят метаданные и попробуют улучшить изображение, но оригиналы не трогать, они наши.

— Сделаем, — кивает Том.

— И сопоставьте время снимков с записью со склада. Если получится установить последовательность событий, возможно, поймём, когда неизвестные прибыли и сколько времени провели на месте.

Он снова принимается за компьютер.

Остальные продолжают обсуждать возможные позиции стрелков, но я постепенно перестаю слышать их голоса.

Нужно обсудить момент ночной вылазки и то, что мы ви-

дели за забором.

— И ещё. Сейчас будет шокирующая информация.

Все оборачиваются ко мне, а Рик сразу понимает, о чём я собираюсь говорить.

— После осмотра первого склада мы с Риком и Киллианом вышли в поселение. В два часа ночи.

— А я-то думал, когда будет эта ахуительная история, — отзывается Ян.

— Подождите-ка. Вы пошли втроём? Ещё и ночью? — перебивает Эйм.

Ну а что? Идея была не моя, я просто поддержала. Что поделать, если моя задница готова на приключения.

— Господи. Да. Но тут спорный момент: лучше бы мы туда не ходили. На территории одного из зданий, жилого или нет, трое неизвестных насадили головы двух жителей на колья.

Рик снова закрывает рот рукой.

Да что ж за нахрен такое? Пора бы уже привыкнуть.

Том моментально отрывается от компьютера. У всех рты открыты до размеров чёрной дыры.

Да, у нас примерно такая же реакция и была.

— Как они выглядели? Что за дерьмо?!

— Без понятия, Дим. Было темно. Ни формы, ничего. Просто тела и движения. Даже разговоров не слышно.

— Дела плохи. Делаю ставку, что мы с этими жителями встречались, и они рассказали больше, чем нужно. Другого

варианта нет, — отвечает Ян.

Такая мысль вполне реальна. Нужно было поехать на то место и посмотреть, убрали ли тела. При дневном свете, такое зрелище ещё страшнее, но вмешиваться в подобные дела запрещено. Нас бы там сразу положили. К тому же всё это могло оказаться подставой.

— У меня мозг сейчас взорвётся. Том, попробуй ещё где-нибудь поискать информацию. Мне всё это не нравится.

— Эйм, тут у каждого сейчас мозг взорвётся. Раньше Карфаген не был таким конченным. Что-то явно изменилось. Хуже того, мне всё это больше напоминает концлагерь с привилегиями.

Я закрываю глаза и прижимаю пальцы к переносице.

Нужно дождаться, пока Киллиан придёт в себя. Он нашёл меня в лесу, заметил угрозу и успел среагировать. Возможно, он видел что-то, чего не заметила я. Возможно, знает, откуда именно появился стрелок.

Детали должны быть.

Сейчас обсуждать дальнейшие действия нет смысла. Голова уже как воздушный шар.

— Эри, — тихо зовёт Ян.

Открываю глаза.

— Что?

— Тебе нужно поспать.

— Мне нужно закончить расследование.

— Ты можешь делать и то и другое, но не одновременно,

— замечает Рик. — И сейчас ты выглядишь так, что упадёшь прямо на пол.

— Я не упаду.

— Конечно. Ты просто решишь проверить, насколько он удобен для сна.

Дмитрий освобождает место на кровати Киллиана и кивает в её сторону.

— Можешь переночевать здесь. Мы всё равно пока останемся в комнате. Необязательно сидеть одной у себя после всего, что произошло.

Я смотрю на кровать. На вещи, которые он заботливо сложил рядом. На пустое место, где обычно лежал Киллиан, когда не пытался довести меня до самоубийства.

Оставаться одной сейчас действительно не хочется. Не потому, что мне страшно. Просто тяжёлый груз свалился на шею, и в полной тишине слишком хорошо слышны собственные мысли.

— Ладно, — наконец соглашаюсь я. — Только сначала схожу к себе за вещами.

— И не вздумай снова отправиться на прогулку в лес, — предупреждает Ян.

— Если продолжишь говорить, проверю, как далеко ты умеешь летать с общего балкона.

— Вот теперь точно наша капитанша, — усмехается Том.

Покачав головой, направляюсь к двери.

Сначала душ. Потом одежда для сна и моё одеяло — то

самое, без которого я не привыкла спать. А после можно будет вернуться сюда и попытаться отдохнуть.

Перед выходом на секунду оглядываюсь на экран.

На тёмный силуэт за деревом.

Кто бы ты ни был, ублюдок, я тебя найду. И тогда уже *никаких предупреждений не будет.*

Глава 21

ЭРИКА

Утром, пока остальные ещё спят, я направляюсь в медблок, чтобы сдать анализы. По распоряжению врача нужно явиться к восьми. Сейчас как раз подходящее время. Заодно смогу проверить Киллиана. Не то чтобы я переживала. Просто не хочу, чтобы этот придурок умер, пока никто не смотрит.

Это ты так себе объясняешь? Ну ты и идиотка, Эрика.

Боже, нет. Уйди из моей головы.

У меня берут три пробирки крови. Зачем столько — понятия не имею, да и сейчас меня это не особо интересует. Есть проблемы поважнее.

Покидаю кабинет и направляюсь в палату. Надеюсь, он уже пришёл в себя. Мне нужны ответы. Конечно, мучить его вопросами в нынешнем состоянии — так себе идея, но, надеюсь, он поймёт. Это действительно важно.

Осторожно открываю дверь.

Тишина.

Только ровный писк аппарата, к которому он подключён.

Киллиан лежит на спине. Выглядит уже не таким бледным, глаза закрыты. Капельница медленно подаёт раствор, на груди закреплены датчики, а раненое плечо скрывает свежая повязка. Состояние у него паршивое, хотя по сравнению

со вчерашним днём определённо лучше.

Но дышит.

Пока достаточно.

Пододвигаю стул к кровати и сажусь. Чувствую себя в этой роли странно. Подобные ощущения мне незнакомы, поэтому я понятия не имею, что должна делать. В итоге просто смотрю на него.

Непривычно видеть его с закрытым ртом. Будь его воля, он бы уже и из-под земли достал меня своими комментариями.

В голове всплывает воспоминание:

— А это можно назвать свиданием? Там же тоже вроде как гуляют.

— Ты идиот? С тобой? Никогда.

— А, так тебе цветы нужны? Прости, ошибочка вышла.

Чёрт. Что со мной?

Зажимаю переносицу пальцами и закрываю глаза. Всё это оказывается сложнее, чем я думала.

Тихо поднимаюсь с места и решаю осмотреть его повреждения.

Блять, его тело похоже на разбитую статую. До ужаса прекрасно. Шрамы на коже местами напоминают трещины на мраморе. Внешне он словно Бог, а внутри — настоящий Дьявол. Сильные мышцы, чётко очерченный пресс, рельефные руки. Всё сухое, подтянутое, доведённое до совершенства. Уверена медсестры тут только и смотрели на это.

Боже, я что, пялюсь на него?

Нет. Нет, просто впервые вижу его без верхней одежды.

Да ну? Может, ты его просто хочешь?

Машу рукой перед лицом, что это поможет привести мысли в порядок. Нужно вернуться на землю. Я вообще-то пришла сюда за другим.

Меня интересуют его повреждения.

Обхожу кровать с другой стороны и замечаю шрамы на руках и в районе ключицы. Одни тонкие, почти незаметные, другие грубее, наверно кожа когда-то заживала после серьёзных травм.

Ян однажды проговорился о шрамах на его спине. Тогда я спросила, откуда они взялись, но получила ответ, что Киллиан не помнит обстоятельств их появления.

Не помнит.

Эта фраза с тех пор засела у меня в голове.

Сейчас он лежит на спине, поэтому я не смогу их рассмотреть. Хм, и что придумать? Трогать его нельзя, а сам он вряд ли станет показывать, хотя я даже не спрашивала. Если он прыгнул под пули, закрывая меня собой, то позволить взглянуть на свои шрамы, наверное, для него сущий пустяк?

Нужно ещё посмотреть его медицинское заключение за тот период, когда он прибыл в «Рейтаун». Возможно, там найдётся что-то, о чём он сам не знает. Или не хочет говорить.

Хотя последнее вряд ли можно назвать неожиданностью.

У каждого из нас найдётся пара скелетов в шкафу. А у Киллиана, я уверена, целое кладбище.

Задумываюсь, глядя на его руку, лежащую поверх одеяла. Под ногтями засохшая кровь, на коже виднеются небольшие синяки, костяшки пальцев немного разбиты. Наверное, когда мы падали.

И вдруг слышу шорох.

— Эр?

Резко поднимаю голову. Киллиан смотрит на меня приоткрытыми глазами. Голос хриплый, слабее обычного, но в нём всё ещё узнаётся тот самый человек, который способен вывести меня из себя одним словом.

Он пришёл в себя.

Чёрт. Что делать?

Сначала нужно спросить, как он себя чувствует, а уже потом выяснить, что он видел в лесу и как вообще нашёл меня.

— Зашла проверить, не успел ли ты умереть. Я обещала, что отправлю тебя на тот свет лично.

Уголок его губ едва заметно приподнимается.

— Смотрю, ты не теряешь хватку. Ты и на том свете будешь отпускать свои шуточки?

— Хах. Только после тебя. Там ты будешь главным чертилой.

Я почти улыбаюсь. Почти.

Стоп.

Я сейчас чуть не засмеялась при нём?

Да, я окончательно ебанулась. Видимо, пули действительно заразные.

Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга. Киллиан выглядит уставшим, и даже привычная насмешка даётся ему с трудом. Но взгляд остаётся прежним — внимательным, цепким, изучающим каждую мою реакцию. Его пальцы касаются моей руки. Лёгкое прикосновение, почти невесомое, и по коже пробегают мурашки.

Хочу отодвинуться, но вместо этого остаюсь на месте, упрямо глядя ему в глаза. Киллиан не пытается удержать меня, лишь проводит большим пальцем по моей коже и убирает руку, когда плечо отзывается болью.

Я замечаю это движение.

— Не дёргайся. Тебе ещё рано изображать из себя бессмертного.

— А я думал, ты пришла полюбоваться.

Да, как ты узнал?

— Я пришла убедиться, что ты не испортил врачам статистику смертности.

— Какая забота, малыш. В твоём стиле.

— Ещё слово — и я попрошу их отключить тебе чувство юмора. Заодно проверим, насколько ты станешь приятнее в общении.

Он тихо усмехается, но тут же морщится от боли.

— Ладно, — произносит он после короткой паузы. — Буду вести себя хорошо.

— Не верю.

— И правильно.

На мгновение между нами снова повисает тишина. Вспоминаю, зачем пришла, и решаю, что пора переходить к вопросам.

— Хочу кое-что спросить. Как ты меня нашёл?

Он чуть приподнимает бровь.

— Ого. А ты, оказывается, умеешь задавать вопросы вежливо.

Я сверлю его взглядом.

— Ладно. Я проснулся и понял, что тебя нет рядом. Сначала подумал, что ты просто отошла. Но потом вспомнил, что среди ночи вроде бы слышал твой голос.

— Мой голос?

— Не уверен. Я тогда ещё толком не проснулся. Могло показаться.

Он ненадолго замолкает, собираясь с мыслями.

— Я прошёл к углу здания, откуда открывался вид на лес. Увидел, как ты направилась туда, где, судя по всему, решила найти себе очередные приключения на задницу, и понаблюдал за тобой через бинокль.

— И вместо того, чтобы разбудить остальных, ты решил пойти за мной?

— Ты так говоришь, будто я знал, чем всё закончится.

— А ты не знал?

— Нет, малыш. Именно поэтому и пошёл.

Ответ застаёт меня врасплох. Я отвожу глаза, делая вид, что рассматриваю повязку на его плече.

— Продолжай.

— Перед тем как выйти к тебе, я услышал щелчок. Кто-то снял оружие с предохранителя. Звук был слабый, доносился издалека, но достаточно отчётливый. По направлению я понял, что источник, скорее всего, находился не прямо перед тобой. Прикинул, что он может быть примерно на двенадцать часов относительно моего положения, но в тумане легко было ошибиться.

— И ты сразу понял, что это засада?

— Не сразу. Но спустившись уже на улицу я увидел чужие следы, когда вышел к лесу. Несколько пар обуви. А ещё нашёл патрон с каким-то рисунком. Забрал его, чтобы рассмотреть позже. Кстати, он в моих вещах.

Я внимательно слушаю, стараясь запомнить каждую деталь.

— Ты что-то видел до того, как подошёл ко мне?

— Человеческий силуэт между деревьями. Видимость была отвратительной. Я не мог сказать, один там человек или несколько.

— А потом?

Киллиан смотрит на меня чуть серьёзнее. Да что же он там увидел?!

— Лазер на тебе.

Внутри всё неприятно сжимается.

— На груди?

— Сначала на ключице, потом он двигался вниз, к груди. Я побежал вперёд, чтобы сбить тебя с линии огня. — Его взгляд опускается на мою руку. — Но полностью закрыть тебя не успел.

Он произносит это неспокойно, почти с дрожью в голосе. Пальцы здоровой руки сжимаются на одеяле. Я смотрю на его плечо. На повязку, под которой скрывается рана.

На человека, который, едва заметив опасность, бросился ко мне, не зная, сколько стрелков находится в лесу и откуда они стреляют.

Он снова спас мне жизнь.

— Ты всё равно успел, — тихо произношу я.

Киллиан поднимает на меня глаза. Кажется, он не ожидал услышать это.

— Что, прости?

— Не заставляй меня повторять, Кайертон.

— А я бы послушал.

— Тогда послушаешь тишину, когда я уйду.

Он улыбается, но на этот раз не пытается продолжить шутку. Я опускаю взгляд на свои ладони.

Значит, он услышал подозрительный звук ещё до того, как добрался до меня. Тогда нападавшие действительно могли находиться в лесу заранее. Возможно, они следили за нами всю ночь и заняли позиции ещё до нашего прибытия.

Но тогда остаётся главный вопрос: *как они узнали, где нас*

искать?

— Мы с отрядом просмотрели фотографии, — говорю я. — На одном из снимков заметили человека с чем-то похожим на снайперскую винтовку. Он прятался за деревом. Качество плохое, но силуэт различим.

Киллиан хмурится.

— Значит, ты всё-таки успела что-то снять.

— За несколько минут до нападения. Мы сохранили оригиналы и передали копии на проверку.

Он закрывает глаза на пару секунд, этот разговор отнимает слишком много сил. Примерно так я чувствовала себя вчера.

— Ты устал? — спрашиваю я.

— Нет, я сейчас пойду на тренировку, а потом, пожалуй, на спарринг с кем-нибудь.

— Придурок.

— Твоя любимая характеристика.

— Не льсти себе.

Он снова прикрывает глаза, замечаю, насколько сильно он побледнел. Возможно, разговор действительно его утомил. Врачам наверняка не понравится, если я продолжу мучить пациента допросом. Хотя мне ещё многое нужно узнать.

В этот момент в дверь стучат. Очень вовремя.

В палату входит врач с планшетом в руках.

— Кайертон, рад видеть вас в сознании. Мне нужно поговорить с вами о вашем состоянии и результатах первичного

обследования.

— Звучит не очень, — хрипло отвечает Киллиан.

— Пока рано делать выводы. Но нам необходимо задать несколько вопросов и провести дополнительные исследования.

Понимаю, что разговор будет личным, поэтому решаю оставить их наедине.

— Я тогда пойду.

Разворачиваюсь и делаю несколько шагов, но за спиной раздаётся голос Киллиана:

— Эр.

Останавливаюсь у двери и немного поворачиваю голову.

— Ты зайдёшь ещё?

Вопрос звучит тихо, почти неуверенно. Моё дыхание странно сбивается, а сердце почему-то начинает биться сильнее. Я опускаю глаза в пол, пряча выражение лица.

— Да…

Всего одно слово. Но на этот раз я не пытаюсь превратить его в шутку. Повернувшись, ещё раз смотрю на него и выхожу из палаты, закрывая за собой дверь.

Только в коридоре позволяю себе выдохнуть.

Блять.

Кажется, я загнала себя не туда. Откуда такая реакция? Почему я не могу оторвать от него своих чертовых глаз? Почему постоянно думаю о нём?

Господи.

Я обожгусь. Не нужно к этому привыкать. Потом будет больно. Хотя, если честно, больно уже сейчас.

Нужно срочно пойти к остальным, иначе я окончательно поеду крышей. Лучше послушать чужие разговоры, чем голоса в собственной голове.

Отряд уже должен быть на завтраке. Вчера я практически ничего не ела, поэтому неплохо бы поесть, пока окончательно не свалилась с ног. Не то чтобы мне сейчас этого хотелось, но придётся себя заставить. Из-за нервов, кажется, потеряла килограмма два-три, а это уже плохо. На заданиях нужны силы и выносливость, а не состояние, при котором тебя унесёт первым же порывом ветра.

Захожу в огромный зал столовой и замечаю свой отряд за столиком. Значит, все уже проснулись. Отлично, теперь можно пообщаться.

— Эри, мы тебя потеряли. Стало плохо? — спрашивает Дима.

— Нужно было сдать кровь на анализы. И… — Я понижаю голос, чтобы слышали только свои. — Я зашла к Киллиану. Он пришёл в себя. Я спросила, что он видел в лесу и как нашёл меня. После завтрака всё расскажу.

Том сообщает, что у него тоже есть кое-какая информация. Пока остальные спали, он просидел за монитором до утра и сумел кое-что обнаружить. Вот почему его не было в постели, когда я проснулась.

Заодно интересуюсь, куда отнесли вещи Килла. В кармане

его одежды должен находиться патрон, который, вероятно, потерял один из стрелков. Хочу осмотреть его внимательнее и понять, какой именно рисунок заметил он.

Ян отвечает, что одежда лежит у них в комнате, в его шкафчике. Её передали сразу после того, как нас обоих поместили в медблок.

Отлично. Значит, никто не шарился по карманам.

— Генерал что-нибудь ещё говорил? — интересуется Эйм, допивая кофе.

— Нет. Сегодня и завтра отдыхаем. К заданиям и тренировкам нас не допустят. И, разумеется, самостоятельными расследованиями тоже заниматься запрещено.

Рик выгибает бровь.

— Ты ведь не собираешься нарушать приказ в первые же десять минут?

— Да блядь, я его нарушила в первые же секунды! Я не могу просто закрыть на это глаза! — тихо огрызаюсь. — Поэтому, если кто-нибудь из вас проболтается, эта вилка окажется у него в шее.

— Перспективно, — невозмутимо отзывается Ян. — Но мы одна команда, капитан. Не переживай.

— Я надеюсь, Ян. И я…

Чёрт.

Как же тяжело произносить такие слова вслух.

Я привыкла отдавать приказы, требовать выполнения задач и брать ответственность на себя. Но говорить о том, что

для меня действительно важно, — совсем другое дело.

И всё же заставляю себя продолжить:

— Я не могу потерять кого-то из вас.

На несколько секунд замолкаю.

Мне становится некомфортно. Такое ощущение, что я только что призналась в чём-то постыдном. Опускаю голову и прикрываю глаза. Хочется теперь сбежать, спрятаться где-нибудь, где никто не сможет увидеть моё лицо и понять, насколько сильно меня задело всё произошедшее.

Но на плечо ложится тяжёлая рука.

— Эй, мы тоже не можем потерять тебя. Кто тогда будет угрожать нам убийством?

Суперподдержка. Мечта, а не союзники.

— Дим.

Хмуро смотрю на него. Он невинно улыбается, а через секунду я сама не выдерживаю и смеюсь вместе с ними.

Небольшая разрядка.

Я всё ещё не умею говорить о чувствах. Не умею признавать, что люди рядом со мной стали чем-то большим, чем просто бойцы под моим командованием. Но я ценю каждого из них. И, чёрт возьми, действительно не хочу никого потерять.

Не в этот раз.

Не их.

Мы быстро доедаем. Правда, Рик ещё успевает повалять дурака и окончательно надоесть Тому, а Ян тем временем,

крадёт у Эйма бутерброд с сыром. Ничего нового. Дима даже угрожает, что, если они не успокоятся, получат ложкой по лбу. И смех и грех. Кстати, я разрешаю ему это сделать.

Перед очередным выносом мозга, нам не помешало немного повеселиться. Стало намного легче. То, что мы увидим, может всё изменить, и тогда придётся решать, в каком направлении двигаться дальше.

Залетаем в комнату и закрываем дверь на замок. Даже если у нас выходной, какой-нибудь дежурный может заглянуть по делу или задать вопросы. Сейчас нам совершенно не нужны посторонние. Лучше перестраховаться.

Том садится за компьютер, и мы собираемся вокруг него. Ян с Димой достают лист бумаги, Рик устраивается рядом, а Эйм сразу направляется к вещам Кайертона.

— Ладно, — начинает Дмитрий. — Эри, рассказывай. Что сказал Киллиан? Как он тебя нашёл?

Я прислоняюсь к краю стола и складываю руки на груди.

— Он проснулся и заметил, что меня нет рядом. Вышел к противоположной стороне здания, откуда открывался вид на лес, и наблюдал за мной через бинокль. Потом услышал, как кто-то снимает оружие с предохранителя. По его оценке, звук доносился примерно с направления на двенадцать часов относительно его положения. Он сразу вышел наружу и заметил следы. Несколько пар обуви — как минимум две или три. Недалеко от них нашёл патрон. Вероятно, выпал у одного из стрелков. Киллиан подобрал его и убрал в карман.

Патрон должен быть среди его вещей, которые передали сюда после госпитализации.

Перевожу взгляд на Эйма. Тот уже проверяет карманы одежды Киллиана.

— Нашёл.

Достав его, он кладёт на стол. Рик придвигается ближе, достаёт лупу и начинает осматривать поверхность.

Через несколько секунд хмурится.

— Странно.

— Что именно? — спрашиваю я.

Он поворачивает патрон так, чтобы рисунок на поверхности был лучше виден.

— Маркировка. Цвет отличается от той, что мы привыкли видеть. Здесь белый рисунок.

Наклоняюсь, пытаясь рассмотреть его самостоятельно. На металле действительно виден небольшой светлый узор в форме цветка.

Цветка, блять?!

С первого взгляда его легко принять за царапину или след обработки, но при ближайшем рассмотрении становится понятно: рисунок нанесён намеренно.

— Ты такое раньше встречал? — спрашивает Ян.

Рик ещё несколько секунд изучает патрон, после чего медленно качает головой.

— Что-то похожее я уже видел. Но где именно — не помню. И пока не могу утверждать, что это одна и та же марки-

ровка.

— Отлично, — бормочу я. — Ещё одна загадка в нашу коллекцию.

— Зато у меня есть кое-что интереснее, — вмешивается Том.

Он разворачивает монитор к нам.

— Я пересмотрел записи с камер, когда вы все уже спали. И, похоже, версия с приманкой из живых людей может оказаться правдой.

— Давай по порядку, — говорю я. — Что ты нашёл?

Том открывает два видеофрагмента: запись с нашего первого задания с Киллианом по проверке склада и запись из Карфагена.

— Я сравнил обе записи. Обратите внимание на лазерные прицелы. На самой первой, когда неизвестный застрелил человека, пытавшегося попасть в тебя, Эри, был инфракрасный прицел.

— То есть человеческим глазом его не увидеть? — уточняет Дмитрий.

— Именно. Без специального оборудования сам луч не различить. Но камера его зафиксировала. Я прогнал запись через программу, которая позволяет выделить инфракрасный диапазон, и проверил результат.

Том переключает видео.

— А вот на второй записи, где застрелили троих возле склада, лазер был обычным, красным. Такой же, какой, по

словам Кая, он видел в лесу.

Я смотрю на экран, стараясь уловить разницу. На первой записи, изображение почти не меняется, пока Том не включает обработанную версию. Тогда, появляется едва различимая отметка, которую без увеличения легко пропустить.

На второй записи всё гораздо очевиднее.

Два разных типа прицелов.

Два разных эпизода.

И, возможно, две разные группы людей.

— Если рассуждать логически, — продолжает Том, — у нас уже есть основания предполагать существование как минимум двух групп. Первая — те, кто использовал инфракрасный прицел и вмешался в тот эпизод. Вторая — те, кто устроил засаду в лесу и, возможно, убил людей на складе. Там был красный лазер, и Кай подтвердил, что видел его.

— Подожди, — перебивает Ян. — Ты уверен, что это именно две группы? А не одна, которая использует разное оборудование?

— Нет, не уверен. Я говорю о версиях, а не о доказанных фактах. Но если это одна группа, то почему в разных эпизодах настолько различается поведение стрелков? В первом случае кто-то вмешался, чтобы спасти Эри. Во втором, троих неизвестных убили возле склада, и стреляли уже по нам. Пока мы не можем связать эти действия в одну цепочку.

— А если одни из них пытались нас защитить, а другие — убрать? — спрашивает Эйм.

— Тогда у нас ещё больше проблем, — отвечает Том. — Потому что мы им зачем-то нужны. Или нужен кто-то конкретный.

Он выводит на экран фотографии, сделанные мной в лесу, и увеличивает участок, где за деревом виднелся силуэт.

— Есть ещё один момент. Я сопоставил время съёмки с тем, что мы знаем о передвижениях неизвестных. По моим расчётам, вероятность того, что обе группы находились в Карфагене в один и тот же период, составляет около двадцати процентов.

— Двадцать? — переспрашивает Дмитрий. — И откуда такая точность?

Том морщится.

— Это предварительная оценка на основе совпадений по времени, записям и известным нам эпизодам. Не статистика с гарантированной точностью. Я бы не стал принимать её за доказательство. Если Киллиан ещё что-то помнит, лучше попросить его рассказать.

— Уже лучше, — замечает Рик. — А то я начал думать, что у нас появился пророк.

— Если бы я был пророком, то предсказал бы, что ты сейчас заткнёшься.

— Мечтай, компьютерный гений.

Я невольно усмехаюсь, но тут же возвращаю внимание к экрану.

— А записка?

Том переключает изображение.

— По формулировке она действительно могла предназначаться нам. Кто-то знал, что мы находимся в Карфагене, и предупреждал об опасности. Но мы не можем доказать, что послание оставили именно для нашего отряда. Возможно, обстоятельства изменились, и автор не успел или не смог выйти с нами на связь другим способом.

— Или нас специально направили по ложному следу, — предполагает Ян.

— Тоже возможно, — соглашается Том. — Пока у нас слишком мало информации, чтобы выбрать одну версию.

Он заканчивает объяснение и откидывается на спинку кресла.

Я вспоминаю о блеске в лесу.

Точно.

— Блять, когда мы с Киллианом сидели в засаде, я сообщала по рации направление. Тогда я заметила блеск в лесу. Не знаю, с чем это сравнить, но он напоминал отражение света в зеркале.

Все задумываются. Том снова принимается за фотографии, внимательно изучая их и возвращаясь к записке.

— Ставки повышаются. Теперь я бы оценил вероятность присутствия двух групп в пятьдесят процентов. Логика в том, что ты заметила этот блеск ещё до выхода на осмотр склада. Нас могли устранить сразу, но этого не произошло. Только вот на позиции, кроме вас никто не показывался, я

проверял по оборудованию несколько раз.

— Взлом программы?

— Или глушитель на позиции, Димон, — отвечает Рик.

На столе лежит патрон с белой маркировкой. На мониторе застыли два кадра с разными лазерными прицелами. Перед нами — схема Яна, несколько фотографий и уйма вопросов, на которые пока никто не может ответить.

Ян пододвигает к нам свой лист.

Он успел нарисовать примерную схему леса, расположив на ней предполагаемые позиции стрелков и наше местоположение в момент нападения.

— Как снайпер, если исходить из направления выстрелов и того, что рассказал Кай, — объясняет он, указывая на чертёж, — здесь мог находиться один стрелок. Второй — примерно в этой зоне. А третий, возможно, прикрывал их с противоположной стороны.

— То есть ты ставишь на троих? — спрашивает Дмитрий.

— Пока да. Следы не обязательно означают, что все эти люди участвовали в стрельбе. Но минимум три позиции выглядят правдоподобно.

— Я бы поставил на четверых, — говорит Рик. — Слишком уж удачно сучки выбрали место. Один мог следить за дорогой и зданием, где мы находились, двое — держать нас под огнём, а четвёртый — страховать отход.

— Я тоже за четверых, — поддерживает Эйм.

Дима кивает:

— Согласен. Три стрелковые позиции ещё не означают, что людей было всего трое.

— А я всё равно остаюсь при своём мнении, — упрямится Ян. — Трое. Пока не появятся новые доказательства.

— Замечательно. Теперь у нас не только две группы неизвестных, но и спор о том, сколько человек пытались нас убить.

— По крайней мере, мы не скучаем, капитан.

Закрываю глаза. Но голова уже поплыла.

Вторая группа.

Если первая действительно вмешалась, чтобы спасти меня, то кто эти люди? Почему они следили за происходящим, но не попытались выйти с нами на связь? И почему их действия отличаются от действий тех, кто устроил засаду?

А если они вовсе не спасали меня, а преследовали собственную цель, в которую я случайно вмешалась?

Тогда всё ещё хуже.

— Есть предложение, — произносит Ян, прерывая мои мысли. — Нам нужно проверить архив старых дел. Если такая маркировка уже встречалась, там может быть отчёт или хотя бы упоминание о ней.

Рик кивает.

— Согласен. Имеет смысл искать не только по рисунку на патроне, но и по похожим случаям: необычные боеприпасы, неизвестные стрелки, исчезновение улик, нападения с разными типами прицелов.

— Проблема в том, что нам туда просто так не попасть, — напоминаю я. — Генерал запретил самостоятельное расследование. Если мы запросим доступ к архиву, он сразу поймёт, чем мы занимаемся. Тем более эта информация может быть скрыта.

— А если не запрашивать? — спрашивает Эйм.

Я медленно поворачиваю к нему голову.

— Ты предлагаешь проникнуть в архив без разрешения?

— Я пока только задал вопрос.

— Отлично. Продолжай.

— Блять, Мефисто, ты как всегда, — говорит Рик.

Дмитрий тихо смеётся, но вскоре становится серьёзнее.

— Если в архиве действительно есть информация, она может помочь нам понять, что происходит. Но действовать нужно осторожно. Мы не знаем, кто оставил записку и почему кто-то вмешался в стрельбу.

— И не знаем, связаны ли между собой все эти эпизоды, — добавляет Том. — Пока мы можем только выдвигать версии.

Я снова смотрю на патрон.

Белый рисунок. Цветок.

След, который кто-то, возможно, уже оставлял раньше.

Мы договариваемся пока не сообщать о находке никому за пределами отряда, пока не поймём, что именно держим в руках. Не потому, что собираемся скрывать улики от командования навсегда, а потому, что сначала хотим выяснить,

имеет ли эта маркировка отношение к нападению.

Но приказ генерала всё равно стоит между нами и архивом.

Двое суток отдыха. Никаких заданий. Никаких самостоятельных расследований. А у нас на столе лежит патрон, который может оказаться единственной зацепкой.

Я медленно выдыхаю.

— Ладно. Мне нравится идея. Но пока ничего не трогаем и не пытаемся пробраться в архив. Сначала выясним, какие у нас вообще есть законные варианты доступа. Если ничего не выйдет, будем проникать так.

— Будем работать по чёрному протоколу? — интересуется Рик, хитро улыбаясь.

— Если всё пойдёт не тем путём, да.

— Да здравствует нарушение приказов!

Отпускаю ему подзатыльник, и он, смеясь, отскакивает в сторону, а затем запрыгивает на кровать.

Дурак.

Снова поворачиваюсь к экрану. Разные прицелы, неизвестная маркировка, записка, которая, возможно, предназначалась нам, и люди, чьи мотивы пока невозможно понять.

Чем больше мы узнаём, тем меньше становится ясности.

И мне всё сильнее кажется, что Карфаген был не просто очередным поселением на нашем маршруте.

Мы попали туда не случайно.

И кто-то очень постарался, чтобы мы не добрались до от-

ветов.

Глава 22

КИЛЛИАН

Чувствую себя какой-то дырявой шмоткой. Тело искололи так, думая что у меня есть запасное. Каждые несколько часов приходят менять капельницу. Зачем — понятия не имею. По самочувствию всё странно. Кажется, по прибытии в Рейтаун, мне было даже лучше. Вероятно, после Карфагена организм получил слишком сильный стресс.

Около двух часов назад ко мне заходили Рик, Ян и Эйм. Пробыли недолго, но это всё же лучше, чем сидеть здесь в полном одиночестве. Я попросил их принести из библиотеки несколько книг на свой вкус, потому что ещё немного — и я окончательно сойду с ума от скуки. Врач также принёс какую-то стряпню, но от одного её вида мне стало только хуже. Решил, что обойдусь. Аппетита всё равно нет. Мне еще предстоит разговор с Генералом. Когда именно начальство соизволит заявиться, неизвестно, но о чём пойдёт речь, мне не доложили. Предполагаю, что о случившемся в Карфагене. Со слов Рика, Генерал вызывал весь отряд, а Эр — отдельно.

Гребаные сновидения пока не возвращались, и это, пожалуй, единственное, за что я могу быть благодарен сегодняшнему дню.

А вот где мои вещи? Это другой вопрос.

Чёрт, надеюсь, никто не нашёл тетрадку. Хотя, зная зайку

и её любопытство, удивлюсь, если она ещё не успела сунуть нос туда, куда не просили. Впрочем, именно из-за этого любопытства я сейчас и лежу на больничной койке, так что ничего нового. Но я её не виню. Она совершенно не виновата.

Гребаные черти следили за нами. Пастора убили специально и подложили прямо у нас под носом. Они рассчитывали, что кто-нибудь из нас выйдет повторно его осмотреть. Собственно, это и произошло.

Ладно. Будем надеяться на лучшее. Иначе вопросов ко мне станет ещё больше, а я, если честно, уже заебался на них отвечать. Она не станет переходить черту и полностью обыскивать мою одежду.

Или станет?

В дверь стучат.

В палату входит врач. В руках у него несколько бумаг и папка. Лицо такое, будто только что узнал, что завтра наступит конец света, а сообщать об этом почему-то придётся именно мне. Он придвигает стул и садится рядом. Несколько секунд молчит, перебирая белые листы в папке, и, кажется, пытается подобрать правильные слова.

Блять, я что, умираю?

Да ну нахрен. Не может быть.

— Киллиан, как вы себя чувствуете сейчас?

— Бесподобно. Когда я смогу покинуть этот очаровательный курорт?

Он не улыбается.

Вот это уже хреново.

Только отводит взгляд и крепче сжимает документы. Я медленно наклоняюсь, насколько позволяет плечо, и тихо спрашиваю:

— Что-то случилось?

— Киллиан… — очень тяжелый вдох. — По результатам предварительных исследований мы обнаружили у вас признаки смертельно опасного заболевания.

Несколько секунд я просто смотрю на него.

Что?

Это сейчас серьёзно?

— Чего?

— Мы пока не можем точно определить природу заболевания. Есть основания полагать, что заражение могло произойти намеренно, но подтвердить это на данном этапе невозможно. Нам также не удалось установить точный механизм воздействия на организм. Ваши приступы, с большой вероятностью, связаны именно с этим состоянием.

Я молчу.

Врач продолжает, осторожно подбирая формулировки:

— Мы уже испробовали несколько вариантов препаратов. Некоторые из них могут замедлить развитие болезни, однако пока неясно, насколько эффективными они окажутся именно в вашем случае. Мы не можем исключить ухудшения состояния. Нам потребуется время, чтобы провести дополнительные исследования и подобрать подходящее лечение.

Причём, вероятно, не одно.

Я снова смотрю в стену.

Смертельно опасное заболевание.

Всегда думал, что подохну от пули, взрыва или какой-нибудь особенно идиотской ошибки на задании. Ну, знаете, обычные профессиональные риски человека, который слишком часто смотрит смерти в лицо.

Но нет.

Оказывается, можно годами выживать там, где другие не протягивают и минуты, а потом получить диагноз, который превращает всё это в бессмысленную шутку.

Не смешно.

Совсем, блять.

Сжимаю пальцы здоровой руки. В голове неприятно шумит, но на этот раз дело, кажется, не в очередном приступе. Нужно думать. Не паниковать, не устраивать сцен и уж точно не позволять этому ублюдскому диагнозу решать за меня, сколько мне осталось. Я еще не все сделал на этом свете.

— Вы можете пока никому не говорить об этом?

Он смотрит на меня с явным сожалением.

— Я обязан сообщить Генералу. Он отвечает за медицинское обеспечение личного состава и должен знать о вашем состоянии.

Конечно. Без вопросов.

Только сделай так, чтобы это не дошло до Эр.

Она ещё расстроится, что какая-то хрень убьёт меня рань-

ше, чем она сама успеет исполнить свои угрозы.

Нет. Без шуток.

Я не хочу, чтобы она знала. По крайней мере, пока. Не потому, что считаю её слабой. Просто не хочу добавлять ещё одну проблему к тем, которые преследуют нас с момента возвращения в Рейтаун.

Эйм рассказал мне, что произошло, пока мы находились в машине скорой помощи. Когда у меня остановилось сердце, Эр из-за этого потеряла сознание и пролежала в отключке двое суток.

Нет. Она точно не должна пока ничего знать. Пусть Генерал знает, весь медицинский состав базы, но не Эр.

Позже я придумаю, как ей всё объяснить. Но точно не сейчас, когда её собственное состояние остаётся подвешенным. И если я собираюсь что-то с этим сделать, сначала нужно понять, с чем имею дело.

— Не говорите капитану Гейзэл. И если она придёт, скажите, что я сплю. По возможности — до завтра. Пусть пока не заходит.

Последние слова даются тяжело и неприятно отзываются где-то в области груди.

Я действительно хочу её увидеть. Ждал, когда она зайдёт ко мне. Более того, мысль о том, что она может войти в эту палату, посмотреть на меня своим проницательным взглядом и начать задавать вопросы, одновременно раздражает и почему-то успокаивает.

Но я её уже выучил.

Она заметит малейшее изменение в моём лице. Услышит то, что я не договорил. А если поймёт, что я что-то скрываю, не отстанет, пока не вытащит из меня правду.

Мне нужно побыть одному. Разложить всё по полочкам, вспомнить хоть что-нибудь полезное и найти способ не сидеть сложа руки.

— Хорошо, — наконец отвечает врач. — Я передам ваше пожелание. Но обещать, что капитан Гейзэл не узнает о заболевании, не могу. Есть информация, которую мы обязаны сообщать командованию.

— Генералу можете говорить всё, что считаете необходимым. Главное — пока без лишних подробностей для остальных. Уверен, вы можете придумать что угодно, но сделайте так, чтобы это не дошло до Гейзэл. И желательно до остальных тоже.

Он кивает и поднимается.

— С вами также хочет поговорить Генерал. Он ждёт за дверью. Если у вас пока нет вопросов, я оставлю вас. Если станет хуже или что-то понадобится, воспользуйтесь кнопкой вызова. Постарайтесь отдохнуть.

— Обязательно. Буду лежать и наслаждаться жизнью.

Явно не понимает, шучу я или нет. Наверное, правильно делает.

Врач оставляет мне новую бутылку воды и пару батончиков гематогена, прощается и выходит. Следом в палату вхо-

дит Генерал. Он тоже не в настроении, только выражение лица у него более задумчивое. Вероятно, имеются какие-то мысли, недоступные остальным, или же врачи скрыли от меня большую часть информации.

Ну что ж. Начинается вторая серия этого замечательного дня.

— Как самочувствие? — спрашивает он, занимая стул, на котором только что сидел врач.

— Прекрасно.

Он несколько секунд смотрит на меня, а затем приподнимает бровь.

— Вы с Гейзэл случайно не близнецы?

— Не дай бог.

— А то я получаю от неё точно такие же ответы.

— Соболезную.

Уголок его губ едва заметно дёргается, но улыбка Генерала быстро исчезает.

— Перейду к делу. Во-первых, я благодарен тебе за то, что ты спас эту сумасшедшую девушку. Её голова полна сюрпризов. К сожалению, даже под тщательным присмотром она умудряется сбежать.

Согласен на все сто. Тут не поспоришь. Эта мелкая доведёт до могилы каждого раньше, чем сама смерть успеет разобраться, что происходит.

— Во-вторых, врач сообщил мне о твоём состоянии. Я уже направил запрос в Бартон на дополнительную помощь.

Надеюсь, их специалисты смогут предложить что-то, чего мы пока не учли. На это потребуется время. Сейчас ожидаем ответа.

Бартон.

Стоит произнести это название, как в голове что-то резко кольнуло. На мгновение перед глазами вспыхивает знакомая картина: казармы, привычный распорядок, голоса людей, которых я когда-то знал. Не полноценное воспоминание, скорее обрывок чего-то давно знакомого.

Я моргаю, и всё исчезает.

Жизнь в Бартоне у меня никто не отнял. Не целиком. Я помню саму базу, помню, каково было там служить. Скучал ли я по ней? Возможно. Но думаю, дело в привычке. Других людей рядом у меня не было. Я практически вырос и получил образование именно там.

Взрослые мужики следили за мной сутками. Нередко я становился объектом тихих истязаний за какое-либо неподчинение капитану. Бартон в определённой степени куда жестче Рейтауна, но благодаря этому в моей голове сформировались определённые принципы: как работать, действовать, что говорить и как себя вести.

— Насколько это опасно для остальных? — интересуюсь я, перебивая его.

Генерал не отвечает сразу. Он внимательно изучает моё лицо, пытаясь понять, что именно я сейчас вспомнил.

— Пока у нас нет оснований считать, что ты представля-

ешь опасность для окружающих. Ты находишься здесь уже достаточно, контактировал со многими людьми, но никого с похожими симптомами к нам не поступало. То, что у Гейзэл бывают собственные приступы, — скажем так, совершенно другая проблема. Уверяю, они никак не связаны с твоим состоянием.

У Гейзэл просто больная голова и сознание.

Из-за меня же. Я идиот. Тогда я попал в безвыходную ситуацию и сделал всё, что было в моих силах.

Не то чтобы его ответ полностью меня успокоил, но хотя бы что-то.

— Есть ещё кое-что, — продолжает он. — Врач предполагает, что твоё состояние может быть связано с тем, что ты отсутствовал два года. Ты что-нибудь вспомнил? Каждая деталь будет важна. По результатам всех обследований и предыдущих осмотров, когда тебя вызывали сюда, мы видим, что определённые участки мозга не подчиняются должным образом на препараты.

Я отвожу взгляд.

Два года.

Стоит кому-нибудь произнести это, и внутри поднимается глухое раздражение. Все вокруг знают, что у меня провал в памяти, но никто не может объяснить, что именно я потерял. А я сам не способен отличить настоящие воспоминания от обрывков сновидений. Это могут быть обманчивые кошмары из далёкого прошлого, кадры из фильмов ужасов или чужие

истории.

— Ничего, что могло бы помочь, — отвечаю я. — Только отдельные фрагменты. Голоса, какие-то фразы. Иногда свет. Никакой последовательности.

Он медленно кивает.

— Понимаю. Но я хочу, чтобы ты знал: мы не собираемся причинять тебе вред. Надеюсь, между нами достаточно доверия, чтобы ты мог говорить со мной откровенно.

Я усмехаюсь без особого веселья.

— Доверие — занятная штука. Особенно когда никто не может объяснить человеку, что с ним произошло.

— Справедливо, — спокойно соглашается Генерал. — И я не стану требовать от тебя ответов, которых у тебя нет.

Он делает короткую паузу, а затем добавляет:

— Но есть кое-что, о чём ты должен знать. Пять лет назад ты уже сделал свой выбор. Я знаю о твоей договорённости с Бартоном. И знаю, что она жива благодаря тебе, Киллиан. Она не знает всей истории, ей никто ничего не рассказывал. Решение о том, поведать Гейзэл правду или оставить её в тёмной могиле, остаётся за тобой. Но она далеко не глупая. Достаточно умна, чтобы самостоятельно добраться до нужной информации. А с её характером, тебя потом опять придётся спасать.

Я медленно поворачиваю голову к нему.

Это уж точно.

Она может залезть не в тот угол и не в то место. Я думал

об этом. В Карфагене она уже чуть не разделала мою шею на детали. Остановить её в тот момент мог только Рик.

КИЛЛИАН. НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ НАЗАД

Сидим на бетонном блоке возле базы вместе с Эймом и Димоном. Хлещет дождь, но сегодня у нас задание по исполнению приговора над тремя ублюдками. Самое время узнать что-нибудь ещё.

— А часто Гейзэл не в себе?

Димон чешет затылок и опускает глаза, обдумывая, как лучше объяснить. Кажется, история будет интересной.

— Ну, смотря в каком плане. Если ты имеешь в виду, что она кричит, то почти всегда. Характер такой. А если говоришь о чём-то более серьёзном, тут уже другая ситуация.

Даже так. Продолжайте, мои братья. Нужно знать, сколько мне ещё осталось жить.

— Видишь шрам у Димона на брови? Так вот, это она оставила.

Блять. Отлично.

— Ага, я её не виню, вышло случайно. Я сам полез. Нужно было привести её в себя, но не рассчитал силы. Дикая Эрика — тот ещё кошмар. Произошло это на задании по поимке мародёров. Одного из них она превратила в фарш. Кстати, ты чем-то на него смахивал.

Всё ещё хуже. Теперь комнату придётся закрывать на замок, иначе ко мне заявится мелкий чертёнок и настругает из меня пару контейнеров с мясом.

— Да, Димону тогда досталось. Мне, правда, тоже, но обошлось без порезов. Утихомирить её смог только Рик. Думаю, просто он нашёл к ней подход, в отличие от нас. В такие моменты лучше сразу звать его. Он пробыл с ней дольше всех. Но если ты положил на Эрику глаз, то сочувствую. И не в том смысле, о котором ты сейчас подумал. Просто в её голове не тараканы, а целая толпа чёрных демонов во главе с самим Сатаной. Рик к ней ничего не чувствует, как и она к нему. Они просто привязаны друг к другу, как сиамские близнецы.

Вот он, дрянь.

Я ещё решу этот вопрос. Но то, что они друг к другу ничего не чувствуют, даже облегчает задачу. Сложность в другом: их не разорвёшь просто так, если Рик был рядом с ней в самые тяжёлые периоды.

— Да, Килл, такая история. Она не плохая, просто поломанная и разбитая. А собрать её заново будет очень тяжело.

Я и лёгких путей не ищу.

Нужно будет собрать — соберу. Склею, обклею, что угодно. Но она будет со мной, даже если каждые сутки станет кидаться на меня с пистолетом и угрожать, что размажет мои мозги по стенке.

КИЛЛИАН. НАСТОЯЩЕЕ

Фраза Генерала задевает что-то внутри.

Пять лет назад.

Она жива благодаря тебе.

Глава 23

ЭРИКА

Я проворочалась всю ночь, так и не сумев нормально уснуть. Неудивительно. В свою комнату я до сих пор не возвращалась с тех пор, как забрала оттуда вещи. С остальными мне просто немного спокойнее: душа больше не разламывается на части, а голос в голове стал тише.

Пока Киллиан находится в медицинском корпусе, я обжилась на его кровати. У меня даже был идиотский план осмотреть его вещи. Вдруг осталось что-нибудь из прошлого? Какая-то незначительная мелочь, за которую можно зацепиться. Но ничего. Пусто. В шкафчике нет личных вещей, только форма и одежда, выданная самим Рейтауном. Больше копать некуда. Вариантов не осталось.

И ещё кое-что: последние два дня меня к нему не пускали. Объяснили это тем, что он спит после капельницы.

Слабо верится, но ладно. Пока оставлю это без внимания.

Остальные ещё спят, поэтому, стараясь никого не потревожить, я одеваюсь, беру пачку сигарет и выхожу на улицу.

Раннее утро, народу пока мало, а шума уже достаточно. Беспредел. Несколько человек столпились возле нового расписания и громко галдят. Где их капитаны вообще? Кинув косой взгляд выхожу наружу.

Дождь хлещет без остановки. Устраиваюсь под козырь-

ком, сажусь на бетонную плиту и достаю сигарету.

Тишина. Обожаю дождь. Моя любимая погода. Рядом никого, только шум капель, бьющихся о металлические конструкции и деревья.

Меня накрывают раздумья.

Подозрительно спокойно. Такого не бывает. Что-то произойдёт, но пока я не могу этого доказать.

Генерал ещё не вызывал меня к себе, хотя я рассчитывала получить хотя бы небольшие сведения о собранных материалах. Всё-таки мы рисковали жизнью, а не просто катались, рассматривая достопримечательности.

Из головы до сих пор не выходит наш разговор с отрядом. Две группы неизвестных, камеры, стрельба, следы в лесу и патрон с необычной маркировкой.

Блять, а за чем конкретно мы вообще охотимся?

Том сказал, что связь с камерой пропала примерно через два часа после того, как неизвестные устранили людей у склада. Скорее всего, камеру обнаружили и уничтожили, а следы своего присутствия зачистили. Обе группы действовали грамотно, но те, кто использовал инфракрасный лазер, явно были профессиональнее. Их действия выглядели куда точнее и организованнее.

И что мне теперь делать?

Если расскажу генералу о наших предположениях, он отчитаёт меня за самостоятельное расследование. Если промолчу, мы можем упустить что-то важное.

Чёрт. Палка о двух концах. Нужно найти выход.

Тогда взломай архив, чего ты ждёшь?

О боже, нет, свали с моей головы!

Сбоку слышатся шаги. Козырёк над входом защищает от дождя лишь частично, но дежурный, похоже, даже не замечает, как вода стекает по его форме. Он направляется ко мне.

Давай, малец, удиви меня. Я как раз жду чертовски бомбовую информацию. Вот сижу и мечтаю.

— Капитан, вас просят пройти в кабинет генерала.

Ну конечно. Я только пару секунд назад думала об этом. Мысли материальны.

Киваю, докуриваю сигарету и поднимаюсь. Пора узнать, что ещё свалилось нам на голову.

Уже возле входа замечаю несколько военных машин. На эмблемах — орёл с вертикальным мечом.

«Бартон».

Судя по машинам, прибыли высокопоставленные лица вместе со своей охраной.

Да что за нахрен уже произошло?! Приехали за Киллианом? Я не дам его забрать отсюда. Только через мой труп.

Чем меньше я знаю, тем сильнее хочется докопаться до правды. А теперь, похоже, информация сама идёт мне навстречу. Отлично. Всегда бы так.

Быстрым шагом прохожу по коридорам. Кто-то пытается меня остановить, но не сейчас. У меня намечаются планы поинтереснее.

Вот оно. Дай господь мне ответы хотя бы на часть вопросов. Умоляю.

Возле кабинета сразу замечаю целую толпу охраны в форме с нашивками. Интересно. Меня сразу пропускают, заметив капитанский знак на форме.

Серьёзные двухметровые чемоданы, конечно.

Аккуратно стучу в дверь, ожидая разрешения.

— Войдите.

Делаю несколько шагов и вижу перед собой целую делегацию.

За столом сидит генерал, а рядом с ним — ещё пятнадцать человек. Некоторые в форме «Рейтауна», остальные, судя по нашивкам, прибыли из Бартона. Последних в разы больше. Ну да, по количеству охраны здесь вообще полный разнос, не спорю.

— Доброе утро, — произношу я, приветствуя присутствующих.

Дождавшись ответных кивков, занимаю свободное место.

Несколько человек внимательно меня изучают. Но больше всего внимания привлекает генерал Делман. Цепкий взгляд, строгое лицо. Насколько помню, он старше нашего генерала Ленэла на пять лет. База Бартон, считается одной из лучших по подготовке наёмных убийц и проведению масштабных зачисток территорий, начавшихся после первых вспышек массовых беспорядков и конфликтов.

Вот такая, *приемная семья Киллиана Кайертона.*

Взгляды остальных мне пока не удаётся расшифровать. Раздражение, недоверие или обычное любопытство? Но одно ясно — моего появления здесь ждали. Конечно, хорошо, что я хотя бы не опозорилась и не устроила эффектное появление.

Генерал Ленэл поднимается с кресла, и за его спиной включается экран. На нём появляются документы, фотографии и несколько схем.

— Капитан Гейзэл, недавно ваш отряд получил задание отправиться в Карфаген для сбора материалов.

От его официального тона по телу пробегает неприятная дрожь.

— Операция должна была продлиться трое суток. Однако из-за ряда обстоятельств вам пришлось досрочно вернуться на базу. После изучения полученных документов мы установили, что данный населённый пункт находится под контролем определённой группы лиц. Благодаря вашей работе теперь у нас есть подтверждения происходящего на этой территории.

Я молчу, внимательно следя за экраном.

Чёрт.

Нас отправили хрен знает куда, на территорию, которую контролировали неизвестные. Значит, мы действительно могли находиться под наблюдением с самого начала. И если кто-то следил за нами, то вполне мог знать, сколько времени мы собирались провести в Карфагене. Возможно,

именно поэтому нам позволили оставаться там так долго.

А может, они просто ждали подходящего момента.

Сука.

— У меня есть основания полагать, что мы имеем дело с крайне опасными людьми, — продолжает он. — Ситуация может оказаться значительно серьёзнее, чем предполагалось изначально. Среди обнаруженных документов также содержатся сведения о многочисленных исчезновениях людей из разных населённых пунктов, а также о торговле людьми и незаконном изъятии органов. Судьба большинства пропавших до сих пор неизвестна.

На экране сменяются фотографии, таблицы и списки имён.

Их до ужаса много. Число кажется бесконечным. Куча людей разных возрастов, а строки с данными всё продолжают появляться одна за другой.

— Кроме того, переданные вами биоматериалы и некоторые препараты представляют значительную ценность для нашей лаборатории. Их изучение может помочь установить, что именно происходило в Карфагене и на других территориях.

Хотя бы одна хорошая новость.

Значит, поездка оказалась не напрасной. Слава богам. Не зря мы с Кайертоном получили по пуле.

Я чуть меняю положение в кресле, стараясь не показывать, насколько внимательно вслушиваюсь в каждое слово.

Генерал замолкает. Его глаза останавливаются на мне. Взгляд острый, подозрительный. Блять, у меня сейчас волосы дыбом встанут. Пусть уже не молчит. Боже.

— И ещё одно.

В кабинете становится тихо. По спине ползут мурашки. Воздух тяжелеет, и на секунду мне кажется, что в помещении мигнул свет.

Генерал смотрит прямо в душу.

— Капитан Гейзэл, ***через сорок дней ваш отряд отправится на специальное задание в зону «Чёрный квадрат».*** Приказ верховного военного правительства Дерклайн-Сити.

ЧТО?!

Блять!

Нет. Только не это!

Скажите, что я сплю! Это же кошмар, да?! О господи, нет…

ЗОНА «ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ».

Два года назад там бесследно исчезли два подразделения: «Рэд» и «Сектор». Никаких убедительных объяснений, никаких достоверных сведений об их судьбе. Только пустота там, где должны были остаться ответы.

Но ничего не нашли.

Сплошной ряд вопросов, на которые никто так и не дал ответов. Дело закрыли.

И теперь следующими, кому предстоит испытать судьбу, станем ***мы****.*

Я сейчас или задохнусь, или упаду в обморок.

Мне подносят стакан ледяной воды. Кажется, моё лицо побелело до цвета мела. Заставляю себя не менять выражения лица, хотя в ушах стоит ужасный гул, а пульс разогнался до совершенно неприличных значений.

Сорок дней.

У нас есть сорок дней, чтобы подготовиться к месту, которое уже поглотило два отряда.

Опасная зона, одно название которой вызывает дрожь.

— По моему решению, на время выполнения задания к вашему отряду будет прикреплено дополнительное элитное подразделение — отряд «Тёмные призраки», — продолжает генерал. — Они станут вашими глазами и щитом.

Я медленно поднимаю на него взгляд.

«Тёмные призраки»?

Они действительно существуют?

Я слышала о них, но до сих пор не знала, насколько эти рассказы соответствуют действительности. Слишком много слухов, мало подтверждённой информации. Подразделение, которое никто не видел в работе и доступ к которому строго ограничен. А теперь выясняется, что они будут работать с нами.

Отлично. Ещё немного новостей — и моя голова действительно взорвётся.

— Сегодня вечером состоится короткое собрание. В 21:00 жду у себя весь ваш отряд. Кайертону также разрешено при-

сутствовать, его временно отпустят. Там вы и познакомитесь с «Тёмными призраками». На сегодня ваша тренировка отменена.

Имя Киллиана заставляет меня на мгновение отвлечься от происходящего.

Значит, вечером я наконец его увижу.

Если, конечно, он действительно спал вчера, а не решил устроить очередную игру в молчанку. А может, эта дрянь вообще решила трахнуть ту медсестру и попросила врачей не впускать меня? Я тогда снесу ему голову и сделаю из неё пазл.

Отгоняю эти мысли и возвращаю внимание к генералу.

— Всю полученную информацию можете передать своим бойцам. И ещё, капитан Гейзэл, вы назначаетесь командиром двух отрядов.

Нет слов.

Сколько их? Надеюсь, не десять человек, иначе у меня лопнет мозг от такого количества мужиков. Многие девушки на базе мне бы позавидовали, но тут завидовать нечему. Извините, но это так.

Сейчас вопросов у меня столько, что на них не хватило бы и целого дня. Но я знаю: ответов мне всё равно не дадут. Теперь мы должны добраться до них самостоятельно. Вот и весь ответ.

— Можете идти. Остальное будет сказано на собрании.

Я поднимаюсь с ватными ногами. Дай сил только дойти

до комнаты, хотя моё настоящее желание — отправиться куда-нибудь в лес и прокричать там часа два.

— Есть, сэр.

Разворачиваюсь к выходу, стараясь сохранить спокойный вид. Дверь закрывается за моей спиной, отсекая голоса людей, которые, похоже, знают гораздо больше, чем готовы рассказать.

Быстрым шагом прохожу за угол, подальше от охраны. Нужно отдышаться.

Сорок дней до «Чёрного квадрата».

И сегодня вечером я наконец увижу тех, кого называют «Тёмными призраками».

Что-то подсказывает: спокойной жизни у нашего отряда больше не будет.

Это полный пиздец.

Такое чувство, что ещё немного — и я действительно грохнусь в обморок. Надо держать себя в руках. В голове слишком много голосов, и каждый перекрикивает остальные. Хочется просто заорать, чтобы хотя бы на секунду стало тихо.

Мне нужно побыть одной. Подальше от всех. Подальше от чужих взглядов и бесконечных вопросов.

Поднимаюсь и направляюсь к своей комнате. Надо всё обдумать, иначе паника окончательно меня накроет. Если это случится, будет плохо. Меня могут опять вырубить на двое суток, если не больше.

Прохожу пару коридоров и останавливаюсь возле своей двери.

У стены стоит Киллиан.

Что он здесь делает?

— Я так понимаю, уже всё зажило и ты готов к труду и обороне? — спрашиваю, окидывая его взглядом.

— Почему я не удивлён твоей язвительности? Вообще-то, я искал тебя.

— О, да? Тогда сегодня приём вопросов закрыт. У капитана выходной.

Открываю дверь ключом и захожу внутрь. Он проходит следом за мной, а дверь за его спиной захлопывается.

Класс.

— Я так не думаю, — произносит он.

В следующую секунду крепкая рука ложится мне на шею, прижимая к стене.

Чёрт.

Даже после больничной койки и всех этих капельниц силы у него хоть отбавляй. Из горла вырывается тихий стон, прежде чем он наклоняется ко мне.

— Я скучал по тебе. — Киллиан оказывается совсем близко. Он мягко касается носом моей скулы, и от данного движения по коже пробегают мурашки.

Почему я опять теряю голову рядом с ним?

— Я же говорил, что хочу с тобой сделать?

Блять. Змей-искуситель. Голова плывёт, а ноги, кажется,

вот-вот перестанут меня держать. От тихого голоса и близости, внизу живота разливается предательское тепло. Киллиан ведет ладонь от моей шеи к талии, пальцы грубо сжимают ткань формы, притягивая меня ближе.

Господи. Он наклоняется и оставляет поцелуй на шее, слегка прихватывая зубами кожу.

— Ненавижу тебя, — тихо рычу я, и тут же рвано выдыхаю, когда он снова касается губами шеи.

— Да? А по тебе не скажешь, малыш.

Дьявол запускает пальцы в мои волосы, слегка оттягивает их назад, заставляя поднять глаза. Губы скользят по моим, едва касаясь, намеренно проверяя, сколько ещё я выдержу.

Что ты делаешь Эрика?

— Какие же сладкие.

Хватка на волосах становится крепче, принуждая приоткрыть рот. Он прижимается сильнее. Моё тело горит, а внутри я чувствую то, чего раньше не испытывала. Пальцы касаются его пресса под футболкой, медленно скользя ниже, но он лишь забавно ухмыляется.

— Как искусно ты это делаешь. — мышцы под ладонями напрягаются, а меня сильнее искушает желание продолжить касаться этого тела.

Киллиан нежно прикусывает мою нижнюю губу, слегка оттягивая, а затем проводит по ней языком.

— Чёрт, Килл…

— Нравится? — шепчет он мне на ухо. — Или тебе этого

мало, малыш?

Подонок прекрасно знает, что делает.

Чувствую, как учащается наше дыхание, как мысли одна за другой растворяются в ощущениях. Ещё несколько минут назад голова была забита «Чёрным квадратом», исчезнувшими отрядами и приказами генерала. Теперь всё это отступает куда-то далеко.

Он изучает каждую мою реакцию с пугающей внимательностью. Ни одно движение не остаётся незамеченным. Я прикрываю глаза, позволяя себе потеряться в происходящем и забыть обо всём. Заметив это, губы впиваются в мои. Целует жадно, настойчиво, покусывая их, пытаясь наверстать всё время, которое мы провели порознь. В ответ только обхватываю его шею, стараясь не задеть рану.

Блять, что мы вообще творим?

Я первой отстраняюсь, поворачиваю ключ в замке и снова смотрю на него.

— Теперь нас хотя бы никто не побеспокоит.

Киллиан приподнимает бровь, но ничего не отвечает.

Толкаю его на кровать и забираюсь сверху, упираясь ладонями в стену по обе стороны от его головы. Боже. Через спортивные штаны слишком заметно, насколько он возбуждён. Я прижимаюсь задницей к члену сильнее, заставляя его застонать.

— Перехватываешь инициативу, милая? — усмехается он, откидывая голову к стене.

— Закрой рот, Кайертон.

Я снова целую его.

Ладонь ложится мне на ягодицу, крепко сжимая. Слышу тяжёлые вдохи и чувствую, как он подаётся навстречу. В голове вспыхивает совершенно неуместная мысль: если он однажды решит перейти от поцелуев к тому чтобы трахнуть меня, насколько же проблематичной окажется разница в наших габаритах?

Блять, Эрика. Серьёзно?

— Эр, дай мне большего, — выдыхая тяжело мне в губы, опускает руку к моему ремню. — Я безумно хочу тебя.

А вот и оно. Замираю лишь на мгновение, а затем мягко перехватываю запястье и отвожу руку в сторону. Я не готова. Ни морально, ни физически. Да и он сам ещё толком не оправился после ранения. Как бы сильно меня ни тянуло к нему, я не собираюсь забывать об этом только потому, что он умеет сводить меня с ума одним прикосновением.

Киллиан смотрит мне в глаза. На секунду его привычная усмешка исчезает, уступая место чему-то более серьёзному. Он не настаивает. Просто притягивает меня ближе и оставляет короткий поцелуй у виска. Не требует, не заставляет, а просто прижимает к себе.

Не знаю, сколько времени мы так проводим. Просто наслаждаемся друг другом. Минуты теряют смысл, пока за дверью внезапно не раздаётся стук.

Мы оба замираем. Ещё один стук. Какая бестолочь реши-

ла помешать?

Я смотрю на дверь, потом на Киллиана.

Только этого не хватало.

Открывать сейчас — значит добровольно устроить себе допрос. Кто-нибудь обязательно заметит, что мы здесь вдвоём, а объяснять происходящее мне совершенно не хочется. Возможно, меня ищет отряд. Я ушла, никому ничего не сказав, и с тех пор не появлялась.

Мы молчим. Он снова притягивает меня к себе, продолжая целовать, медленно терзая мои губы и окончательно сводя с ума. Если мы не остановимся, я не выдержу. У всего есть предел.

За дверью становится тихо. Шаги постепенно удаляются по коридору.

Я медленно выдыхаю.

Киллиан смотрит на меня с таким выражением лица, что происходящее его исключительно забавляет.

— Тебе пора вернуться в медблок. Иначе тебя начнут искать.

— Уже прогоняешь? — Он недовольно выгибает бровь, изображая оскорблённое достоинство. — Возможно, ты права. Но твоя задница будет по мне скучать.

Я смотрю на него несколько секунд.

— Ты идиот?

— Ты дразнила меня. Теперь придётся заканчивать дело самому.

— Не думаю, что у тебя это первый раз.

Он усмехается, поднимаясь с кровати.

— О да, фантазии о том, как я тебя трахаю, часто меня посещают. Особенно когда ты сверху. Ладно, зайка. Но если захочешь меня увидеть, я к твоим услугам.

— А ну-ка свали отсюда, Кайертон, или я устрою тебе ещё одно пулевое ранение.

— О да, я готов взять тебя силой.

— Пошёл вон!

Он смеётся, направляясь к двери, и быстро покидает комнату. Я поворачиваю ключ в замке и прислоняюсь спиной к двери.

Господи, что я вообще сейчас делала?

Ещё утром казалось, что я вот-вот свалюсь в обморок от всего происходящего. Потом генерал объявил о задании в «Чёрном квадрате», и я едва не потеряла способность думать. А теперь я целуюсь с человеком, который умудряется одновременно раздражать меня до скрежета зубов и заставлять забывать обо всём на свете.

Почему теперь, когда его нет рядом, мне так холодно и пусто?

Я стараюсь удержать себя от желания выскочить за ним и вернуть обратно. Впервые в жизни мне было настолько хорошо. Настолько приятно. Неужели именно это испытывают люди в такие моменты?

Кажется, я действительно конченая.

Может, попросить Рика вколоть мне лекарство? Я не хочу сойти с ума ночью или тогда, когда останусь одна. Блять, не хочу.

Ты уже сошла с ума…

— Да свали ты уже с моей головы!

Я выкрикиваю это вслух и опускаюсь на пол, поджимая ноги к груди. Нужно уйти к остальным. Моя горячка уже крадётся, протягивая ко мне свои чёрные пальцы.

Решаю быстро привести себя в порядок, расчёсываю волосы, меняю форму на чёрный комбинезон и направляюсь к остальным. Как раз надо сообщить им бомбическую новость. Уверена, они будут в полном ахуе. Уже предвкушаю этот визг и всеобщую истерику.

Прибавляю шаг и почти сразу сталкиваюсь с Риком.

— О боже, Мефисто! Мы уже собирались бежать в лес тебя искать.

— Придержи свою хлеборезку, вы сейчас упадёте.

— Что ещё случилось?

Вместо ответа хватаю его за рукав и заталкиваю обратно в комнату.

На меня одновременно оборачиваются несколько пар глаз. Судя по выражениям лиц, мужики уже готовы к худшему.

Да чёрт возьми, готовьте мыло и верёвку. Это будет милосерднее.

— Через сорок дней наш отряд отправляется на секретное

задание в зону «Чёрный квадрат»!

Изо рта Тома чай возвращается прямиком в кружку. Дмитрий роняет книгу на пол.

Ну что, Дима? Сначала твой брат, а теперь ещё и это. Как тебе? Очень рад?

— А сегодня в 21:00 мы идём на собрание к генералу. К нашему отряду временно прикреплено элитное подразделение «Тёмные призраки».

В комнате повисает гробовая тишина.

Мы либо уже сдохли, либо время остановилось.

Эйм резко поднимается с кровати и со всей силы бьёт кулаком по шкафу.

— Отставить, Эйм! Кажется тебя несет, пристегнись. — резко произношу я.

Он поворачивается ко мне. На лице злость, в глазах — то же напряжение, которое сейчас чувствует каждый из нас.

— Я понимаю, что мы нихуя не можем изменить! Приказ уже отдан. Но я надеюсь, что за эти сорок дней мы подготовимся как следует. И я верю, что мы вернёмся обратно. Все. Поняли меня?!

Последние слова звучат громче, чем я планировала. По телу разбегаются иголки, но я не отвожу взгляда. Я понимаю их состояние. Сама держусь из последних сил, чтобы не послать всё к чертям. Но если сейчас мы позволим страху взять верх, лучше не станет никому.

Зона «Чёрный квадрат» считается одной из самых опас-

ных территорий, используемых для переговоров и передачи секретно важных материалов. Это сплошной тёмный лес, очерченный границей в форме квадрата. Его давным-давно пора вырубить к чертям. Когда-то на этой территории находилась психиатрическая клиника, а неподалёку располагался детский лагерь. Думаю, не нужно рассказывать о страшилках, которые там ходили. Легко догадаться, что именно происходило в этих местах. За два года до катастрофы лагерь забросили после несчастного случая. Однако территория быстро превратилась в пристанище для всевозможной любопытной шелухи: туда съезжались ради фотографий, выпивки, дури и прочей запрещёнки. Позже там начали находить тела. Кто-то даже прозвал это место «Лесом самоубийц». Страшные кадры разлетались по сетям и с такой же скоростью исчезали. Кто стоял за этими эпизодами, оставалось неизвестным. Зато находились люди, готовые продавать и выкупать безумные видеозаписи за огромные деньги. Психиатрическую клинику снесли в 2040 году, но эти конченые мероприятия не прекращались ещё около пяти лет. Когда всё же наконец затихло, территорию прозвали «Чёрным квадратом» и окружили границей. Там отсутствовала связь, не работала геолокация, а любое оборудование посылало тебя к чёрту. Зона, в которой никто не мог тебя отследить. Военные базы, которые встречались там были предназначены для переговоров и передачи секретных данных,

В 2049 году произошла необъяснимая трагедия. Два от-

ряда бесследно пропали в этой зоне. Ни тел, ни информации, ни каких-либо зацепок.

А дело закрыли очень быстро.

Эйм медленно разжимает кулак и отводит взгляд.

— Ты сказала про призраков, — тихо произносит Том. — Получается, этот отряд действительно существует?

— Получается, что так.

Опускаюсь на свободную кровать и провожу ладонями по лицу.

— О них ходит куча слухов, но ничего толком не подтверждено. Сегодня увидим их своими глазами. Я даже не имею представления, как они выглядят.

— Ну охренеть, — бормочет Рик. — Сначала нас чуть не перестреляли в Карфагене, теперь «Чёрный квадрат». Может, ещё кто-нибудь хочет сообщить, что завтра мы летим на Луну?

— Если полетишь первым, обещаю помахать тебе вслед, — отвечаю я.

Обычно подобная шутка, вызвала хотя бы пару смешков, но сейчас никто не смеётся. Дмитрий резко поднимается, хватает пачку сигарет и направляется к выходу.

Я провожаю его взглядом.

Понимаю, что он чувствует. Из всех нас ему, наверное, тяжелее всего. Слишком многое уже произошло с его семьёй, и теперь ему снова приходится думать о том, что он может потерять близких.

Не останавливаю его. Ему нужно побыть одному.

Дверь за ним закрывается с грохотом. Я продолжаю рассказывать остальным всё, что услышала в кабинете генерала: о результатах нашей поездки, собранных материалах, пропавших людях и представителях «Бартона», прибывших на базу.

Последнее по-прежнему не даёт покоя. Зачем они здесь? И почему именно сейчас?

— Всё это, конечно, интересно, — первым нарушает тишину Ян. — Но, судя по всему, мы преследуем какую-то цель, о которой нам пока не говорят. Других вариантов я не вижу. Не думаю, что генерал решил от нас избавиться.

— Надеюсь, ты прав, — бурчу я.

— У «Сектора» было важное задание, — продолжает он. — Никто не знал, что всё закончится именно так. Но я уверен, что они понимали, насколько опасной может оказаться операция. И всё равно пошли.

Медленно киваю.

— Подождите, а Килл же был в «Чёрном квадрате»? — внезапно спрашивает Рик.

— Он ничего не помнит, Рик. Мы прекрасно видели, в каком состоянии он вернулся. Что с ним произошло — загадка века. Его проверяли на детекторе лжи, проводили кучу анализов и обследований. Но даже после всего этого врачи не могут объяснить происходящее с его организмом. Он продолжает испытывать странные приступы.

Киллиан остаётся единственным человеком, вернувшимся с той операции. Ответы на некоторые вопросы от него ждут до сих пор.

Что в действительности там произошло? Где остальные бойцы двух подразделений? И самый главный вопрос: почему он один находится *здесь?*

Архив теперь точно остаётся в списке приоритетов. Нужно поискать сведения о пропавших подразделениях, попытаться выяснить, что известно о «Чёрном квадрате», а заодно разобраться с найденным патроном. Но всей толпой туда не заявимся. Достаточно двух человек, которые смогут спокойно изучить документы и не привлекать лишнего внимания.

— Пока ничего не предпринимаем бездумно, — говорю я. — Сначала дождёмся собрания. Потом решим, что делать дальше.

— Слушаюсь, капитан, — отзывается Рик с таким видом, будто уже придумал три способа нарушить мой приказ.

Бросаю на него предупреждающий взгляд.

— Даже не думай.

— Я вообще молчу.

— Вот и продолжай.

Разговор постепенно переходит на другие темы, но я всё равно возвращаюсь мыслями к предстоящей миссии.

Сорок дней. Всего сорок дней, чтобы подготовиться к месту, где исчезли два отряда.

Это будет тяжело.

Насколько я помню, бойцы «Сектора» проходили специальную подготовку. Людей отбирали особенно тщательно. Перед такими секретными операциями, приходилось несколько раз проходить проверки, в том числе на детекторе лжи, бесконечные собеседования и психологические обследования. Командование должно было знать о каждом участнике практически всё: его настрой, поведение, слабые места. Предатели там никому не нужны.

Постепенно мысли начинают путаться, голова тяжелеет и касается подушки. Похоже, эмоциональное напряжение наконец добралось до предела, и организм просто отключается.

Последнее, что замечаю, — Рик подходит ко мне с одеялом.

А затем проваливаюсь в сон.

Голоса вокруг постепенно стихают, и на этот раз я даже не пытаюсь заставить себя проснуться.

Просыпаюсь в полной тишине. Первое, что вижу, — часы на стене.

18:58.

Блять.

Резко приподнимаюсь на локтях и оглядываюсь. В комнате никого. Сквозь полумрак светильник отбрасывает тусклый свет, от которого глаза неприятно щурятся.

Наверное, все ушли в столовую.

На тумбочке стоит бутылка воды и батончик гематогена.

Блять. Пора прекращать. Если они продолжат в том же духе, нам скоро начнут выдавать конфеты исключительно по медицинским показаниям.

Делаю несколько глотков, после чего направляюсь в душ своей комнаты. До собрания остаётся меньше двух часов. Нужно выглядеть не как после сброса чумы, хотя, если взглянуть на меня сейчас, выгляжу даже хуже.

Сбрасываю одежду и смотрю на себя в зеркало.

Тёмные круги под глазами, небольшой порез на лице, шрам на губе и покраснение вокруг него. На меня смотрит серийный убийца из психбольницы. Щёки впали, скулы стали заметнее. Нужно что-то с этим делать. В таком состоянии генерал вполне способен отдать приказ отправить меня на дистанционное лечение.

Мечта, а не девушка.

Включаю прохладную воду и встаю под струи, позволяя им смыть остатки сна. Мне нужно остудить голову, иначе я сорвусь и разнесу всё, до чего смогу дотянуться.

Ненадолго прикрываю глаза.

И перед внутренним взором тут же появляется Киллиан.

Его губы. Руки на моей талии. Дыхание возле уха. Стоны, эта проклятая усмешка, с которой он смотрит на меня, прекрасно зная, что творится у меня в голове.

Тело начинает пробирать током, сознание затуманивается.

Какая же ты больная сука, Эрика.

Я резко ударяю кулаком по стене.

— Да блять!

Заткнись! Заткнись, блять! Ненавижу, ненавижу!

Это была временная потеря рассудка. Последствия стресса, усталости и слишком большого количества новостей. Вот и всё. Никакого другого объяснения мне не нужно.

Я была не в себе. Я была не в себе!

Идиотка.

Быстро заканчиваю мыться, вытираюсь и сушу волосы. Надеваю чистую тактическую форму, проверяю, всё ли на месте, и покидаю комнату.

На часах 19:50.

Думаю, направиться сразу к кабинету генерала или сначала поискать остальных, но выбирать не приходится. Будто по заказу, в коридоре появляются мои бойцы.

— Мы решили, что ты у себя, — объясняет Рик. — Поэтому пошли за тобой. Решили, вместе дойдём.

— Да, я как раз закончила приводить себя в порядок. Можем идти. Подождём у кабинета, чтобы не опоздать.

Взгляд Рика сразу падает на мои окровавленные костяшки. Он сужает глаза и тяжело вздыхает. Увиденное ему не нравится, но он ничего не говорит.

Кажется, после собрания меня ждёт один разговор.

Киваю остальным и уже собираюсь двинуться вперёд, когда замечаю знакомую фигуру чуть поодаль.

Киллиан.

Он стоит рядом с Димой и Томом, обсуждая что-то увлекательное. Заметив мой взгляд, лишь начинает улыбаться. Но когда глаза опускаются на разбитую руку…

Чёрт.

Улыбка исчезает а челюсть напрягается.

Дополнительно ещё один разговор. Два цербера сожрут меня с костями.

Отворачиваюсь первой и направляюсь к кабинету генерала. До собрания ещё есть время, поэтому мы точно решили идти заранее и не рисковать опозданием.

Идём полным отрядом, слушая шутки Рика и наблюдая, как он достаёт Тома и Яна. Бестолочь никак не может закрыть свою варежку, постоянно подначивая остальных дать ему подзатыльник.

Но стоит свернуть в нужный коридор, как я резко останавливаюсь.

Они.

Мои воспоминания вспыхивают так внезапно, что мир вокруг исчезает. На несколько секунд я забываю обо всём.

В нескольких метрах от нас стоит отряд «Тёмные призраки».

Те самые люди, которые поддерживали меня, когда я только пришла в Рейтаун. Те, кто помогал с Риком привыкнуть мне к новой жизни, когда я ещё не знала, кому можно доверять. Те, чьё присутствие начало значить для меня гораздо больше, чем я когда-либо говорила вслух.

Я так мало времени провела рядом с ними…

И я так быстро потеряла их.

Они поворачиваются на звук наших шагов.

— Фил… это ты? — хрипло вырывается у меня.

Его взгляд падает на меня, а на лице медленно появляется знакомая улыбка.

— Малая, неужели ты нас забыла? — отвечает он.

Вперёд выходят Грейс и Гарри.

— Эй, даже не говори, что не скучала по нам, — доносится голос Дела.

Из-за спин появляются Пол и Карн. Все они выглядят так же, как в моих воспоминаниях. Те лица, улыбки, та же непринуждённость, которой мне так не хватало…

— Мышонок, ты подросла или тебе просто новую обувь выдали? — перебивает остальных Гарри, оглядывая меня с притворной серьёзностью.

Моё сердце сжимается. Слёзы сами катятся по щекам, и я больше не пытаюсь их сдерживать.

Срываюсь с места и бегу к ним.

Фил успевает подхватить меня, прежде чем я прыгаю на него всем телом. Обнимаю его так крепко, что, кажется, ещё немного — и придётся объяснять медикам, почему я сломала ему рёбра.

Утыкаюсь лицом в его плечо.

— Придурки, — всхлипываю я. — Я думала, что больше никогда вас не увижу!

Слегка бью его кулаком по плечу, не размыкая объятий.

— Ну-ну, малая, спокойно, — смеётся Фил, обнимая меня в ответ. — Ты чего такая сентиментальная стала? Раньше хоть пыталась делать вид, что у тебя вместо сердца кусок бетона.

— Заткнись, Фил!

— Вот. Вот теперь та самая Эрика.

Я смеюсь сквозь слёзы и по очереди обнимаю остальных. Каждый находит, что сказать: кто-то подкалывает меня за слёзы, кто-то треплет по волосам, а кто-то просто прижимает к себе, не до конца веря, что мы снова встретились.

На несколько мгновений всё остальное перестаёт существовать.

Нет «Чёрного квадрата». Нет пропавших отрядов, приказов и неизвестных врагов.

Есть только люди, которых я считала потерянными.

За спиной слышатся шаги. Мой отряд подходит ближе, и я замечаю, как Рик расплывается в недоверчивой улыбке.

— Блять, мужики, это реально вы? — спрашивает он. — Я думал, вас куда-то отправили и вы там подохли, чёрт возьми.

— Братан, ещё рано, — отвечает Фил и крепко обнимает его.

Они хлопают друг друга по спинам, обмениваются короткими фразами. В голосе Рика слышится неподдельное облегчение.

Я отстраняюсь от Фила и вытираю щёки ладонями.

И тогда замечаю Киллиана.

Он не улыбается.

Стоит чуть в стороне и смотрит на меня так пристально, что мне становится не по себе. В его глазах вспыхивает что-то опасное. Челюсть напряжена, кулак сжат. Голова немного опущена, взгляд исподлобья направлен прямо на меня.

Я не понимаю, что именно его задело, и сейчас у меня нет сил разбираться.

— Нам есть что вам рассказать, друзья, — произносит Фил, переводя взгляд с Рика на остальных. — Но только потом.

Он снова притягивает меня к себе за плечи.

— А сейчас, малая, рассказывай, как ты тут без нас жила. Эти дураки тебя обижали?

— Эта дитя демона сама обидит кого угодно, — говорит Том и тут же прячется за спину Яна.

Я улыбаюсь, хотя глаза всё ещё щиплет от слёз.

— Долго рассказывать.

— Значит, сегодня у нас будет длинный вечер.

Этот момент даёт мне небольшую надежду. Совсем крошечную, но всё же надежду на то, что теперь нам будет легче.

Мы должны справиться со всем.

И я не упущу ни одного шанса узнать правду.

Глава 24

ЭРИКА

Моё эмоциональное состояние на пределе. Кажется, внутри наконец разгорелась крошечная искра — та самая, которую я уже почти перестала замечать.

«Тёмные призраки».

Я так рада, что они живы. Что всё это время находились где-то рядом, пусть я об этом и не знала. До сих пор не могу поверить, что снова вижу их всех вместе. Ощущение, что я сплю и вот-вот проснусь, обнаружив, что всё происходящее было очередным сном.

До начала собрания мы успели немного пообщаться. Оказалось, перевод в это подразделение прошёл стремительно, а сообщать кому-либо о нём запрещалось. Рано утром каждого по отдельности вызвали к начальству, оформили необходимые документы, и отправили в другой блок элитного назначения в Рейтауне. Они сожалеют, что не смогли ни с кем попрощаться, но выбора не было. Технически это был приказ высшего командования.

Сейчас мы сидим в кабинете генерала. Нам предстоит узнать, ради чего всех собрали. Все тринадцать человек замерли в ожидании дальнейших распоряжений.

Кай устроился рядом со мной и пока не задал ни одного вопроса. Странно. Обычно его невозможно заткнуть даже

под дулом пистолета. Прямо как и Рика. У обоих рот прямо как сквозняк, из каждой щели слышно.

Я опускаю голову, делая вид, что изучаю собственные руки. В этот момент указательный палец Киллиана скользит по моему колену, едва заметно очерчивая круг. Он делает это настолько осторожно, что никто ничего не замечает.

Стараюсь не подавать виду и превращаюсь в кусок камня, которому совершенно плевать на чужие прикосновения. Получается отвратительно. По телу пробегают мурашки, и я невольно сжимаю бёдра.

Боковым зрением замечаю, как на его лице появляется ухмылка. Следом другую руку он убирает в карман.

ПОТОМУ ЧТО ЭТОТ ДУРАК ВОЗБУЖДАЕТСЯ ОТ ЛЮБОГО ПРИКОСНОВЕНИЯ КО МНЕ.

Ставлю всю базу на то, что, будь его воля, он бы трахнул меня прямо сейчас, в кабинете генерала, на глазах у всех. Его останавливают только две вещи: во-первых, меня увидят голой, а во-вторых, его самого повяжут прямо здесь, лицом в пол.

Наконец открывается дверь, и в кабинет входит генерал Ленэл. Он обводит присутствующих внимательным взглядом, проверяя, все ли собрались.

— Значит, вы уже успели встретиться заранее. Отлично, — произносит он. — Все друг с другом знакомы. Исключение — Киллиан Кайертон. Его я введу в курс дела позже.

Он чуть поворачивает голову, но ничего не говорит. Кра-

ем глаза замечаю, что Киллиан внимательно слушает.

— С завтрашнего дня вы временно приступаете к совместной работе. В течение сорока дней вас ждут общие тренировки, задания и усиленная подготовка. В связи с этим отряд «Зевс» переводится в блок, где размещаются «Тёмные призраки». Специальные пропуска уже подготовлены. Я выдам их по окончании собрания. Приказы составлены и подписаны. Командующей обоими отрядами назначается капитан Эрика Гейзэл. Фил, как старший своего подразделения, прошу содействовать сплочению личного состава и решению общих вопросов. На заданиях вы преимущественно будете работать отдельно, однако все детали необходимо заранее согласовывать с капитаном.

Бесподобная тусовка. Как управлять двенадцатью амбалами одновременно? Можно мне хотя бы краткую инструкцию?

Со своими я ещё справлюсь, а вот с остальными шестью будет трудновато. Мы давно друг друга не видели, и я понятия не имею, какая специальность теперь у каждого. Отношения у нас отличные, но работа — совсем другое дело. Искренне надеюсь, что эту проблему удастся решить быстро и я смогу подстроиться под характер каждого.

— Для вас подготовлено общее помещение с двумя комнатами на двенадцать человек. В первой разместятся «Призраки», во второй — «Зевс». Капитану Гейзэл как командиру выделена отдельная комната по соседству. Поскольку

«Зевс» не относится к секретным подразделениям, доступ в блок будет осуществляться по пропускам, о которых я уже упомянул. Обычным военнослужащим вход запрещён. Внутри блока вам также запрещено посещать некоторые помещения. Тренировочный зал и тир закреплены отдельно. Уличные тренировки будут проводиться в специальном секторе, вход и выход из которого также обособлены.

Отлично. Есть и плюсы, и минусы.

Плюс: я смогу оставаться в полном одиночестве, как у себя.

Минусы? Да их дохрена. Во-первых, мы практически заключённые: туда нельзя, сюда нельзя, вход и выход отдельные. Зато есть ещё один плюс — мы сможем посещать собственный блок, в котором находимся сейчас.

Класс. Ладно, думать о плохом пока рано.

— У вас будет время собрать вещи и сообщить дежурному, когда будете готовы к переводу.

Я поднимаю руку.

— Выездные задания тоже остаются?

— Да. Первое запланировано через четыре дня.

Киваю, стараясь запомнить всё сказанное. Но генерал ещё не закончил.

— И ещё. Я намеренно не сообщал вам об одной детали. На протяжении нескольких последних заданий ваш отряд находился под скрытой охраной «Тёмных призраков».

ЧТО?

Блять.

Я медленно поворачиваю голову к бойцам, но по их лицам понимаю: они выполняли приказ, о котором никто не имел права распространяться.

Значит, Том был прав. Та самая группа, которая вмешивалась в происходящее на задании, и в Карфагене, действительно существовала. И всё это время они находились рядом с нами.

— Они действовали по моему приказу, — продолжает генерал. — Это подразделение работает под строгим прикрытием. Их задача — не просто реагировать на угрозы, но и предвидеть их. Как правило, у них заранее подготовлено несколько вариантов развития событий. Вы никогда их не увидите и не услышите. Подобным образом эти подразделения работают с несколькими отрядами, обеспечивая их безопасность.

Я молчу. Кажется, даже побледнела. Или моя душа просто покинула тело и теперь наблюдает за происходящим со стороны.

Получается, они следили за нами, прикрывали и вмешивались, когда считали нужным. А мы даже не замечали их присутствия.

Ни следов. Ни звуков. Ни единого признака, по которому можно было бы точно определить, что рядом кто-то есть.

Хотя…

Я вспоминаю странные события в Карфагене: выстрелы,

которые мы не смогли объяснить, исчезнувшие следы и постоянное ощущение, что за нами наблюдают.

Теперь всё это выглядит совершенно иначе.

Мне только что раскрыли одну из величайших тайн военного мира, а я всё ещё пытаюсь понять, как умудрилась не заметить очевидного. Но еще одна группа, которая убила людей и охотилась за нами, так и не раскрыта.

— Капитан Гейзэл, — возвращает меня к реальности голос генерала.

Я выпрямляюсь.

— Вот документ с расписанием на первую неделю. Новую форму с нашивками, оружие и всё необходимое вам выдадут после перевода в блок С313. Завтра в 7:00 жду тебя у себя. У меня остался ещё один разговор с тобой.

Вот чёрт. Конечно, остался.

— Кайертон, вы пока остаетесь под наблюдением ещё на двое суток. Если у вас есть вещи, которые необходимо перенести, можете заняться этим сейчас, но покидать медблок без разрешения врача не следует.

— Как скажете, сэр, — спокойно отвечает Киллиан.

— Ваши пропуска. Остальные вопросы завтра можете адресовать капитану Гейзэл. На этом всё. Не смею вас больше задерживать.

О, конечно. Кому ещё можно забить голову? Капитану Эрике Гейзэл. Обращайтесь, всегда к вашим услугам.

Собрание окончено.

Мы поднимаемся и покидаем кабинет. В коридоре я на секунду задерживаюсь, пытаясь привести мысли в порядок.

Чувства странные. С одной стороны, я рада, что «Призраки» теперь будут работать с нами открыто. С другой — меня не отпускает ощущение, что за последние сутки я узнала достаточно многого, но по-настоящему не поняла почти ничего.

Буду надеяться, что просто накручиваю себя.

— Ну что, капитан, какие будут распоряжения? — спрашивает Фил.

Он мягко улыбается, и в его взгляде мелькает знакомая насмешка.

Я оглядываю собравшуюся компанию.

Мой «Зевс» и «Тёмные призраки». Два подразделения, которые теперь должны действовать сообща. Руководить таким табором будет куда сложнее, чем я рассчитывала. Дай бог, чтобы они меня не затоптали.

— Для начала, — отвечаю я, прижимая документы, — никто ничего не теряет, не ломает и не устраивает драку в первые же сутки после переезда.

— А если очень хочется? — тут же уточняет Гарри.

Я медленно поворачиваю к нему голову.

— Тогда захотите чего-нибудь другого.

Фил смеётся, остальные переглядываются с теплом.

— Так точно, капитан, — подмигивает Том.

Ну всё. Начинается.

Отряд уходит в свою комнату, чтобы собрать вещи и технику, а я направляюсь к себе.

В ящиках моего стола лежит целая куча документов по Киллиану, которые я, к слову, до сих пор толком не разобрала и даже не успела внимательно изучить.

Чёрт, насколько разумно брать их с собой? У меня ведь тоже будет отдельная комната. А если кто-нибудь туда проникнет? Бред. Комната капитана — помещение с ограниченным доступом, да и замок никто не отменял.

Разберусь там с этими документами.

Пока складываю форму и оставшиеся вещи, в дверь стучат.

— Войдите! — отзываюсь я, не оборачиваясь.

И тут по спине пробегает холодок.

Кажется, за мной пришла смерть.

— А по мне ты скучала, Эр?

Низкий голос заполняет комнату. Я медленно поворачиваю голову.

Киллиан стоит у стены. На его лице ни одной живой эмоции. Он смотрит мне прямо в глаза, и от этого взгляда становится не по себе. Передо мной будто совершенно другой человек.

Что происходит?

— О чём ты? — выгибаю бровь и скрещиваю руки на груди.

Он делает несколько спокойных шагов в мою сторону. Ин-

стинктивно тянусь к ножу на бедре, но не успеваю даже коснуться рукояти. Киллиан резко перехватывает ремни моей кобуры на плечах, грубо дёргает на себя, и нож, выскользнув из крепления, с грохотом летит на пол.

Я не успеваю среагировать. Спиной ударяюсь о комод, а он нависает надо мной, полностью перекрывая путь к отступлению. Воздух застревает в лёгких, из горла вырывается тихий стон.

— Он держал тебя на руках, — произносит Киллиан тихо, почти робко. — А я мысленно рисовал лезвием узоры. Это было так красиво.

Что?!

Он не в себе. Зрачки расширены, взгляд кажется безумным. В его глазах нет ничего, кроме темноты и чего-то пугающего. Внутри него как сорвалось с цепи нечто, что он больше не способен контролировать.

И ты хочешь этому подчиниться, ведь так, Эрика? Твои ноги уже готовы опуститься на колени, перед его тёмной стороной.

Моё тело отказывается двигаться. В голове вспыхивают мерзкие образы из прошлого. Чужие руки. Боль. Кровь. Лезвие, оставляющее следы на человеческой коже. Страшные крики, оглушающие и намертво въедающиеся в сознание.

Ебаный кошмар.

И сейчас он стоит прямо передо мной.

— Сука, почему ты плавишь мне мозг? — тяжело выды-

хает он, обращаясь уже не столько ко мне, сколько к самому себе. — Может, я одержим тобой?

Его рука скользит к моей шее. Пальцы смыкаются на горле, и он начинает сжимать.

— Ты как грёбаный морфий…

Киллиан придвигается ещё ближе. Я чувствую его дыхание на губах. Он впивается зубами в мою нижнюю губу, но в этом движении нет привычной игривости. Только резкость и злость. Во рту тут же появляется металлический привкус крови.

— Блять, почему его руки трогали тебя, а не мои?

Я не узнаю его.

Передо мной тот самый человек, который ещё недавно улыбался, отпускал пошлые шутки и выводил меня из равновесия одним взглядом. Но сейчас его глаза буквально прожигают меня насквозь, а пальцы на моей шее не позволяют забыть, насколько легко он может причинить мне боль.

Я пытаюсь вдохнуть.

Не выходит.

— Кайертон… ты должен меня отпустить, — хриплю я, с трудом выталкивая слова. — Прошшу…

Он не слышит.

Хватка становится сильнее, и паника наконец пробивается сквозь оцепенение. Я хватаюсь за его запястье, пытаясь освободить горло, но пальцы будто перестают слушаться. Вместо этого я лишь царапаю его кожу.

Чёрт, Киллиан! Я сейчас сдохну!

Рука замирает. Хватка медленно слабеет, и он наконец отпускает меня, отступая на шаг.

Я тут же наклоняюсь вперёд, судорожно кашляя и хватая ртом воздух. Горло саднит, глаза слезятся. Прижимаю ладонь к шее, пытаясь осознать, что только что произошло.

Какого хрена?! Что это вообще было?!

Он стоит напротив и молчит. Смотрит на меня, и пытается прочитать что-то на моём лице. Уголок его губ едва приподнимается, но эта улыбка не приносит облегчения.

Она сумасшедшая. Безумная.

Она больная…

— Килл? — тихо зову я держась за шею.

Он не отвечает. Тяжелый взгляд задерживается на мне ещё несколько секунд, после чего он разворачивается и выходит из комнаты.

Дверь закрывается.

И только тогда ноги окончательно перестают меня держать. Я медленно оседаю на пол, обхватив голову руками.

Какого чёрта?!

Что с ним происходит? Почему он говорил о чьих-то руках, о лезвии, об узорах на теле?

Блять, Фил… Он ведь видел, как я бежала к нему. Почему Киллиан смотрел на меня так, будто я принадлежу ему и кто-то посмел это оспорить?

Да вы оба больны.

Тяжело дышу, пытаясь нормализовать дыхание. Пальцы ещё дрожат, а в горле неприятно пульсирует боль.

Снова стук.

Кажется, у меня начинается паника.

Резко поднимаю голову, но не успеваю ничего сказать — дверь открывается, и в комнату почти вбегает Эйм.

— Эрика! Ты в порядке?

Он замечает меня на полу и тут же присаживается рядом.

— Что случилось?

Отвожу взгляд и заставляю себя выпрямиться.

— Всё нормально. Небольшая заминка в голове. Можешь позвать Рика?

Эйм явно не верит, но давить не начинает. Спасибо ему за это.

Кажется, на новом месте Рик будет спать на полу в моей комнате. Меня вообще нужно пристегнуть наручником к кровати. Сегодняшняя ночь обещает быть ужасной.

— Не накручивай себя из-за «Чёрного квадрата». Мы подготовимся. Всё будет нормально. Я позову его.

Ещё и эта проклятая зона. Жизнь откровенно издевается надо мной. Я что, похожа на цирк, которому судьба решила подкинуть пару представлений?

Чёрта с два.

Я справлюсь. Со всем, что бы она ни решила на меня свалить.

— Правда, всё нормально, — повторяю я, поднимаясь на

ноги. — Пора собираться, иначе нас будут ждать.

Эйм не спорит. Помогает мне собрать оставшиеся вещи, и вскоре мы покидаем мою комнату.

У специального перехода нас уже ждёт дежурный из блока «Призраков». Прикладываем пропуска к сканеру и проходим внутрь. Двери за спиной закрываются с тяжёлым металлическим звуком.

Я оглядываю незнакомый коридор, крепче сжимая ручку сумки. Чёрные матовые стены, яркий свет — всё совершенно иначе, чем в нашем блоке. Повсюду массивные, толстые двери и полнейшая тишина.

Проходим ещё один коридор, и перед нами оказывается наше временное жилище.

Что ж, новый блок, новые правила.

Сорок дней подготовки перед заданием, из которого мы обязаны вернуться живыми.

И Киллиан, который совсем недавно смотрел на меня так, будто сам не понимал, что творит.

Я сглатываю, ощущая неприятную боль в горле. Нет. Сейчас не время об этом думать. Впереди слишком много неизвестного, а времени на ошибки у нас почти не осталось.

Теперь всё зависит от нас.

Все проходят в общую комнату, чтобы разложить вещи и обустроиться. Киллиан с нами не появляется, попросив только Диму и Яна перенести всё необходимое из его комнаты.

Я оставляю свои вещи возле комода, даже не желая раз-

бирать их. Просто сижу на кровати, поджав ноги, и изо всех сил стараюсь не закричать.

Раздаётся тихий стук. Он даже не заставляет меня пошевелиться.

В комнату заходит Рик. Закрыв дверь, он медленно подходит и садится рядом на кровать.

— Вколи мне лекарство и пристегни наручником к кровати. Иначе я, кажется, скоро сойду с ума.

Он опускает руку мне на голову и притягивает к своему плечу. Пальцы медленно перебирают волосы, но даже такие привычные прикосновения, ничего не меняют.

— Я не буду тебя пристёгивать. Если угроза появится, я знаю, как действовать.

Снимаю китель, оставаясь в футболке. Голова опускается на подушку, и вскоре я чувствую укол иглы.

Хочу просто нормально вырубиться, чтобы не чувствовать приступов. Пусть успокоительное подействует быстрее обычного. Голос в голове уже довёл меня до безумия.

Рик садится в ногах кровати, откидывается затылком на стену и поправляет моё одеяло.

Зрение постепенно начинает расплываться, звуки становятся приглушёнными, и я проваливаюсь в темноту.

Кажется, теперь мне спокойно.

Вокруг ничего нет.

Просто тишина

Глава 25

ГЛАВА 25
КИЛЛИАН. ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Сидим в грёбаной засаде уже час.

Эти чертовы подонки решили устроить себе привал или что? Джекс протягивает мне сигарету. Судя по его лицу, вся эта хрень ему тоже осточертела.

— Может, они уже сдохли по дороге? — спрашивает он.

— Не думаю. Видимо, «Гранит» решил изменить время выхода.

Затягиваюсь. Дым обжигает лёгкие, и я медленно выпускаю его, продолжая смотреть сквозь прицел на дорогу.

Грёбаная база «Гранит», возомнившая себя хер пойми кем. Эти ублюдки считают, что держат всё под контролем и намного умнее остальных. Но нихрена. Они не учёные и не спасители. Они гнилые крысы, долбаная чума, которая с каждым днём только разрастается.

И скоро этой лавочке придёт конец.

Всего две недели — и «Гранит» падёт. Всё пойдёт по плану. У нас есть чёткий план, и совсем скоро он будет приведён в исполнение.

В рации раздаётся голос:

— Движение на двенадцать часов. Всем приготовиться.

Тушу сигарету и крепче сжимаю винтовку. Сонливость

исчезает мгновенно, уступая место привычному напряжению. Адреналин разгоняется по венам, а взгляд цепляется за первые силуэты, появляющиеся на дороге.

— Цели в зоне видимости, — докладывает Генри.

Один из бойцов противника наступает на дымовую шашку.

— Пошло! — звучит в наушнике.

Дорогу затягивает густым дымом. Мы надеваем защитные маски и начинаем выдвигаться к целям. Слышны короткие команды, тяжёлые шаги по земле и приглушённые звуки борьбы.

— Цели обезврежены. Все без сознания. Подтверждаю, все на земле, — сообщает Генри.

Подходим ближе.

Восемь человек. Восемь ублюдков, которые только что собственными ногами пришли в руки к смерти. Полнейшие тупицы.

— Связать и тащить в подвал, — приказываю я. — Скоро очухаются. У нас с ними ещё работа.

Парни принимаются за дело. Я подхватываю ближайшее тело, завожу пленнику руки за спину и затягиваю узлы.

И тут замечаю неладное.

Это ребёнок?

Тело слишком лёгкое, запястья тонкие, военная форма явно велика. Что за хрень ещё?

Хмурюсь, хватаю пленника за бронежилет и стягиваю ба-

лаклаву.

Девушка.

Я просто зависаю, разглядывая её лицо.

Пепельные волосы выбились из-под ткани. Черты лица непривычно спокойные для человека, которого только что вырубили и связали. Чёрные ресницы, пухлые розовые губы. Ни следа сознания, ни малейшего движения.

Она кажется совершенно беззащитной. И, чёрт возьми, я никогда не видел никого прекраснее.

Какого... Боже, что за дерьмо?!

— Блядь, чуваки, тут девчонка, — бросаю я через плечо.

Джекс оборачивается. Увидев пленницу, криво усмехается.

— Отлично. С такой находкой можно и повеселиться.

— Рот закрой, — отрезаю я.

Сам не понимаю, почему слова вырываются настолько резко. В груди что-то неприятно сжимается, будто внутри внезапно задели оголённый провод. Я пытаюсь разобраться в этом ощущении, но оно пульсирует где-то под рёбрами, то усиливаясь, то отступая.

Какого хрена она здесь делает?

Я повидал достаточно людей, чтобы давно перестать удивляться чужой внешности. Но эта девушка задевает во мне что-то, о существовании чего я даже не подозревал.

Не могу определить, сколько ей лет. Ростом она едва ли выше моего локтя. Слишком маленькая, слишком хрупкая

на вид. И при этом — часть группы, работающей на «Гранит».

Что она там забыла?

Возможно, картограф. Сапёр. Или кто-то ещё, чья работа требует выходить за пределы базы. Но почему тогда её отправили вместе с этой группой?

Нас об этом не предупреждали.

А если это подстава?

— Кай, не зависай. Тащим их, — окликает меня Генри.

Перевожу взгляд на пленницу.

Приказ есть приказ.

Подхватываю её под спину и колени, поднимая на руки. Не собираюсь волочить её по земле, пока голова бьётся о каждую кочку, а одежда собирает всю грязь на пути.

Сам не знаю, зачем вообще заморачиваюсь.

Просто не хочу.

Она не должна была оказаться здесь.

Но оказалась.

— Дверь открывай, Мирон, — бросаю я.

Тот отпирает вход, и мы заносим пленников в подвал. Внутри пахнет сыростью, металлом и старой пылью. На стенах закреплены крюки.

Парни начинают распределять людей по местам, связывая им руки и проверяя узлы. Я осторожно опускаю девушку на пол, придерживая за плечи, чтобы её голова не ударилась о бетон.

Задерживаю на ней взгляд чуть дольше, чем следовало.

Боже, её ждёт сущий ад.

— «Бартон», это «Рэд». Первая часть задания выполнена. Восемь целей захвачены. Ждём дальнейших распоряжений.

Отпускаю кнопку рации.

Вокруг снова слышны голоса, шаги и металлический скрежет.

Заставляю себя отвернуться.

Девушка с «Гранита». Всего лишь пленница.

Ничего больше.

Нужно выполнить приказ. Иначе меня изрешетят свои же. Я не трону её пальцем, но не смогу помешать остальным, если они решат запугать пленницу. Она работает на предателей, а «Рэд» — сборище конченых отморозков.

Грёбаное задание. Самое поганое из всех, что мне когда-либо приходилось выполнять. Её уничтожат в ближайшие часы. Или, что ещё хуже, она сама не выдержит того, что здесь начнётся.

За спиной раздаётся резкий грохот.

Оборачиваюсь.

Джекс нависает над девушкой, всё ещё лежащей без сознания. На её брови выступает кровь, тонкой дорожкой стекающая к виску.

Грёбаный ублюдок только что швырнул её на пол.

— Ты что творишь, мать твою?!

— Кай, угомонись. Они все сплошной мусор. Чего ты за

неё переживаешь?

Смотрю на него, не находя слов.

Да что со мной, блядь, происходит?

Я даже объяснить собственное поведение не могу. Ещё десять минут назад эта девушка была для меня одной из восьми целей. Очередным врагом, которого предстояло доставить сюда живым.

А теперь я готов вцепиться в глотку собственному бойцу за то, что он посмел её тронуть.

Нужно поговорить с Генри. Он здесь главный, он должен понять. Я выполню свою часть задания, но сделаю всё, чтобы её не трогали.

Потому что если оставить её наедине с этими ублюдками, она не протянет и нескольких часов.

КИЛЛИАН. НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Сижу на улице на бетонной плите, уставившись в одну точку. Врачи всё-таки сделали мне одолжение, и разрешили выйти подышать свежим воздухом, несмотря на поздний час. Дежурный стоит за углом и ждёт, пока я нагуляюсь.

Я, что, собака на поводке?

Да хер с ним. Меня сейчас интересует совсем другое.

Моя маленькая фея бросилась в объятия другого. Кто этот чёрт вообще такой?

Блять.

Я думал, что уже давно не способен испытывать настолько сильные чувства. Но, похоже, у меня действительно поехала

крыша. Причём со скоростью света. Мне хотелось исполосовать ему лицо, руки — да всё, до чего смог бы дотянуться. И самое паршивое, что даже на Эйма и Рика я никогда так не реагировал. Но Рик — это вообще отдельная категория.

Дерьмо.

Она знала их ещё до того, как отряд расформировали и превратили в «Тёмных призраков». С ними она была другой. Уверен, о её внутренних проблемах они ничего не знали. Рик, Димон и остальные постоянно крутились рядом с ней, поэтому генерал и определил их в её подразделение. Он считал, что «Зевс» достаточно силён, чтобы держать её под присмотром и следить за её состоянием. К тому же она уже была с ними сработана.

Но я видел, как она бросилась к Филу, и до сих пор не могу выбросить эту картину из головы.

Чёрт, малыш, что ты со мной делаешь?

Слышу шаги. Дежурный выходит из-за угла, садится рядом и протягивает мне сигарету.

— Паршивый день? — спокойно спрашивает он.

— Или жизнь.

Он усмехается, прикуривает и делает затяжку. Некоторое время мы молчим. Я смотрю на тёмное небо, затянутое тучами, а потом решаю, что, раз уж мы здесь застряли, можно попытаться выяснить кое-что.

— У тебя была девушка?

Мужик поворачивает ко мне голову, явно не ожидая та-

кого вопроса.

Обычно мне плевать на чужие отношения. Да и собственные никогда особенно не интересовали. Разовые встречи, секс без обязательств — ничего больше. Привязанность всегда казалась лишней проблемой.

— Была, — отвечает он после короткой паузы. — Но она погибла.

По лицу понимаю, что задел что-то болезненное. Рана, судя по всему, так и не затянулась.

Снова затягивается и добавляет, глядя куда-то перед собой:

— Чёртов мир забрал у меня всё.

Знакомое чувство. Мародёры убили мою мать. Младшую сестру истязали, пока она не умерла.

— Сочувствую.

Слова даются непривычно. Никогда не умел утешать людей, да и не видел в этом особого смысла. Но это не значит, что я не способен проявить элементарное уважение к чужой боли.

Получаю короткий кивок. Больше мы к этой теме не возвращаемся.

Оставшееся время сидим молча. Ветер гоняет по асфальту мелкий мусор, с неба моросит дождь. Воздух пахнет мокрым асфальтом, пылью и сыростью, и еще странный запах который не могу уловить. Где-то вдалеке глухо хлопает металлическая дверь.

Картинка меняется.

Не снаружи — внутри моей больной головы.

Я замечаю движение возле складов базы. Почему зданий больше? Я в Рейтауне?

Сначала кажется, что это просто тень, скользнувшая между зданиями. Прищуриваюсь, пытаясь рассмотреть её получше, но взгляд смещается чуть левее.

Вторая тень.

Что за хрень?

Они движутся в мою сторону. Медленно, плавно, словно знают, что мне некуда деться. Я пытаюсь разглядеть лица, но вижу лишь тёмные силуэты. В руках у обоих автоматы.

Стволы направлены прямо на меня.

Инстинктивно пытаюсь подняться, отступить, хотя бы дотянуться до оружия, но тело не слушается. Кажется, я прирос к бетонной плите. Даже пальцы не шевелятся.

Что происходит, чёрт возьми?

Один из силуэтов оказывается ближе. Я не вижу его лица, но уверен: он смотрит прямо на меня.

И тут возле самого уха раздаётся голос:

— Киллиан, не сожалеешь ли ты о своём выборе? Может, смерть была бы милосерднее?

Внутри всё обрывается.

Пытаюсь ответить, но не могу выдавить ни звука. Тени расплываются, окружающий мир теряет очертания. Темнота плавно затягивает зрение, а вместе с ней исчезает и ощуще-

ние собственного тела.

Пустота.

Ни голосов. Ни шагов. Ни шума дождя. Ничего.

Писк приборов. Первое, что возвращается — монотонный звук, от которого начинает болеть голова. С трудом открываю глаза. Надо мной белый потолок, рядом медицинское оборудование, а к руке подключена капельница.

Реанимация?

Какого чёрта произошло?

Стараюсь немного приподняться, и тело отзывается слабостью. Приходится откинуться обратно на подушку. Что за нахрен тут творится?! Пальцы нащупывают кнопку вызова персонала. Хочу узнать почему я тут. Я чувствовал себя уже хорошо, готов был выписаться отсюда и вернуться к отряду, что поменялось?

Проходит пара секунд, и в палату входит врач, который наблюдает за мной с первых дней пребывания в Рейтауне.

— Где я?

— В реанимационном отделении. Вчера вы потеряли сознание. Ваше состояние резко ухудшилось, и нам пришлось приложить немало усилий, чтобы стабилизировать вас. Даже, вернуть к жизни.

Замечательно. Сколько раз я уже подыхал, а Бог бесплатно передает меня на землю вновь.

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно. Что со мной?

Субординация? Нет, не для меня. Я тут не для любезностей.

Врач заканчивает проверку показателей на мониторе и смотрит уже серьёзнее.

— Киллиан, как мы уже говорили, вы больны. После вчерашнего эпизода лаборатория получила дополнительные результаты анализов. В вашем организме *присутствует биологический агент неизвестного происхождения* . Пока не удаётся установить, как именно он попал в кровь и что стало его первоначальным источником.

Я молчу, ожидая продолжения.

— Агент демонстрирует устойчивость к нескольким препаратам, которые мы использовали. Полностью нейтрализовать его пока не удалось. Однако мы подобрали комбинацию, которая подавляет его активность и замедляет воздействие на организм. Это не лечение в полном смысле слова, но на данном этапе она позволяет удерживать ваше состояние под контролем.

Прекрасно.

Похоже, я всё-таки оказался подопытной мышью. Или имел контакт с чем-то опасным, от чего теперь даже врачи не знают, как избавиться.

Неизвестный биологический агент. Устойчивость к препаратам. Резкое ухудшение состояния. Звучит паршиво.

И всё это — после двух лет, о которых я ничего не помню.

Совпадение? Вряд ли. Кому это нужно?

Блять, я не могу сдохнуть.

Не сейчас.

Слишком многое осталось без ответа, и многое мне ещё предстоит выяснить. Особенно то, что касается моей кровавой феи. Я не собираюсь оставлять её одну. Не после всего, что уже произошло.

Сжимаю руку и чувствую резкое покалывание. Морщусь, опуская взгляд.

На ладони порез.

Что это еще такое? Откуда он взялся?

Делаю попытку вспомнить, когда мог его получить, но в памяти мусор. Последнее, это — как сидел возле входа вместе с дежурным. Потом появились тени, раздался голос…

А дальше… А что дальше?

Нужно спросить.

— Где я вчера был?

Врач вопросительно выгибает бровь и переводит взгляд на меня.

— Вас нашли возле забора, недалеко от складов.

Не может быть. Я туда не подходил. Мы сидели с дежурным возле входа.

— Кто нашёл?

— Двое охранников.

— А дежурный?

Он на секунду замолкает, а затем смотрит на меня внимательнее.

— Вы были одни, Кайертон.

Он произносит это спокойно, почти равнодушно, но я замечаю, как слегка сужаются его глаза, думаю пытается найти ложь.

Я не мог быть один.

Сука, не мог.

Я помню, как дежурный сел рядом. Помню сигарету, разговор о его погибшей девушке. Помню дождь и то, как смотрел на склады. Да они были какие-то странные, и цвет сомнительный. Но я не выдумал этот разговор. Не мог же я, блять, выдумать всё настолько подробно?

— Вы уверены? — спрашиваю, стараясь не выдать раздражения.

— Абсолютно. На момент обнаружения рядом с вами никого не было.

Отлично. Теперь ещё и это.

Отворачиваюсь, пытаясь сложить мысли в порядок. Если дежурный действительно сидел рядом со мной, куда он исчез? Почему никто не видел, как я оказался возле забора? Хотя возле складов не было забора. И какого чёрта у меня порез на руке?

Врач снова осматривает меня, проверяет цифры на мониторе и готовит какие-то инструменты.

— Что вы делаете? — спрашиваю, заметив металлический шприц в его руке.

— Сейчас введу препарат. Он должен облегчить ваше со-

стояние.

— Есть какие-то побочные эффекты?

— Введение крайне болезненное. Препарат необходимо вводить медленно. Постарайтесь потерпеть. После инъекции должно стать легче.

Прекрасно. Прямо то, что сейчас нужно.

Он подходит ближе и фиксирует мою руку. Я напрягаюсь, едва игла касается кожи.

А затем начинается ад.

Боль вспыхивает настолько ярко, что кажется раскалённым металлом прожигают руку изнутри. Она стремительно распространяется выше, по ощущениям как разрывая мышцы и выворачивая нервы наизнанку. Я пытаюсь сдержаться, но из груди вырывается крик.

— Блядь! Да какого хрена?!

Слёзы сами выступают на глазах. В рот протягивают одеяло что зажать между зубами, вцепляюсь свободной рукой в простыню и пытаюсь заставить себя дышать, но вдох даётся с трудом, с очень большим, сука, трудом.

Боже, что за нахрен?!

Ещё немного — и я перестану дышать.

Приборы надрываются громким писком. Цифры на мониторе скачут, но мне плевать. Вся вселенная сжимается до одной точки — туда, где игла медленно вводит в моё тело эту чёртову дрянь.

Крик становится громче, я уже не в силах остановиться.

А врач…

Он смотрит с ледяным спокойствием. Ни сочувствия, ни тревоги. Ни один мускул на его лице не дрогнул, он наблюдает за обычной процедурой, а не за тем, как человек едва выдерживает боль.

Эти инъекции теперь придётся терпеть. Походу, от них я подохну быстрее, чем от самой болезни. Боль настолько адская, что кажется, меня сжигают заживо.

Наконец всё заканчивается. Иглу извлекают.

Голова бессильно падает на подушку, заставляя койку скрипнуть. Дыхание тяжелое, нервное. Рука дрожит, по вискам катится пот, а на ресницах ещё держатся слёзы, слегка скатываясь на подушку.

Несколько секунд ничего не происходит.

Я уже собираюсь послать врача ко всем чертям за то, что он навешал мне лапши на уши и использовал меня в качестве подопытного, но наступает перемена.

Напряжение постепенно отступает. Сначала мало заметно, как кто-то ослабляет тугую удавку вокруг тела. Затем мышцы начинают расслабляться, дыхание выравнивается, а боль, преследовавшая меня последние дни, отступает.

Не исчезает бесследно, но становится терпимой.

Чёрт возьми…

Мне действительно легче.

Аккуратно приподнимаюсь, тянусь к стакану на тумбе и залпом выпиваю всю воду. Горло пересохло, во рту непри-

ятно покалывает.

— Препарат необходимо вводить дважды в день: утром и вечером, перед сном. Если почувствуете, что его действие ослабевает раньше положенного времени, немедленно сообщите медицинскому персоналу. Не пытайтесь терпеть ухудшение состояния.

— А если он перестанет действовать совсем?

Взгляд задерживается на мне.

— Пока рано делать такие выводы. Мы будем наблюдать за вашей реакцией и корректировать лечение по мере необходимости.

Ни ответа, ни гарантий. Как и ожидалось.

На тумбу ставится новая бутылка воды. Использованный шприц отправляется в контейнер, на котором странная маркировка. Разобрать, что написано, не получается. Рядом ещё символ.

Нужно запомнить.

— Отдыхайте, Киллиан. Вам необходимо восстановить силы.

— Постараюсь не умереть до следующего укола, доктор.

Он никак не реагирует на мою реплику. Просто выходит, оставляя меня наедине с мыслями.

Снова смотрю в потолок.

Боль отступила. Тело расслабилось, дышать стало легче. Можно было бы закрыть глаза и ненадолго забыть обо всём.

Но перед внутренним взглядом снова возникают две тени

возле складов.

Затем — голос.

«Киллиан, не сожалеешь ли ты о своём выборе? Может, смерть была бы милосерднее?»

Медленно сжимаю пальцы повреждённой руки. Порез отзывается неприятным покалыванием.

Кто был рядом со мной вчера?

И почему все утверждают, что я был один?

Что-то произошло. Я уверен в этом.

Если рассказать Эр, согласится ли она на взлом камер? Хотя этим занимается Том. Придётся объяснить ему всю историю, а значит, и рассказать о том, что произошло возле складов.

Нет. Пока не стоит. Сначала нужно самому.

И почему, чёрт возьми, кажется, что тот голос мне знаком?

Глава 26

ЭРИКА

Пот стекает по всему телу. Ещё немного — и мышцы откажутся работать.

Грёбаная тренировка на износ в лесу.

Прошло всего два дня, а по ощущениям — целая неделя. Начальное расписание даётся тяжело, но даже физическое истощение не помогает нормально спать. Вчера всю ночь я провела на территории базы, в нашем старом корпусе. Около двух часов просидела в тире, затем отправилась в зал. Хотелось выйти на улицу, но я понимала, что моя больная голова может завести меня гораздо дальше, чем планировалось. Под утро, вернулась в комнату. Охрана вопросов не задавала. Думаю, генерал заранее предупредил их о моих ночных приключениях.

Сейчас мы выполняем последнее изнурительное задание. Киллиана тоже выпустили на тренировку, и по его лицу можно сказать, что он здоров как конь. По результатам, кстати, тоже. Чем его там накачали медики? Откуда столько силы и энергии? Магия.

Утяжелители тянут ноги вниз, дыхание сбивается, лёгкие горят, но я заставляю себя бежать дальше. Никаких поблажек. Мы должны быть готовы ко всему, что ждёт нас в «Чёрном квадрате».

Краем глаза замечаю, как Рик начинает меня обгонять.

А вот хрен тебе. Сегодня не твой день.

Прибавляю скорость. Перепрыгиваю два барьера, хватаюсь за верёвку, подтягиваюсь и срываюсь вперёд. Последний рывок — и пересекаю финишную отметку.

Раздаётся писк секундомера.

— Капитан — две минуты тридцать секунд. Рик — две минуты тридцать шесть секунд, — объявляет Фил.

Его улыбка медленно расползается по лицу.

— Блядь, Мефисто, тебе просто черти помогали!

— Единственный чёрт здесь — ты, Рик. Автограф позже раздам.

Он начинает смеяться и отходит к Эйму, по пути потрепав его по голове. А я, кажется, впервые за последние восемь часов готова обнять весь мир.

Шесть секунд. Всего шесть, но победа есть победа.

Наконец-то закончили.

Гарри подходит к нам вместе с остальными, сверяясь с результатами. Я успеваю сделать несколько глотков воды, когда слева раздаётся возмущённый голос Тома:

— Сколько, блядь?! Минута пятьдесят?!

— Том, дорогой, я просто лучший, — невозмутимо отвечает Киллиан.

Он закидывает руку ему на плечо и смеётся, явно наслаждаясь его реакцией.

Боже, попугай.

За последнее время они здорово сблизились. Некоторые даже заходили к Киллиану в палату, чтобы узнать, как он себя чувствует. Честно говоря, я рада этому. У каждого нашлось с ним что-то общее. Что он пережил за те забытые два года, неизвестно, но жизнь предоставила ему ещё один шанс. А может, именно благодаря ему мы сможем добраться до ответов, которые ищем.

Инцидент в комнате вызвал у меня очередной приступ паники. Поэтому я решила на время держаться от него подальше. Не разговаривать без необходимости, не оставаться с ним наедине и уж точно не пытаться разобраться в том, что произошло.

Киллиан поступал так же. Иногда я ловила на себе его взгляд, но стоило нам оказаться рядом, как он намеренно отстранялся. В какой-то момент даже показалось, что он старается не пересекаться со мной вовсе.

Походу, избегающий тип привязанности.

Не, ну а что? То готов на голову залезть, то убегает. С одной стороны, это давало мне возможность спокойно прийти в себя. С другой — его поведение раздражало не меньше, чем сама ситуация.

Но сейчас не время разбираться в этом. Бегать за ним и выяснять отношения я не собираюсь. Захочет — сам придёт. А то, может, мне ещё цветы ему подарить и пожалеть? Погляди-ка на него.

Мы собираем тренировочный инвентарь и направляем-

ся обратно в блок. Восемь часов физических нагрузок — сплошная каторга. Каждая мышца ноет, ноги едва слушаются. С другой стороны, такая боль куда приятнее душевной.

И всё же расслабляться рано. У нас есть цель. И мы обязаны её выполнить. Все вместе, держась друг за друга.

Приведя себя в порядок после душа, сажусь на кровать. Остальные отправились на свободную дополнительную тренировку по стрельбе, а я решила воспользоваться редкой возможностью побыть одной. Последние дни мне этого совершенно не хотелось, но сейчас я немного успокоилась и готова провести время наедине с собой.

В голове всплывает общий дневник пленников.

Я забрала его в тот же день, когда мы прочитали первые несколько страниц. Передавать тетрадь на экспертизу пока не собиралась. Многое в ней оставалось неизвестным, а мне хотелось самостоятельно разобраться хотя бы в части записей.

Моё любопытство когда-нибудь меня погубит.

Почему-то я была уверена: там есть что-то важное.

Достаю тетрадь и раскрываю её на первой попавшейся странице.

Перелистываю несколько листов, пока взгляд не цепляется за дату.

10 августа 2049 года.

Не знаю, где мы. Нас привезли сюда, наверное, позавчера.

Или нет. Без понятия. Здесь нас постоянно осматривают и делают какие-то процедуры. Некоторые люди после них долго не разговаривают. Я слышала, как кто-то плакал за стеной.

Может, это сон? Нет. Я точно всё слышу, хотя после одной инъекции мне часто мерещится то, чего нет. Я ненормальная?

Медленно провожу пальцем по строчкам.

Следующая запись сделана двумя днями позже.

12 августа 2049 года.

Мой папа пропал. Вчера он ещё был рядом со мной, а утром не вернулся. Дядя говорит, что папа устроился здесь на важную работу. Значит, с ним всё нормально. А ещё здесь есть другие ребята. Правда, некоторые из них странные. Какая-то тётя сказала, что сегодня вечером я пойду гулять. Но вчера моему другу тоже так сказали, а он до сих пор не вернулся.

Может, он ушёл домой?

Я хмурюсь.

Дети. Пропавшие люди. Инъекции. Странные процедуры, о которых никто ничего не объясняет.

Чем дальше читаю, тем сильнее понимаю: за этими короткими записями скрывается нечто гораздо более страшное, чем обычное содержание под стражей.

Переворачиваю страницу.

27 сентября 2049 года.

Сегодня у меня появился друг. Его зовут Кай. Мама рассказывала мне сказку, в которой мальчика звали так же. Он был очень грустным.

Я спросила, откуда он, но он ответил, что не помнит.

Иногда его водят здесь в специальных браслетах. Другие дяди говорят, что ему нельзя их снимать. Он не выглядит опасным. Он добрый. И очень высокий.

Я перестаю дышать.

Нет.

Нет, нет, нет…

Перечитываю строки ещё раз. Затем ещё.

БЛЯТЬ. БЛЯТЬ. БЛЯТЬ. БЛЯТЬ!

Мир сжимается до размеров этой чёртовой тетради.

Мой взгляд снова падает на строчку.

«Его зовут Кай».

Киллиан.

Кай.

КИЛЛИАН…

Руки начинают дрожать. Сердце колотится так сильно, что каждый удар отдаётся в горле. Воздуха внезапно становится слишком мало.

Кто-то из пленников описывал Кая.

Высокий. Белые волосы. Наручники. Провалы в памяти.

Я вскакиваю с кровати, едва не роняя тетрадь.

Нет. Этого не может быть. Совпадение. Должно быть совпадение.

Но дата…

27 сентября 2049 года.

В спешке перелистываю страницы, цепляясь пальцами за края бумаги. Мне нужно найти ещё что-нибудь. Любую зацепку, подтверждение, которое позволит понять, что я ошибаюсь.

ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ ЕЩЁ, ПОЖАЛУЙСТА!

Наконец попадается следующая запись с датой.

15 марта 2051 года.

Я, наверное, здесь уже месяц. Или нет. Я больше не понимаю, сколько прошло времени.

Беловолосого парня увели пару дней назад. Его до сих пор нет. Интересно, он жив? Бедняге, кажется, досталось больше всех. Иногда я слышал его голос за стеной. После процедур он долго не выходил.

Но он самый живучий из всех.

Что они на нём проверяют? Ядерную бомбу?

Мне, наверное, повезло больше, чем остальным. Хотя, может, я просто так думаю? А может, я чего-то не помню? На руках странные порезы. Это я сделал?

Тетрадь чуть не выскальзывает из рук.

Меня начинает трясти. Сильно, до мелкой дрожи во всём теле. Прижимаю ладонь ко рту, чтобы не закричать.

Нет.

Этого не может быть.

Только не Киллиан.

Это же не он, да?!

Снова смотрю на дату.

15 марта 2051 года.

Всего несколько месяцев до того, как он вернулся в «Рейтаун».

Беловолосый парень. Наручники. Процедуры. Порезы, происхождение которых он не помнит.

И его исчезновение.

Пытаюсь вдохнуть глубже, но не получается. Мне становится дурно. В голове проносятся десятки вопросов, и каждый страшнее предыдущего.

Что, если всё это время он находился там? Что, если именно там с ним что-то сделали? Что, если его приступы связаны с тем, что происходило в этом месте?

Захлопываю тетрадь и прячу её в ящик, подальше от чужих глаз.

Это никто не должен увидеть.

Нет. Пока это только записи. Имя, внешность и даты. Этого недостаточно, чтобы сделать окончательный вывод.

Мне нужно доказательство.

Настоящее.

Да ты тупая, Эрика. Ты его тело видела. Какие ещё доказательства?

Подбегаю к раковине и включаю ледяную воду. Несколько раз умываюсь, пока дыхание понемногу не выравнивается. Поднимаю голову и смотрю на собственное отражение.

Бледное лицо. Расширенные зрачки. Дрожащие пальцы.

Соберись, Эрика.

Пока никто не должен об этом знать.

Ни Том. Ни Рик. Ни генерал. Никто из отряда и «Призраков».

И уж точно не Киллиан.

Я ещё не знаю, что именно произошло с ним за эти два года. Не знаю, кто написал дневник и почему эти люди оказались рядом с ним. Но не собираюсь делать выводы, пока не найду подтверждение.

Мне нужна ещё одна зацепка. Хоть малейшая.

Потому что если эти записи действительно о Киллиане…

Закрываю глаза, пытаясь прогнать из головы образ белых волос и металлических браслетов.

…то два года его отсутствия были вовсе не пустотой.

Боже, мне плохо. Что за грёбаная чертовщина?!

Может, вызвать Рика, чтобы сделал укол? Нет, нельзя. Начнутся вопросы. Это должно пока остаться в тайне.

Ближе к ночи вспоминаю об архиве. Так и не удалось придумать, как туда проникнуть, не привлекая лишнего внимания. Генерал ясно дал понять, что никаких самостоятельных расследований. Но после прочитанного дневника я уже не могу просто сидеть сложа руки.

Теперь туда точно надо идти.

Выхожу на улицу и закуриваю сигарету. Туман густой, по-

чти непроглядный. Лёгкий ветер пробирается под одежду, холодит кожу. Вокруг тихо — лишь изредка доносится отдалённый шум базы.

Делаю затяжку, наблюдая, как дым растворяется в серой мгле. В голове снова и снова прокручиваются записи из тетради. Детский и взрослый почерк, обрывочные фразы, даты. Люди, которых увели и которые больше не вернулись.

Были ли они в себе?

Чёрт.

Они пытались объяснить себе происходящее, цеплялись за слова взрослых, верили, что пропавшие друзья просто ушли домой. А что, если один из них всё это время знал, что происходит с Киллианом? Что, если он видел, как его снова и снова забирали на процедуры?

С силой затягиваюсь, чувствуя неприятный холодок вдоль спины.

Нет. Пока у меня слишком мало информации. Нужно найти ещё доказательства, а для этого придётся добраться до архива. Как бы сложно это ни было, несколько вариантов у меня имеется.

Тушу сигарету и бросаю окурок в урну. Пора возвращаться. Завтра подъём в пять утра, а значит, нужно хотя бы попытаться поспать. Хотя после всего прочитанного сомневаюсь, что мне это удастся. Иногда кажется, что за моим сном уже следят. Или я просто себя накручиваю. То, что недавно я ходила в тир, об этом уже наверняка доложили. Если гене-

рал до сих пор меня не вызвал, значит, могу позволить себе ещё немного ночных прогулок.

Сканирую пропуск, прохожу несколько коридоров и останавливаюсь у двери своей комнаты. Вставляю ключ в замок, когда за спиной раздаются торопливые шаги.

— Капитан Гейзэл, простите! — окликает меня дежурный.

Оборачиваюсь.

Он подходит ближе и протягивает небольшую коробку.

— Вам просили передать.

С подозрением смотрю на неё.

О, бомба?

— От кого?

— Не могу сказать. Мне просто велели передать. Посылку проверили сканером, ничего подозрительного не обнаружили.

Замечательно. Тайные посылки посреди ночи. У нас что, Новый год?

Беру коробку, благодарю дежурного и захожу в комнату. Закрываю дверь, кладу подарок на стол и несколько секунд просто смотрю на него.

Интересно. Кто-то решил порадовать меня или у меня очередная проблема, которую пока не успели обозначить?

А когда меня вообще радовали, начнём с этого.

Я никогда не получала подарков. Мои дни рождения не праздновались, даже в отряде никто не знает, когда у меня

оно. Я сама попросила не распространять эту информацию.

Так что это ещё такое?

Осторожно открываю крышку. Внутри лежат записка и кулон.

Сердце начинает биться быстрее. Беру бумажку и разворачиваю сложенный листок.

«Кажется, такими детскими игрушками ты пыталась сделать мне пластическую операцию носа, малыш».

Я медленно улыбаюсь.

Достаю кулон.

На серебряной цепочке висит небольшая подвеска с двумя миниатюрными кастетами.

Это брелок Киллиана…

Как он его переделал?

Несколько секунд просто держу украшение на ладони, разглядывая его под тусклым светом лампы.

Он помнит.

Помнит тот спарринг, мою попытку испортить ему нос и собственную шутку, которую я уже давно успела забыть. И вместо того чтобы дальше носить этот брелок, взял и превратил его в украшение.

Для меня…

Пальцы осторожно касаются серебряных подвесок. Металл прохладный, гладкий. Провожу по ним подушечкой большого пальца, затем переворачиваю кулон, рассматривая каждую мелочь.

И вдруг понимаю, что не знаю, что делать с этим чувством.

Мне никогда ничего не дарили.

Ни украшений, ни игрушек. Даже какой-нибудь нелепой безделушки, которую можно хранить просто потому, что кто-то однажды выбрал её для меня.

В детстве я не знала, каково это — получить что-то без причины. Не за хорошее поведение, не за выполненное поручение, не в обмен на услугу. Просто потому, что кто-то подумал обо мне.

Кто-то увидел маленькую вещь, вспомнил меня и решил, что я должна её получить.

Я опускаюсь на пол, прислоняясь спиной к стене. Цепочка остаётся в ладони. Снова читаю записку.

«Малыш».

Господи…

Я ведь даже не знаю, почему именно эта маленькая коробка так сильно меня задела.

Может, потому что Киллиан не спросил, хочу ли я подарок. Не стал выяснять, понравится ли мне. Он просто сделал это. Запомнил какую-то глупость из прошлого и превратил её в нечто, что теперь принадлежит мне.

И впервые за долгое время мне хочется не отшутиться, не отмахнуться, не спрятать эмоции под привычной маской.

Мне хочется сохранить эту вещь.

Носить её.

Знать, что она появилась у меня не случайно.

Слёзы начинают катиться по щекам. Я пытаюсь вытереть их тыльной стороной ладони, но они продолжают появляться.

Беззвучно плачу, сжимая кулон.

И дело вовсе не в серебре. Не в цене подарка и даже не в самой записке.

Мне больно от осознания того, сколько лет я прожила, не получив ничего подобного. Сколько раз убеждала себя, что мне ничего не нужно, что я прекрасно справляюсь сама, что привязанность только мешает.

А сейчас какой-то человек, от которого я старательно держусь подальше, одним небольшим подарком заставил меня вспомнить ту девочку, которой когда-то тоже хотелось, чтобы о ней просто подумали.

Я прижимаю кулон к груди и закрываю глаза.

И тут в голове вспыхивают слова из дневника.

«Сегодня у меня появился друг. Его зовут Кай».

Улыбка исчезает.

Обрывки фраз. Чужие голоса, металлический лязг. Воспоминания, которых у меня нет, но которые не дают покоя.

Я резко открываю глаза.

— Чёрт…

Нет. Только не сейчас.

Дыхание становится частым, сердце начинает колотиться. Комната словно сужается вокруг меня, а слова из дневника

снова и снова звучат в голове.

Его зовут Кай.

Я втягиваю воздух и пытаюсь сосредоточиться на настоящем. Холодный пол под ногами. Стена за спиной. Серебряная цепочка в ладони.

Нужно успокоительное.

Немедленно.

Но даже когда пытаюсь заставить себя подняться, пальцы не разжимаются. Я продолжаю сжимать кулон. Сейчас это единственное, что связывает меня с настоящим.

Нажимаю кнопку экстренного вызова на часах.

Воздуха не хватает. Делаю попытку вдохнуть, но грудь сдавливает всё сильнее. Убираю подвеску во внутренний карман, осторожно, почти машинально, стараясь не повредить цепочку.

Поднимаюсь, но ноги подкашиваются. Хватаюсь обеими руками за край стола. Перед глазами темнеет. Комната теряет очертания, свет расплывается.

Последнее, что успеваю увидеть, — дверь, распахнувшуюся с такой силой, что она ударяется о стену.

В комнату вбегают Рик и Киллиан.

Кто-то выкрикивает моё имя.

Чувствую, как меня подхватывают на руки.

А дальше…

Темнота.

Глава 27

ЭРИКА

«22 октября. 36 дней до выхода в Чёрный Квадрат»

Сегодня день выездного задания.

После короткого разговора с генералом, получаю вводные данные и направляюсь в кабинет, где меня уже ждут «Зевс» и «Тёмные призраки». До выезда остаётся около часа, поэтому времени на долгие обсуждения нет.

Цель — рабочий объект в пятидесяти километрах от Рейтауна. По данным разведки, внутри находится группа людей, занимающихся незаконными исследованиями. Предположительно, около сорока человек: вооружённые головорезы, мародёры и несколько учёных, чья деятельность вызывает немало вопросов.

Приказ простой: взять объект под контроль, изъять препараты и документы, обнаружить возможных заложников и эвакуировать их.

Последний пункт для генерала означает не «попытаться», а сделать всё возможное, чтобы каждый заложник вернулся живым.

О боже, дай бог самим вернуться. После всех последних событий, вопросов и преследований я уже не так уверена в благополучном исходе.

Вхожу в кабинет. Фил стоит у большого стола с разложен-

ной картой. Рядом Карн и Дел изучают информацию на планшете. Остальные рассаживаются вокруг, ожидая приказов.

— До выезда меньше часа, поэтому слушаем внимательно, — говорю я, положив оставшиеся документы на стол.

Фил касается карты и увеличивает изображение здания.

— Призраки выдвигаются первыми. Через тридцать пять минут следом отправляемся мы. Сначала они проверяют периметр, затем подъезжаем мы и занимаем позиции вокруг объекта. Входы и возможные пути отхода контролируем отдельно.

Он отмечает несколько точек на карте.

— Здесь основной вход. Здесь погрузочная площадка. По предварительным данным, есть ещё служебный выход с северной стороны. Подтверждения пока нет, — сообщает Фил.

— Том, твоя задача — перехватить изображение с камер и получить доступ к системе безопасности, — показываю на него. — Если получится, отключи внешнее наблюдение и заблокируй передачу данных наружу. Но не трогай питание раньше времени. Нам не нужно, чтобы они поняли, что к ним кто-то приближается.

— Принято, — отзывается Том.

— Ян, Рик, ваша работа прежняя. Проверяете периметр и прикрываете группу. Дмитрий и Эйм идут первыми. Я и Кай — следом. Дистанцию между группами сохраняем, но визуальный контакт не теряем.

Киллиан молча кивает.

— Каковы риски?

— Высокие, Эйм, — отвечает Дел, передавая Карну планшет. — Около сорока человек внутри и на территории. Среди них вооружённые преступники и несколько учёных. Точное количество людей, оружия и заложников неизвестно. По данным разведки, объект используется не только для исследований. Там могут хранить препараты и материалы, которые нельзя оставлять на месте.

— Значит, работаем быстро, — подытоживает Фил. — Но без самодеятельности. Слишком опасно. Если ситуация меняется, докладываем по связи.

Как я уже успела узнать, все «Призраки» — снайперы. Что вполне логично: если их никогда не видно, значит, они работают на расстоянии.

Пол, в свою очередь, хакер, как и Том. Только в отличие от него Том не всегда выходит с нами на задания. Обычно он следит за нашим передвижением и местоположением, оставаясь в машине. Но если ситуация становится критической, как стрелок он бесподобен.

Я обвожу взглядом обе команды.

— Мы вас будем видеть, Фил?

— Нет, малая. Вы даже не узнаете, где мы.

Он дарит мне свою фирменную улыбку. Остальные поддерживают его.

Что ж, очень надеюсь, что мы хотя бы не запутаемся в собственных командах.

Наша задача — войти, забрать нужное, вывести тех, кто не должен там находиться, и лишить противника возможности продолжать работу объекта. При этом самим не лечь в землю.

План звучит просто. На практике всё, как обычно, может пойти к чёрту. Карфаген тому прекрасный пример.

Сейчас наше положение несколько лучше, а подготовка куда серьёзнее. Поэтому я всё-таки надеюсь на хороший исход.

К 19:30 я уже переоделась.

Новая форма отличается от привычной: глубокий чёрный цвет, плотная ткань, усиленный бронежилет с дополнительной защитой груди и спины. Весит всё это прилично, но лишняя броня в подобных операциях точно не помешает.

Проверяю снаряжение по списку.

Два пистолета в кобурах на бёдрах, ножи в берцах и на поясе, кастеты в кармане, дополнительные магазины. Проверяю крепления, рацию, гарнитуру.

И часы.

На запястье — устройство с кнопкой экстренной передачи координат. Если ситуация станет критической, сигнал уйдёт на командный канал. Том и Пол получат мою геолокацию и передадут её остальным.

Проверяю кнопку, затем возвращаюсь к команде.

Мы загружаем оборудование в машины. «Призраки» отправляются первыми, чтобы проверить подходы и занять по-

зиции. Мы остаёмся ждать подтверждения.

Рик поправляет ремень бронежилета и оглядывает нас.

— Чёрта с два. Сегодня все обязаны вернуться живыми.

Я выгибаю бровь. Будто собиралась к другому исходу.

— Да ладно, а я планировал остаться там навсегда, — усмехается Дмитрий, делая последнюю затяжку перед тем, как выбросить сигарету.

— Эри, — вмешивается Том, — главное, помни, что ты не Бэтмен. Мы тебя знаем.

— Может, это моя ночная подработка.

— Не, Мефисто, я бы поверил, что твоя подработка сонный паралич, но точно не быть Бэтменом.

— Ах ты поганец! Я тебя забуду в засаде, Рик.

Все разражаются смехом, а я бросаюсь за ним, пытаясь шлёпнуть по рукам. Рик резко останавливается, и я едва не врезаюсь в него. В следующую секунду запрыгиваю ему на спину, обхватывая шею в шутливом захвате.

— Отлично. Командный дух восстановлен. Только не убей его, Эрика.

В наушнике раздаётся короткий сигнал.

— «Зевс», приготовиться к выдвижению, — сообщает Фил по общему каналу. — Периметр предварительно проверен. Ожидайте подтверждения перед выходом из транспорта.

Мы рассаживаемся по машинам.

Двери захлопываются, двигатель начинает работать почти

бесшумно. Фары не включаем: маршрут проложен так, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Слава всем богам, что нам не приходится тащиться больше 250 километров, как в Карфаген. Потому что слушать всю дорогу трёп Рика и Киллиана — занятие энергозатратное. Оба не могут заткнуться с момента, как мы сели в машину.

— Если вы будете так орать, автобус лопнет.

— Малыш, не переживай. Скоро ты тоже будешь орать, только в другом месте, — произносит Киллиан и медленно улыбается.

Я поворачиваю к нему голову.

Вот же ублюдок.

— О нет, о нет! Это что, разврат на рабочем месте? Димон, открой окно, тут слишком жарко! — тут же оживляется Рик, махая рукой возле своего лица

— Вы совсем идиоты?

Я кидаю в Рика и Киллиана бутылку воды — они ржут как два придурка, и я реально готова их пристрелить.

Но смех быстро гаснет, потому что до объекта остаётся всё меньше, и каждый метр теперь решает всё. В салоне окончательно гаснет свет — темнота становится плотной, почти осязаемой. Дмитрий впереди сверяется с координатами, слышны только сухие щелчки экрана и писк локатора. Ян и Эйм о чем то тихо говорят, а я в этот момент чувствую чужую руку на своём колене.

Пальцы осторожно сжимают его, пробуют на ощупь. Я прикрываю глаза, убеждая себя, что мне показалось. Но ладонь не исчезает — наоборот, скользит выше, медленно, нагло, не спрашивая разрешения.

Блядь. Что ты творишь?

Я стараюсь не дышать слишком громко, не двигаться, но внутри уже всё горит. И вместо того чтобы оттолкнуть его, решаю подразнить. Рука скользит под рюкзак на его коленях, и я веду пальцы вверх по бедру. Киллиан начинает дышать тяжелее, и у него хреново получается делать вид, что всё нормально.

Прохожусь пальцами по выпуклости на его штанах — он опускает голову и медленно, хищно улыбается. Сжимаю член сквозь ткань, и из его горла вырывается тихий, рык. Блять, нас же спалят. Но я не останавливаюсь. Провожу по стояку ещё раз, чувствуя, как он твердеет под моими пальцами. В ответ его ладонь поднимается по моей ноге выше, настойчиво, уверенно.

О боже, как хорошо, что мы сидим сзади и спинки передних сидений скрывают нас от чужих глаз.

Он медленно надавливает на мою киску прямо через ткань брюк. Я развожу ноги чуть шире, молча умоляя продолжать. Пальцы делают несколько круговых движений, и я сжимаю зубы, чтобы не застонать. В трусиках уже мокро, и в ответ я только сильнее сжимаю его член.

Киллиан отводит руку — и запускает её прямо в мои брю-

ки.

Господи. Я готова закричать. Пальцы находят клитор, нежно массируют его, дразнят, доводят до исступления. Я прикрываю рот свободной рукой, но дыхание сбивается, становится рваным, горячим. Вот же чёрт.

Эрика, ты окончательно потеряла мозги?

Он мучительно дразнит мой вход, и я не выдерживаю — подаюсь бёдрами вперёд, навстречу его пальцам, готовая раствориться в этом безумии прямо здесь, в темноте, под носом у остальных.

И тут в наушнике раздаётся голос Фила:

— «Зевс», мы на точке. Приготовиться к высадке. До команды не двигаться.

Я резко открываю глаза.

Блядь. Вовремя. Можно было подождать?!

Мы начинаем подниматься, и Киллиан наконец убирает рюкзак с коленей. Рик кидает быстрый взгляд на его штаны и произносит:

— Килл, брат, в следующий раз прячь ствол в кобуру, а не в карман.

Я мгновенно чувствую, как к щекам приливает жар.

Извращенец.

Нет, серьёзно. Этому человеку обязательно нужно объявлять на всю машину обо всём, что он замечает?

Перевожу взгляд на Киллиана. Тот, кажется, совершенно не смущён. Более того, на его лице появляется самодоволь-

ная улыбка, от которой мне хочется придушить его.

Ненавижу обоих.

— Рик, когда-нибудь я тебя всё-таки тресну тебя, — шиплю сквозь зубы.

— Главное, не при всех, Мефисто. А то Киллиан приревнует.

— Да закройся ты уже, — и отпускаю перчаткой удар ему по плечу.

Машина окончательно останавливается. Мы надеваем балаклавы, проверяем снаряжение и покидаем транспорт.

На улице темно. В нескольких десятках метров виднеется здание, вокруг которого горят редкие фонари. Остальная территория погружена во мрак. Вокруг — деревья, густые кустарники и высокая трава.

Главное — не наткнуться в этой заросшей местности на какую-нибудь подозрительную хрень. С моим везением это реально.

Голос Фила снова раздаётся в гарнитуре:

— «Зевс», контроль связи. Докладываем по очереди. Том?

— На связи. Подключаюсь к внешним камерам.

— Ян?

— Северный сектор. Движения пока нет.

— Рик?

— Западный подход чист. Визуально подтверждённых целей нет.

— «Призраки», доложите обстановку, — просит Фил.

Несколько секунд в эфире тихо. Затем раздаётся спокойный голос Карна:

— «Призраки» на позициях. Восточный и южный секторы под наблюдением. На внешнем периметре обнаружены двое вооружённых. Пока не трогаем, ждём вашей готовности.

— Принято. Оставайтесь на наблюдении.

Все занимают позиции.

— Том, статус системы? — спрашиваю я по внутреннему каналу «Зевса».

— Есть доступ к камерам. Вижу движение внутри, точное количество целей пока не определил. Пробую отключить внешнюю сигнализацию.

— Не спеши. Сначала подтверди, что нас не обнаружили.

— Принято.

Несколько секунд спустя в наушнике раздаётся голос Фила:

— «Зевс», подтверждаю готовность. Начинаем по команде.

Проверяю оружие и смотрю на Киллиана. Он уже полностью собран. Взгляд холодный, внимание сосредоточено на здании.

— Работаем чисто.

— Как прикажешь, капитан.

В его голосе слышится насмешка, но сейчас я не собираюсь реагировать. После того, что происходило в машине, моё

тело до сих пор помнит каждое прикосновение и горит пламенем.

Боже, приди в себя. Ты на задании, а не в постели!

Трясу головой и возвращаю внимание к работе.

— Том, отключай внешнее освещение и систему безопасности. По моей команде.

— Готов.

— Давай.

Свет на территории гаснет.

Почти одновременно в эфире звучит доклад Карна:

— «Призраки», движение у восточного входа. Две цели. Подтверждаю оружие.

— Вижу, — отвечает Фил. — Не открывать огонь, пока не появится угроза.

Слышится короткий шорох. Дымовые шашки скрывают наше продвижение.

Мы начинаем движение.

— «Зевс», внимание. Движение на шесть часов, две цели, — докладывает Ян.

— Принято. Наблюдать. Без лишних выстрелов.

Со стороны восточного сектора доносятся два приглушённых звука.

— «Призраки», две цели нейтрализованы. Периметр удерживаем, — сообщает Карн.

— Принято. Продолжайте наблюдение.

Блядь, их и правда не видно. Ни движения, ни звука. Ни-

чего.

Мы с Киллианом подходим к зданию с противоположной стороны. Дмитрий и Эйм уже у входа, ожидая сигнала.

— Входим, — я показываю им жестом.

Дверь открывается.

Внутри темно, но приборы ночного видения позволяют различить силуэты. Впереди движение. Два человека у коридора, ещё один возле лестницы.

Поднимаю оружие. Раздаются выстрелы. Первая цель падает, вторую нейтрализует Киллиан.

Мы продвигаемся дальше, не задерживаясь. Каждый поворот проверяем перед тем, как двигаться вперёд. Никаких резких движений, никаких разговоров без необходимости.

— Том, доклад, — шепчу в гарнитуру.

— На втором этаже три человека в отдельном помещении. Похоже, заложники. Нужные материалы обнаружены на минус первом. Есть движение в центральном коридоре.

— Принято. Дмитрий, Эйм, проверьте лестницу и второй этаж. Не открывайте огонь, если есть риск задеть заложников.

— Принято, капитан.

Они уходят вперёд. Я двигаюсь следом, Киллиан прикрывает сзади.

Из наушника доносится голос Гарри:

— «Призраки» докладывают: северный выход заблокирован. Две цели направляются к внутреннему коридору. Пере-

хватываем.

— Принято, — отвечает Фил. — Не допустить выхода с объекта.

Впереди раздаются шаги. Затем несколько выстрелов.

Дмитрий коротко сообщает, что коридор чист, и мы продолжаем движение.

Делаю ещё несколько шагов, захожу за угол, когда вдруг чувствую резкое жжение в шее.

Что за…

Ноги становятся ватными. Коридор расплывается перед глазами, а звук в наушниках превращается в неразборчивый гул.

Пытаюсь остановиться, но тело меня не слушается. Пистолет выскальзывает из руки и с грохотом падает на пол.

Киллиан?

Хочу повернуться, посмотреть на него, но не могу удержать равновесие.

Чёрт. Что со мной происходит? Что мне вкололи?!

Последнее, что успеваю заметить, — тёмный силуэт впереди.

Чьи-то руки подхватывают моё обмякшее тело.

А затем наступает темнота.

Прихожу в себя от резкой пощёчины.

Блядь.

Голова раскалывается. Во рту металлический привкус, ру-

ки затекли, а запястья стянуты за спиной. Несколько раз моргаю, пытаясь сфокусировать взгляд. Передо мной Киллиан, Дмитрий и Эйм.

Все трое связаны. Вокруг стоят трое ублюдков в масках.

Один держит меня за подбородок, прижимая к коже лезвие ножа.

— Вы только поглядите, мужики, — хрипло смеётся он. — Да это же ценный подарок. Эта блондиночка сегодня наша!

— Я перегрызу тебе глотку, — выдавливаю я.

Удар приходится по лицу. Голова откидывается в сторону, во рту появляется металлический привкус.

— Тварь!

Следующий удар оставляет на щеке болезненную царапину. Чувствую, как кровь медленно стекает к подбородку.

Ублюдок.

Медленно поднимаю взгляд на Киллиана. Он дёргает руками, пытаясь освободиться. Челюсть напряжена, ноздри раздуваются от тяжёлого дыхания. Его взгляд прикован к человеку, который держит меня.

Стараюсь незаметно пошевелить запястьем. Часы всё ещё на месте. Нужно дотянуться до кнопки. Хотя бы немного.

— Слушай, киска, — произносит второй, стоящий возле Дмитрия. — Нам твои грёбаные сутенёры не нужны. Нахрена вы сюда приперлись?

Он бьёт Дмитрия по колену. Тот резко сгибается и вскри-

кивает от боли. Чёрт. Судя по всему, это наёмные головорезы. Мы в полном дерьме. Если нас не вытащат, меня могут изнасиловать и убить, а остальных просто убьют.

От одной этой мысли внутри всё холодеет.

В голове вспыхивает знакомый кошмар.

Нет.

Только не сейчас.

Пожалуйста, только не снова.

Я пытаюсь вдохнуть, но грудную клетку сдавливает невидимым обручем. На несколько секунд подвал исчезает. Вместо него перед глазами возникают совсем другие стены, другие лица и воспоминания, которые я годами пыталась оставить позади.

Нет. Я не там.

Я здесь.

Сейчас нужно думать. Нужно выбраться. Я не могу позволить себе снова оказаться беспомощной.

Третий ублюдок подходит к Киллиану, хватает его за волосы и запрокидывает голову. Лезвие скользит по шее, оставляя тонкую царапину.

Блядь!

Киллиан издаёт низкий, почти звериный рык. Его мышцы напрягаются так сильно, что наручники впиваются в запястья.

— Спокойнее, приятель, — насмешливо произносит мужчина. — А то твоя подружка расстроится, если мы начнём

с тебя.

Киллиан даже не моргает.

Он смотрит на него так, словно уже вынес приговор.

Нужно что-то делать. Срочно!

Сплёвываю кровь в сторону человека передо мной и улыбаюсь.

— Ты слишком много разговариваешь для человека, которому осталось недолго.

В ответ получаю ещё одну пощёчину. Затем ублюдок хватает меня за волосы и дёргает голову назад.

Боль пронзает кожу головы.

Но в этот момент мои пальцы наконец нащупывают кнопку на часах.

Да!

Нажимаю.

Сигнал уходит.

Теперь остаётся продержаться.

— Грёбаная сучка, — шипит мужчина. — Я сначала заставлю тебя заткнуться, а потом займусь тобой.

Лезвие касается моей шеи. Чувствую, как тонкая струйка крови стекает под воротник.

Второй бросает Дмитрия и направляется ко мне. Одна его рука сжимает мою шею, другая тянется к ремню.

Блядь, только не это.

Пытаюсь отстраниться, но хватка на волосах становится крепче. Чужие руки касаются моей одежды, и я чувствую,

как расстёгивается молния бронежилета.

Сука, надеюсь нож не выпадет из под бронежилета на спинке. Это будет очень плохо.

— Киска, да ты знаешь, как тебе не повезло?

Я отворачиваю лицо, пытаясь избавиться от его прикосновений.

— Убери от меня руки!

Дмитрий начинает дёргаться, пытаясь подняться, но его резко хватают и оглушают ударом.

— ДИМА!

Мой крик срывается на хрип.

Он падает на бок вместе со стулом и больше не двигается.

Нет.

Нам конец. Где, чёрт возьми, остальные?!

Один из мужчин наклоняется ко мне. Я чувствую его дыхание возле лица и изо всех сил пытаюсь отвернуться.

— Не дёргайся. Так будет проще.

Меня начинает трясти.

Я больше не чувствую себя капитаном. Не чувствую себя бойцом. Передо мной не противник, которого можно победить, не очередная угроза, которую можно устранить.

Я просто хочу, чтобы это прекратилось. Хочу выбраться отсюда.

Хочу, чтобы Киллиан был жив.

И в этот момент подвал сотрясает его крик:

— НЕ СМЕЙ, ТВАРЬ!

Резко поворачиваю голову.

Киллиан рвётся вперёд с такой силой, что крепление на его руках не выдерживает. Он освобождается, даже не обращая внимания на повреждённые запястья.

Боже он разломал наручники?!

Всё происходит настолько быстро, что я едва успеваю следить за происходящим. Он выхватывает спрятанный нож с броника и бросается на ближайшего противника.

Короткое движение.

Мужчина падает.

Второй пытается поднять оружие, но Киллиан оказывается быстрее. Раздаётся глухой удар, и тот валится на пол.

На несколько секунд в подвале становится тихо.

Третий отпускает меня и пытается отступить.

Но Киллиан уже рядом.

Он хватает его за одежду и с силой бросает обратно. Мужчина падает, пытается подняться, закрывая лицо руками.

Он не останавливается.

Удар.

Ещё один.

Он не слышит ни криков, ни мольбы остановиться. Я смотрю на него, не в силах двинуться.

Это не тот Киллиан, которого я знаю. Не тот мужчина, который несколько минут назад сидел рядом со мной в машине и улыбался, когда я пыталась его подразнить. Сейчас передо мной совершенно другой человек.

И мне становится страшно.

Блядь.

Нет.

Он сошёл с ума…

— Кай, остановись!

Он не реагирует.

— КИЛЛИАН!

Ничего.

Он продолжает избивать мужчину, который уже почти не сопротивляется. В его движениях больше нет холодного расчёта. Только ярость. Следом он поднимает нож и начинает кромсать все…

Дикий крик прорезает весь подвал, он закладывает уши, но Киллиан не перестает этого делать. Красные брызги разлетаются повсюду, заливая все рядом.

— Кай, пожалуйста!

Мой голос дрожит.

Он не слышит.

Я дёргаюсь, пытаясь освободить руки, но верёвка только сильнее затягивает руки.

Нужно, чтобы он прекратил!

Боже, пусть он остановится!

— КАЙЕРТОН, ЭТО ПРИКАЗ!

На этот раз он замирает. Медленно поворачивает голову в мою сторону.

На лице всё ещё напряжение, губы растянуты в странной,

почти неестественной усмешке. Взгляд тяжёлый, затуманенный яростью.

Он отпускает мужчину, который без сил падает на пол.

Затем направляется ко мне.

Чёрт.

Чёрт!

Он действительно опасен. Не просто жестокий головорез, каким я привыкла его считать. Сейчас передо мной человек, который перестал различать, где заканчивается угроза и начинается всё остальное.

Киллиан останавливается напротив меня.

Я невольно отстраняюсь.

Он замечает это.

На мгновение его выражение меняется, будто он пытается понять, почему я от него отодвинулась.

Окровавленная рука медленно поднимается к моим волосам.

Я замираю.

Пальцы касаются светлых прядей, осторожно убирая их с лица. На белых волосах остаются красные следы.

Господи.

Что он делает? Пожалуйста, приди в себя. Это же Киллиан. Он не причинит мне вреда. Верно? Но я не могу заставить себя перестать дрожать. Он смотрит на меня ещё несколько секунд, затем опускает взгляд к моим связанным запястьям.

Нож оказывается возле верёвки.

Одно движение — и она падает на пол.

Я осторожно растираю затёкшие руки.

Киллиан убирает нож и приседает передо мной.

— Эр, малыш…

Его голос звучит совсем иначе. Хрипло, с надрывом.

Глаза поднимаются.

Он касается моей щеки, стараясь не задеть повреждённое место.

— Посмотри на меня.

Смотрю.

— Ты цела?

Хочу ответить, но вместо слов из горла вырывается неровный вдох.

Он замечает, и его пальцы на мгновение замирают.

— Всё. Я здесь, — произносит он тише. — Они больше тебя не тронут.

Я киваю, хотя до конца ещё не верю, что всё закончилось.

Он осторожно подхватывает меня на руки. Прижимаюсь к его груди, слыша бешеный стук сердца. Его дыхание всё ещё тяжёлое и неровное. Дмитрий приходит в себя, морщась от боли. Эйм осматривает помещение, а затем переводит взгляд на Киллиана.

Оба молчат.

Я тоже.

Не знаю, чего бояться сильнее: того, что Киллиан сделал с этими людьми, или того, каким бережным он становится,

когда прижимает меня к себе.

Сущий ад.

Но что-то изменилось. И я пока не понимаю, что именно, или все таки я словила секундную галлюцинацию?

Что-то было с его глазами…

Глава 28

ЭРИКА

В подвал врываются Рик и Ян, держа автоматы наготове. Вовремя. Более чем вовремя.

Они на мгновение замирают, обводя помещение внимательными взглядами и пытаясь оценить происходящее. Зрелище, мягко говоря, не из приятных. Особенно если учесть, что все три трупа появились здесь благодаря двухметровому всаднику Апокалипсиса, который до сих пор не выпустил меня из своих рук.

Не знаю, чем всё могло закончиться, если бы Киллиан не вмешался. И, честно говоря, даже не хочу об этом думать. Мне и без того хватило пережитого, чтобы окончательно испортить собственную психику. Моя голова уже повидала слишком многое, а сегодня ей явно досталось ещё больше.

Если поставить передо мной выбор: получить пулю или подвергнуться подобному насилию, я без колебаний выберу первое. По крайней мере, это было бы быстрее. Гребаные ублюдки должны гореть в аду заживо за то, что делают подобное.

Тем временем Ян осторожно освобождает Диму и помогает ему подняться. Только теперь я замечаю, насколько сильно повреждена его голова. Эйм же, кажется, всё ещё находится в состоянии аффекта.

А Киллиан…

Киллиан продолжает держать меня на руках, совершенно не собираясь отпускать. Мои ноги по-прежнему обвивают его талию, а его руки крепко поддерживают меня, что стоит ему хотя бы на секунду ослабить хватку, и я снова могу исчезнуть из его жизни.

Он даже не пытается скрыть нашу близость от остальных.

Да ему, похоже, вообще плевать, кто на нас смотрит.

— Никто больше не тронет тебя пальцем. Никогда, — тихо шепчет он мне на ухо.

Голос спокойный, почти ласковый, но за этой мягкостью я чувствую совсем другое. Его руки напряжены до предела, дыхание тяжёлое и неровное, а пальцы впиваются в моё тело так крепко, словно он всё ещё пытается защитить меня от невидимой опасности.

На его запястьях и лице кровь. На одежде — чужие следы, а взгляд до сих пор кажется непривычно тёмным. В нём ещё не угасла та ярость, с которой он расправлялся с теми, кто посмел ко мне прикоснуться.

Я не нахожу слов.

Да и что я могу сказать человеку, который только что снова спас мне жизнь?

Мой взгляд невольно опускается к его рукам. Кожа на запястьях разорвана, местами глубокие порезы уже залиты кровью. От таких повреждений наверняка останутся заметные шрамы. Он сам едва ли не весь изранен, но, кажется, но

собственная боль его не интересует.

Вместо этого его пальцы осторожно касаются моей головы. Он бережно проводит ими по волосам, приглаживая растрепавшиеся пряди и снова прижимая меня к себе. В этом движении столько нежности, что на секунду мне становится трудно дышать уже по другой причине.

Я чувствую, как кровь из его ран медленно стекает по моим волосам, пропитывая отдельные пряди. И мне становится ещё тяжелее.

Он ранен. Ему больно. Его собственные руки едва выдерживают последствия произошедшего, но всё, что сейчас имеет для него значение, — это я.

То, что я нахожусь в его объятиях. То, что всё ещё могу дышать. То, что со мной ничего непоправимого не случилось.

И, кажется, только сейчас я начинаю понимать, насколько сильно он испугался меня потерять.

В наушнике раздаётся голос Фила:

— «Зевс», докладываю: территория зачищена. «Призраки» подтвердили, внешний периметр под контролем. Угроз больше не обнаружено.

— Принято, — отвечает Рик, закончив освобождать Дмитрия.

Я наконец пытаюсь пошевелиться, но Киллиан лишь крепче придерживает меня за спину.

— Килл, можешь поставить меня.

Он опускает взгляд на моё лицо, внимательно изучая каждую черту, проверяя, действительно ли я в порядке. Только после этого осторожно опускает меня на ноги, не убирая рук с моей талии.

— Сама стоять можешь?

— Нет. Прошу пригнать мне инвалидную коляску прямо сюда и довезти до машины.

Уголок его губ едва заметно приподнимается, но улыбка быстро исчезает.

Он достаёт свою маленькую аптечку, смачивает стерильную салфетку антисептиком и осторожно проводит ею по порезу на моей шее. Я невольно вздрагиваю.

— Больно?

— Нет, мне нравится, когда трогают порезы.

Киллиан наклоняется к моему уху, а его рука резко сжимает ткань на моей талии, притягивая меня ближе.

— Малыш, не вынуждай меня закрыть тебе рот прямо здесь.

Подлец. На уме только одно, что за разврат?

— Что там с остальным, Рик?

— Всё чётко, Мефисто. На территории было меньше людей, все устранены. Заложники целы, готовы к отправке.

Отлично. Не знаю, сколько времени мы провели без сознания, но трое убитых подонков успели немного отвлечься, занявшись нами. Впрочем, их судьба была предрешена ещё до нашего появления. Подобной грязи расплодилось слиш-

ком много, а расплачиваются за это невинные люди.

Ян подходит к Киллиану с плотными бинтами. Его запястья необходимо срочно перевязать, не дожидаясь возвращения на базу, иначе есть риск занести инфекцию. Раны глубокие, поэтому откладывать обработку нельзя.

От собственной обработки лица я отказалась. С этим маскарадом уже смирилась и даже начинаю считать, что он мне идёт больше, чем милое личико. Что поделать, кому надо, тот и такую полюбит. Мы всё-таки на серьёзной работе, а не флористы в магазине цветов.

— Материалы собраны, — сообщает Гарри по рации. — Задание выполнено. Заряды установлены, группа готова к отходу.

— «Зевс», всем покинуть объект. Проверить состав группы и подтвердить готовность, — приказывает Фил.

Я осматриваю бойцов, убеждаюсь, что все на месте, и нажимаю кнопку передачи:

— Капитан Гейзэл на месте. Все бойцы «Зевса» учтены. Готовы к отходу.

— «Призраки» подтверждают готовность, — звучит голос Карна. — Периметр чист.

— Отходим. Подрыв после выхода всех групп на безопасное расстояние, — приказывает Фил.

Мы покидаем здание и рассаживаемся по машинам. Киллиан занимает место рядом со мной. Он молчит, но его рука по-прежнему не выпускает моей. Я не пытаюсь отстранить-

ся. Наоборот, постепенно расслабляюсь и позволяю голове опуститься ему на плечо.

Вот оно какое — чувство безопасности. Когда рядом есть человек, который готов убить любого, кто посмеет причинить тебе вред.

Рик и Ян ещё раз обрабатывают Диме голову, а Эйм расспрашивает, что происходило, пока нас не было в сознании. Оказывается, мы провели в отключке около получаса. Всё это время Ян, Том и Рик вместе с «Призраками» зачищали территорию. Некоторым бойцам даже пришлось покинуть укрытия, чтобы помочь остальным.

— Том ты красавчик, лучший стрелок. — отзывается Эйм.

Хреново, что нас взяли. Чувствую себя сыром в мышеловке. Слишком легко мы попались, и мне совершенно не нравится осознавать, насколько беспомощными оказались в тот момент.

Примерно через километр позади раздаётся глухой взрыв. В зеркале мелькает яркая вспышка, а следом в небо поднимается столб дыма.

Объект уничтожен.

Задание выполнено.

Но внутри меня нет ни удовлетворения, ни облегчения. Только усталость и неприятное ощущение, что мы продвинулись на один шаг вперёд, так и не приблизившись к главному ответу.

Кто стоит за происходящим? Что именно скрывали на этом объекте? И как всё это связано с тем, что случилось с Киллианом?

Мы обязаны выяснить правду. Это и есть наша настоящая цель.

По возвращении я направляюсь прямо к генералу. Нужно доложить о выполнении задания и получить дальнейшие распоряжения.

Переодеваться не собираюсь. На мне всё ещё чёрная тактическая форма в красных пятнах, лицо разбито, а на шее красуется свежий порез.

Плевать. В таком виде я хотя бы соответствую обстановке.

Открываю дверь кабинета и вхожу.

Генерал стоит возле доски, изучая какие-то записи. Услышав шаги, он оборачивается. Его взгляд скользит по моему лицу, задерживается на шее, щеке, а затем возвращается к глазам.

Он не задаёт ни одного вопроса.

— Креативный вид для визита к командованию, — замечает он.

— Мне тоже нравится. Думаю, элегантно.

— Гейзэл.

В голосе появляется предупреждение. Моя проблема в том, что рот комментирует всё, что попадает в поле зрения, а вовремя закрыть его получается далеко не всегда.

Я отворачиваюсь. Не собираюсь сейчас обсуждать соб-

ственный внешний вид, особенно с человеком, у которого наверняка найдётся ещё десяток вопросов.

Генерал вздыхает и возвращается к делу.

— Заложников доставили в медблок. Состояние троих пока уточняется, подробный отчёт я получу позже. Материалы и препараты переданы специалистам. Как только появятся результаты, тебя проинформируют.

— Поняла.

Он ненадолго замолкает, поворачиваясь к экрану. Я уже собираюсь спросить, могу ли идти, когда он произносит:

— Кайертон вёл себя вменяемо?

Я мысленно усмехаюсь.

Вменяемо? Да этот человек недавно превратил подвал в кровавую бойню. Если бы я его не остановила, от троих ублюдков, вероятно, остались бы только воспоминания и пятна на полу. Хотя пятна почти там и остались.

Бедный Эйм теперь к нему ни на шаг не подойдёт, а они ещё и спят в одной комнате. Смешно, но Киллиан действительно сущий кошмар.

— Да, — отвечаю я.

И тут же мысленно добавляю:

Ой, блядь. Что я несу?

Генерал внимательно смотрит на меня, слегка прищурившись.

— Ты знаешь, кто он такой. Мне знакомы его характеристики и послужной список. Его прежний отряд был профес-

сиональным подразделением. Жестоким, но эффективным.

Да ладно? Мне ли не знать.

— Что с его приступами? — быстро перевожу тему, потому что разговор мне категорически не нравится.

Лицо генерала меняется. Совсем немного, но я замечаю, как напрягается его челюсть и сжимается кулак.

Вот оно.

— Пока они не повторялись, — отвечает он. — Это всё, что я могу сказать на данный момент.

— Вы знаете больше, чем говорите.

Он медленно поворачивает голову в мою сторону, услышав напористость в голосе.

В действительности, что я себе позволяю?

— А ты задаёшь больше вопросов, чем положено капитану, который только что вернулся с задания.

— Хочу знать, что ждет дальше.

— Тогда займись восстановлением. И, пожалуйста, приведи себя в приемлемый вид. Ты как на Хэллоуин собралась, а его уже давно никто не празднует.

О, так я могу возобновить карьеру. Мой имидж уже готов.

— Ничего не обещаю.

Дальше разговор сводится к отчёту о тренировках, новому снаряжению и очередному напоминанию о том, что медицинский блок существует не только для красоты. В последнее время моя безбашенность вышла на новый уровень, и собственное лицо служит тому наглядным доказательством.

Я слушаю, отвечаю на вопросы и одновременно прокручиваю в голове его реакцию.

Генерал что-то знает о состоянии Киллиана. И явно не собирается делиться этой информацией.

Ладно.

Если мне не расскажут добровольно, придётся искать другие способы.

И тут в голове возникает очередная совершенно конченная идея.

Выкрасть медицинские данные Кайертона у врача.

Боже, я просто идиотка. Меня когда-нибудь отсюда выпрут. Если кто-нибудь узнает, мне влетит по самое не хочу.

Но я ведь никогда не отличалась особой любовью к послушанию.

В комнате я наконец снимаю форму и отправляюсь в душ.

Горячая вода стекает по телу, смывая грязь, пот и засохшую кровь. Я аккуратно намыливаю лицо, осторожно обходя разбитые участки кожи. Когда мыло попадает на ссадину, больно щиплет, и я морщусь. Вода под ногами окрашивается в бледно красный. Чёртов день.

Хочется смыть не только кровь, но и всё, что произошло в том подвале. Чужие руки, угрозы, крики, взгляд Киллиана, когда он перестал слышать мои приказы.

И то, как бережно он держал меня после.

Я закрываю глаза под струями воды.

Почему рядом с ним всё становится настолько сложным?

Когда он опасен, я должна держаться от него подальше. Когда он заботится обо мне, я не знаю, как реагировать. А когда смотрит так, словно я единственный человек, которого он видит в этом грёбаном мире, мне хочется одновременно ударить его и остаться рядом.

Я, похоже, окончательно сдурела.

Закончив водные процедуры, надеваю чёрную спальную рубашку и выхожу из ванной.

И замираю.

Киллиан сидит на моей кровати, и его взгляд сразу останавливается на мне. Он смотрит так, будто я — единственное, что имеет значение в этой комнате.

Что за день открытых дверей?

— Кажется, ты ошибся комнатой, — говорю я, скрестив руки на груди. — Не вижу здесь твоих вещей.

Он молчит, изучая моё лицо. Затем его взгляд задерживается на шее, где под тонким слоем обработки всё ещё виден порез. Я чувствую, как его взгляд теплеет, становится мягче.

— Ты мог постучать, прежде чем входить.

— Мог, — спокойно соглашается он. — Но тогда ты бы успела придумать, как от меня избавиться.

— А ты, я смотрю, решил не оставлять мне выбора?

— Я решил поговорить.

— Тогда говори.

Киллиан поднимается с кровати. Он двигается медленно,

плавно, как хищник, который не хочет спугнуть добычу.

— Я хочу тебя, — говорит он. — Кажется, дело в машине осталось незаконченным, малыш.

Слова звучат настолько прямо, что на мгновение я теряюсь. Внутри что-то дрожит — не от страха, а от чего-то другого. От предвкушения.

Он подходит ближе и останавливается передо мной. Между нами остаётся всего несколько сантиметров. Я чувствую его тепло, его запах — древесный, с нотками табака.

— Килл...

Ладони ложатся мне на талию. Я чувствую тепло его пальцев даже через тонкую ткань рубашки. Он наклоняется, касается носом моей щеки, и от невинного движения по коже пробегает дрожь.

Чёрт.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я тише, чем собиралась.

— То, что ты хочешь, в глубине своей чертовой души.

Он едва улыбается, но не отступает. Пальцы осторожно касаются моей щеки — так нежно, так аккуратно, будто я сделана из стекла. Сознание начинает пьянеть от его касаний. Я чуть поддаюсь ближе и произношу:

— Если я скажу тебе уйти, ты уйдёшь?

Его улыбка исчезает.

— Да.

Ответ звучит без насмешки. Просто факт. Он действи-

тельно уйдёт, если я попрошу.

Несколько секунд молчу, пытаясь разобраться в собственных чувствах. Вспоминаю подвал, кровь на его руках, безумный взгляд. Затем — его слова у моего уха: *«Никто больше не тронет тебя пальцем. Никогда»*.

Я не знаю, могу ли ему доверять. Но знаю, что сейчас хочу, чтобы он остался. Безумно хочу. Я, наверное, ничего так ещё не хотела.

— Тогда не заставляй меня жалеть об этом, — тихо произношу я.

Киллиан внимательно смотрит на меня, словно проверяет, действительно ли я сказала то, что он услышал.

— Не заставлю, малыш.

Он не торопится. Его рука остаётся на моей талии, а другая осторожно касается шеи, обходя порез. Подушечки пальцев скользят по коже, едва касаясь, и я чувствую, как мурашки бегут по позвоночнику.

Я сама сокращаю расстояние между нами.

Наши губы встречаются. И он берёт меня на руки — легко, будто я ничего не вешу. Мои ноги обхватывают его талию, несколько шагов назад — и мы садимся на кровать.

Поцелуй получается почти осторожным — будто мы оба не уверены, что имеем право на этот момент. Его губы мягкие, тёплые, и он целует меня медленно, изучая, пробуя на вкус. Но затем я запускаю пальцы в его волосы и притягиваю ближе, и вся накопившаяся за последние дни напряжённость

словно прорывается наружу.

Он обнимает меня крепче, одна рука на моей пояснице, другая — на затылке, прижимая меня к себе. Язык встречается с моим, и я чувствую, как его дыхание сбивается. Я тону в нём, в его запахе, в его тепле.

Киллиан целует меня так, словно я — воздух, а он задыхался все эти дни.

Я на мгновение забываю о дневнике, архивах, приказах генерала и собственных страхах, обо всем черт возьми.

Остаются только его руки, тепло его тела и бешеный стук сердца.

Я отстраняюсь первой, пытаясь восстановить дыхание.

— Блядь… Что мы делаем, Килл?

Он касается лбом моего лба. Его дыхание такое же рваное, как и моё.

— То, чего ты сама хочешь, Эр, в глубине своей грешной души.

Я смотрю на него, пытаясь найти в лице привычную насмешку, но не нахожу. В глазах — только желание, голод и что-то ещё. Что-то, что я боюсь назвать.

Он встаёт вместе со мной и сажает меня на кровать. Следующее действие заставляет мои глаза округлиться.

Киллиан встаёт на колени. Прямо передо мной. Стягивает с себя футболку, оставаясь в одних чёрных спортивных штанах. Глаза опускаются на его тело — и я не могу отвести взгляд.

Чёрт. Оно прекрасно до безумия. Каждая линия мышц, каждая тень на коже. Даже шрамы на нём — не изъян, а украшение. История, написанная на его теле.

Он тянется ко мне, и пальцы расстёгивают мою рубашку. Медленно, пуговица за пуговицей, обнажая грудь. Он смотрит на меня — не с голодом, а с благоговением. Как я — что-то ценное.

Горячие губы касаются моего тела. Целуют ключицу, спускаются ниже, к груди. Он берёт сосок в рот и нежно покусывает его, и из меня вырывается стон. Но тут же ладонь прикрывает мой рот.

— Тш, — шепчет он. — Тихо.

Пальцы касаются моих трусиков и стягивают их вниз. Медленно, плавно, я знаю что он наслаждается каждым моментом.

— Килл...

— Малыш, почему ты такая мокрая? Мм?

Длинные пальцы проходятся по влажным складкам, вытаскивая из меня стоны.

Чёрт, как это приятно. Что он делает со мной?

Киллиан наблюдает за моим лицом — как он дразнит меня, как моё тело поддаётся ему.

— Такая реакция на меня, — говорит он тихо. — Твои стоны лучше любой музыки, которая была.

Я не отвечаю. Только хныкаю в ответ.

Его лицо опускается вниз. Язык нежно проходится по мне

— от входа до клитора, — и я чувствую, как искры пляшут в моих глазах. Боже. Я не испытывала подобного.

Киллиан нежно ласкает меня. Язык скользит медленно, плавно, будто он изучает каждую складочку. Губы всасывают клитор, я зажимаю рот рукой, чтобы не закричать, но он только продолжает дразнить. Кажется, что я сейчас кончу, — как он снова замедляется. Останавливается. Смотрит на меня с этой своей ухмылкой.

— Блядь… ммм, Килл...

Мой взгляд ловит, как он запускает руку в штаны и проводит ею вверх-вниз. От этого зрелища я только сильнее возбуждаюсь.

— Малыш, я так хочу трахнуть тебя, — шепчет он. — Хочу, чтобы ты скользила по моему члену и кричала.

О боже.

Киллиан снимает с меня рубашку, оставляя полностью нагой. Взгляд скользит по моему телу — медленно, жадно. Он поднимает меня на руки, заставляя обхватить ногами его талию, и чувствую, как он снимает штаны.

Он действительно хочет сделать это сейчас?

Чёрт.

Он достаёт свой член, берёт в руку и направляет к моему входу. Сначала дразнит — размазывает моё возбуждение по мне, по головке, по клитору. Я выгибаюсь, пытаясь насадиться на него, но он не позволяет.

— Не торопись, — шепчет он. — Я хочу насладиться то-

бой.

А потом он медленно входит.

Мне хочется закричать от его размера — он заполняет меня полностью, растягивая, наполняя до самого конца. Я чувствую, как мои пальцы впиваются в его плечи, как дыхание застревает в груди. Но он быстро закрывает мне рот рукой, насаживая на себя глубже.

— Тшш, — выдыхает он. — Ты же не хочешь, чтобы кто-то услышал, как ты ломаешься от удовольствия, пока я тебя трахаю. Ммм?

У меня закатываются глаза. Он двигается во мне медленно, глубоко, и каждый толчок отдаётся где-то внизу живота. Одной рукой он приподнимает меня, а потом резко отпускает, и я падаю на его член — глубоко, до самого основания.

Удовольствие прокатывается взрывной волной.

— Блядь! — выдыхаю я, но ладонь снова зажимает мне рот.

Его глаза изучают мою реакцию — как я сжимаюсь вокруг него, как дрожу, как слёзы выступают на глазах. И по его безумному взгляду видно, что ему это нравится.

— Ты зальёшь мой член, малыш, — шепчет он. — Ты этого хочешь?

Он начинает направлять меня — сначала медленно, потом быстрее. Его член скользит так плавно, так приятно. Я слышу его тихие стоны, чувствую, как его руки сжимают мою задницу и притягивают к себе для более глубокого проник-

новения.

— О боже, о боже...

— Твой Бог сейчас я, — шепчет он мне в губы. — О других забудь.

Он выходит и садится на кровать. Поворачивает меня к себе спиной и руками сажает на себя. Моя спина прижимается к его груди, его руки разводят мои ноги шире, и проникновение становится ещё глубже.

Губы касаются моей шеи. Целует медленно, проводит языком по коже, оставляя влажные следы. Я чувствую его дыхание — горячее, неровное — и то, как его сердце бьётся у моей спины.

— Блядь, Килл, Киллиан... — стон срывается с меня, и мои руки хватаются за него. Голова откидывается назад, и я выгибаюсь чёртовой дугой.

— Что такое, Эр? — шепчет он. — Я даже не начал. Или ты хочешь глубже?

Рука снова закрывает мой рот ладонью, и он начинает медленно трахать меня. Член растягивает меня полностью, и я слышу, как он тихо стонет мне на ухо. Пальцы проскальзывают к моему клитору, медленно массируя его. У меня бешено бьётся сердце, и всё горит внутри. Я начинаю двигаться на нём, получая двойное удовольствие. У меня плохо получается сдерживаться, и кажется, ещё немного — и я закричу.

Киллиан кусает меня за шею, за плечи, а потом берёт за талию и начинает трахать — быстрее, глубже.

— Блядь, Эр, — выдыхает он. — Я говорил, что ты грёбаный наркотик?

— Ты грёбаный подонок, Киллиан.

Он усмехается, а его зубы смыкаются на моей коже. Он оставляет засосы на шее, на ключицах, на плечах, движения вызывают во мне сумасшедшие разряды. Я начинаю двигаться на нём, и не могу сдержаться, чтобы не закричать.

Он вовремя зажимает мне рот.

Чёрт. Почему я рассыпаюсь на части рядом с ним? Почему мне так хорошо?

— Знаешь, что ты моя, малыш? — он делает толчок. — Знаешь об этом? — ещё один толчок.

— Черт, Килл, я сейчас кончу, прошу...

— Я блядь задал вопрос, Эр.

Рука хватает меня за шею и грубо притягивает к себе, целуя и пожирая мои губы. Язык встречается с моим, и я чувствую, как он углубляет поцелуй.

— Да, — говорю я сквозь стоны. — Да.

Этот ответ срывает с него все замки.

Он переворачивает меня на кровать. Хватает за горло, зажимает мой рот и начинает жёстко трахать. Каждый толчок — глубокий, грубый, собственнический. Слёзы удовольствия катятся по моему лицу, глаза закатываются. Он забирает всё. До последней капли. Всю мою боль, все мысли, всё, что было в моей голове. Он оставляет только себя — своё тело, своё тепло, свой запах.

Несколько грубых толчков — и он изливается в меня. Я чувствую, как его тело содрогается, как он прижимается ко мне, как его лоб касается моего.

Мы тяжело дышим.

— Чёрт, — выдыхает он. — Я потерял голову.

Я смотрю на него — на его лицо, на его глаза, в которых всё ещё горит желание. И чувствую, как моё сердце колотится где-то в горле.

— Ты давно её потерял, — тихо говорю я. — И не переживай из-за того, что кончил в меня. У меня кое-какие проблемы с этим.

Он смотрит на меня, и в его глазах появляется что-то тёплое, почти уязвимое. Но уже через секунду выражение лица меняется. Киллиан медленно поднимает голову, а его взгляд становится серьёзнее.

Да, я не могу иметь детей. Не смогу подарить их партнёру, если такой у меня когда-нибудь появится.

Узнала я об этом лет в восемнадцать. Не могу сказать, что новость сильно меня расстроила. Просто приняла её как данность. Никогда не была большой поклонницей детей, а если посмотреть на наш мир и вспомнить, чем я занимаюсь, вряд ли смогла бы дать ребёнку ту жизнь, которой он заслуживает. По крайней мере, в нормальные времена.

— Ты… — начинает он.

— Да. Можешь не договаривать.

— Хорошо, — тихо произносит Киллиан.

Он не задаёт лишних вопросов и не пытается вытянуть из меня подробности. За это я ему благодарна.

Его взгляд опускается к моей шее, останавливаясь на подвеске, которую мне передали.

Киллиан улыбается и нежно проводит по ней пальцами. Возможно, хочет о чём-то спросить, но пока не решается. Да и я сама не готова открываться ему полностью. Впрочем, никому другому тоже.

Не сейчас.

Киллиан поднимается с кровати и натягивает боксеры. Я наблюдаю за ним, размышляя, насколько разумно будет попросить его остаться хотя бы на одну ночь.

Кто-нибудь может заметить его отсутствие. А возможно, уже заметил. Но Киллиан не идиот — наверняка придумает какое-нибудь оправдание, если понадобится.

Я приподнимаюсь на локтях.

— Килл.

Он оборачивается и поднимает на меня глаза.

— Останешься со мной?

— Ого. Где-то упал метеорит или появились динозавры?

— Закрой рот, пока я не намотала твой язык на винтовку.

Он усмехается, явно наслаждаясь моей реакцией.

Чёрт. Пора заканчивать с этими нежностями, иначе мой образ холодной статуи окончательно рухнет.

— Останусь, малыш.

Я поднимаю с пола свою рубашку и надеваю её обратно.

Киллиан возвращается ко мне, забирается в кровать и устраивается рядом.

Время уже близится к полуночи. До подъёма в пять утра остаётся совсем немного, а впереди тренировки и ещё один тяжёлый день.

Нужно поспать. Хотя бы несколько часов.

И всё же я не могу перестать думать о том, что сделала. Возможно, утром проснусь с кучей вопросов и сожалений. Начну убеждать себя, что совершила ошибку, что не должна была подпускать его так близко.

Но разве не глупо откладывать всё на потом, когда в нашем мире никто не знает, сколько ему осталось?

Мы можем умереть в любой момент. Сегодня, завтра, через неделю. И если уж мне выпал шанс почувствовать что-то помимо боли, страха и постоянной готовности к очередной бойне, почему я должна от него отказываться?

Даже если этот человек пять лет назад был моим кошмаром.

Я поворачиваюсь на бок, устраиваясь поудобнее, и бросаю на Киллиана короткий взгляд.

Он молчит. Не пытается шутить, не задаёт вопросов и не требует объяснений. Просто притягивает меня ближе, устраивая в своих объятиях.

И остаётся рядом.

От этого напряжение понемногу отпускает. Впервые мне не хочется думать о завтрашнем дне, просчитывать возмож-

ные угрозы или искать подвох в каждом движении человека рядом.

Можно просто закрыть глаза.

Ладно, Кайертон. Только не вздумай испортить мне эту ночь.

Глава 29

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Казалось, некоторые вещи нам всё-таки удалось удержать под контролем.

Но нет.

Твой почерк слишком узнаваем. Ты даже не удосужился его изменить. Насколько же сильно у тебя поехала крыша? Ты кромсаешь людей в попытке найти «то самое», хотя прекрасно знаешь, где оно находится. Так что это, если не очередная игра? Попытка отомстить прошлому? Или ты просто решил напомнить мне, что всё ещё жив?

Ты почти уничтожил мир. Твои чёртовы эксперименты и все твои действия привели к тому, что происходит сейчас. Сколько ещё ты будешь играть в эти игры?

Чёртов ублюдок.

Стук открывающейся двери заставляет меня оторваться от документов.

— Простите. Получены предварительные результаты анализа биологических образцов с объекта.

— Докладывайте.

— Биологический агент имеет совпадения с образцами, обнаруженными во время предыдущих исследований. Структура отличается, но основа та же.

Я медленно поднимаю глаза.

— Насколько серьёзные отличия?

— Пока не можем сказать наверняка. Для полноценного анализа потребуется больше времени. Однако есть ещё один момент, который не стоит игнорировать.

— Говорите.

Лаборант ненадолго замолкает.

— Биологический агент, обнаруженный в организме Киллиана Кайертона, практически идентичен тому, который нашли на объекте. Кроме того, в его образцах выявлены следы ДНК капитана Эрики Гейзэл.

Я не сразу отвечаю.

Эрика.

— Объясните.

— Мы пока не можем утверждать, что капитан является носителем. Но её генетический материал присутствует в составе агента. Возможно, он был создан с использованием её биологического материала. В некоторых веществах и препаратах также обнаружены компоненты её биологического материала.

Внутри что-то неприятно сжимается.

Значит, ты всё-таки добрался до неё. Даже спустя столько лет ты хочешь использовать её в своих играх. Ну и подонок же ты.

— Какие варианты? — спрашиваю я, стараясь сохранить спокойствие.

— В первую очередь необходимо получить исходную фор-

мулу агента и разработать вакцину. Возможно, удастся создать препарат, способный остановить его действие. Но для этого нам нужно понять, как именно он был модифицирован.

— Что вы можете сказать о самом агенте?

Он раскрывает папку и кладёт передо мной несколько листов.

— Это искусственно созданное биологическое оружие. Оно отличается от того агента, который распространился двенадцать лет назад. Мы пока не исключаем, что первоначальная катастрофа стала следствием неудачного эксперимента или применения нестабильного образца. Однако доказательств для окончательного вывода недостаточно.

Мои глаза пробегают по документам.

Миллионы погибших. Разрушенные города. Люди, которые до сих пор живут среди последствий чужих решений.

И теперь всё это может повториться.

— На что способен новый агент?

— Судя по предварительным данным, он воздействует не только на организм, но и на нервную систему и психику. Может нарушать передачу нервных импульсов, вызывать изменения поведения и подавлять волю. Кроме того, он способен влиять на память, стирая воспоминания за определённый период или даже полностью лишая человека памяти.

Я медленно откладываю документы.

— Вы хотите сказать, что человек может забыть часть собственной жизни?

— Да. Всё зависит от структуры агента и заложенного в него механизма воздействия. Судя по результатам, его можно настраивать под конкретную задачу. Каждая формула, судя по всему, разрабатывалась индивидуально. Думаю, на это ушёл не один год. Если ситуация повторится, последствия будут в разы хуже нынешних.

В кабинете повисает тишина.

Человек, лишённый собственных воспоминаний. Человек, чьими действиями можно управлять, подавляя его волю. Человек, превращённый в оружие против тех, кого он когда-то пытался защитить.

В куклу, которая даже не понимает, кто держит нити. Марионетку.

Взгляд падает на имя в отчёте.

Киллиан Кайертон.

— Его можно спасти? — спрашиваю я.

Лаборант не отвечает сразу.

Этого молчания достаточно, чтобы мне не понравился следующий ответ.

— Теоретически — да. Но пока у нас нет формулы агента и способа нейтрализовать его действие, мы не можем гарантировать результат. Нам необходимо продолжить исследования. И отдельно разобраться, какую роль в создании этого вещества сыграла ДНК Эрики Гейзэл. Самый страшный исход — если она действительно является носителем. Если это так, её агент пока находится в спящем состоянии. Что про-

изойдёт, если его активировать, неизвестно. Думаю, такую попытку уже предпринимали, но активировать его не удалось.

Я сцепляю пальцы в замок.

— Значит, продолжайте. Мне нужны результаты, а не предположения. И ни одно слово об этом не должно выйти за пределы этого места. Особенно информация об Эрике Гейзэл.

— Разумеется.

— И ещё.

Он останавливается у двери.

— Не подвергайте Гейзэл никаким процедурам без моего прямого разрешения. Ни анализов, ни дополнительных исследований. Вы меня поняли? Не пытайтесь выкрасть или усыпить на время.

— Да.

— Свободны.

Дверь закрывается.

Я остаюсь один, глядя на документы перед собой.

Никто не должен узнать об этом раньше времени. Не сейчас, когда она и без того пытается собрать воедино обрывки прошлого, а Киллиан едва держится на ногах.

Но если мои подозрения подтвердятся, её кровь может оказаться единственным шансом спасти его и не дать погибнуть остальным. И тогда мне придётся решить, как далеко я готов зайти, чтобы не потерять их обоих.

Я откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза.

Двенадцать лет назад ты изменил этот мир.

А теперь ты снова протягиваешь руку к моей семье.

На этот раз я не позволю тебе забрать её. И не позволю забрать тех, кого любит она. Ты испортил ей жизнь, ты угробил её и продолжаешь искать всевозможные пути, чтобы забирать невинные души.

Глава 30

ЭРИКА

«25 октября. 33 дня до выхода в Чёрный Квадрат»

Прошло трое суток с последнего задания. Тренировки продолжались без перерыва, и большую часть времени мы проводили на улице. Постепенно становилось легче, хотя я до сих пор не понимала, как новички вообще выдерживали подобное. Хотя нет, понимала. Никак. Сходили с ума уже на второй день.

«Призраки» уехали на двое суток, а мы остались убирать инвентарь после полосы препятствий. На улице около пяти вечера. Закончив тренировку, мы решили немного расслабиться прямо в лесу. Лёгкий ветер приятно освежал лицо. Я ненадолго прикрыла глаза, вдыхая свежий запах хвои и влажной земли. Впервые за день вокруг было спокойно.

Ну, целых несколько секунд.

Шум за спиной быстро дал понять, что на заслуженную минуту тишины я могу не рассчитывать.

Поворачиваю голову и наблюдаю следующую картину: Килл и Рик носятся между деревьями, «всё те же на манеже», убегая от Дмитрия, а Эйм, Том и Ян смеются так, будто вот-вот задохнутся.

— Какого чёрта у вас происходит?

— Рик не поделил с Дмитрием пачку сигарет. Теперь де-

рутся за последнюю, — объясняет Том, с трудом сдерживая смех.

Как дети, ей-богу. Надеюсь, за конфеты в столовой они хотя бы не устраивают подобных представлений. Хотя и это ещё под вопросом.

— Всё, хватит! Я устал за вами бегать! — возмущается Дима, останавливаясь и упирая руки в бока.

— Да ладно тебе, ты же боец «Зевса», Димон! — смеётся Эйм и достаёт из кармана новую пачку сигарет.

Дима медленно поворачивает голову. Глаза прищуриваются, а руки тут же начинают шарить по карманам и рюкзаку.

— Ах ты жук! У тебя была новая пачка?! Или погоди… Ты что, свистнул её у меня?!

Эйм только шире улыбается и бросает пачку Киллиану. Тот ловит её на лету и тут же срывается с места, скрываясь где-то вдалеке.

О боже, помоги, Господи.

— КАЙЕРТОН, Я ТЕБЯ ПРИБЬЮ!

Первые пятьдесят лет детства у мужиков самые сложные. Теперь я в этом окончательно убедилась. Но у Киллиана и Рика все сто.

Сажусь рядом с остальными, достаю сигарету и прикуриваю. В отличие от некоторых, все мои вещи лежат в надёжно спрятанном месте, и я не ношусь по всему лесу с криками: «О нет, о нет, отдайте!»

— Вы просто клоуны.

— Да ладно тебе, Эри. Давай вспомним старое! Ты забыла, как Ян на дежурстве поскользнулся, когда полы мыл? — Том толкает меня локтем в бок.

Я не выдерживаю и начинаю смеяться.

— Блядь, точно! Ха-ха! Он же тогда ещё штаны порвал!

Ян закатывает глаза, но по его лицу видно, что он тоже едва сдерживает улыбку.

Смех заполняет пространство между деревьями. На несколько минут всё становится удивительно простым. Как раньше. Только мы, лес и наши идиотские шутки…

Но судьба-злодейка подкидывает нам Киллиана, которому обязательно нужно всё испортить прямо сейчас.

— Эй! Идите сюда! Вы должны это увидеть!

Он появляется из-за дерева и машет нам рукой.

Ну и что на этот раз? Нашёл в лесу золотой сундук, а мы теперь должны упасть в обморок от восторга?

Мы поднимаемся и направляемся к нему. Что там такого важного успело произойти за пару минут?

Подходя ближе, понимаю, что лучше бы это был сундук, чёрт возьми. На земле лежит тело.

Обезглавленное.

Улыбка покидает моё лицо.

— Какого хрена?.. — доносится из-за спины голос Тома. Он подходит ближе и замирает рядом с нами.

Да. Это ещё мягко сказано.

Молча осматриваю тело, стараясь не упустить ни одной

детали.

— Эйм, свяжись с дежурными. Пусть пришлют сюда людей. Тело нужно забрать и доставить на экспертизу.

— Принято.

Натягиваю перчатки и приседаю рядом с погибшим.

Тело сильно изуродовано. На первый взгляд можно было бы предположить, что на него напали животные, но повреждения слишком хаотичны, а некоторые раны выглядят так, будто их нанесли намеренно.

Здесь поработал человек. И явно не тот, кто пытался скрыть следы своего присутствия. Похоже, больной или наркоман.

— Его подкинули, — произносит Киллиан, остановившись рядом со мной. — Два дня назад мы бегали здесь по полосе препятствий. В ту же ночь проводили обход. Тогда ничего не было. Значит, тело появилось либо вчера, либо сегодня.

Рик приседает с другой стороны, внимательно изучая повреждения.

— Что нам хотят донести этим?

Киллиан не отвечает сразу. Он осматривает лес вокруг, пытаясь представить, откуда могли принести тело и каким путём ушёл тот, кто его оставил.

— Два варианта, — наконец произносит он. — Либо нам пытаются что-то сообщить, либо предупреждают. Тело могли выкрасть и принести сюда специально, рассчитывая, что

его найдут военные.

— К какому варианту склоняешься? — спрашивает Рик.

— К первому.

Он прав. Что-что, а Киллиан умен. Нам подкинули тело, чтобы донести какую-то информацию. Это не случайная драка и не нападение животных. Кто-то проводил над этим человеком какие-то процедуры, а затем доставил его прямо на территорию, где его гарантированно обнаружат военные. И вполне вероятно, что тело украли.

Недалеко отсюда находится жилое поселение Рейтауна. Возможно, этот человек оттуда. Но тогда получается, что на нашу территорию пробрался чужак. И он может до сих пор находиться здесь.

— Том, — произношу я, не отрывая взгляда от погибшего. — Сделай подробные фотографии. Все повреждения, следы от уколов, одежду. Зафиксируй всё, что может пригодиться.

— Принято.

— Изучим снимки в комнате. А пока никому ни слова об этой находке, кроме тех, кто уже здесь. Сначала выясним, с чем имеем дело.

Он достаёт оборудование и начинает фотографировать тело с разных ракурсов.

Я выпрямляюсь и оглядываю лес. Ветер шевелит ветви над головой. Вокруг тихо, но теперь эта тишина другая. Кто-то проник почти на территорию базы, оставил здесь изуро-

дованный труп и ушёл, не боясь, что его заметят.

Человек самоуверен. Он хотел, чтобы мы его нашли. А что ещё хуже — на базе может быть тот, кто позволил ему это сделать. Но тогда вопрос в другом: какую цель они преследуют?

К нам подходят несколько дежурных и забирают тело. Я обмениваюсь с ними информацией о находке и, попрощавшись, быстро возвращаюсь с остальными в комнату. Нужно внимательно изучить фотографии, пока свежие детали ещё не выветрились из памяти.

Нас ждёт выходной, поэтому я считаю, что это идеальное время, чтобы нарушать приказы и заниматься собственным расследованием. Хоть всю ночь над этим просидеть.

Я просто капитан года.

Том быстро подключает оборудование к монитору и открывает нужные снимки. Перед нами появляется тело, запечатлённое с разных ракурсов. Теперь придётся задействовать всё, что у нас есть, — особенно внимательность.

— Тело посинело. Судя по состоянию тканей, его могли убить примерно четыре дня назад, — говорит Рик, берёт ручку и указывает на экран.

— Следов от уколов до хрена. Особенно посмотрите на шею, — вмешивается Эйм, увеличивая изображение. — Его явно использовали для каких-то экспериментов. Тут, блядь, других вариантов почти нет.

Молча рассматриваю фотографию.

Зрелище отвратительное.

В некоторых местах мышцы повреждены настолько сильно, что видны глубокие разрывы тканей. Тело покрыто порезами, а на руках — многочисленные следы вскрытых вен. Кожа вокруг них изрезана так грубо, что человек, который это делал, даже не пытался соблюдать осторожность.

Или ему было совершенно плевать.

У этого ублюдка явно серьёзные проблемы с головой. И я сейчас не о тех, которые можно решить парой таблеток и беседой с психологом.

Мне доводилось видеть множество трупов. После заданий, зачисток, нападений. Я давно привыкла к крови и смерти, но то, что лежит перед нами на экране, вызывает физическое отвращение.

Это уже не просто изуродованное тело. Это остатки человека, которого кто-то методично превращал в кусок мяса.

Без головы.

По некоторым признакам, погибшая могла быть женщиной или молодой девушкой. Но точно сказать можно будет только после экспертизы. И даже тогда установить личность может оказаться непросто. Возможно, тело выкрали из морга или выкупили для каких-то целей. Сложно сказать.

Откидываюсь на спинку стула, пытаясь избавиться от неприятного ощущения под рёбрами.

Кто-то решил, что имеет право превратить человеческую жизнь в эксперимент. В игрушку для собственного безумия.

Всё это сильно напоминает записи из дневника пленников. Те короткие сообщения, в которых рассказывали о пропавших людях, странных уколах и процедурах, после которых некоторые уже не возвращались.

Секта? Организация? Подпольная лаборатория?

Пока мы не знаем даже названия тех, кто за этим стоит. Но фотографии перед нами подтверждают одно: всё, что было написано в дневнике, вполне может оказаться правдой.

И вдруг в голове всплывает строчка.

«Сегодня у меня появился друг. ЕГО ЗОВУТ КАЙ».

Я замираю.

Мой взгляд медленно перемещается на Киллиана.

Он стоит рядом с Яном и Эймом, увлечённо обсуждая что-то с ними. На лице — привычное выражение, в голосе — насмешка. Он даже не смотрит в мою сторону.

А у меня внутри вспыхивает старое чувство, которое я слишком долго пыталась похоронить.

Чёртово жжение.

А что, если это был он?

Что, если Киллиан действительно находился там, среди тех людей? Если его тоже подвергали подобным экспериментам? Если следы на его теле, провалы в памяти и приступы — не случайность?

Если всё это время он был одной из тех самых игрушек?

Нет.

Нет, сука.

Я не хочу об этом думать.

Но чем сильнее пытаюсь отогнать эту мысль, тем глубже она врезается в сознание.

Он мог пройти через то же самое.

Грудь сдавливает так, что становится трудно дышать. Я чувствую, как начинают дрожать пальцы, и сжимаю ладони под столом, надеясь, что никто не заметит.

Только не сейчас.

Не перед ними.

Не перед ним.

Я не имею права позволить себе подобную слабость. Мне нужно сохранять ясную голову, анализировать факты и искать доказательства, а не сходить с ума от собственных предположений.

Но перед глазами всё равно стоит эта строчка из дневника.

«Его зовут Кай».

Блядь. Блядь. Блядь.

— Эри?

Я не реагирую.

— Эри, ты меня слышишь?

Чья-то рука осторожно касается моего плеча.

Я резко вздрагиваю и поворачиваюсь. Дмитрий смотрит на меня с явным беспокойством.

— Ты чего зависла?

— Ничего.

Голос звучит слишком сухо даже для меня.

Ян наклоняется ближе, внимательно вглядываясь в моё лицо.

— Эри, ты вообще себя видела? У тебя глаза красные. Ты давно отдыхала?

— Я в порядке.

— Конечно, — фыркает он. — А я тогда балерина знаменитого театра, вы знали? Я прекрасно танцую балет.

Я открываю рот, чтобы послать его куда подальше, но вместо этого резко выпрямляюсь.

— АРХИВ!

Том подпрыгивает на месте, а Рик от неожиданности едва не проливает кофе себе на штаны.

— Твою мать, Эрика! — возмущается Том. — Ты решила нас всех до инфаркта довести?!

— Нам нужно попасть в архив!

Все замолкают.

— В какой именно? У нас их тут два, — уточняет Эйм.

— В тот, где хранятся старые медицинские документы, отчёты и материалы по прошлым исследованиям. Если дневник связан с тем, что мы нашли сегодня, там может быть хоть что-нибудь полезное. Мы уже обсуждали это, и я сказала, что подумаю.

Я говорю быстро, почти не делая пауз. В голове уже выстраиваются варианты, один безумнее другого, но я не собираюсь сидеть сложа руки, пока Киллиан, возможно, даже не подозревает, что с ним сделали.

— Ты придумала, как туда проникнуть? — спрашивает Ян.

Я смотрю на каждого по очереди.

— Пока нет.

— Прекрасно, — вздыхает Рик. — То есть мы нарушаем приказ, лезем в закрытый архив и даже не придумали, как туда попасть?

— Именно.

— Обожаю наши выходные, — бурчит Дмитрий.

— Не ной, Димон, — отзывается Эйм. — Ты же сам хотел развлечений.

— Я хотел спокойно покурить, а не участвовать в очередном преступлении капитана Гейзэл!

— Поздно, — усмехается Том. — Ты уже соучастник.

Я игнорирую их перепалку и снова смотрю на Киллиана. Он всё ещё ничего не замечает. Или делает вид.

Я не знаю, что именно произошло с ним за те два года, которые он не помнит. Не знаю, кто держал его в плену и что с ним делали. У меня есть только обрывки чужих записей, его шрамы и приступы которые были.

Но я собираюсь узнать правду.

Даже если для этого придётся перевернуть весь Рейтаун вверх дном. И даже если Кайертон будет первым, кто попытается меня остановить.

— Короче, план такой. В 22:00, после отбоя, мы с Риком выходим вдвоём. — Я указываю на него пальцем. — Ты де-

лаешь вид, что тебе плохо, а потом эффектно падаешь в обморок.

— Гениально! Просто принесите ей «Оскар», — хлопает в ладоши Дима.

— Так, а ну-ка угомонись. Или у тебя есть план получше?

— Я нищий на идеи. Другого нет.

Я игнорирую его и продолжаю:

— Итак, Рик падает в обморок, а я зову дежурного архива. Когда он начинает тебя осматривать, я кричу, что бегу за врачом, и сама проскальзываю внутрь. Если всё пойдёт по плану, дежурный останется с Риком, а я доберусь до архива.

— А если не пойдёт? — уточняет Рик.

— Тогда импровизируем.

— Обожаю этот ответ Мефисто, — бурчит он.

— Есть ещё один нюанс, — добавляю я. — Килл появится из-за угла и предложит помочь. Скажет, что сам отведёт Рика к врачу.

— Нам полный пиздец, — заключает Ян и тяжело вздыхает.

— Ага. А обратно как выбираться будем? — спрашивает Килл.

— Посылаю сигнал на часах в канал «Зевса», и Том на десять секунд отключает свет на всей базе. Никто не станет разбираться, что произошло. Решат, что очередной скачок напряжения или неполадки из-за погоды.

— А камеры? — уточняет Том, уже подозревая, что ему

достанется самая весёлая часть плана.

— Камеры внутри архива тоже твоя забота. Нужно заранее подготовить запись и подменить трансляцию на время отключения света и когда я буду внутри. Чтобы никто не заметил, что я там была.

Том медленно поднимает на меня взгляд.

— То есть ты хочешь, чтобы я взломал камеры, подменил записи, вырубил электричество на всей базе и помог тебе проникнуть в закрытый архив?

— Именно.

— Нам вдвойне пиздец, — мрачно отвечает Том.

— Зато послезавтра будет что вспомнить, — довольно замечает Эйм.

— Если нас раньше не отправят под трибунал из-за её гениальных идей… А я-то думал, план будет адекватный, — вставляет Рик.

Я усмехаюсь.

— Расслабьтесь. Всё пройдёт идеально.

На несколько секунд в комнате воцаряется тишина.

Затем Ян медленно закрывает лицо ладонью.

— Вот я точно уверен, что мы все сдохнем.

Оставшееся время мы досматриваем фотографии и дорабатываем план проникновения в архив. В конце концов все, кроме меня, отправляются в столовую.

А я сыта по горло. Не едой — информацией, которой за последние часы набилась моя голова. Спасибо, хватит. К то-

му же нервы уже на пределе. Если кто-нибудь узнает, что мы собираемся пробраться в архив… Точнее, что **я собираюсь туда пробраться**, мне точно не поздоровится.

Возвращаюсь в свою комнату, принимаю душ, переодеваюсь в чистую форму и падаю на кровать.

Несколько минут просто смотрю в потолок. Нужно вытряхнуть из головы накопившиеся мысли, и хотя бы ненадолго выдохнуть. Хочется почувствовать себя свободной от всего этого. От расследования, постоянных подозрений, приказов и вопросов, на которые у меня пока нет ответов.

Но моим планам не суждено сбыться.

Стук в дверь, выдёргивает меня из задумчивости.

— Входите.

Дверь медленно открывается, и на пороге появляется беловолосое чудо с самодовольной ухмылкой.

Ну конечно. Кто же ещё мог помешать мне раствориться в благословенном одиночестве?

— У меня тихий час, Кайертон. А ты к этому абсолютно не относишься.

— Да? — Он задумчиво приподнимает бровь. — Хм. Мне тут сигнал из космоса поступил, что ты хочешь, чтобы я был рядом.

— То, что ты не от мира сего, я знала. Не удивил.

Он усмехается и качает головой. Я уже собираюсь добавить что-нибудь ещё, но замечаю движение его руки. Киллиан закрывает дверь и поворачивает замок.

Медленно.

Щелчок звучит особенно громко в тишине комнаты.

Я прищуриваюсь.

— Ты что творишь, поганец?

Вместо ответа он делает несколько неторопливых шагов ко мне. Останавливается совсем рядом. Цепляет пальцами мой ремень и резко притягивает к себе.

Я подаюсь вперёд, невольно выдыхая сквозь зубы.

— Знаешь, зайка, — тихо произносит он, наклоняясь ко мне, — ты слишком много язвишь. Может, научим тебя говорить что-нибудь другое?

Его рука ложится мне на шею. Он касается носом моей щеки, задерживаясь возле самого уха, а затем медленно проводит языком по нижней губе.

Чёрт.

Тело предательски реагирует на его близость, и я ненавижу себя за то, насколько легко он может выбить меня из привычного равновесия.

— Помнишь, что я говорил тебе насчёт ремня? — шепчет Киллиан. — М-м? Или напомнить?

Голос проникает прямо под кожу, цепляясь за мысли и путая их между собой. Мои трусики мгновенно становятся мокрыми, сука. Кажется, я действительно теряю связь с этой планетой.

Грёбаный дьявол.

Он прекрасно понял, какое действие оказывают на меня

его слова, и теперь беззастенчиво этим пользуется.

А самое ужасное?

Я пока даже не решила, хочу ли остановить его или позволить продолжить.

— Хочешь трахнуть мой рот?

— О, малыш, я мечтаю об этом, — его голос становится ниже, хриплее. — И ты будешь слушаться. Иначе я отшлепаю твою маленькую задницу, а потом трахну так, что ты сорвёшь своё грёбаное горло, пока будешь кричать моё имя.

Тяжело сглатываю. Жар разгорается внизу живота, и я случайно сжимаю свои ноги. От его взгляда это не уходит, и он лишь улыбается — медленно, хищно.

Я опускаю глаза на его ширинку. Ткань натянута, и он медленно берёт член через брюки, сжимая ладонью. От этого зрелища я намокаю ещё сильнее.

— На колени, капитан Гейзэл.

Тяжело сглатываю и аккуратно встаю в позу на кровати. Колени утопают в мягком матрасе, и я чувствую, как сердце бешено стучит в груди.

Он начинает доставать свой ремень из брюк, глядя мне в глаза сверху вниз. Медленно. Тяжело. Каждое движение — будто он наслаждается моментом.

Холодная кожа обвивает мою шею. А потом резко затягивается на ней.

— Скажи, что будешь послушной сучкой, — его голос низкий, вибрирующий. — Или я дерну сильнее.

Я киваю головой, чувствуя, как ремень сжимает горло. Я наблюдаю, как он расстёгивает молнию. Она расходится быстро — от его возбуждения — и он берёт член в руку.

— Открой рот, малыш. Ты же хорошая девочка.

— Ты хочешь, чтобы я взяла его?

Рука резко дёргает ремень на себя, заставляя меня поддаться вперёд.

— О, конечно хочу. И ты блять сделаешь это.

Почему меня настолько это заводит?

Я обхватываю его рукой и нежно провожу языком по головке. Он отпускает себя, переключаясь на мои волосы. Тихие стоны срываются с него, и я медленно обхватываю его губами.

— Блядь… Эр...

Его голова откидывается назад, и я стараюсь взять глубже — чтобы услышать, как он стонет сильнее. Слюна стекает по моему подбородку и капает на форму. Рукой делаю несколько плавных движений, и он делает толчок, ударяясь в стенку горла.

Другая рука тянет ремень, затягивая мою шею. С глаз начинают капать слёзы — от его интенсивности движений. Он резко выходит, смотрит в мои глаза, проводя пальцем по губам. А потом входит обратно.

— Смотри, как твой ротик хорошо меня принимает, капитан. — Он делает движение глубже. — Как твоё горло сжимается. Как будто оно создано только для меня.

Опять резко выходит, давая мне пару секунд одышки. Слюни тянутся от него. Пальцы проводят по моим губам, и он входит заново. От его размера тяжеловато. Но я хочу доставить ему удовольствие. Хочу слышать, как он стонет от *меня*. Как он теряет голову от *меня*.

— Да, малыш, вот так… мм. — Одна рука тянет за ремень, другая держит за волосы. Он толкается в моё горло глубже, постанывая сильнее. — Знаешь, как красиво закатываются твои глаза, когда мой член у тебя во рту?

Движения плавные. Я сжимаю бёдра, чтобы унять пульсацию между ног, но у меня не получается. Каждое движение отдаётся где-то глубоко внутри.

Пальцы сильнее сжимают мои волосы, и я понимаю — он близко. Ещё несколько движений — и Киллиан кончает мне в рот. Стон накрывает комнату, и я чувствую, как его тело содрогается.

Я откидываюсь назад, проводя большим пальцем по губам, собирая всё и проглатывая. Он опускается к моим губам и грубо целует их, слабо покусывает, посасывает, вытягивая из меня стоны. Ему мало, в ответ я только поддаюсь к нему ближе.

— Ложись, — говорит он тихо.

— Что?

— Ложись на кровать, Эр. Не заставляй меня повторять дважды.

Голос — низкий, бархатный, с хрипотцой, которая не тер-

пит возражений. И я, сама не понимая почему, подчиняюсь.

Ложусь на спину. Сердце колотится где-то в горле. Он садится рядом, проводит пальцами по моей щеке — нежно, почти ласково, взгляд скользит по моему лицу, задерживаясь на губах.

— Ты была такой послушной, — шепчет он. — Я думаю, ты заслужила награду.

Я смотрю на него, чувствуя, как внутри всё сжимается от предвкушения.

— Ты мне еще награды приписывать будешь?

Он ухмыляется — медленно, хищно, и опускается целуя меня — глубоко, жадно, с каким-то голодом, от которого у меня дрожат ноги. Руки скользят по моему телу, расстёгивая до конца мой ремень и снимая с меня брюки вместе с трусиками. Мгновенно. Нетерпеливо.

— Я хочу попробовать тебя на вкус малыш. Хочу услышать, как ты стонешь, когда мой язык будет внутри тебя. Хочу, чтобы ты кончила мне в рот, поняла?

Жар разливается по телу. Пальцы расстегивают змейку моего кителя. Киллиан смотрит на меня — на моё тело, на мою кожу — и облизывается.

— Чёрт, ты такая красивая, — выдыхает он. — И вся моя.

Нежно целует шею, спускаясь ниже. Ключицы. Грудь. Живот. Каждое прикосновение — медленное, плавное, ему нравится изводить моё тело, язык грациозно скользит по коже, оставляя влажные следы, и я чувствую, как мурашки бегут

по всему телу.

Он опускается между моих ног. Руки раздвигают мои бёдра, и голубые глаза смотрят на меня — с голодом, с жадностью, с чем-то диким.

— Смотри на меня, малыш. Я хочу, чтобы ты видела, как я буду тебя вылизывать. Хочу, чтобы ты знала, кому принадлежит это тело, и кто может делать с тобой такие вещи.

Он наклоняется и проводит языком по моей влажной коже — медленно, от входа до клитора, заставляя вздрагивать, я прикусывая губу, и произношу сквозь рваные стоны:

— Черт, Киллиан...

— Мм, — мычит он, и вибрация отдаётся во мне. — Ты такая сладкая.

Он делает это снова — медленно, тщательно, изучая каждый миллиметр. Горячий язык скользит по клитору, а потом мучительно засасывает его, вырывая из меня громкий стон.

— Да, — шепчет он, не отрываясь. — Кричи для меня, Эр. Я хочу слышать как тебе нравится терять голову от меня.

Два пальца входят в меня, заставляя выгнуться, чувствую, как он двигается во мне, и как язык продолжает ласкать клитор, Киллиан находит ту точку, и в глазах рассыпаются звезды.

— Киллиан... Боже — выдыхаю я, запуская пальцы в его белоснежные волосы сжимая их.

Он поднимает голову, облизывая губы, подбородок блестит от моей влаги, и от этого зрелища внутри все больше

сжимается. Он делает это так искусно заставляя растворяться в нем, терять голову, и заглушать все мысли.

— Ты такая мокрая, малыш, — в его голосе слышится грубая усмешка. — Я могу делать это вечно. Чувствовать, как ты дрожишь подо мной, и как извиваешься. Ты моя, Эр. Всегда была моей.

— Блять я готов стоять сутками на коленях, и делать это с тобой.

Он снова наклоняется, его язык ускоряется, пальцы двигаются во мне быстрее, и я чувствую, как напряжение нарастает.

— Килл Киллиан умоляю, я близко, — выдыхаю я.

— Тогда кончи для меня зайка, — рычит он. — Я хочу чувствовать, как ты кончаешь на моём языке. Хочу выпить тебя всю, до последней капли.

Губы засасывают клитор, принуждая кончить — ярко, глубоко, чувствуя, как волны удовольствия пробивают по всему телу. Я выгибаюсь, вскрикивая зажимая рот рукой, и он не останавливается — продолжает лизать, растягивая моё наслаждение, пока я не обмякаю на кровати.

Киллиан плавно поднимается, целует мой живот, грудь, шею. Губы находят мои, и я чувствую свой вкус на его языке.

— Я же говорил, — шепчет он. — Мне нравится делать это с тобой. И я буду делать это каждый раз, когда ты будешь плохо себя вести, или язвить малыш.

Нас прерывает стук в дверь.

Киллиан бесшумно натягивает брюки и накрывает меня одеялом, стараясь не издавать ни малейшего шороха. Я быстро вытираю рот тыльной стороной ладони, пытаясь прийти в себя. Хватаю свою одежду и торопливо надеваю штаны.

Думаю, нас потеряли. Надеюсь, им хотя бы не приходит в голову, что мы занимаемся чем-то непристойным.

Да ладно? Рисунки разукрашиваем, что ещё?

Мы одновременно замираем.

— Вы там живы вообще? — доносится из коридора знакомый голос.

Чёрт. Это Том.

Киллиан прикрывает глаза и беззвучно выдыхает что-то похожее на проклятие. Я тем временем пытаюсь привести себя в порядок, и восстановить хотя бы подобие невозмутимого выражения лица.

— Эрика? Ты там уснула?

Я бросаю на Киллиана предупреждающий взгляд. Он, зараза, лишь ухмыляется, явно наслаждаясь ситуацией.

— Ни звука, Кайертон, — шепчу я.

Он беззвучно смеётся и наклоняется к моему уху.

— Как прикажете, капитан.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не запустить в него подушкой.

— Эрика! — голос за дверью становится настойчивее.

Делаю глубокий вдох, приглаживаю волосы и громко отвечаю:

— Что?!

— Ты долго ещё? Нам нужно поговорить!

Я смотрю на Киллиана.

Тот уже успел застегнуть брюки и теперь спокойно опирается на край стола, делая вид, что всё это время занимался исключительно чтением военных отчётов.

Ненавижу его.

Особенно за то, что он выглядит чертовски довольным собой.

— Сейчас выйду! — кричу я.

— Не торопись, зайка, — шепчет Киллиан, проходя мимо меня. — А то ещё подумают, что мы делали что-то непристойное.

Я хватаю его за запястье и притягиваю к себе ровно настолько, чтобы он увидел мою улыбку.

— Ещё одно слово — и будешь спать в коридоре.

— Значит, сегодня ты планировала меня оставить себе?

— Киллиан!

Он целует меня в висок и отступает к двери.

— Уже молчу, Эр.

Открываю дверь и делаю вид, будто всё в порядке. Том переводит взгляд с меня на Киллиана, затем обратно. В его глазах появляется подозрение.

Даже не думай ни о чём догадываться, — мысленно предупреждаю я его.

— О-о-о, так вы тут вдвоём…

— У меня заклинило магазин в пистолете. Нужно было

проверить, в чём дело. А этот бездельник как раз шлялся без дела, вот я и решила его запрячь.

Блядь, что я несу?!

Какой ещё пистолет?! Я что, сама не знаю, как это делать?

Господи, заткнись.

Киллиан отворачивается, прикрывая рот рукой. Его плечи едва заметно вздрагивают. Этот придурок пытается сдержать смех, и, если он хоть раз издаст звук, я за себя не ручаюсь.

Я прожигаю его взглядом.

Только попробуй, Кайертон. Только попробуй.

— А-а, ясно, — протягивает Том, явно не до конца мне поверив. К счастью, он решает не задавать лишних вопросов. — Короче, я всё подготовил для взлома. На всякий случай сменил координаты и перенастроил остальное. Если кто-нибудь решит проверить систему, нас не должны засечь.

Отлично. Хоть одна проблема решена.

— Хорошо. Главное, чтобы камеры не спалили нас раньше времени.

— За камеры тоже не переживай. Я всё проверил.

— Прекрасно.

Том кивает, но перед тем, как уйти, снова бросает взгляд на Киллиана.

— Только магазин в следующий раз чини сама, капитан. А то у Кайертона, похоже, слишком тяжёлая работа.

Киллиан опускает голову.

Всё. Сейчас он заржёт.

— Том, — предупреждаю я сквозь зубы.

— Уже ухожу!

Он исчезает за поворотом, а я тут же захлопываю дверь и разворачиваюсь к Киллиану.

Тот больше не пытается сдерживаться. Тихий смех вырывается у него из груди.

— Даже не смей, — цежу я.

— Магазин в пистолете? Серьёзно, малыш?

— О боже, о боже… И всё-таки твой язык работает куда лучше в другом месте.

— Так, получается, повторим?

Кидаю на него недовольный взгляд и замахиваюсь рукой. Он поднимает ладони в примирительном жесте, но улыбка никуда не исчезает.

Вот дурак.

И ведь хуже всего то, что я сама едва сдерживаю улыбку.

Глава 31

ЭРИКА

До отбоя остаётся меньше десяти минут.

Мы все собрались в общей комнате. Рик, Ян и Дмитрий играют в карты, Том с Эймом что-то изучают на компьютере, а я лежу на кровати и лениво болтаю ногой. Не то чтобы я нервничаю, но, блядь, шанс, что меня случайно засекут, вполне реален. И самое главное — чтобы из-за меня не перепало всему отряду. Они ведь ввязываются в это, чёрт возьми, ради меня.

Взгляд бессознательно перемещается на Киллиана.

Голубые глаза буквально пожирают меня.

Щурюсь в ответ и приподнимаю бровь, молча спрашивая, какого дьявола ему надо. Он лишь ухмыляется, опускает взгляд на мои губы, а затем демонстративно подносит руку к ширинке, сжимает кулак и несколько раз медленно двигает им вверх-вниз, подмигивая.

О боже.

— Смотри, как твой ротик хорошо меня принимает, капитан. Как твоё горло сжимается. Как будто оно создано только для меня…

Кажется, я краснею, вспоминая его слова. Но, блядь, как же они звучали. И я бы совсем не отказалась послушать это ещё раз.

Но нет. Хватит с него, а то ещё поймает звезду и нацепит себе на лоб. Показываю ему средний палец. В ответ он закатывает глаза и высовывает язык, напоминая о том, в какой позе я находилась перед ним всего час назад.

Сука.

Указываю на пистолет в кобуре, намекая, что ещё одно подобное действие — и пуля поселится у него в колене. Улыбка маньяка становится ещё шире.

Почему меня это заводит?

Надо прекращать этот балаган, иначе у меня окончательно поедет крыша. Я и без того слишком много думаю об этом самодовольном попугае.

— Пора выходить, — отвлекает нас Ян, откладывая карты. — Боже, я хочу посмотреть на этот цирк. Молю.

— Чёрта с два, — отрезаю я. — Если кто-то из вас затупит или заржёт в неподходящий момент, нам точно будет жопа.

Дмитрий с Эймом усмехаются, а Том переключает на экране последние настройки.

— Камеры готовы. Записи подменю по сигналу. У тебя будет десять секунд, чтобы забежать. В самом архиве запись уже заменена, — сообщает он. — Постарайтесь за это время не угробить ни себя, ни меня.

— Постараемся, — отвечаю я.

— Кажется, мне херовее, чем Рику.

Беру небольшую камеру, прячу её во внутренний карман формы и настраиваю часы на канал связи отряда «Зевс».

Пора.

Мы с Риком и Киллианом выходим в коридор, но только едва успеваем отойти, как сзади раздаются торопливые шаги.

Ян.

Разумеется.

Оборачиваюсь и шиплю:

— Слышишь, ты…

— Я на подмогу.

— Блядь, мы покойники, — шепчет Килл.

Господи, я просто авантюрист года. Что мы вообще делаем?

До сих пор не понимаю, как они согласились участвовать в этой затее. Но воспоминаний, судя по всему, хватит надолго. Если, конечно, мы не облажаемся и не отправимся на гауптвахту раньше, чем успеем выяснить хоть что-нибудь.

Мы покидаем временный блок и быстро проходим несколько коридоров, возвращаясь в свой старый корпус. Ян и Киллиан останавливаются за углом, а мы с Риком направляемся к дежурному.

На всей базе уже стихло. Большинство спит, а самый клоунский отряд решил устроить очередные приключения. Как мы еще все живы, очень актуальный вопрос.

Может нужно придумать другой план? Нет уже поздно.

В нескольких метрах стеклянная перегородка. За ней сидит молодой дежурный, увлечённо читая что-то и время от

времени поглядывая на камеры.

Бестолочь рядом со мной моментально оживляется:

— Что-то мне плохо, капитан, — жалобно произносит Рик.

И тут этот придурок падает. Причём всем своим весом. Все почти девяносто килограммов обрушиваются на меня, и я едва удерживаюсь на ногах.

Блядство. Какой идиот! Он меня сейчас задавит.

— О боже! Кто-нибудь, помогите! — кричу я, стараясь изобразить настоящую панику.

Дежурный мгновенно срывается с поста и бежит к нам.

Позорище. Я сгорю со стыда, если кто-нибудь когда-то узнает, чем мы здесь занимаемся.

ЯН И КИЛЛИАН

— Блядь, я сейчас умру от смеха, Ян.

— Килл, братан, прошу, не смей. Ты сейчас всё испортишь.

— Я просто хочу понять, как он вообще согласился на эту херню.

— Ты и сам согласился.

— Я был не в себе. Как всегда, впрочем.

— В коридорах никого не было?

— Нет. Двое дежурных ушли в другой сектор. Здесь пока чисто. Нужно подать Тому сигнал, чтобы он подменил запись с камер, пока они там возятся.

— Уже отправил запрос.

— Тогда ждём.

РИК И ЭРИКА

— Я за врачом или ближайшим дежурным! — бросаю я, с трудом выбираясь из-под Рика.

— Да-да, только быстрее, — отвечает дежурный.

Ага, сейчас. У меня тут операция года.

Срываюсь с места и бегу к перегородке, пока дежурный занят нашим талантливым актёром, по которому уже плачет мировая награда.

Отлично.

Бросаю взгляд на экран монитора охраны. Записи с камер заменены. Супер. Очень вовремя. Обожаю тебя, Том.

Киллиан появляется из-за угла и вальяжно направляется к Рику.

Красавчик. Давай быстрее, пока нас здесь не убили.

Проскальзываю внутрь и на секунду замираю.

Передо мной огромный зал, заставленный стеллажами. На стенах — обозначения отделов, номера секций и предупреждения о закрытом доступе. Документов столько, что я могу провести здесь до утра и всё равно не найти нужного.

Чёрт.

Нужно довериться интуиции, иначе вся наша затея окажется бесполезной.

Пробегаю взглядом по указателям и замечаю нужную надпись: **«Красные материалы»**.

То, что надо.

Направляюсь к указанным стеллажам.

Папок здесь дохуя. Закрытые дела, незакрытые задания, отчёты об операциях, протоколы расследований…

Всё сливается в один бесконечный список. Нужно найти красный ряд. Это точно поможет.

Перебираю глазами корешки папок и наконец хватаю одну из них. Чёрная матовая обложка выделяется среди остальных. Надпись заставляет меня замереть.

Отряд «Сектор».

Открываю и быстро пробегаюсь по строкам. Следующая запись заставляет сердце пропустить удар.

Секретная операция по транспортировке «Объекта 31».

Ниже — короткая отметка:

Тела не обнаружены.

Быстро достаю камеру и фотографирую страницу. Затем переворачиваю лист.

Улики с места происшествия. Обнаружены боеприпасы с маркировкой в виде белого цветка. Несколько единиц оружия, предположительно принадлежавшего отряду «Сектор».

Блядь.

Белый цветок.

Значит, эта маркировка появилась не вчера. Люди, которые используют такие боеприпасы, могли действовать задолго до последних событий. Они не какие-то случайные новички, внезапно появившиеся из ниоткуда.

Или за ними стоит кто-то, кто давно ведёт свою игру.

Делаю ещё несколько снимков. Главное — не упустить ни одной детали, все может понадобиться.

Возвращаю папку на место и беру следующую.

На обложке крупными буквами написано:

База «Гранит».

Под названием — красный штамп.

УНИЧТОЖЕНА.

В глазах появляются чёрные точки.

Нет.

Не сейчас.

Пальцы начинают дрожать, а дыхание становится прерывистым. Открываю папку и заставляю себя читать.

База специализировалась на производстве запрещённых веществ и разработке незаконного оружия. Также, установлена причастность к нелегальным исследованиям людей, обозначавшихся в документации как «объекты изучения».

Бумаги чуть не выскальзывают из рук.

Люди.

Объекты изучения.

«Гранит».

В голове что-то падает. На секунду я снова оказываюсь там — в прошлом, от которого так отчаянно пыталась избавиться. Перед глазами мелькают обрывки моментов, кровь приливает к лицу.

Этого не может быть.

Нет, я ведь знала, что «Гранит» был уничтожен. Предполагала, что там происходило нечто странное. Но увидеть всё это теперь чёрным по белому, прочитать подтверждение того, о чём раньше могла только догадываться, — совсем другое дело.

Я нервно втягиваю воздух.

Не сейчас, Эрика. Только не сейчас.

Сжимаю документы крепче и продолжаю фотографировать страницы. Одну за другой. Каждый отчёт, каждую запись, каждую строчку, которая может оказаться важной.

Мне нужно всё.

Я не знаю, что именно ищу, не знаю, что из этого связано с исчезновением «Сектора», а что — с людьми, которые продолжают использовать маркировку белого цветка.

Но теперь я уверена: копать нужно гораздо глубже.

Сделав последние кадры, аккуратно закрываю папку и возвращаю документы на места. Проверяю стеллаж, убеждаюсь, что ничего не сдвинуто, и направляюсь к выходу.

За дверью, тихий смех дежурного, придурок вообще не умеет следить, его развели как ребенка а он там хиханьки устраивает.

Пора сваливать. Пока что, этого будет достаточно.

Нажимаю кнопку на часах.

Через несколько секунд свет гаснет.

Боже, сплошная темнота. Только бы не снести себе голову к чертям.

Запускаю секундомер.

Десять секунд.

Шаги дежурного удаляются от поста, и направляются куда-то в сторону соседнего коридора. Я не собираюсь выяснять, куда именно. Пусть чешет отсюда. Распахиваю дверь и вылетаю наружу.

Блядь, блядь, блядь!

Сердце колотится так, что пытается проломить грудную клетку. Несусь вперёд, едва разбирая дорогу в темноте, и на полном ходу врезаюсь в чью-то грудь.

— Твою мать!

Включается свет.

Передо мной стоят Ян и Киллиан.

— Уходим отсюда, — коротко бросает Ян.

Мы срываемся с места и бежим обратно в блок. Несколько поворотов, пропуска у дверей, быстрые шаги по коридорам.

Наконец влетаем в комнату.

Все поднимают на нас головы. Том отрывается от компьютера, Дмитрий откладывает карты, а Рик, который уже успел оправиться от своей «внезапной болезни», выпрямляется на кровати.

Киллиан закрывает за нами дверь.

Пытаюсь отдышаться. Тело всё ещё колотит, а перед глазами стоит красный штамп на папке.

«Гранит». Уничтожена.

Поднимаю взгляд на отряд.

— Мы в полной жопе, мужики.

Уже ночь. База давно спит, а мы больше двух часов изучаем фотографии документов и записей, которые мне удалось сделать в архиве. Я рисковала как могла, стараясь запечатлеть всё, что потенциально могло оказаться важным. Информации много, но ясности от этого не прибавляется.

Оказывается, о базе «Гранит» почти никто не знал. Информация о ней была строго засекречена, и лишь высокопоставленные лица имели представление о том, чем там занимались на самом деле. В документах также упоминается «Бартон» и элитные наёмные убийцы вроде Киллиана.

На последней фразе я невольно перевожу взгляд на него.

Киллиан сидит напротив и молчит. В его глазах читается сожаление. Чувствую, он хочет что-то сказать, но не знает, с чего начать. Я же смотрю на него, пытаясь собрать воедино десятки вопросов, которые теперь крутятся в голове.

Нам предстоит тяжёлый разговор. Наедине.

Но сначала нужно разобраться с тем, что мы уже знаем.

— Подождите… Эри, ты с «Гранита»? — наконец спрашивает Том, отрываясь от экрана.

Я медленно выдыхаю.

Вот и началось.

— Да. Я попала туда в четырнадцать лет. Генерала или главного, кто там всем руководил, я никогда не видела. Точнее, не знала, кто он такой, если мы и пересекались. В основ-

ном я работала сапёром, снайпером или картографом. У нас тоже был отряд. Обычных военных там ни во что не ставили. Нас отправляли на задания собирать какие-то материалы, а после возвращения тщательно проверяли и обыскивали. При этом никто ничего не объяснял и не докладывал. Если кто-то и знал, что на самом деле происходило на базе, то это были точно не обычные военные, а наёмники, нанятые самим руководством. У таких, как мы, имелся отдельный сектор, где мы жили и работали.

Я замолкаю.

Воспоминания давят с каждой секундой. А вопросы, которые неизбежно последуют за моими словами, только усугубляют ситуацию.

Мне хочется закрыться от всего мира, забраться под одеяло и прорыдать пару часов. Просто дать себе возможность хотя бы ненадолго перестать быть капитаном, который обязан держать всё под контролем.

Но я не могу.

Не сейчас.

— Как тебя перевели сюда? — спрашивает Рик.

Отличный вопрос.

Я смотрю на него, затем перевожу взгляд на остальных.

Насколько сильно я вообще могу им доверять в таких вещах?

Мы прикрывали друг друга под пулями, вытаскивали с заданий, рисковали жизнями. Но значит ли это, что я могу рас-

сказать им всё? Что мои слова однажды не обернутся против меня?

Чёрт, я даже не знаю, что именно мне известно. И от этого становится страшнее.

— Эри, мы видим, что тебе тяжело, — негромко произносит Ян.

Он придвигается ближе и осторожно сжимает моё плечо.

— Доверься хотя бы нам. Мы одна команда. Несмотря ни на что. Даже когда мы ещё не были «Зевсом», мы всегда были вместе.

Я опускаю глаза.

Только бы не расплакаться.

Сердце колотится так сильно, что, кажется, ещё немного — и вырвется из груди. Я сжимаю пальцы, стараясь удержать себя в руках, и заставляю себя заговорить.

— Я… меня доставили сюда. Сказали, что нашли возле какого-то склада. Сообщили, что базу «Гранит» подорвали, а выживших распределили по разным местам — туда, где требовались люди.

Это всё, что я могу им сказать. И, возможно, даже этого слишком много.

В комнате повисает тишина.

Дмитрий молча протягивает мне кружку чая и садится рядом, почти у самых моих коленей. Он ничего не спрашивает, не пытается утешить дежурными фразами. Просто остаётся рядом.

Я обхватываю кружку ладонями, чувствуя приятное тепло.

Когда-то мне казалось, что я сумею сохранить всё это внутри себя. Похоронить прошлое настолько глубоко, что однажды оно перестанет существовать даже в моей памяти. Я была уверена, что никому не придётся узнать, откуда я пришла и через что прошла.

Но судьба — чертовски коварная штука. Она умеет бить именно туда, где болит сильнее всего.

— Так, ладно, — первым нарушает тишину Том, поднимаясь со стула. — От этого вопросов меньше не стало. «Гранит» что-то разрабатывал, потом базу уничтожили. Теперь мы обнаруживаем следы неизвестных людей, боеприпасы с белым цветком и материалы, связанные с секретными операциями. И что-то мне подсказывает, что всё это не случайные совпадения.

Он проходится по комнате, задумчиво потирая подбородок.

— Если кто-то хочет возобновить разработки «Гранита», нам нужно понять, что именно они там создавали и какие материалы им необходимы.

— Мы ничего не узнаем о препаратах и материалах, — замечает Рик. — Нас даже близко не подпустят к лаборатории. Не говоря уже о документации.

— А ещё нас могут отправить под трибунал за сегодняшнюю выходку, — добавляет Дмитрий. — Не забывайте об

этом приятном бонусе.

Я ставлю кружку на стол и поднимаю голову.

— Если только самим не выяснить.

Все взгляды мгновенно устремляются на меня. Том медленно поворачивается.

— Эри…

— Что?

— Ты ведь сейчас не предлагаешь нам снова нарушить несколько десятков правил, верно?

— А ты хочешь сидеть сложа руки, пока кто-то возобновляет разработки, из-за которых целую базу пришлось уничтожить?

— Нет, но…

— Тогда нам нужны ответы. И лаборатория — самое очевидное место, где их искать.

Ян запрокидывает голову и смеётся.

— Вот наш капитан! Пару часов назад мы взламывали архив, а теперь нам предстоит вломиться в лабораторию. Веселье продолжается!

— Я рада, что ты в восторге.

Рик качает головой, Дмитрий снова усмехается, а Том уже смотрит на меня с выражением человека, который мысленно составляет список причин, по которым ему следовало выбрать менее сумасшедшую профессию.

Я перевожу взгляд на Киллиана.

Он всё это время молчал.

Его лицо непроницаемо, но я слишком хорошо замечаю, как напряглись плечи. Ему хочется меня остановить. Мы уже достаточно перешагнули черту, и отступать поздно.

Наши взгляды встречаются.

Я едва заметно приподнимаю подбородок, без слов давая ему понять: я не отступлю.

Он медленно выдыхает и проводит ладонью по лицу.

— Чёрт, Эр…

— Даже не начинай, Килл.

— Я ещё ничего не сказал.

— Но уже собираешься.

Уголок его губ дёргается, однако улыбка быстро исчезает.

— Ладно. Только в следующий раз, когда решишь устроить подобную авантюру, хотя бы предупреди меня заранее.

Я приподнимаю бровь.

— Чтобы ты успел отговорить меня?

— Чтобы я успел подготовиться и не позволил тебе в очередной раз полезть туда, откуда тебя придётся вытаскивать.

— Я сама прекрасно справляюсь.

— Конечно, капитан. Особенно когда падаешь в чужую грудь посреди тёмного коридора.

Я бросаю в него подушку, и Киллиан ловит её одной рукой.

— Ненавижу тебя, Кайертон.

— Знаю, малыш.

— Подождите, то есть ты согласен на все сто? — спраши-

вает Рик.

— Ну, другого выбора у нас нет, — отвечает Килл и падает на кровать.

— Вы оба — сумасшедшее дуо. Я с вами.

— Блять, ещё один. Три всадника Апокалипсиса, — шутит Дима и садится к Эйму на кровать.

Я закатываю глаза, но на этот раз всё-таки усмехаюсь.

Совсем немного.

Потому что, несмотря на все найденные документы, вопросы без ответов и воспоминания, которые я так отчаянно пыталась забыть, я больше не одна. Со мной есть люди, которым, надеюсь, я искренне важна.

Обязательно придёт время, когда я смогу рассказать им о себе. Несмотря на то что из всех, не считая Киллиана, я действительно близка только с Риком. Но даже ему неизвестно моё прошлое до конца.

Он никогда не торопил меня и не выпрашивал признаний. Обычно, я рассказывала обо всём сама небольшими обрывками, когда становилось совсем тяжело.

И даже тогда далеко не всё.

Почему я прониклась именно к нему, а не к Яну или Эйму, до сих пор не знаю.

Наверное, некоторые люди просто появляются в твоей жизни в нужный момент. И однажды ты обнаруживаешь, что уже не представляешь, как обходился без них раньше.

ЭРИКА. 4 ГОДА НАЗАД

На ночном дежурстве постоянно скучно. Мы уже четвёртый час сидим с Риком вдвоём в кабинете и буквально клюём носом.

Ну и жесть.

Хотя я рада, что меня ставят именно с ним. Думаю, из-за того, что он вечно носится со мной.

А если нас когда-нибудь разъединят?

От таких мыслей становится всегда неприятно. Я не хочу его терять. Кажется, я слишком сильно к нему привязалась.

У меня нет романтических чувств, и я не вижу его в качестве своего партнёра. Но размышляя о том, что однажды его не будет рядом, почему-то пугает сильнее, чем должна.

— Мефисто, ты чего? Тебе плохо?

Рик поднимается из-за стола и пересаживается ко мне на диван. Рука ложится мне на плечо, а затем он осторожно касается пальцами моего подбородка, поворачивая моё лицо к себе.

Я пытаюсь отвести взгляд, спрятать тревогу, но он прекрасно её замечает.

— Я… я, Рик, а если нас разделят?

— Думаешь, нас расформируют по разным подразделениям?

— Ну да. Рано или поздно. Тогда тебя не будет рядом. И никого из остальных тоже. Ни тебя, ни Яна, Димы… никого. Не подумай, что я запала на тебя, просто… блять.

Я замолкаю, раздражённо потирая лицо.

Как вообще объяснить человеку, что ты боишься потерять его, но при этом не хочешь, чтобы он воспринимал это как признание в любви?

Рик несколько секунд смотрит на меня, а затем чуть крепче сжимает моё плечо.

— Эри, я не думаю ничего такого. Я достаточно хорошо тебя изучил с момента нашего знакомства. И сам прекрасно понимаю, что отношения у нас вряд ли получатся. Мы в какой-то степени разные. Но я тоже к тебе привязался. И у меня были подобные мысли. Я представлял, что будет, если тебя однажды не окажется рядом. И, знаешь, меня самого это загоняло в какое-то странное состояние.

Я поворачиваюсь к нему.

— Может, мне суждено быть одной?

— Не думаю. Просто тебе нужен кто-то особенный.

Он произносит это совершенно спокойно, без привычных подколов, а затем слегка улыбается.

— Но я в любом случае тебя не оставлю.

Я смотрю на него, пытаясь понять, действительно ли он осознаёт, насколько много для меня значат эти слова.

Не обещание вечной любви. Не красивые признания. Просто уверенность в том, что завтра он тоже будет рядом.

И этого мне сейчас более чем достаточно.

Я осторожно перебираюсь к нему на колени. Рик даже не удивляется — он давно привык, что иногда мне нужно просто оказаться поближе к кому-то, кому я доверяю. Его руки

обнимают меня за спину, притягивая к себе.

Я утыкаюсь лицом ему в шею и наконец позволяю себе расслабиться.

Здесь тихо.

Здесь безопасно.

И на несколько минут, мне не нужно думать о том, что происходит за пределами этой комнаты.

— Знаешь, — вдруг произносит Рик, — если тебе захочется, ты можешь использовать меня в физических целях.

Я приподнимаю голову и смотрю на него с недоумением.

— Что?

— Ну, не знаю. Возможно, твоей голове иногда хочется отключиться. Можешь просто целовать меня, чтобы забыться. И не думай, что я хочу тебя трахнуть ради собственной выгоды, а потом бросить.

Я несколько секунд молча смотрю на него.

— Ну ты и дурак, Рик.

— И всё же?

Я шлёпаю его ладонью по плечу, и мы оба начинаем смеяться.

Вот так просто. Он снова умудряется вытащить меня из собственной головы, заставить хотя бы ненадолго перестать думать о плохом.

Рик всегда был таким.

Он спасал меня от самой себя. Сколько ночей провёл на полу возле моей кровати, дожидаясь, пока я наконец усну?

Сколько раз вытаскивал меня из очередного приступа, когда я уже не могла самостоятельно справиться с собственными мыслями? Сколько раз просто сидел рядом, не задавая вопросов, пока мне не становилось легче?

Я даже не помню.

Но помню каждую ночь, когда просыпалась и видела, что он всё ещё здесь.

Не знаю, что бы со мной было без него.

И, наверное, поэтому мысль о нашем возможном расставании так сильно пугает.

Я немного отстраняюсь, и мой взгляд случайно опускается на его губы.

Он сам предложил.

Не то чтобы это что-то значило. Я не собираюсь влюбляться в него или превращать нашу дружбу во что-то другое. Просто иногда хочется отключить голову, а поцелуи, как ни странно, помогают.

Это ведь пустяк?

Он уже целовал меня однажды. Ничего не изменилось. Мы по-прежнему остались собой.

Медленно приближаюсь к его лицу, оставляя ему возможность передумать. Рик встречает меня на полпути.

Его губы касаются моих осторожно, почти слабо. Без спешки, без попыток превратить этот момент во что-то большее. Я обхватываю его шею руками, а тёплые ладони ложатся мне на спину, притягивая ближе.

И постепенно в голове действительно становится пусто.

Как кто-то выключает звук окружающего мира. Исчезают тревога, воспоминания, страх остаться одной. На несколько мгновений нет ни прошлого, ни будущего.

Только тепло его рук и ощущение, что меня никто не собирается бросать.

Именно за это я, наверное, и держусь за Рика.

Не за поцелуи.

За то, что рядом с ним мне не приходится притворяться, будто я справляюсь.

ЭРИКА. НАСТОЯЩЕЕ

Киллиан сообщает, что сегодня ему ещё нужно зайти в медблок на очередной укол. Желательно поскорее, а то его потеряют, и решат что он помер.

В голове мгновенно возникает конченный план.

Как всегда.

Сама я туда без назначения врача точно не попаду, зато Килл вполне может попытаться выяснить хоть что-нибудь. Особенно учитывая, что речь идёт о его собственном лечении.

— Хорошо. Я скоро подойду, — бросаю я, поднимаясь с места.

Мне нужно побыть одной. Хотя бы десять минут. Собраться с мыслями, переварить всё произошедшее и решить, что делать дальше.

Потому что, кажется, у меня наконец появилась возмож-

ность узнать то, что от меня скрывали всё это время.

И я собираюсь воспользоваться ею.